

ISSN 1810-1909

Вестник

ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 2019

Исторические науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

А.Ю. Александров, кандидат экономических наук, доцент (Чебоксары, Россия)

Заместитель главного редактора

Е.К. Минеева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Члены редакционной коллегии

С.А. Арутюнов, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Е.С. Данилко, доктор исторических наук, профессор РАН (Россия, Москва)

И. Зимони, доктор наук, профессор (Венгрия, Сегед)

А.Г. Иванов, доктор исторических наук, профессор (Россия, Йошкар-Ола)

Т.Н. Иванова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

А. Каппелер, доктор истории, университетский профессор (Австрия, Вена)

С.Ю. Михайлова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Л.П. Репина, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

А.К. Салмин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)

О.Н. Широков, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Ответственный секретарь

Н.И. Завгородняя

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, в базы данных ВИНТИ РАН, Научную электронную библиотеку (elibrary.ru), электронную библиотеку «Cyberleninka», международную справочную систему «Ulrich's International Periodicals Directory», индексируется в базе данных «Российский индекс научного цитирования».

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik210@mail.ru, vestnik@chuvsu.ru
<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

ISSN 1810-1909

Vestnik

CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

№ 4 2019

Historical Sciences

Scientific Journal

Since March, 1995

Founder:
Federal State Educational Budgetary Institution
of Higher Education
the Ulyanov Chuvash State University

Editor-in-Chief

A.Yu. Aleksandrov, Candidate of Economics, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

E.K. Mineyeva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

Editorial Board

S.A. Arutyunov, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

I.I. Boyko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

E.S. Danilko, Doctor of Historical Sciences, RAS Professor (Moscow, Russia)

I. Zimoni, Doctor of Science, Professor (Szeged, Hungary)

A.G. Ivanov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Yoshkar-Ola, Russia)

T.N. Ivanova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

A. Kappeler, Doctor of History, Professor (Vienna, Austria)

S.Yu. Mikhailova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

L.P. Repina, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

A.K. Salmin, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher (St. Petersburg, Russia)

O.N. Shirokov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

Executive Editor

N.I. Zavgorodnyaya

The journal is included in the list of journals which are regarded as academic publications by the State Commission for Academic Degrees and Titles (VAK), in the Abstract Journal and VINITI databases, Ulrich's International Periodicals Directory, Scientific Electronic Library (elibrary.ru), Cyberleninka Electronic Library. The journal is indexed in Russian Science Citation Index.

Address: 15, Moskovskiy pr., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015, Russia

Tel. +7(8352)45-20-96, 58-33-63 (2030)

E-mail: vestnik210@mail.ru, vestnik@chuvsu.ru

<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

УДК 355.01(470)«1946/2009»:394.46
ББК ТЗ(2)6-35,8л6

О.В. АНДРЕЕВ

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПОГИБШИХ В ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙНАХ И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ 1946–2009 ГОДОВ

Ключевые слова: локальная война, вооруженный конфликт, защитник Отечества, воин-интернационалист, миротворческая операция, наведение конституционного порядка, сохранение памяти, мемориальный объект, ветеранская организация, Советский Союз, Российская Федерация, Чувашская Республика.

В 1946–2000-е гг. военнослужащие Вооруженных Сил СССР и Российской Федерации, в том числе уроженцы Чувашии и призванные военными комиссариатами республики, участвовали в десятках локальных войн и вооруженных конфликтов. Длительное время о данной теме, особенно об участии в военных конфликтах «холодной войны» 1946–1991 гг., в которых гибли и получали увечья немало соотечественников, выполняя свой воинский долг, было запрещено писать и говорить.

Сложное положение складывалось вокруг истории участия советских военнослужащих в Афганской войне (1979–1989 гг.), получившей печальное неофициальное название «оклеветанной», «необъявленной» и «неизвестной». Сорок лет тому назад, в декабре 1979 г., на основании официальных обращений афганского руководства, на территорию Демократической Республики Афганистан был введен Ограниченный контингент Вооруженных сил Советского Союза, который постепенно был втянут в широкомасштабный, затяжной и кровопролитный военный конфликт. Через войну в Афганистане прошло более 600 тыс. советских военнослужащих. Были велики потери убитыми, пропавшими без вести, а многие вернулись инвалидами и с серьезными заболеваниями. Не простым оказалось отношение органов государственной власти к участникам Афганской войны в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Тернистой оказалась и сама история увековечения памяти о погибших и об участии в войне в целом.

На этом фоне лучше обстоит дело с темой увековечения памяти о защитниках Отечества, погибших в 1992–2000-е гг., что связано с открытостью для обсуждения и исследования, усилением деятельности государственных и общественных организаций.

К сожалению, и по сегодняшний день практически нет научных трудов, исследующих тему в проблемно-хронологическом плане, тем более, комплексно и в предлагаемых хронологических рамках. Целью данной работы является изучение одного из направлений деятельности по увековечению памяти – сохранения воинских захоронений и сооружения мемориальных объектов, что в результате станет конкретным шагом на пути к комплексному анализу проблемы. В статье представлены и проанализированы основные этапы, масштабы, подвиги и цена участия советских и российских военнослужащих, в том числе уроженцев и призванных с территории Чувашии, в военных конфликтах середины XX – начала XXI вв. Дана оценка процессу создания мемориальных объектов на территории страны и Чувашии в память о воинах, погибших при оказании интернациональной помощи народам Китая, Кореи, Вьетнама, Ближнего Востока, Африки, Демократической Республики Афганистан, в ходе миротворческих операций в странах «ближнего» и «дальнего» зарубежья, восстановления конституционного порядка на территории Северо-Кавказского региона.

Изучение и анализ процесса увековечения памяти погибших в локальных войнах и вооруженных конфликтах 1946–2000-х гг. позволяет отметить положительные изменения прежде всего в деятельности по сохранению воинских захоронений и строительству мемориальных объектов начиная с 1991 г., что было обусловлено кардинальными переменами в общественно-политической жизни, активным взаимодействием государственных и общественных институтов, формированием и развитием правовой базы.

В процессе исторического развития сложились разнообразные формы увековечения памяти о защитниках Отечества: сооружение на местах воинской славы памятников, обелисков, мемориальных знаков, стел; сохранение и обустройство территорий, исторически связанных с сражениями и воински-

ми подвигами; создание мемориальных музеев, организация выставок; присвоение имён героев, отличившихся в военных действиях, населённым пунктам, улицам и площадям, географическим объектам и т.д.

В период «холодной войны» и после распада Советского Союза Вооружённые Силы СССР и Российской Федерации принимали участие во многих локальных военных конфликтах [6]. За пределы Советского Союза войска направлялись для оказания военной (интернациональной) помощи странам и народам на основании официальных обращений руководств государств, нуждавшихся в помощи. Существуют различные подходы к определению главных направлений вмешательства Советского Союза (в том числе и военного) в события на территориях иностранных государств, а также участия в пограничных конфликтах с соседними странами. Так, доктор исторических наук, академик РАН В.Н. Вартанов выделяет три основных направления советского военного участия в событиях:

1. Вооружённая защита территориальной целостности СССР.

2. Оказание военной помощи странам и народам, боровшимся за завоевание или сохранение национальной и государственной независимости (наиболее активное направление внешнеполитической и интернациональной деятельности Советского государства и его Вооружённых Сил).

3. Выполнение решений высшего политического руководства СССР по сохранению единства социалистического лагеря, нерушимости Организации Варшавского договора, удержанию союзников [4. С. 9–10].

Исходя из военно-политической ситуации в конкретных странах, международной обстановки, степени угрозы суверенитету и безопасности СССР / России и союзникам, новых хронологических рамок исследуемой темы, на наш взгляд, необходимо выделить следующие основные этапы и направления участия отечественных Вооружённых Сил в военных конфликтах за рубежом и на территории Российской Федерации, сопровождавшихся потерями среди советских и российских военнослужащих:

I. Период «холодной войны» (1946–1991 гг.):

1) помощь странам и народам, боровшимся за завоевание или сохранение национальной и государственной независимости: Китаю (1946–1950), Северной Корее в годы Корейской войны (1950–1953), странам Индокитайского полуострова (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), Бангладеш, Кубе в период Карибского кризиса (1962), странам Африканского континента (Алжир, Мозамбик, Ангола, Эфиопия), государствам Ближнего и Среднего Востока (Египет, Йемен, Сирия, Ливан), Демократической Республике Афганистан (1979–1989);

2) выполнение решений высшего политического руководства СССР по сохранению единства социалистического лагеря и Организации Варшавского договора: Венгрия (1956), Чехословакия (1968);

3) вооружённая защита территориальной целостности Советского Союза: пограничные инциденты с Китаем в районе острова Даманский (март 1969) и у озера Жаланашколь (август 1969).

II. 1992–2000-е гг.:

1) участие в миротворческих операциях ООН по поддержанию мира и безопасности в зонах вооружённых конфликтов: в бывшей Югославии (с 1992 г.), на территориях бывших советских республик (Республика Таджикистан: сентябрь–ноябрь 1992 г., февраль 1993 – декабрь 1997 гг.; в Республике Абхазия в период грузино-абхазского конфликта – без учёта военных действий

8 августа – 22 августа 2008 г.; выполнение задач по обеспечению безопасности и защите граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Республики Южная Осетия и Республики Абхазия, 8–22 августа 2008 г.);

2) выполнение задач в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике, на прилегающих к ней территориях Российской Федерации, отнесенных к зоне вооруженного конфликта (декабрь 1994 – август 1996) и в ходе контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона (с августа 1999) [5].

Цена участия в локальных военных конфликтах 1946–2009 гг. оказалась чрезвычайно высокой [4, 5, 7, 8]. В локальных войнах и международных конфликтах Советский Союз и Российская Федерация, соответственно, и Чувашская Республика понесли значительные людские потери погибшими, пропавшими без вести, умершими от ран и болезней в 1946–1991 гг.: в Китае – 936; в Корее – 315; во Вьетнаме – 7; в Лаосе – 5; в Бангладеш – 1; на Кубе – 69; в Алжире – 1; в Мозамбике – 8; в Анголе – 11; в Эфиопии – 33; в Египте – 49; в Северном Йемене – 2; в Сирии – 3; в пограничных конфликтах на о. Даманский и в районе озера Жаланашколь – 60; в Венгрии – 707; в Чехословакии – 98 [4. С. 11].

Потери в ходе военных действий на территории Демократической Республики Афганистан (декабрь 1979 – февраль 1989 гг.) составили: погибли, умерли от ран и болезней, в результате несчастных случаев – 15 051 из 620 тыс. участников (в том числе из Чувашии – 114 человек из 6 тыс.); ранено/остались инвалидами – 54 тыс. / свыше 6 тыс. (в том числе из Чувашии – 176 человек / 414 человек); вернулись с заболеваниями – 416 тыс. (из Чувашии – 460 человек); пропало без вести и оказалось в плену всего – 417 военнослужащих (в том числе из Чувашии – 4) [5. С. 4; 7. С. 208, 236, 240, 250; 8]. За героизм, проявленный при выполнении интернационального долга в Афганистане, звания «Герой Советского Союза» были удостоены 86 военнослужащих, 7 (в том числе 6 – «посмертно») – звания «Герой Российской Федерации». Многие воины-интернационалисты из Чувашии имеют боевые награды: награждены орденами Красной Звезды – 105, медалями «За отвагу» – 8 и «За боевые заслуги» – 7 [1, 5].

При выполнении миротворческих задач в Таджикистане погибло более 300 российских офицеров и солдат из состава частей Российской Армии, пограничных войск. 18 августа 1994 г., отражая нападение на пост боевого охранения «Тург» 12-й погранзаставы 117-го Московского погранотряда со стороны боевиков Движения исламского возрождения Таджикистана, арабских наемников и афганских моджахедов, героически погиб командир отделения десантно-штурмовой маневренной группы младший сержант Н.В. Смирнов (уроженец д. Кашмаши Моргаушского района Чувашской Республики, участник боевых действий в ДРА в 1987–1988 гг.). Указом Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. за мужество и героизм младшему сержанту Н.В. Смирнову присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Имя Н.В. Смирнова носят 2-я застава 117-го Московского погранотряда (с 1994 г.), средняя школа № 33 г. Чебоксары. Ежегодно воины-афганцы Чувашии проводят турнир по волейболу памяти Н.В. Смирнова. На стене дома, где он жил, установлена мемориальная доска, а в профессиональном училище № 8, где учился Герой России, установлен памятный щит [1. С. 67, 163–164; 5. С. 59]. 2 января 1995 г. при освобождении заложников на реке Пяндж погиб уроженец г. Новочебоксарска пограничник Е.Н. Фёдоров (награждён орденом Мужества посмертно)

[5. С. 8]. Воин похоронен на аллее Героев на кладбище г. Новочебоксарск. Имя Е.Н. Федорова увековечено на памятнике воинам, погибшим в локальных войнах, установленном на аллее Славы г. Новочебоксарск. Награды военнослужащих из Чувашии – участников миротворческих операций в Таджикистане: «Герой Российской Федерации» – 1, орден Мужества – 3, медаль «За отвагу» – 2, медаль «За боевые заслуги» – 1 [2. С. 241; 5].

В ходе выполнения миротворческой миссии по урегулированию грузино-абхазского вооруженного конфликта (1992–1994 гг.) 17 июня 1992 г. погиб бортовой техник вертолёта лейтенант Г.А. Митрофанов (уроженец г. Чебоксары) [5. С. 9]. На территории Абхазии военнослужащие-миротворцы из Чувашии понесли потери и в последующие годы: 6 февраля 1995 г., попав в засаду бандитов, возле абхазского села Перевели Отобоя погиб уроженец г. Чебоксары, рядовой-водитель А.Б. Романов, а 1 июня 1997 г. – старший лейтенант чебоксарец С.С. Гаврилов и рядовой А.В. Юрчков (уроженец г. Шумерля) [5. С. 9]. Имена погибших военнослужащих увековечены: в память об А.Б. Романове установлена мемориальная доска в школе, где он учился; об А.В. Юрчкове – мемориальная доска в СОШ № 2 г. Шумерля, а также на обелиске памяти военнослужащих, погибших в ходе вооруженного конфликта на территории Республики Афганистан и в ходе контртеррористической операции (КТО) на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации, установленном в г. Шумерля [3].

Во время грузино-югоосетинского или югоосетинского вооруженного конфликта, также названного «пятидневной войной» (8–12 августа 2008 г.) Чувашия потеряла двоих военнослужащих, которые погибли, защищая мирных жителей г. Цхинвал: 11 августа 2008 г. – младший сержант наводчик БМП А.Г. Журавлёв (уроженец Порецкого района; награжден орденом Мужества), 13 августа – умер от ран старший сержант В.А. Егоров (уроженец д. Хирле-Сир Чебоксарского района, участник контртеррористических операций на территории Северного Кавказа в 1999–2002 гг.; награжден медалью «За отвагу», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством»). Оба военнослужащих награждены орденом Мужества (посмертно) [5. С. 10]. Именем А.Г. Журавлева названы школа в д. Пиндиково Козловского района и парк.

Миротворческая операция в бывшей Югославии также сопровождалась потерями среди российских военнослужащих. Погиб 11 апреля 2001 г., выполняя боевое задание, сержант водитель инженерно-саперного взвода М.Г. Шуйцев (уроженец д. Малые Татаркасы Моргаушского района Чувашской Республики). Награжден орденом Мужества (посмертно) [1. С. 168; 5. С. 62]. В память о сержанте М.Г. Шуйцеве в школе, где он учился, земляками установлена мемориальная доска, а также в школьном краеведческом музее оформлен стенд.

При выполнении задач в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике и проведении контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона (1994–2007 гг.) из более семи тысяч военнослужащих – уроженцев и призванных с территории Чувашии – погибли свыше 130 офицеров и солдат, 7 военнослужащих пропали без вести. Первым в списке погибших значится чебоксарец гвардии старший лейтенант танкист С.Н. Белебенцев (погиб 26 ноября 1994 г. в ходе первого штурма Грозного; награжден орденом Мужества посмертно). В конце декабря 1994 г. погибли: рядовые А.В. Петров (посмертно награжден орденом Мужества), А.В. Дмитриев, Д.Г. Чикуров (пропал без вести и признан умершим в 2000 г.). Наиболее

тяжелым стал 1995-й год: всего погибло 30 военнослужащих, из которых только в январских боях – 12 человек (в том числе 3 офицера: майор И.А. Петриков, старшие лейтенанты О.Г. Краснов и Ю.А. Галкин) [1; 5. С. 6].

В списке погибших более десяти человек – сотрудники МВД и ФСБ. В ходе специальной операции по освобождению заложников в с. Первомайское Республики Дагестан 16 января 1996 г. погиб рядовой, боец отряда спецназа «Русь» О.Н. Долгов (уроженец с. Шамкино Шемуршинского района). За мужество и героизм Указом Президента Российской Федерации от 8 июля 1996 г. О.Н. Долгову присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Увековечение имени О.Н. Долгова: в г. Тольятти, где жил Герой России, в его честь проводятся всероссийские турниры по дзюдо «Звезда Героя», в Шемуршинском районе Чувашской Республики – фестивали патриотической песни, а в поселке Луначарский Самарской области – одна из улиц названа его именем [5. С. 41]. 6 марта 1996 г. Чувашия потеряла ещё двух своих сыновей – оперуполномоченных СОБРа. В г. Грозный погибли младший лейтенант милиции Ф.В. Кузьмин (детские годы провел в д. Хорнзор Вурнарского района), находившийся в командировке в составе Уральского сводного отряда, и лейтенант милиции И.В. Башкиров (уроженец д. Выла Аликовского района). Указом Президента Российской Федерации от 6 сентября 1996 г. за мужество и героизм Ф.В. Кузьмину присвоено звание «Герой Российской Федерации» (посмертно), а его именем назван Пермский лицей милиции [5. С. 49]. За проявленное мужество и самоотверженные действия лейтенант милиции И.В. Башкиров награжден орденом Мужества (посмертно), а в память о нем в здании УОП (г. Чебоксары) установлена мемориальная доска [1. С. 58; 5. С. 6].

29 августа 2001 г. страна и Чувашия узнали имя ещё одного Героя России. Указом Президента Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, командиру вертолетной эскадрильи 12-го отдельного авиационного полка Северо-Кавказского регионального управления Федеральной пограничной службы России подполковнику Л.С. Константинову присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Имя героя, участника боевых действий в Афганистане (1983–1985 гг.), ликвидации осетино-ингушского вооруженного конфликта, первой и второй чеченской войн, увековечено: на территории 12-го отдельного авиационного полка (дислоцируется в Ставропольском крае) установлен памятник; названа средняя школа в поселке Липовка Ибресинского района, в которой действует школьный музей героя, а также на стенах школы и его родного дома установлены мемориальные доски; в Чувашской Республике проводятся ежегодные волейбольные соревнования имени Героя Российской Федерации Л.С. Константинова [5. С. 47].

Не всем военнослужащим, участвовавшим в локальных войнах и вооруженных конфликтах, было суждено вернуться живыми домой, а погибшим – быть похороненными и покоиться на Родине. Большое количество воинских захоронений, мемориальных объектов и сооружений в память о них находятся в местах их гибели: в Китае, Северной Корее, во Вьетнаме, на Кубе. Так, по данным Министерства обороны Российской Федерации, основная часть погибших и умерших в Китае и Корее покоятся в могилах на территории Порт-Артура (Льюйшуне) (Ляодунский полуостров), рядом с русскими офицерами, солдатами и матросами, погибшими в русско-японской войне 1904–1905 гг. Здесь же похоронена подавляющая часть военнослужащих-интернационалистов, отдавших

свои жизни в Корею. Много воинских захоронений на кладбищах Цинъюаньцзе в г. Даляне (Дальнем), Наньшань в Цзиньчжоу (севернее Даляня) [4. С. 24–25]. В 2015 г. произошло историческое событие: проведена первая совместная российско-китайская поисковая экспедиция по увековечению памяти советских военнослужащих, погибших в годы войны на территории Китая. В связи с тем, что по вопросам о воинских захоронениях между Россией и Китаем действует только «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об осуществлении ремонтно-восстановительных работ на советских воинских захоронениях и мемориалах и переноса этих захоронений и мемориалов», заключенное в 2006 г. путём обмена нотами, то в марте 2017 г. состоялся очередной раунд консультаций по согласованию проекта новой редакции соглашения [3, 9].

Советские военнослужащие (в том числе гражданские специалисты), погибшие и умершие в период Карибского кризиса, сначала были похоронены в районе г. Торренс (провинция Гавана) [4. С. 416], а в 1978 г. перезахоронены в братской могиле на окраине г. Гавана на территории мемориального комплекса Эль-Чико, открытого в феврале 1978 г. к 60-летию Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Мемориальные объекты в память о воинах-интернационалистах сооружены во многих городах бывшего Советского Союза, например, в Российской Федерации: обелиск погибших воинов-интернационалистов (г. Красногорск), памятник погибшим в Афганской войне (г. Тольятти); в Белоруссии: Остров Слёз – памятник воинам-афганцам (г. Минск); в Украине: памятник погибшим в Афганистане и других локальных войнах (г. Хмельницкий), памятник воинам-афганцам (г. Черноморск); в Казахстане: Памятник воинам-афганцам (г. Алма-Ата), монумент Памяти воинам-интернационалистам (г. Усть-Каменогорск); в Приднестровье: памятник воинам-афганцам (г. Тирасполь), и др.

О том, что к 25-й годовщине вывода Ограниченного контингента советских войск из Афганистана фамилии погибших в локальных войнах и международных конфликтах будут увековечены в виде мемориальных стел рядом с памятником воинам-интернационалистам на Поклонной горе (воздвигнут в 2004 г.; автор – народный художник России Салават Щербаков), было заявлено в ноябре 2013 г. председателем Комитета по координации совместной деятельности ветеранских объединений генерал-полковником в отставке Борисом Громовым, а в феврале 2014 г. – заместителем председателя комитета Госдумы по обороне и руководителем Российского союза ветеранов Афганистана (РСВА) Францем Клинецвичем. Инициатива по созданию мемориала изначально принадлежала родителям погибших воинов и возникла в 1995 г. Запланировано увековечение памяти погибших в афганской и других военных конфликтах в виде музея на территории Поклонной горы. В Центральном музее Великой Отечественной войны действует музейная экспозиция, посвященная выводу советских войск из Афганистана.

В Чувашии ведется значительная работа по увековечению памяти воинов, погибших в локальных военных конфликтах. По состоянию на декабрь 2018 г. на территории Чувашской Республики выявлено и описано 1317 мемориальных объектов, из которых посвящены Великой Отечественной войне – 1216, а локальным военным конфликтам – 101 [3].

В 2004 г. в г. Чебоксары на территории мемориального комплекса «Победа» открыт памятник воинам-интернационалистам, погибшим в ходе бое-

вых действий в Афганистане. Руководил строительством памятника ветеран войны в Афганистане, активный деятель ветеранского движения Чувашии, подполковник в отставке В.А. Тры.

История памятника началась с закладки камня в парке Победы в 2001 г., когда в Чебоксарах проходил всероссийский съезд ветеранов боевых действий в Афганистане. Известным архитектором С. Удяковым был подготовлен эскизный проект памятника (заказчик – Российский союз ветеранов Афганистана) как своеобразный «музей под открытым небом» в виде рассеченной пирамиды, что и стало основой более детального проекта, одобренного градостроительным советом. В основании памятника – круглый постамент из серого гранита. Сам памятник состоит из четырех красных гранитных отполированных стел, на которые нанесены фамилии ста одиннадцати воинов-интернационалистов, ушедших в Афганистан из Чувашии и не вернувшихся домой. В центре композиции – небольшой постамент с контурами границ Афганистана для возложения цветов. На нем символическое изображение: патрон с надписью «Афган», черный тюльпан, звезда, а по бокам – годы афганских событий: 1979–1989 гг. Вокруг патрона высечена надпись: «Вы взяли высоту повыше гор Панджшера, в гранит и бронзу превратив сердца» [3, 9]. Памятник был открыт в торжественной обстановке 26 ноября 2004 г. и входит в мемориальный комплекс «Победа», расположенный по улице З. Яковлевой (г. Чебоксары).

В 2006 г. в г. Новочебоксарск на аллее Славы открыт памятник воинам, принимавшим участие в локальных войнах и военных конфликтах (скульптор П. Пупин). 6 ноября 2011 г. в музее завода «Промтрактор» проведено мероприятие, посвященное открытию мемориальной доски в честь погибшего в Афганистане Константина Долбилова. Всеобщую известность получил памятник воинам-интернационалистам, погибшим в Афганистане, установленный у федеральной трассы около д. Москакасы (Моргаушский район). 6 мая 2014 г. в г. Чебоксары в торжественной обстановке открыт памятник воинам, погибшим в локальных конфликтах. 16 октября 2014 г. в г. Шумерля состоялось открытие памятника воинам-интернационалистам, погибшим в Республике Афганистан и в ходе антитеррористических операций на Северном Кавказе. Память о погибших в ходе боевых действий в Республике Афганистан и на территории Чеченской Республики солдат и офицеров, выходцев из с. Аликово и близлежащих деревень, увековечена в виде мемориала «Вечная память погибшим на земле Афганистана, Чечни» (Чувашская Республика, Аликовский район, с. Аликово).

В память о погибших в Чечне и Абхазии сооружен ряд мемориальных объектов: мемориальная доска, посвященная А.Н. Владимирову, погибшему 1 января 1995 г. в Чеченской Республике (открыта 12 марта 2014 г. в г. Новочебоксарск, улица Речная, дом 6); 8 мая 2014 г. в МБОУ «СОШ № 17» г. Чебоксары состоялось торжественное открытие мемориальной доски в честь воинов-выпускников школы, погибших в ходе вооруженных конфликтов, на территории Чеченской Республики: С.Н. Белебенцева (08.05.1966 – 26.11.1994), В.В. Терехова (03.08.1974 – 01.01.1995); в Абхазии – А.Б. Романова (15.04.1976 – 06.02.1995). За храбрость и отвагу отважные воины награждены орденом Мужества (посмертно).

Увековечению памяти о воинах, сложивших головы в локальных военных конфликтах, посвящены встречи с родителями погибших защитников Отечества, вручение им наград погибших сыновей, передача наград на вечное хра-

нение в музее. Так, 14 октября 2014 г. в Солдыбаевской СОШ имени Алексея Журавлева (Козловский район Чувашской Республики) состоялся митинг, на котором военный комиссар Урмарского и Козловского районов вручил отцу Алексея Журавлева – Георгию Георгиевичу Журавлеву – награду сына – орден Мужества. 17 октября 2014 г. в Чувашском национальном музее прошло торжественное мероприятие, посвященное передаче на хранение государственной награды – ордена Мужества Л.Г. Васильевой, матери ефрейтора Геннадия Васильева, погибшего при выполнении служебно-боевой задачи. 27 июля 2015 г. с участием Главы Чувашской Республики Михаила Игнатьева состоялась торжественная церемония, посвященная передаче орденов Мужества родственникам военнослужащих, погибших во время операции по уничтожению незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики [3, 9].

Таким образом, сохранение памяти о воинах, погибших при выполнении воинского долга в локальных войнах и вооруженных конфликтах за пределами Советского Союза и Российской Федерации, при наведении конституционного порядка на территории нашего Отечества, наиболее масштабно реализовано в виде воинских захоронений и мемориальных сооружений. Увековечение памяти приобрело более системный характер в первой половине 1990-х гг., что связано с началом его правового обеспечения. Исключительно важное значение для восстановления справедливости по отношению к участникам локальных военных конфликтов имели Указ Президента СССР от 8 февраля 1991 г. № УП-1440 и Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах»¹.

Литература

1. Андреев О.В., Казаков В.И., Семенов С.П. Военный комиссариат Моргаушского и Аликовского районов Чувашской Республики в системе органов военного управления России. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. 180 с.
2. Андреев О.В. Оборонно-массовая и военно-патриотическая работа в России (XX – начало XXI в.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. 436 с.
3. Воинская память Чувашской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://soldiers.chuv-su.ru/> (дата обращения: 25.11.2018).
4. Книга памяти. 1946–1982. М.: Патриот, 1999. Т. 10. 535 с.
5. Книга памяти военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей военной службы в мирное время. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 142 с.
6. Лавренко С.Я., Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: АСТ, Астрель, 2003.
7. Лаврентьев А.В. Не забывай нас, Родина. М.: [Б.и.], 2014. 256 с.
8. Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.
9. Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chuvsu.ru/> (дата обращения: 09.03.2019).

---

¹ О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг: Указ Президента СССР от 08.02.1991 г. № УП-1440 [Электронный ресурс]. URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-13031995-n-32-fz-o/> (дата обращения: 29.09.2019); О ветеранах: Фед. закон от 12.01.1995 г. № 5-ФЗ (ред. от 29.07.2018, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) [Электронный ресурс]. URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-13031995-n-32-fz-o/> (дата обращения: 29.09.2019).

АНДРЕЕВ ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (olevasandr@mail.ru).

O. ANDREEV

COMMEMORATING THE MILITARY OF THE USSR
AND THE RUSSIAN FEDERATION DECEASED IN LOCAL WARS
AND ARMED CONFLICTS IN 1946–2009

Key words: local war, armed conflict, defender of the Fatherland, soldier-internationalist, peacekeeping operation, restoration of constitutional order, commemoration, memorial object, veteran organization, the Soviet Union, the Russian Federation, the Chuvash Republic.

In the 1946–2000-ies the military servicemen of the Armed Forces of the USSR and the Russian Federation, including the natives of Chuvashia and the conscripted by the military commissariats of the Republic, participated in dozens of local wars and armed conflicts. For a long time this topic, especially participation in the military conflicts during the "cold war" of 1946–1991, in which many compatriots died and were injured while performing their military duty, was forbidden to be written and to be spoken about.

A complicated situation was formed around the history of the Soviet military servicemen's participation in the Afghan war (1979–1989), which received a sad unofficial name of "slandered", "undeclared" and "unknown" war. Forty years ago, in December 1979, on the basis of official appeals of Afghanistan leadership, a Limited Contingent of the Soviet Union Armed Forces was introduced into the territory of the Democratic Republic of Afghanistan, it was gradually drawn into a large-scale, protracted and sanguinary military conflict. More than 600 thousand Soviet military servicemen passed through the war in Afghanistan. There were great losses as dead and missing, many returned disabled and with serious diseases. The attitude of state authorities to the participants of the Afghan war in the late 1980s and early 1990s was not simple. The history of commemorating the deceased and participation in the war as a whole was challenging.

Against this background, commemorating the defenders of the Fatherland who died in the 1992–2000-ies is better, which is associated with openness to discussion and research, strengthening the activities of state and public organizations.

Unfortunately, to date, there are almost no scientific papers exploring the topic in the problem-chronological plan, especially in a comprehensive way and in proposed chronological framework. The purpose of this work is to study one of the activities to perpetuate the memory – preserving military graves and constructing commemorative facilities, which as a result will be a positive step towards a comprehensive analysis of the problem. The article presents and analyzes the main stages, scales, exploits and the cost of Soviet and Russian servicemen's participation, including the natives and the conscripts from the territory of Chuvashia, in military conflicts of the mid-20th – early 21st centuries. The article assesses as well the process of creating commemorative sites in the country and in Chuvashia in memory of those soldiers who deceased when providing international assistance to the peoples of China, Korea, Vietnam, Middle East, Africa, Democratic Republic of Afghanistan, in peacekeeping operations in the "near" and "far" abroad, during restoration of the constitutional order in the North Caucasus region.

The study and analysis of the process of commemorating those killed in local wars and armed conflicts of 1946–2000-ies make it possible to note positive changes primarily in preserving military graves and constructing memorial facilities since 1991, which was due to fundamental changes in social and political life, active interaction of state and public institutions, formation and development of the legal framework.

References

1. Andreev O.V., Kazakov V.I., Semenov S.P. *Voennyy komissariat Morgaushskogo i Alikovskogo rayonov Chuvashskoy Respubliki v sisteme organov voennogo upravleniya Rossii* [A military commissariat of the Morgaushsky and Alikovsky districts of Chuvash Republic in the system of organs of military management of Russia]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2018, 180 p.
2. Andreev O.V. *Oborono-massovaya i voenno-patrioticheskaya rabota v Rossii (XX – nachalo XXI v.)* [Defense and military-patriotic activities in Russia (20th – beginning of the 21st century)]. Cheboksary: Chuvash State University Publ., 2019, 436 p.

-
3. *Voinskaya pamyat' Chuvashskoi Respubliki* [Memory of the soldiers of the Chuvash Republic]. Available at: <http://soldiers.chuvsu.ru/> (Accessed 25 November 2018).
  4. *Kniga pamyati. 1946–1982* [Book of Memory. 1946–1982]. Moscow, Patriot, 1999, vol. 10, 535 p.
  5. *Kniga pamyati voennosluzhashchikh, pogibshikh pri ispolnenii obyazannostei voennoi sluzhby v mirnoe vremya* [Book of memory of the servicemen, who died at execution of duties of military service in a peace-time]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2016, 142 p.
  6. *Lavrenov S.Ya, Popov I.M. Sovetskii Soyuz v lokal'nykh voynakh i konfliktakh* [Soviet Union in local wars and conflicts]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2003.
  7. *Lavrent'ev A.V. Ne zabyvai nas, Rodina* [Do not forget us, Motherland]. Moscow, 2014, 256 p.
  8. *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka: Statisticheskoe issledovanie* [Russia and USSR in wars of the XX century: statistical research]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2001, 608 p.
  9. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet imeni I.N. Ul'yanova: ofits. sait* [Official site of Chuvash State University]. Available at: <http://www.chuvsu.ru/> (Accessed 09 March 2019).

ANDREEV OLEG – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (olevasandr@mail.ru).

Формат цитирования: Андреев О.В. Сохранение памяти о военнослужащих СССР и Российской Федерации, погибших в локальных войнах и вооруженных конфликтах 1946–2009 годов // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 5–14.

УДК 94(73) «1919»: 327.8(470)+94(470) «1919»
ББК ТЗ(2)612-64(7Coe)+ТЗ(7Coe)61-64(2)

О.В. АНДРЕЕВ, О.Н. ШИРОКОВ, Д.А. ЯЛТАЕВ

У ИСТОКОВ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА РОССИИ: «СУД» СЕНАТА США НАД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ 1917 ГОДА

Ключевые слова: Россия, Октябрьская революция, вмешательство США, Сенат, Комиссия Овермэна, «антиамериканская деятельность», антикоммунизм, «цветные революции».

За последние несколько лет США и их европейские союзники усилили политическое и экономическое давление на Российскую Федерацию. Особое место занимают расследования по вымышленному «делу» о вмешательстве России в американские выборы, которые с конца 2016 г. проводят Министерство юстиции, спецслужбы и обе палаты Конгресса США. Актуальность исследования состоит в том, что сами Соединенные Штаты Америки ровно сто лет тому назад, в 1919 г., предприняли попытку вмешательства в события в России. Цель работы – на примере деятельности сенатской комиссии Овермэна 1919 г. по «расследованию» причин и последствий Октябрьской революции в России выявить истоки формирования, механизм дискредитации неугодных и противоречащих интересам правящих кругов США государств и их политических систем. Научная новизна статьи в том, что в ней на основе опубликованных источников проанализирован процесс активного вмешательства американских правящих кругов во внутренние дела России после Октябрьской революции 1917 г., которые не ограничивались военными и экономическими средствами и методами и практически впервые применили метод политической дискредитации. Авторы приходят к выводу, что организованное Сенатом США политическое «судилище» над революцией, в действительности над Советской Россией, стало одним из первых опытов вмешательства во внутренние дела других государств. Кроме того, история «суда» Сената США во многом поучительна и полезна при анализе современных процессов и явлений в странах и регионах мира, связанных с так называемыми «цветными революциями», за которыми по-прежнему стоят Соединенные Штаты Америки.

Вмешательство во внутренние дела суверенных государств берет свое начало с первых межгосударственных войн в истории человечества. Со временем, особенно в XX–XXI вв., стали всё разнообразнее и изощреннее его средства, методы и формы. Россия является примером длительного, многообразного и непрерывного внешнего давления, имеющего и в настоящее время некоторые формы прямого посягательства на суверенитет с целью изменения её внешней и внутренней политики.

2019-й год полон многих юбилейных и круглых исторических дат. Одна из них – 100-летие деятельности комиссии сената США под руководством сенатора Овермэна, или так называемого «суда» над Октябрьской революцией 1917 г. в России. В Советском Союзе материалы официального отчета «Овермэнской комиссии» были опубликованы в 1927 г., переизданы в 1990 г. [4]. К сожалению, на фоне резкого снижения интереса к теме Октябрьской революции названное событие осталось вне внимания отечественных историков. На российских телеканалах на протяжении всего 2019 г. не было проведено специальных передач, социально-политических ток-шоу с участием ведущих политологов, историков, экспертов, политических и общественных деятелей, хотя деятельность комиссии Овермэна американского сената в 1919 г. была важнейшим событием в истории вмешательства США во внутренние дела России.

Стремление США сохранить своё доминирующее положение в современном мире основано на традиционной политике и практике двойных стандартов в международных отношениях. Преднамеренное и предвзятое искажение причин и содержания событий и процессов, тенденциозная их оценка также стали обычными. Вмешательство во внутренние дела других стран с далеко идущими планами – неизменный атрибут американской внешней политики. При этом арсенал средств и методов вмешательства постоянно совершенствуется, хотя важнейшими остаются политические, экономические и военные. Во второй половине XX – начале XXI в. лозунги защиты демократии и прав человека стали стандартным пропагандистским прикрытием для вмешательства и развёртывания «цветных революций».

Вмешательство США во внутренние дела других государств имеет более чем вековую историю. Одной из первых стран, столкнувшейся с этой угрозой, явилась Россия, ставшая главным препятствием геополитическому курсу США на глобальное лидерство и господство после Первой мировой войны. С появлением на политической карте мира Советского государства эта угроза не только сохранилась, но и возросла. Наибольшую опасность представляла сама Октябрьская революция 1917 г. в России в силу того, что человечеству была предложена новая модель общественного развития, отвергавшей примат частнособственнических отношений как первопричины конфликтов между людьми и социально-политических кризисов в обществе. Могущественные западные, особенно американские политические, финансово-промышленные элиты такого сценария дальнейшего мирового развития допустить не могли, сочетая военную интервенцию с дискредитацией Октябрьской революции, сведя её к заговору, перевороту политических радикалов, «жаждавших неограниченной власти».

История вопроса достаточно стара, как и история её закрытости. Приподняв завесу тайны над деятельностью так называемой комиссии Овермэна Сената США 1919 г., можно понять, насколько закономерна взаимосвязь между современной напряжённой международной обстановкой и агрессивным внешнеполитическим курсом США, прежде всего по отношению к Российской Федерации. Логика организаторов «судилища» была проста: дискредитировав новую политическую систему в России, можно добиться её изоляции и ослабления до такого состояния, когда она не будет способной к активной деятельности и потеряет вес на мировой политической арене. И не зря США вплоть до 1933 г. не шли на дипломатическое признание СССР, игнорируя мнение миллионов американцев, испытывавших искренние симпатии к советскому народу. Впрочем, логика современной американской официальной позиции развивается в том же русле.

Чрезвычайно актуальны в этой связи слова Луизы Брайант, жены Джона Рида, автора знаменитой книги «Десять дней, которые потрясли мир» [5], произнесённые во время суда-фарса Сената США 1919 г. над Октябрьской революцией в России: «...я не признаю за Америкой права вторгаться в Россию и посылать войска для улаживания внутренних дел России..., за всё время, что я была в России, я ни разу не слышала, чтобы русские обвиняли Америку и говорили, что они её ненавидят. Наоборот, питали более дружественные чувства к нам, чем к какой-либо нации» [4. С. 96].

Историю организованного идеологического наступления Запада под руководством США против России в XX–XXI вв. можно разделить на три этапа.

Первый и второй этапы прошли под лозунгом «Красной угрозы» в 1917–1920 гг., в конце 1940–1950-х гг., которые в конечном итоге привели к созданию маккартистской «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности». Третий, современный, этап вызван недовольством США и ЕС решительностью российского руководства, направленной на восстановление позиций, которые занимала Россия в начале XX в., а затем и СССР на протяжении 1930-х – 1991 гг. Поэтому на Западе стремятся вытравить из массового сознания всё, что связано с Россией. Основными факторами возобновления беспрецедентной антироссийской кампании, начиная с объявления о завершении эпохи «холодной войны», стали: усиление международных позиций обновлённой России, ставшей препятствием в реализации планов безраздельного господства США в мире; создание в некоторых стратегически важных районах планеты, прежде всего на Ближнем Востоке, определённого заслона на пути американских транснациональных компаний, которые в 1990-е гг. представляли непосредственную угрозу экономической безопасности России, так как попытались прибрать её природные ресурсы. Установление экономического господства должно было осуществляться на основе программы «Открытое общество», финансировавшейся Д. Соросом.

Идеология антикоммунизма оформилась и осуществлялась ещё на первом этапе и тогда же, если использовать характеристику историка Левина Б. Мюррея, приобрела масштабы «общенациональной истерии», спровоцированной боязнью распространения идей Октябрьской революции по всему миру как главной угрозы «американскому образу жизни». Так, с принятием в 1919–1920 гг. в ряде американских штатов и городов законов «о запрете оправданий насилия ради социальных изменений» были объявлены преступными и запрещены всеобщие забастовки, исключены из законодательных органов власти законно избранные социалисты, запрещены красные флаги и т.д.

В такой обстановке 19 сентября 1918 г. начала работу специальная подкомиссия комиссии по судебным делам Сената США под председательством сенатора-демократа от штата Северная Каролина Ли Слейтера Овермэна. Если в начале комиссия в рамках «антиамериканской деятельности» одновременно занималась расследованием германской военной угрозы и возможных последствий большевизма для США, то по причине слабой доказательной базы первой с февраля по март 1919 г. она полностью сконцентрировала своё внимание на слушаниях по «делу о международном коммунистическом заговоре». Помимо вопроса о революционном хаосе в Советской России Комиссия рассмотрела также и вопросы о пробольшевистских настроениях среди американской интеллигенции, о степени вовлечения евреев в революционное движение в России и о «национализации женщин» [4].

При анализе как деятельности комиссии Овермэна, так и современного «дела о российском следе» в выборах президента США, сопровождающегося антироссийской истерией, выявляется заинтересованность влиятельных политических и финансово-промышленных кругов в формировании образа врага в лице России, искаженных представлений о внутренних процессах и явлениях, в том числе и о внешнеполитическом курсе её руководства. Даже при формировании состава «свидетелей» «защитникам» революции была предоставлена только одна треть из более чем 20 отведённых мест, а перечень вопросов комиссии к свидетелям был тщательно и тенденциозно составлен. Например, в ответе «свидетеля» доктора Р.Б. Денииса на вопрос сенатора

Кинга, является ли большевистское правительство диктатурой, управляемой Лениным и Троцким, изначально предусматривался утвердительный ответ.

В ходе слушаний сложилось два подхода к оценке Октябрьской революции. Первая группа «свидетелей» своими «показаниями» должна была подтвердить установки комиссии: переворот большевиков во главе с «немецкими шпионами-агентами Лениным и Троцким» способствовал созданию в Советской России «царства террора» с помощью Красной Армии, укреплению влияния Германии; принятые декреты попирали права граждан, в частности, декреты и мандаты о «национализации» и «социализации» женщин, к которым реально большевики никакого отношения не имели; в руководящем составе большевистской партии преобладали еврей-иммигранты одного из районов Нью-Йорка, что ещё в ходе слушаний вызвало бурный протест со стороны еврейских организаций США. «Обвинения» активно «подтверждались» опрошенными «свидетелями» из числа американских граждан, находившихся в России преимущественно в 1917–1918 гг., так и «белоземляками» и деятелями революционного движения – политическими противниками большевиков. Первую подгруппу составляли: священник Джордж А. Саймонс [4. С. 10–29]; бывший преподаватель Северо-Западного университета (Иллинойс), представитель Ассоциации христианской молодёжи (ИМСА) доктор Р.Б. Дениис [4. С. 30–37]; служащий министерства торговли США, коммерческий атташе при посольстве США в России Уильям Чапин Хантингтон. Политических противников большевизма из числа бывших граждан России, активно поддержавших все обвинения, представляли: бывший зампред ВЦИК эсеро-меньшевистского Всероссийского Съезда Крестьянских Советов Григорий Мартюшин, покинувший Россию 2 ноября 1918 г. [4]; бывший сотрудник министерства земледелия Временного правительства Теодор Криштофович [4. С. 68–75]. Наиболее эмоциональной была эсер Е.К. Брешко-Брешковская, которая была возмущена тем, что её обращение в адрес посольства США в России с предложением «оказать поддержку в виде 50 тысяч хороших солдат для свержения большевиков» осталось без ответа [4. С. 48].

Нападки на свою страну, её очернение с трибуны Сената, верхней палаты высшего федерального законодательного органа государственной власти США, которая состояла из представителей кругов, заинтересованных не только в ослаблении, но и в уничтожении России как государства, по сути, сродни национальному предательству. В этой связи уместно вспомнить о «вояже» к заокеанским покровителям лидера партии ПАРНАС (Партия народной свободы) Михаила Касьянова, продемонстрировавшего истинное лицо лидера партии проамериканских коллаборационистов. Так, в апреле 2015 г. он отправился в Вашингтон с планом презентации и обсуждения в конгрессе США так называемого «списка Немцова», в который были включены фамилии восьми российских журналистов и руководителей телеканалов, против которых, по его мнению, американские власти должны были ввести санкции [3].

Не секрет, что руководство ПАРНАС тесно связано с политическими структурами США и в своей программной части выступает за возвращение Крыма Украине, поддерживает прозападную киевскую власть и антироссийские санкции, что М. Касьянов ещё раз подтвердил в мае 2015 года в интервью французскому общественно-политическому журналу *Politique Internationale* [1].

Теперь о защитниках российской революции и об их аргументах. Первым своего рода «защитником» революции стал американский журналист Джон Рид, который был не только очевидцем событий 1917 г., но и непосредственным участником конкретных процессов (имел двухмесячный опыт работы в первом составе Советского правительства в качестве сотрудника Бюро интернациональной революционной пропаганды при Наркомате иностранных дел). Он, в свою очередь, в качестве основной причины революции назвал ответные действия из Смольного 24 октября 1917 г. на применение силы со стороны Временного правительства. Примечательно, что события, связанные с Корниловским мятежом, Д. Рид характеризовал как гражданскую войну [4. С. 100]. Джон Рид не ограничился ответами на вопросы, но и активно поправлял других выступавших, допуская фактические ошибки и неверно называвших фамилии известных деятелей России, советовал для получения точных сведений непосредственно обращаться к российской прессе, в частности, к официальной газете «Известия ВЦИК».

По существу, Джон Рид был первым американцем, представившим как Сенату, так и миллионам американцев достоверную информацию о событиях и процессах в России в революционном 1917 г., а заодно и разоблачителем авторов предвзятых оценок и домыслов, «марионеток» комиссии Овермэна. Такая позиция, занятая гражданином США, открыто симпатизировавшим революционной России, вызвала крайне агрессивные ответные действия: Джон Рид был обвинён в пропаганде революционных идей, содействии сторонникам свержения законного правительства, вынашивании «плана переправки в США 3 млн винтовок для вооружения американских рабочих» [4. С. 114].

Не меньшее раздражение членов комиссии вызвала позиция другого очевидца Октябрьской революции, журналиста Альберта Риса Вильямса, заявившего о том, что девяносто пять процентов русского народа поддерживали революцию. Далее он отметил то, что актуально для американского общества и в XXI в.: «...в Америке информация о России обычно черпается из кругов, близких к тем пяти процентам русского народа, которые враждебно относятся к революции» [4. С. 143]. Принципиально важной в выступлении А. Вильямса была также взвешенная и точная характеристика природы гражданской войны: террор односторонним быть не может.

В таком же русле строилась речь гражданки США Беси Бити, лично общавшейся с первыми лицами Советского государства. Заявив о закономерности Октябрьской революции и указав также на негативные её проявления, она призвала официальные круги США отказаться от интервенции против Советской России.

Итак, комиссия Сената США под председательством сенатора Овермэна в ходе слушаний по «делу Октябрьской революции» в феврале-марте 1919 г., по сути, обеспечивала решение конкретных политических задач: доказать, что власть в России узурпирована кучкой политических преступников, оправдать интервенцию, дискредитировать в глазах американской общественности советскую власть, новый государственный строй.

Деятельность комиссии Овермэна – пример хорошо спланированной антисоветской, антироссийской политической кампании с далеко идущими последствиями. Немаловажное значение имело также стремление сформировать устойчивые отрицательные стереотипы относительно власти и обще-

ственного строя в России. В ней были впервые использованы средства и методы, которые в последующие десятилетия стали обычными в идеологической борьбе правящих политических кругов США как внутри, так и за пределами страны: подбор специально подготовленных людей, подтасовка фактов, шантаж и т.д. При этом сами высокопоставленные чиновники не стеснялись демонстрировать свое слабое знание об истинном положении дел и о представителях российской политической власти. Так, сенатор Нельсон считал, что возвращение Ленина стало возможным благодаря «акту правительства Керенского, объявившего всеобщую амнистию преступникам» и что, мол, Ленин до этого находился в ссылке в Сибири.

Деятельность комиссии Овермэна была одновременно и попыткой прикрыть военное вмешательство во внутренние дела России, но всё же основной целью являлось недопущение «красной угрозы», роста просоветских настроений среди американцев. Комиссия Овермэна, по сути, стала предвестницей «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» 1950-х годов.

Итак, официальный отчёт и заключение комиссии, члены которой резко осудили революционные процессы в России и их организаторов, имели далеко идущие политические последствия, которые в больших масштабах проявились в так называемую «эпоху маккартизма». Военное вмешательство во внутренние дела других стран под лозунгами защиты демократии и прав человека стало обычным явлением, что в начале XXI в. вылилось в серию «цветных революций». Многочисленные акты нарушений Соединёнными Штатами Америки суверенных прав других стран должны быть подвергнуты осуждению на самом высоком международном уровне. Деятельность Овермэнской комиссии – наглядный пример того, что для США собственные интересы, интересы политических и финансово-промышленных элит всегда были превыше всего и поэтому даже в Первую мировую войну они вступили только в самое выгодное для себя время – в революционный 1917-й год.

История «суда» американского Сената над революцией в России также позволяет провести определённые параллели с современными процессами, в которых отчётливо проявилась роль США как «поджигателя цветных революций», раскрыть механизм «двойных стандартов» американской внешней политики.

Современные отечественные философы, политологи, социологи и историки придерживаются крайне противоположных позиций в оценках Октябрьской революции. И это вполне понятно: если на мировое развитие она оказала значительное воздействие, то на последующие десятилетия в истории России – решающее. И тут как никогда уместны слова известного учёного, профессора Принстонского университета (США) Д. Биллингтона: «Если для мыслителя XIX века главной задачей было определить своё отношение к Французской революции, то для современного человека центральная задача состоит в оценке русской революции» [4. С. 195]. «Расследование» комиссии Овермэна может послужить уроком и для нас, российских историков. В конце 1980-х – 1991 гг. мы были не на должной высоте, в отличие от простых американцев, смело защищавших в 1919 г. фактически чужие для них революцию и новое российское государство, ею рождённое. Мы, наоборот, вслед за такими западными советологами, как З. Бжезинский, активно занялись разрушительной критикой Советского Союза, достойно конкурировавшего с

США. Поэтому для нас, историков, принципиально важное научное и нравственное значение имеет определение своего отношения к Октябрьской революции, способствовавшей рождению великой державы – СССР, которой не уберегли. Будем исправлять ошибки на научном поприще и в общественной деятельности, радеть и верить, что новой России суждено стать великой, какой она была в XVIII–XX вв.

Литература

1. Доктрина Касьянова: всех сдать и не забыть поцеловать рук [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.ru/politics/parties/13-05-2017/1333785-kasiyanov-0> (дата обращения: 11.04.2019).
2. Комиссия Овермана [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1526351> (дата обращения: 11.04.2019).
3. Михаил Касьянов едет в Вашингтон со списком Немцова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.ru/politics/parties/other/21-04-2015/1257279-kasianovspisok-0/> (дата обращения: 11.04.2019).
4. Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. М.: Профиздат, 1990. 208 с.
5. *Рид Дж.* Избранное: в 2 кн. Кн. 1. Десять дней, которые потрясли мир. М.: Политиздат, 1987. 543 с.

АНДРЕЕВ ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (olevasandr@mail.ru).

ШИРОКОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (425954@rambler.ru).

ЯЛТАЕВ ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dmru@mail.ru).

O. ANDREEV, O. SHIROKOV, D. YALTAEV

AT THE ORIGINS OF INTERFERENCE IN INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA: "TRIAL" OF THE U.S. SENATE OVER THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917

Key words: *Russia, the October revolution, U.S. intervention, Senate, Overman Committee, "anti-American activities", anti-communism, "color revolutions".*

Over the past few years, the United States and its European allies have increased political and economic pressure on the Russian Federation. A special place is occupied by investigation of the fictional "case" of Russian interference in the American elections, which since the end of 2016 have been conducted by the Justice Department, intelligence agencies and both houses of the US Congress. The relevance of the study is that the United States itself exactly one hundred years ago, in 1919, attempted to meddle with the events in Russia. The purpose of the work – using the example of Overman Committee's activities in 1919 on "investigating" the causes and consequences of the October revolution in Russia – to identify the origins of forming, the mechanism of discrediting states which are objectionable and contrary to the interests of the ruling circles of the United States and their political systems. The scientific novelty of the article is that on the basis of published sources it analyzes the process of active intervention of the American ruling circles into the internal affairs of Russia after the October revolution of 1917, which were not limited to military and economic means and methods and, almost for the first time, the method of political discrediting was used. The authors conclude that the political "trial" organized by the U.S. Senate over the revolution, in fact over the Soviet Russia, was one of the first attempts to meddle in the internal affairs of other states. In addition, the history of the U.S. Senate's "trial" is largely instructive and useful for the analysis of modern processes and phenomena in countries and regions of the world associated with the so-called "color revolutions", behind which the United States of America still stands.

References

1. *Doktrina Kas'yanova: vsekh sdat' i ne zabyt' potselovat' ruk* [Kasyanov's doctrine: to hand over all and not to forget to kiss hands]. Available at: <https://www.pravda.ru/politics/parties/13-05-2017/1333785-kasiyanov-0>.
2. *Komissiya Overmena* [Overmen's commission]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1526351>.
3. *Mikhail Kas'yanov edet v Vashington so spiskom Nemtsova* [Mikhail Kasyanov goes to Washington with Nemtsov's list]. Available at: <https://www.pravda.ru/politics/parties/other/21-04-2015/125-7279-kasianovspisok-0>.
4. *Oktyabr'skaya revolyutsiya pered sudom amerikanskikh senatorov* [The October revolution before court of the American senators]. Moscow, Profizdat Publ., 1990, 208 p.
6. Reed J. *Izbrannoe: v 2-kh kn. Kn. 1. Desyat' dnei, kotorye potryasli mir* [Favourites. 2 books. Book 1: Ten days which shook the world]. Moscow, Politizdat Publ., 1987, vol. 1, 543 p.

ANDREEV OLEG – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (olevasandr@mail.ru).

SHIROKOV OLEG – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and Geography, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (425954@rambler.ru).

YALTAEV DMITRY – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (dmru@mail.ru).

Формат цитирования: Андреев О.В., Широков О.Н., Ялтаев Д.А. У истоков вмешательства во внутренние дела России: «суд» Сената США над Октябрьской революцией 1917 года // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 15–22.

УДК [94(470) «1941/1945»:394.46]:34
ББК ТЗ(2)622К1М8

О.В. АНДРЕЕВ, М.А. ШИРОКОВА

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В 1941–2019 ГОДАХ*

Ключевые слова: Великая Отечественная война, увековечение, нормативно-правовое обеспечение, Книга Памяти, преемственность поколений, Россия, Чувашская Республика.

Сохранение памяти о погибших, вкладе советского народа в достижение победы в Великой Отечественной войне в целом – важнейший фактор обеспечения преемственности поколений. Связь поколений в России окрепнет, если государственные органы и общественные объединения, исследователи продолжат совместную работу по изучению темы о решающей роли поколения победителей – советского народа – в разгроме фашистской Германии и её союзников. В современных условиях на фоне организованных действий на Западе по искажению истории войны чрезвычайно актуально продолжение работы по укреплению нормативной правовой базы увековечения памяти о Великой Отечественной войне. К сожалению, в историографии войны по этой теме на общероссийском и региональных уровнях и по настоящее время существует серьезный пробел. Отсюда цель статьи – проанализировать процесс становления и развития нормативно-правового обеспечения сохранения памяти о Великой Отечественной войне в 1941–2019 гг. в масштабах Советского Союза, Российской Федерации и Чувашии. На основе опубликованных документов и научных исследований представлена характеристика исторической обстановки и содержания решений, принятых высшими органами власти страны и республики, по правовому обеспечению деятельности Комиссии по истории войны, празднования Дня Победы, подготовки и издания Книг Памяти, работы государственных органов и общественных объединений по укреплению преемственности поколений.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что решения партийно-государственных органов в самых тяжелых условиях начального этапа Великой Отечественной войны, предусматривавшие организацию сбора материалов о событиях на фронте и в тылу войск агрессора, работе народного хозяйства, заложили нормативно-правовую базу увековечения памяти о вкладе народа и армии в победу. Данный процесс был продолжен в последующие десятилетия, несмотря на противоречия и трудности в общественно-политическом развитии страны. Современный комплекс нормативно-правовых актов по увековечению памяти о Великой Отечественной войне, сохранив связь с правовыми документами советской эпохи, приобрел системный характер и содействует укреплению преемственности поколений в России.

Вооруженная борьба советского народа с фашистской Германией и ее сателлитами предопределила исход Второй мировой войны и развитие всей системы международных отношений на длительный период. В то же время Великая Победа, завоеванная при решающей роли СССР и ценой огромных людских и материальных потерь, оказала огромное воздействие на официальную идеологию и мировоззрение советских граждан. Она способствовала укреплению основополагающего элемента в системе ценностей, сложившихся в течение многовековой истории государства и общества, – сохранению памяти о соотечественниках, пожертвовавших своими жизнями ради независимости страны, возможности мирно жить и трудиться.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Чувашской Республики в рамках научного проекта № 19-49-210004.

В Советском Союзе нормативно-правовое обеспечение стало основополагающим фактором процесса увековечения памяти о Великой Отечественной войне. Ему было уделено особое внимание ещё на начальном этапе войны. Так, для создания летописи Великой Отечественной войны (в первую очередь, «Летописи обороны Москвы») при Московском комитете ВКП(б) в декабре 1941 г. была создана Комиссия по истории обороны Москвы, а в январе 1942 г. Президиумом АН СССР была образована Комиссия по истории Великой Отечественной войны (неофициальное название – «Комиссия Минца») под руководством доктора философских наук, профессора, начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова (председатель) и члена-корреспондента АН СССР И.И. Минца (заместитель председателя) [2]. В формировании и деятельности Комиссии наряду с И.И. Минцем (инициатором и фактическим руководителем в 1941–1945 гг.) также участвовал секретарь ЦК ВКП(б) и, одновременно, первый секретарь Московского горкома ВКП(б) А.С. Щербаков.

С завершением Великой Отечественной войны в Советском Союзе была продолжена работа по её нормативно-правовому увековечению [6]: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 г. было введено празднование дня Победы 9 мая, который был объявлен выходным днем¹. Позднее советское правительство приняло Постановление от 18 февраля 1946 г. № 405-165с «О взятии на учет воинских захоронений, о благоустройстве и сохранении братских могил и захоронений бойцов и командиров Красной Армии, партизан и партизанок Великой Отечественной войны»², в соответствии с которым военным отделам комитетов партии, местным советам, районным военкоматам предписывалось: до 1 июня 1946 г. взять на учет все имевшиеся на подведомственной территории воинские захоронения; создать учет военных кладбищ, братских и одиночных могил погибших военнослужащих и партизан по районам и областям; до 1 августа 1947 г. – завершить работу по их благоустройству. Для этого захоронения фотографировались и описывались, создавались книги учета и альбомы. Началась работа по установке памятников и других мемориальных объектов. В структуре Министерства обороны СССР 23 марта 1946 г. создан в качестве самостоятельного отдела Архив Генерального штаба Вооруженных Сил СССР (с 1991 г. – Историко-архивный и военно-мемориальный Центр Генштаба, с 1997 г. – Военно-исторический центр, с 1999 г. – Военно-мемориальный центр Вооруженных Сил Российской Федерации, с 2006 г. – Управление по увековечению памяти погибших при защите Отечества).

О противоречивости процесса увековечения памяти о Великой Отечественной войне свидетельствует Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1947 г., на основании которого с 1948 г. праздничный выходной

¹ Об объявлении 9 мая праздником победы: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.05.1945 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М.: Госюриздат, 1956. С. 216.

² О взятии на учет воинских захоронений, о благоустройстве и сохранении братских могил и захоронений бойцов и командиров Красной Армии, партизан и партизанок Великой Отечественной войны: Постановление Совета народных комиссаров СССР от 18.02.1946 г. № 405-165с // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М.: Госюриздат, 1956 [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Индекс:Sbornik_zakonov_1938-1956.djvu (дата обращения: 07.09.2019).

день и парад Победы на Красной площади 9 мая были отменены¹. Положение изменилось лишь в год 20-летия Победы: по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1965 г. дата 9 мая была объявлена нерабочим праздничным днем². Следующим Указом Президиума Верховного Совета СССР № 3566-VI, принятым 8 мая 1965 г., введена высшая степень отличия – «Город-Герой»³. Столица страны г. Москва стала первым городом, удостоенным этого высокого звания. Вошли в традицию проведение военных парадов, уроки мужества в школах с участием ветеранов войны и поисковая работа.

В развитие решения правительства Советского Союза от 18 февраля 1946 г.⁴ Советом Министров СССР был принят в 1970-е гг. ряд постановлений, в частности, Постановление от 11 апреля 1979 г. № 339 «О дополнительных мерах по благоустройству и приведению в порядок военных кладбищ и могил советских воинов и партизан»⁵ предписывало усиление работы по выявлению новых воинских захоронений. Контроль за ходом выполнения указанного постановления был возложен на Министерство обороны СССР.

Следующим официальным решением – Постановлением Совета Министров РСФСР № 349 от 10 августа 1984 г. «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»⁶ – были намечены перенос одиночных могил из малонаселенных районов и благоустройство, уход за кладбищами и памятниками. В современной России издан ряд директив Министра обороны Российской Федерации, которые конкретизировали задачи органов военного управления.

Сооружение мемориальных объектов на территории Чувашии в 1960–1980-е гг. осуществлялось на основе решений партийных и советских органов республики. В частности, в 1961 г. был установлен мраморный монумент на братской могиле воинов, умерших от ран в госпиталях г. Чебоксары в 1941–1945 гг. (кладбище № 1, ул. Б. Хмельницкого). В соответствии с Постановлением Совета Министров Чувашской АССР от 25 февраля 1974 г. № 128 «Об утверждении списков памятников истории и культуры Чувашской АССР, подле-

¹ Об объявлении 1 января нерабочим днем: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23.12.1947 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М.: Госюриздат, 1956. С. 376.

² Об объявлении 9 мая нерабочим днем: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.04.1965 г. [Электронный ресурс] // Гарант: информ.-прав. система. URL: <https://base.garant.ru/6341190/> (дата обращения: 07.09.2019).

³ Об утверждении положения о высшей степени отличия – звании «Город-Герой»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.05.1965 г. № 3566-VI [Электронный ресурс] // Гарант: информ.-прав. система. URL: <https://base.garant.ru/6341219/> (дата обращения: 07.09.2019).

⁴ О взятии на учет воинских захоронений, о благоустройстве и сохранении братских могил и захоронений бойцов и командиров Красной Армии, партизан и партизанок Великой Отечественной войны: Постановление Совета народных комиссаров СССР от 18.02.1946 г. № 405-165с // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М.: Госюриздат, 1956 [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Индекс:Sbornik_zakonov_1938-1956.djvu (дата обращения: 07.09.2019).

⁵ О дополнительных мерах по благоустройству и приведению в порядок военных кладбищ и могил советских воинов и партизан: Постановление Совета Министров СССР от 11.04.1979 г. № 339 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/430516606> (дата обращения: 07.09.2019).

⁶ О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Постановление Совета Министров РСФСР от 10.08.1984 г. № 349 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2580168> (дата обращения: 07.09.2019).

жащих государственной охране»¹, он был объявлен памятником регионального значения. На территории кладбища № 1 г. Чебоксары 18 мая 1975 г. был торжественно открыт мемориальный комплекс.

Важнейшим направлением деятельности по увековечению подвига граждан Советского Союза, сложивших головы при защите Отечества, стало нормативно-правовое обеспечение сбора материалов и начала издания в 1980-е гг. Книг Памяти. В Постановлении секретариата ЦК КПСС от 17 января 1989 г. «О Всесоюзной Книге Памяти»² сообщалось о выпуске таких книг в ряде республик Советского Союза. Для обеспечения системности в данной деятельности было предложено поддержать и развить инициативу, а разработку методики поручить редакции Всесоюзной Книги Памяти, которая ещё не была создана. Нормативно-правовой основой для продолжения работы по составлению Книг Памяти наряду с Постановлением ЦК КПСС от 17 января 1989 г. «О Всесоюзной Книге Памяти» стал Указ Президента СССР от 8 февраля 1991 г. «О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг»³. Ответственность за подготовку и издание Книг Памяти в республиках и областях возлагалась на местные органы власти. Уточнение понятия «погибшие на войне» и узаконивание отбора персоналий для Книг Памяти стали возможными благодаря Постановлению Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 марта 1991 г. «Об увековечении памяти погибших при выполнении конституционной обязанности по защите Отечества»⁴. Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 1004 «Вопросы подготовки Книг Памяти»⁵ работа по их изданию была возложена на руководство субъектов Российской Федерации.

В 2005 г. был завершён выпуск 10-томной Книги Памяти, содержащей сведения о более 140 тысячах граждан Советского Союза, погибших во время военных конфликтов 1923–1982 гг. В том же году была издана книга «Памяти павших. Великая Отечественная война, 1941–1945» [4].

В Чувашии в указанные годы успешно осуществлена подготовка и публикация Книги Памяти – историко-мемориального издания об участниках Великой Отечественной войны, уроженцах и жителях Чувашии. Начало такой большой и ответственной работы было положено в 1989 г. [3]. Книга Памяти Чувашии издана в соответствии с Законом Российской Федерации от 14 января

¹ Об утверждении списков памятников истории и культуры Чувашской АССР, подлежащих государственной охране: Постановление Совета Министров Чувашской АССР от 25.02.1974 г. № 128. [Электронный ресурс]. URL: gov.cap.ru/home/12/1/2011/doc/128.rtf (дата обращения: 07.09.2019).

² О Всесоюзной Книге Памяти: Постановление Секретариата ЦК КПСС от 17.01.1989 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2 С. 37.

³ О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг: Указ Президента СССР от 08.02.1991 г. № VII-1440 // Сборник Указов Президента СССР. 1992. Т. 1. С. 64.

⁴ Об увековечении памяти погибших при выполнении конституционной обязанности по защите Отечества: Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 15.03.1991 г. [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/901607367 (дата обращения: 07.09.2019).

⁵ Вопросы подготовки Книг Памяти: Постановление Правительства РФ от 22.12.1992 г. № 1004 [Электронный ресурс] // Гарант: информ.-прав. система. URL: https://base.garant.ru/6310273/ (дата обращения: 07.09.2019).

1993 г. «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»¹. В 1995–2000 гг. вышла в свет первая часть (в 6 томах), а в 2003–2007 гг. – вторая часть (в 5 томах) республиканской Книги Памяти (главный редактор издания – Н.В. Пыркин). Первая часть содержит сведения о более 100 тысячах человек: фамилии погибших, умерших в госпиталях и в плену, пропавших без вести в Великой Отечественной войне (включая павших в войне с Японией в 1945 г.), в локальных военных конфликтах 1946–2000-х гг. Вторая часть содержит более 100 тысяч фамилий участников Великой Отечественной войны, вернувшихся домой. Издание также содержит очерки о боевых подвигах и трудовых достижениях отдельных фронтовиков и тружеников тыла, фотоиллюстрации. Сведения представлены по районам и населённым пунктам. Были уточнены цифры призванных и погибших на фронтах Великой Отечественной войны. В 2014 г. книга стала доступна в электронном виде. Также были изданы Книги Памяти районов: Книга Памяти Козловского района (2002 г.) и др.

В конце 1980-х – 1991 гг. партийно-государственные органы, реагируя на перемены в настроениях общества и в целях улучшения работы по увековечению памяти, приняли комплекс нормативно-правовых актов. Так, совместное Постановление Коллегии Министерства обороны СССР и Бюро ЦК ВЛКСМ от 19 октября 1988 г. способствовало ежегодному проведению (с 1989 г.) вместо Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы Всесоюзной акции «Вахта Памяти», созданию в 1989 г. Координационного центра Минобороны СССР по увековечению памяти защитников Отечества. В развитие Постановления ЦК КПСС от 17 января 1991 г. «О Всесоюзной Книге Памяти»² вышел Указ Президента СССР от 8 февраля 1991 г. №VII-1440 «О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг»³. В преамбуле Указа была дана высокая оценка работе по увековечению памяти защитников Отечества, но в то же время указывалось на озабоченность общественности проявлениями равнодушного отношения некоторых органов власти и граждан к памяти погибших, содержанию могил и памятников не на должном уровне. С учетом многочисленных предложений со стороны общественности, большого политического и нравственного значения работы, постановлялось: подготовить проект закона для организации в общесоюзном масштабе всего комплекса работ по увековечению памяти защитников Родины; создать постоянно действующие органы; разработать государственную программу по сохранению воинских захоронений (включая заключение соглашений с иностранными государствами); создать Всесоюзную и республиканские Книги Памяти погибших как при защите Родины, так и при исполнении интернационального долга в предвоенные и послевоенные годы; органи-

¹ Об увековечении памяти погибших при защите Отечества: Закон РФ от 14.01.1993 г. № 4292-1 (в ред. от 19 июля 2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://fzrf.su/zakon/1993-01-14-n-4292-1> (дата обращения: 07.09.2019).

² О Всесоюзной Книге Памяти: Постановление секретариата ЦК КПСС от 17.01.1989 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2 С. 37.

³ О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг: Указ Президента СССР от 08.02.1991 г. № VII-1440 // Сборник Указов Президента СССР. 1992. Т. 1. С. 64.

зовать усилиями правительств республик, исполнительных комитетов советов народных депутатов, органов силовых ведомств поисковую работу по выявлению без вести пропавших, захоронению останков воинов, обнаруженных на территории районов, в которых в годы Великой Отечественной войны прошли боевые действия, установлению имен неизвестных воинов; решительно пресекать проявления безнравственного отношения к памятникам и могилам погибших, а правоохранительным органам – привлекать всех виновных к ответственности, предусмотренной законом [3].

Благодаря Постановлению Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 марта 1991 г. «Об увековечении памяти погибших при выполнении конституционной обязанности по защите Отечества»¹ удалось окончательно определиться с понятием «погибшие на войне», что позволило законодательно утвердить принципы отбора персоналий в Книгу Памяти.

Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 (с изменениями в 2004–2018 гг.) «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» определил: формы увековечения; мероприятия и порядок захоронения (перезахоронения) погибших; государственные учет, содержание и благоустройство, обеспечение сохранности, восстановление воинских захоронений; организацию и проведение поисковой работы; полномочия, деятельность органов государственной власти и местного самоуправления по увековечению памяти погибших воинов; финансовое и материально-техническое обеспечение процесса увековечения памяти погибших; ответственность за нарушение данного Закона².

Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 марта 1994 г. № 217 «О порядке изготовления и сооружения надгробий на могилах Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы»³ предписывалось: изготавливать и устанавливать надгробия усилиями местных органов исполнительной власти с последующим возмещением финансовых расходов из федерального бюджета; изготовление надгробий поручать только специализированным художественно-производственным предприятиям и только из камня (мрамор, гранит); устанавливать сроки изготовления и установления на могиле – не позднее 18 месяцев со дня смерти или со дня присвоения звания; при отсутствии у погибшего (умершего) близких родственников содержание могил и надгробий должны осуществлять органы исполнительной власти [3].

Важное значение для патриотического воспитания граждан, сохранения исторической памяти и преемственности поколений имеет Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах

---

¹ Об увековечении памяти погибших при выполнении конституционной обязанности по защите Отечества: Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 15.03.1991 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lawmix.ru/docs_ccsr/417 (дата обращения: 25.11.2018).

² Об увековечении памяти погибших при защите Отечества: Закон РФ от 14.01.1993 г. № 4292-1. [Электронный ресурс] // Гарант: информ.-прав. система. URL: <https://base.garant.ru/1583840/> (дата обращения: 02.08.2019).

³ О порядке изготовления и сооружения надгробий на могилах Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы: Постановление Правительства РФ от 21.03.1994 г. № 217. [Электронный ресурс] // Гарант: информ.-прав. система. URL: <https://base.garant.ru/6154057/> (дата обращения: 25.11.2018).

России» (принят Государственной Думой 10 февраля 1995 г.)¹. Преамбула документа содержит формулировку: «История России богата знаменательными событиями. Во все века героизм, мужество воинов России, мощь и слава русского оружия были неотъемлемой частью величия Российского государства. Помимо военных побед существуют события, достойные быть увековеченными в народной памяти»². Закон включает в себя целый перечень статей: о днях воинской славы и памятных датах России; о способах сохранения памяти об отличившихся в сражениях; об организации проведения дней воинской славы; о порядке проведения воинских ритуалов и праздничных мероприятий в Вооруженных Силах России; о финансовом обеспечении мероприятий. В Федеральный закон включены: перечень дней воинской славы и памятные даты, статьи по регулированию вопросов увековечения памяти погибших воинов и проведению праздничных мероприятий.

В свою очередь, Федеральный закон № 80-ФЗ от 19 мая 1995 г.³ устанавливал день Победы, подтверждал возрождение традиции проведения парада Победы, дежурство почетного караула у могилы Неизвестного солдата, а также регулирование вопросов о военных памятниках и борьбы с фашизмом. С 1996 г. дата 22 июня получило официальное название «День памяти и скорби», который в 2007 г. по Указу Президента Российской Федерации был внесен в список памятных дат⁴.

Неоспорима роль в увековечении памяти воинов, погибших в Великой Отечественной войне, поискового движения Советского Союза, получившего официальный статус в 1988 г. В качестве самостоятельной общесоюзной общественной организации оно оформилось в Министерстве юстиции СССР в августе 1991 г. как Ассоциация поисковых объединений «Народная память о защитниках Отечества (АсПО)». Однако с распадом СССР единство поисковых организаций и объединений, их законодательные основы деятельности были разрушены. Их удалось восстановить только с принятием Закона Верховного Совета Российской Федерации от 14 января 1993 г.⁵. В результате поисковая работа вновь получила нормативно-правовую базу и поддержку в обществе, приобрела системный характер. Новый закон содержал положения о порядке организации поисковых работ, органах управления ими, средствах и формы увековечения памяти военнослужащих, погибших при выполнении воинского долга. В результате процедуры переоформления в декабре 1995 г. организация стала называться «Союз поисковых отрядов России».

Процесс организации поисковой работы и сохранения памяти о погибших воинах регламентируется следующим перечнем нормативных актов: Федераль-

¹ О днях воинской славы и памятных датах России: Фед. закон от 13.03.1995 г. № 32-ФЗ [Электронный ресурс] // Гарант: информ.-прав. система. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/1518352/paragraph/13637/> (дата обращения: 25.11.2018).

² Там же.

³ Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 годов: Фед. закон от 19.05.1995 г. № 80-ФЗ [Электронный ресурс] // Гарант: информ.-прав. система. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/1518946/paragraph/8934/highlight/> (дата обращения: 07.09.2019).

⁴ О днях воинской славы и памятных датах России: Фед. закон от 24.10.2007 г. № 231-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26362> (дата обращения: 07.09.2019).

⁵ Об увековечении памяти погибших при защите Отечества: Закон РФ от 14.01.1993 г. № 4292-1 (ред. от 19 июля 2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://zrf.su/zakon/1993-01-14-n-4292-1/> (дата обращения: 07.09.2019).

ным законом от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле»¹, Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина от 22 января 2006 г. № 37 «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества»² и др. Значительным подспорьем стала Государственная программа патриотического воспитания граждан Российской Федерации в 2001–2005 г., соответственно, четвертая по счету программа, рассчитанная на 2016–2020 годы³.

Указом Президента Российской Федерации от 22 января 2006 г. № 37 предусматривалось: возложение полномочий по организации и руководству работой по увековечению памяти на территории Российской Федерации и за её пределами на Министерство обороны Российской Федерации как уполномоченного федерального органа исполнительной власти в данной сфере; создание для выполнения военно-мемориальной работы на территориях государств, где имеются российские воинские захоронения, представительств Министерства обороны России. В конечном счете новые задачи и масштабы работы predeterminedили создание в 2006 г. в структуре Министерства обороны Российской Федерации специального органа – Управления по увековечению памяти погибших при защите Отечества (начальник Управления – генерал-майор запаса, кандидат военных наук В.В. Попов) [1. С. 183].

Во исполнение Перечня поручений Президента Российской Федерации «Вопросы организации военно-мемориальной работы в Российской Федерации» от 23 апреля 2003 г. № пр-698⁴, касающихся вопросов организации военно-мемориальной работы в масштабах всей страны и Указа от 22 января 2006 г. № 37⁵, Министерством обороны осуществлен масштабный проект: подготовлен единый электронный банк данных о погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне, в локальных войнах и вооруженных конфликтах послевоенного периода (ОБД Мемориал: <http://www.obd-memorial.ru>).

В целях обеспечения взаимодействия и координации деятельности по обеспечению сохранности воинских захоронений на территории стран СНГ и увековечения памяти захороненных, главами стран Содружества Независимых Государств было подписано 3 сентября 2011 г. специальное соглашение⁶. Рабочим органом Совета министров обороны государств-участников СНГ стал Военно-мемориальный комитет. В ноябре 2016 г. его председателем был избран референт заместителя Министра обороны Российской Федерации А.В. Кирилин [5. С. 8].

¹ О погребении и похоронном деле: Фед. закон от 12.01.1996 г. № 8-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: информ.-прав. система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8919/ (дата обращения: 07.09.2019).

² Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества: Указ Президента РФ от 22.01.2006 г. № 37. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23367> (дата обращения: 07.09.2019).

³ Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»: Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 г. № 1493 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVh1j1sKAErrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 25.11.2018).

⁴ Перечень поручений Президента Российской Федерации «Вопросы организации военно-мемориальной работы в Российской Федерации» от 23.04.2003 г. № пр-698 [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d5955b7a69d880995f.pdf> (дата обращения: 25.11.2018).

⁵ Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества: Указ Президента РФ от 22.01.2006 г. № 37 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23367> (дата обращения: 25.11.2018).

⁶ Соглашение об увековечении памяти о мужестве и героизме народов государств – участников Содружества Независимых Государств в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов [Электронный ресурс]. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3151> (дата обращения: 25.11.2018).

Согласно Федеральному закону № 68-ФЗ от 9 мая 2006 г. «О почетном звании Российской Федерации “Город воинской славы”»¹ был проведен открытый Всероссийский конкурс на архитектурно-скульптурное решение памятной стелы «Город воинской славы». Результаты конкурса были утверждены Российским организационным комитетом «Победа», образованным по Указу Президента Российской Федерации от 5 августа 2000 г. № 1441². Председателем комитета стал Президент Российской Федерации В.В. Путин, а первым заместителем – Министр обороны России С.Б. Иванов (в настоящее время – генерал армии С.К. Шойгу)³.

Во исполнение Указа Президента России от 22 января 2006 г. № 37 федеральным правительством принято соответствующее Постановление № 802 от 26 ноября 2007 г.⁴. В нём было отмечено, что расходы на проведение мероприятий, связанных с организацией работы, включая и обеспечение координации поисковой деятельности, должны осуществляться за счет средств федерального бюджета, предусмотренных для Министерства обороны Российской Федерации [3].

Как и в советскую эпоху, на серии нормативных актов, касающихся увековечения памяти и военно-патриотического воспитания молодежи, строится работа Министерства обороны Российской Федерации. Прежде всего это: Приказ Министра обороны от 15 октября 2014 г. № 745 «Об утверждении порядка взаимодействия органов военного управления, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации при организации и проведении мероприятий по военно-патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации»⁵ и Приказ от 21 апреля 2016 г. № 210 «Об утверждении Ведомственной программы Министерства обороны Российской Федерации по реализации государственной программы “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы”»⁶.

Важное значение в борьбе против фальсификаций, ревизий фундаментальных положений по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн имеет Протокол заседания Российского организационного комитета «Победа» от 4 мая 2017 г. «О развитии гуманитарного сотрудничества с за-

¹ О почетном звании Российской Федерации «Город воинской славы»: Фед. закон № 68-ФЗ от 09.05.2006 г. [Электронный ресурс] // Гарант: информ.-прав. система. URL: <https://base.garant.ru/189454/> (дата обращения: 25.11.2018).

² О Российском организационном комитете «Победа»: Указ Президента РФ от 05.08.2000 г. № 1441 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/pprf/22943> (дата обращения: 25.11.2018).

³ Об утверждении состава Российского организационного комитета «Победа»: Указ Президента РФ от 01.11.2018 г. № 627 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/551528348> (дата обращения: 25.11.2018).

⁴ О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 22.01.2006 г. N 37: Постановление Правительства РФ от 26.11.2007 г. № 802 [Электронный ресурс] // Гарант: информ.-прав. система. URL: <https://base.garant.ru/192295/> (дата обращения: 25.11.2018).

⁵ Об утверждении порядка взаимодействия органов военного управления, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации при организации и проведении мероприятий по военно-патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации: приказ Министра обороны РФ от 15.10.2014 г. № 745 [Электронный ресурс]. URL: <https://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/document/prikaz-minoborony-n745-ot-15-10-2014.html> (дата обращения: 25.11.2018).

⁶ Об утверждении Ведомственной программы Министерства обороны Российской Федерации по реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»: приказ Министра обороны РФ от 21.04.2016 г. № 210 [Электронный ресурс]. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=12106865%40egNPA (дата обращения: 25.11.2018).

рубежными странами на государственном и общественном уровнях в целях продвижения объективной исторической и актуальной информации о Российской Федерации, в том числе о её роли в победе над нацизмом»¹.

Подтверждением преемственности в деятельности центральных и местных органов государственной власти советской эпохи и современной России по сохранению памяти служат Указы Президента Российской Федерации и Главы Чувашской Республики по проведению мероприятий, посвященных празднованию 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.²

На уровне Чувашской Республики в рамках мер по увековечению памяти о защитниках Отечества в 2000-е гг. был принят ряд нормативно-правовых актов. Так, в связи с подготовкой к празднованию 70-летия победы в Великой Отечественной войне был издан Указ Главы Чувашской Республики от 19 апреля 2013 г. № 37³. Одним из направлений работы по его реализации стали благоустройство и ремонт памятников и других мемориальных объектов. Во исполнение решения руководства Чувашской Республики в муниципальных районах и городских округах в 2014–2015 гг. проведена масштабная работа по реконструкции, текущему ремонту и благоустройству мемориальных объектов и сооружений, посвященных Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В свою очередь, Министерством культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики с ноября 2014 г. по апрель 2015 г. была проведена паспортизация воинских захоронений и мемориальных объектов. Указом Главы Чувашии М.В. Игнатъева от 10 сентября 2018 г. № 100 продолжена работа по увековечению памяти о Великой Отечественной войне и определены конкретные задачи, в частности, перед Кабинетом министров Чувашской Республики совместно с органами местного самоуправления – принятие всех необходимых мер по сохранению мемориальных музеев, памятников, обелисков, стел и других мемориальных сооружений, их ремонту и обустройству прилегающих территорий⁴.

¹ О развитии гуманитарного сотрудничества с зарубежными странами на государственном и общественном уровнях в целях продвижения объективной исторической и актуальной информации о Российской Федерации, в том числе о её роли в победе над нацизмом: протокол заседания Российского организационного комитета «Победа» от 04.05.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/1031/54453> (дата обращения: 28.11.2018).

² Об утверждении состава Российского организационного комитета «Победа»: Указ Президента РФ от 01.11.2018 г. № 627 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/551528348> (дата обращения: 25.11.2018); О подготовке и проведении празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Указ Президента РФ от 09.05.2018 г. № 211 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805100002> (дата обращения: 25.11.2018); О подготовке и проведении празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Указ Главы Чувашской Республики от 10.09.2018 г. № 100 [Электронный ресурс]. URL: http://gov.cap.ru/Laws.aspx?id=317057&gov_id=712 (дата обращения: 12.06.2018); О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы: Указ Президента РФ от 08.07.2019 г. № 327 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/60954> (дата обращения: 29.07.2019).

³ О подготовке и проведении празднования 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Указ Главы Чувашской Республики от 19.04.2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1553184> (дата обращения: 25.11.2018).

⁴ О подготовке и проведении празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Указ Главы Чувашской Республики от 10.09.2018 г. № 100 [Электронный ресурс]. URL: http://gov.cap.ru/Laws.aspx?id=317057&gov_id=712 (дата обращения: 12.06.2018).

Таким образом, в Российской Федерации в начале XXI в. в целом сложилась система нормативно-правового обеспечения увековечения памяти о Великой Отечественной войне, сохранения преемственности поколений, непрерывности процесса дальнейшего формирования патриотического сознания граждан. При этом современные нормативно-правовые акты сохранили связь с правовыми документами советской эпохи и охватили деятельность практически всех государственных и общественных структур.

Литература

1. Андреев О.В. Оборонно-массовая и военно-патриотическая работа в России (XX – начало XXI в.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. 436 с.
2. Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев и др. М.: СПб., 2015. 383.
3. Воинская память Чувашской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://soldiers.chuvsu.ru>.
4. Памяти павших. Великая Отечественная война, 1941–1945 / М.А. Гареев, В.И. Амосов, В.М. Андронников и др. М.: БРЭ, 2005. 299 с.
5. Попов В.В. Война не окончена, пока не похоронен последний солдат // Военно-исторический журнал. 2017. № 11. С. 4–11.
6. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М.: Госюриздат, 1956. 500 с.

АНДРЕЕВ ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (olevasandr@mail.ru).

ШИРОКОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mlemaeva@mail.ru).

O. ANDREEV, M. SHIROKOVA

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE LEGAL FRAMEWORK FOR COMMEMORATING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN 1941–2019

Key words: *The Great Patriotic war, perpetuation, legal support, the Memorial Book, continuity of generations, Russia, the Chuvash Republic.*

Preserving the memory of the deceased, the contribution of the Soviet people to achieving victory in the Great Patriotic war as a whole is the most important factor in ensuring the continuity of generations. The generational bridge in Russia will become stronger if state bodies and public associations, researchers continue to work together to study the decisive role of the victorious generation – the Soviet people and their allies – in defeating the Nazi Germany. In modern conditions, against the background of organized actions in the West to distort the history of the war, it is extremely important to continue to strengthen the regulatory framework for perpetuating the memory of the Great Patriotic war. Unfortunately, there is still a serious gap in the historiography of the war at the national and regional levels. Hence, the purpose of the article is to analyze the process of forming and developing legal support for preserving the memory of the Great Patriotic war in 1941–2019 on the scale of the Soviet Union, the Russian Federation and Chuvashia. On the basis of published documents and research the authors present the characteristics of the historical context and the content of the decisions made by the country's and the Republic's supreme authorities for legal support of the activities carried out by the Commission on the history of the war, celebrating the Victory Day, preparation and publication of Memorial Books, the work of state bodies and public associations to strengthen the continuity of generations.

The analysis enables to conclude that the decisions of the party and state bodies in the most difficult conditions at the initial stage of the Great Patriotic war, which provided for the organization of collecting the materials about the events at the front and in the rear of

the aggressor's troops, the work of the national economy, laid the legal framework for commemorating the contribution of the people and the army to victory. This process was continued in the following decades, despite contradictions and difficulties in the socio-political development of the country. The modern set of legal acts to perpetuate the memory of the Great Patriotic war, keeping in touch with the legal documents of the Soviet era, has acquired a systemic character and promotes for strengthening the continuity of generations in Russia.

References

1. Andreev O.V. *Oboronno-massovaya i voenno-patrioticheskaya rabota v Rossii (XX – nachalo XXI v.)* [Defense and military-patriotic activities in Russia (20th – beginning of the 21st century)]. Cheboksary, Chuvash University Publ, 2019, 436 p.
2. Gus'kov A.G., Drozdov K.S., Zhuravlev S.V. et al. *Vklad istorikov v sokhranenie istoricheskoi pamyati o Velikoi Otechestvennoi voine. Na materialakh Komissii po istorii Velikoi Otechestvennoi voiny AN SSSR, 1941–1945 gg.* [Historians to Conserve the Memory of the Great Patriotic War. Based on materials of the Commission of the History of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, St. Petersburg, 2015, 383 p.
3. *Voinskaya pamyat' Chuvashskoi Respubliki* [Memory of the soldiers of the Chuvash Republic]. Available at: <http://soldiers.chuvsu.ru/>
4. Gareev M.A. et al. *Pamyati pavshikh. Velikaya Otechestvennaya voina, 1941–1945* [In memory of the fallen. The Great Patriotic War, 1941–1945]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., 2005, 299 p.
5. Popov V.V. *Voina ne okonchena, poka ne pokhoronen poslednii soldat* [The war is not over until the last soldier is buried]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 2017, no 11, pp. 4–11.
6. *Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – iyul' 1956 g.* [Collection of USSR laws and decrees of the Presidium of the Supreme Council of the USSR. 1938 – July 1956]. Moscow, State Law Publ., 1956, 500 p.

ANDREEV OLEG – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (olevasandr@mail.ru).

SHIROKOVA MARINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (mlemaeva@mail.ru).

Формат цитирования: Андреев О.В., Широкова М.А. Формирование и развитие нормативно-правовых основ сохранения памяти о Великой Отечественной войне в 1941–2019 годах // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 23–34.

УДК 392.8.
ББК 63.5 (2)

Е.Ю. АНИСИМОВА, И.Е. КАНЦЕРОВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПИТАНИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ (на примере татар и чувашей)

Ключевые слова: материальная культура, питание, рацион, трансформация, татары, чувашки.

Статья посвящена одной из актуальнейших проблем этнографической науки – культуре питания как важнейшей системы жизнеобеспечения этноса. На основе полевых исследований по Цильнинскому району Ульяновской области авторы выявляют специфику рациона питания татарского и чувашского населения, ее трансформацию в современных социально-экономических условиях. В статье подробно рассмотрены ассортимент традиционной кулинарии на примере продуктов растительного и животного происхождения, способы обработки, видовой состав блюд. Особое внимание авторами уделяется этновзаимовлияниям в изучаемой сфере материальной культуры середины XX – начала XXI в. Выявлено, что в результате тесного совместного проживания в рационе питания татар существенно увеличилось потребление продуктов растительного происхождения, в то время как в чувашской этнической среде произошел рост потребления мясо-молочной продукции. Авторами установлено, что ассортимент напитков у татарского населения подвергся наименьшим изменениям. В статье представлены результаты анкетирования тюркоязычных студентов естественно-географического факультета Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова с целью выявления изменения рациона питания среди молодежи. Анализ ответов респондентов дает основание считать, что питание является наиболее устойчивым элементом традиционной материальной культуры этносов.

Одной из наиболее актуальных проблем современной этнографической науки является изучение материальной культуры. Среди различных ее аспектов особое место занимает пища, которая является важнейшей системой жизнеобеспечения.

В наборах пищевых продуктов, способах их обработки, типах блюд, в традициях пищевого предпочтения или избегания, организации и ритуале трапез, связанных с пищей, отразилась этническая и культурно-историческая специфичность этноса, и изучение этих явлений способствует раскрытию их этнического своеобразия и представляет большой научный интерес [18. С. 110].

Особое значение имеет оценка системы питания и ее трансформация в современных социально-экономических условиях полиэтнического региона.

Авторами был собран уникальный полевой материал во время этнографических экспедиций по Цильнинскому району Ульяновской области (2010–2019 гг.), который позволил проследить взаимовлияние и трансформацию питания, ассортимента продуктов и способов их приготовления в этнической среде татар и чувашей. Также авторами было проведено анкетирование тюркоязычных студентов естественно-географического факультета Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова с целью выявления изменений рациона питания среди молодежи. Было опрошено 30 тюркоязычных респондентов, из которых 15 были татарской национальности (10 девушек и 5 юношей) и 15 – чувашской (12 девушек и 3 юношей), проживающие в однонациональных семьях. Данное анкетирование было экспериментальным, и в будущих исследованиях аудитория респондентов будет

расширена, что позволит рассмотреть современную культуру питания не только в мононациональных тюркоязычных семьях, но и в межнациональных.

Традиционно основу рациона питания чувашей Симбирско-Ульяновского Поволжья составляли продукты растительного происхождения: хлебные (рожь, ячмень, полба, овес, просо) [14. С. 145] и бобовые растения (горох, фасоль, чечевица), плоды, овощи, листья, стебли, травы и т.п. [11. С. 84].

Из ржаной муки варили мучные похлебки и пекли хлебобулочные изделия [12. С. 369]. Каши чаще всего готовили из полбенной и овсяной крупы [17. С. 303], последней исстари кормили малолетних детей, так как считали, что нежные детские желудки легко ее усваивают. Овес использовали при варке киселя, ячмень – для приготовления пива.

Среди бобовых, особой полярностью пользовался горох, который употребляли при выпечке пирогов и приготовлении супов.

С середины XIX в. основным продуктом питания чувашей становится картофель, в вареном, жареном, печеном видах его ели на завтрак, обед и ужин.

Чуваши в большом количестве использовали овощи. Морковь, свеклу и капусту – в сыром виде и в качестве начинки для пирогов, из тыквы готовили кашу, которая считалась лакомством, огурцы ели свежими и солеными [15. С. 173]. Жительница с. Богдашкино Егорова Раиса Васильевна 1957 г.р. придерживается традиционных предпочтений, готовит манты из тыквы, котлеты из кабачков, пироги со свекольной и морковной начинкой [6].

Чуваши потребляли много лука в самых разнообразных видах: свежим с солью и хлебом, в качестве салата, в супах, печеном виде и т. д. [3. С. 33]. Очень часто пекли луковые пироги, начинка которых состояла только из поджаренного лука (на один пирог уходило до 30 луковиц) [6].

Редька являлась приправой и лекарственным средством при «простуде». При разговоре с респондентами в с. Старые Алгаши нами было установлено, что и в настоящее время чувашаи кашель лечат соком редьки с медом.

Щавель использовали как заменитель капусты в супах и начинку для пирогов.

До середины XX в. потребление ягод (смородины, вишни, рябины) чувашами было ограничено. В настоящее время во всех приусадебных участках выращивают вишню и смородину, которые идут на изготовление компотов и варенья. Рябину, как и много лет назад, чувашаи используют в виде лекарственного средства при лечении гастрита, атеросклероза, ревматизма и др.

Также в рацион питания чувашей, хоть и незначительно, все же входили яблоки и сливы. По воспоминаниям жителя с. Богдашкино Сультеева Владимира 1962 г.р. из яблок получали сок: «Мама брала холщевый мешок, в него насыпала ведро яблок, добавляла воды и нагревала. Когда яблоки становились мягкими, мешок подвешивала на крюк, и отжимала сок» [6].

Как и чувашаи, татары в своем рационе питания использовали зерновые продукты в виде муки (ржаной, пшеничной, гречневой, гороховой, ячменной, овсяной) и круп (пшеница, гречка, полбы, риса).

Из злаковых культур татары отдавали предпочтение ячменю в связи с тем, что он менее требователен к условиям произрастания. Ячмень служил основой для приготовления многих блюд (хлеб, каши, пироги) и лекарств. Особенность татарской каши придавало наличие бараньего сала [19. С. 136].

Соседство с русскими, мордвой, чувашами оказало значительное влияние на появление овощей в татарском рационе. Татары никогда не отрицали

полезности растительной пищи. В народной медицине использовались различные травы и корни. У татар считалось обязательным хотя бы раз в год, особенно весной, «есть какую-нибудь зелень “для очищения желудка” и “изгнания червей”, а также для предотвращения ревматизма» [1. С. 26].

Использование в пищу татарами ягод в сушеном и переработанном виде, орехов, диких растений (крапивы, щавеля и т.п.) является результатом влияния чувашской кухни.

Ранней весной татары готовили кысыр аш – постный (вегетарианский) суп из дикорастущих съедобных растений, иногда заправленный яйцом; кычтыкан ашы (суп из крапивы), кузгалак ашы (суп из щавеля), балтырган ашы (суп с борщевиком) и т.п. Из ягод варили варенье, пастилу, повидло, делали начинку для сладких пирогов [5. С. 165].

Расширение рациона питания татар в XIX в. происходит за счет развития огородничества. Выращивали картофель, тыкву, позднее – капусту, огурцы и др. [2. С. 18]. Картофель становится основным ингредиентом многих татарских блюд (кубите, кыстыбый, бак-беляш, эчпочмак и т.п.).

Необходимо отметить, что грибы татары практически не употребляли, считали их «погаными» [16. С. 317]. В настоящее время ситуация изменилась, как отмечает жительница с. Новые Тимерсяны Явкина Ирина Мансуровна 1986 г.р.: «Сегодня татары охотно собирают грибы, которые жарят, сушат, маринуют и замораживают» [8].

Совсем иное отношение было к фруктам, основными поставщиками которых были мусульманские купцы, чем объяснялось их широкое употребление татарским населением края. Обеспеченные семьи разбивали в усадьбах фруктовые сады, например, меценаты Акчурины. На рубеже XIX–XX вв. в татарской среде развивается коммерческое садоводство.

Авторами был проведен сравнительный анализ использования растительных продуктов в современном рационе питания татар с. Новые Тимерсяны и чувашей с. Старые Алгаши Цильнинского района. Исследование показало, что структура потребления зерновых продуктов у изучаемых народов существенно не различается. Но необходимо отметить, что в настоящее время татарское население стало активно заниматься выращиванием овощей (помидоры, перец, огурцы и т.п.). Широкое распространение и у тех, и у других получило консервирование растительных продуктов.

Проведенное анкетирование системы потребления продуктов растительного происхождения в молодежной среде выявило следующие результаты.

На вопрос: «Как часто Вы употребляете овощи и фрукты?» большинство респондентов ответило «ежедневно», данный показатель чуть выше у представителей татарской национальности. Всего несколько человек, ответили, что «едят фрукты и овощи по праздникам», тех, кто совсем не ест растительную пищу – нет (рис. 1, 2).

Респонденты отметили, что употребление в пищу сырых продуктов – овощей, зелени, фруктов, ягод – очень полезно, причем предпочтение отдается местным производителям.

На вопрос анкеты: «Каши являются постоянным блюдом в Вашем рационе?» более 70% тюркоязычных респондентов ответило утвердительно (рис. 3). Так как большинство опрошиваемых было в возрастной категории от 18 до 22 лет, то мы считаем, что на рацион их питания оказывает пропаганда здорового образа жизни, многие опрошенные студентки следят за своей фигурой и поэтому считают, что особенно полезны злаковые каши.

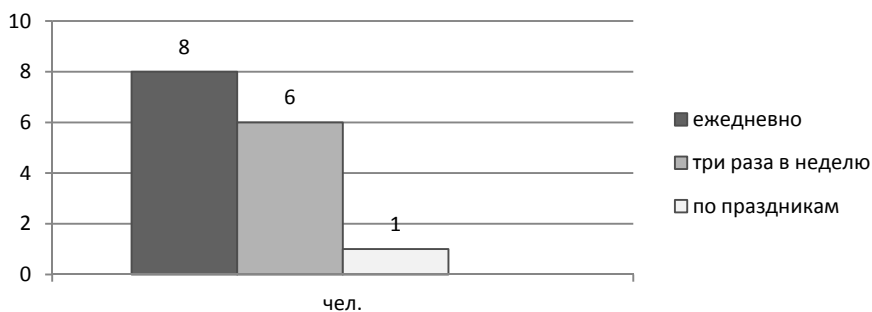

Рис. 1. Ответы респондентов чувашской национальности на вопрос «Как часто Вы употребляете овощи и фрукты?». Составлено авторами по данным ПМА

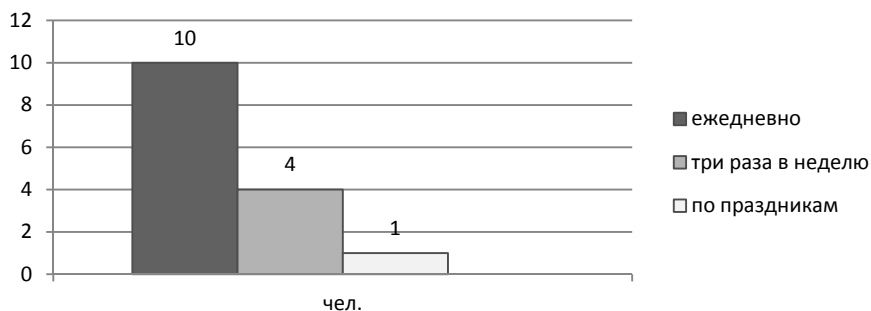

Рис. 2. Ответы респондентов татарской национальности на вопрос «Как часто Вы употребляете овощи и фрукты?». Составлено авторами по данным ПМА

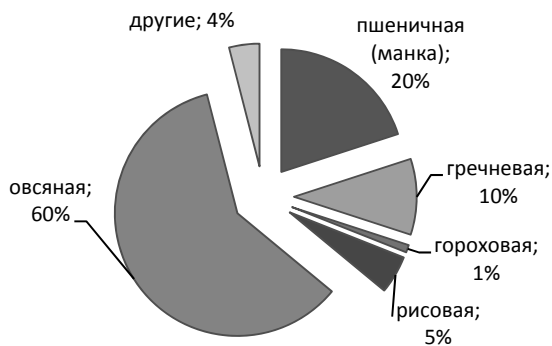

Рис. 3. Крупяные предпочтения тюркоязычных респондентов при приготовлении каш. Составлено авторами по данным ПМА

Наиболее популярной крупой при приготовлении каш у респондентов является овсяная – 60%, на втором месте – пшеничная (манка) – 20% и на третьем гречневая – 10%. Рисовые каши, и особенно гороховые, популярностью не пользуются. Среди других круп респонденты назвали кукурузную, полбенную.

Также в состав рациона питания тюркоязычных народов Ульяновской области входили продукты животного происхождения (мясо, рыба, молоко, молочные продукты, мёд, яйца).

Пища животного происхождения у чувашей использовалась главным образом в праздничной, ритуальной и семейной обрядности. Например, быка или барана, закальваемого во время общественных жертвоприношений, варили в общем котле и равномерно распределяли между всеми участниками религиозного обряда [4. С. 188].

Также чувашаи употребляли конину, хотя считали ее менее питательной. В населенных пунктах, где проживали татары и чувашаи, конина приравнивалась к говядине. Например, чувашаи с. Богдашкино Цильнинского района даже в 60–70-е гг. XX в., соблюдали традицию потребления конины. Зимой питались мясом собственного производства, а в весенне-летней период выписывали конину в колхозе (3–5 кг на семью) [6].

В дореволюционный период в чувашском мясном рационе преобладала свинина в связи с несложностью содержания и ухода за животными. В советский период особых предпочтений в выборе мяса не наблюдалось. Со слов Егоровой Раисы Васильевны 1957 г.р. (с. Богдашкино): «В среднем каждая семья имела 1 корову, 2 поросят, 2–3 барана, 15 гусей и столько же кур» [6].

В настоящее время в связи с удорожанием кормов количество скотины значительно сократилось и несколько изменился ее видовой состав. Раньше для получения молока менее обеспеченные семьи держали коз, сейчас козье молоко и мясо прочно вошли в рацион питания чувашей. Уба Анатолий Николаевич 1957 г.р. (с. Старые Алгаши) поясняет подобную ситуацию: «Пока дети были маленькие, держали две коровы. Дети выросли, переехали в город. В таком количестве молока перестали нуждаться, да и стоимость содержания сильно выросла. Не выгодно стало. Поэтому стали разводить коз. Сейчас у нас их девять. Жена Галя из козьего молока готовит сыр, сметану, творог» [9].

Традиционно излюбленными мясными блюдами остаются тултармш, ширттан, йунтармаш, йун. Как отмечает жительница с. Большое Нагаткино Карсакова Лидия Васильевна (1954 г.р.), в настоящее время чувашаи с удовольствием готовят блюда других народов: голубцы, долму, пиццу [7].

Рыбу чувашаи ели редко, исключение составляли жители населенных пунктов, расположенных у водоемов. В 60–70-е гг. XX в. чувашаи начинают приобретать рыбу в магазинах, особой популярностью пользовался минтай [6].

В дореволюционный период яйца и молоко чувашаи потребляли редко, в семейные праздники, по окончании рабочей поры – во время религиозных обрядов [4. С. 189]. В настоящее время данные продукты являются обязательной составной частью питания современной чувашской семьи.

Обилие мясо-молочной продукции было существенным отличием рациона питания татарского населения Ульяновской области. В приготовлении пищи использовали баранину, говядину, конину и мясо птицы. Запретными были мясо свиньи, хищных животных и птиц. Забой скотины сопровождался религиозными ритуалами.

К популярным татарским мясным блюдам можно отнести – тутьрму, плов, азу, фаршированную баранину (тутьрган тэкэ).

В современном рационе питания татар, так же, как и раньше, мясо занимает значительное место при сохранении ими предпочтения к баранине, го-

вядине и конине [13. С. 83], значительно возросло употребление мяса птицы (кур, цыплят) [8].

Варка была наиболее распространенным способом приготовления мяса, как у татар, так и у чувашей. В настоящее время виды обработки мяса самые разнообразные.

Рыбные продукты были составной частью традиционного татарского стола [20. С. 368]. Как вспоминает Абузярова Альфия Ахметовна 1958 г.р. (с. Новые Тимерсяны): «Рыбу мы ели всегда. Мой дед ловил рыбу в пруду, сетями. Рыбу только жарили. Уху не варили. В 1960-е гг. попробовала в первый раз ставриду, которую привозили в местный магазин пластами» [8].

Проведенное анкетирование показало, что у студентов-чувашей в мясном рационе присутствуют не только традиционные блюда, но и блюда других народов: пельмени, манты, голубцы, плов и др. (рис. 4).

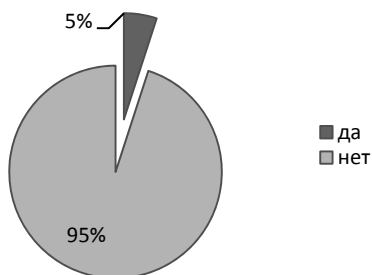

Рис. 4. Ответы респондентов чувашской национальности на вопрос «Сохранились ли в Вашем рационе питания традиционные мясные блюда?». Составлено авторами по данным ПМА

Респонденты татарской национальности по-прежнему широко используют в своем рационе питания традиционные мясные блюда (более 75%) (рис. 5). Наиболее излюбленными являются колбаса из конины, азу из говядины, плов.

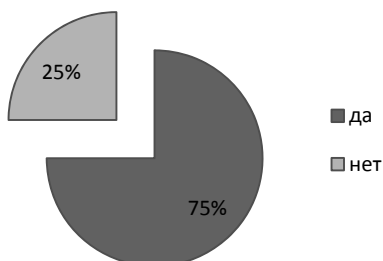

Рис. 5. Ответы респондентов татарской национальности на вопрос «Сохранились ли в Вашем рационе питания традиционные мясные блюда?». Составлено авторами по данным ПМА

Так же, как и прежде, продукты пчеловодства характерны для структуры питания тюркоязычных народов Ульяновской области. В XVI–XVII вв. чуваша занимались бортничеством, на смену ему из-за резкого сокращения площади лесов приходит пасечное пчеловодство, которое было делом состоятельных

крестьян [10. С. 101]. Примером могут служить семьи Тимофея Буяндукова и Виталия Шубина и из с. Богдашкино Цильнинского района. В советское время пчеловодством занимались и коллективные хозяйства, ежегодно каждая семья получала до 5 кг меда. Мед употребляли в качестве ритуального и лекарственного средства [6]. Пчеловодство получило достаточно широкое развитие среди татарского населения края, со слов Латыповой Шамшинур Кабировны 1927 г.р. (с. Новые Тимерсяны): «Ульев было много, 15 семей занималось пчеловодством, в том числе и мы» [8].

Основными напитками, употребляемыми чувашами до конца XIX в., были вода, березовый сок и пиво, у татар – чай, катык, айран и т.д. В настоящее время рассматриваемые тюркоязычные народы из напитков предпочитают чай с травами, кофе, компоты, кисели и кисломолочную продукцию.

Проведенное анкетирование среди студентов показало, что наибольшая сохранность традиционных напитков в рационе питания наблюдается у татарского населения (рис. 6, 7). Татары отметили, что с удовольствием пьют кисломолочные напитки, такие как айран и катык. Если раньше чай был привилегией только татар, то в настоящее время чувашаи его употребляют в большом количестве, но все же со своими этническими особенностями, добавляя в него листья смородины, малины, клубники и дикорастущие травы – душицу, зверобой, объясняя данный факт тем, «что в покупной заварке нет витаминов, и она идет в основном для цвета, а в травах много полезных свойств» [6–9].

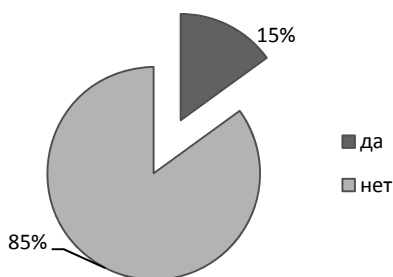

Рис. 6. Ответы респондентов чувашской национальности на вопрос «Присутствуют ли в Вашем рационе питания традиционные напитки?». Составлено авторами по данным ПМА

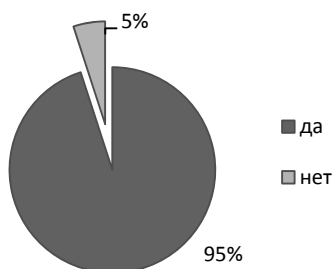

Рис. 7. Ответы респондентов татарской национальности на вопрос «Присутствуют ли в Вашем рационе питания традиционные напитки?». Составлено авторами по данным ПМА

Таким образом, выбор продуктов питания и способов их приготовления определялся природными условиями и хозяйственной деятельностью изучаемых этносов. Совершенствование способов приготовления и расширение ассортимента продуктов питания позволили существенно разнообразить рацион питания татар и чувашей Ульяновской области. Благодаря социально-экономическому развитию возросло значение в рационе питания покупных продуктов и значительно снизился процент собственных, получаемых непосредственно в своем хозяйстве. Проведенное анкетирование среди тюркоязычной молодежи показало, что традиционная кухня является одним из устойчивых элементов материальной культуры.

Литература

1. Губайдуллин К., Губайдуллина М. Пища казанских татар (этнографический очерк) // Вестник научного общества татароведения. 1927. № 6. С. 17–49.
2. Из этнической истории Ульяновской области (краткие очерки): сб. / под. ред. В.Н. Егорова. Ульяновск: Областное газетное изд-во, 1993. 64 с.
3. Недвигина С.В. Чувашская национальная кухня: пища крестьян XIX – нач. XX вв. // Чувашский Национальный музей: люди, события, факты. 2014. № 9. С. 29–33.
4. Никольский Н.В. Краткий курс по этнографии чуваш. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1929. 229 с.
5. Нурмухаметова Р.С. Влияние внешней среды на формирование и функционирование лексики пищи татарского языка // Филология и культура. 2014. № 4(38). С. 164–169.
6. Полевые материалы авторов, с. Богдашино, Цильнинский район, 2019 г.
7. Полевые материалы авторов, с. Большое Нагаткино, Цильнинский район, 2015 г.
8. Полевые материалы авторов, с. Новые Тимерсяны, Цильнинский район, 2010, 2019 гг.
9. Полевые материалы авторов, с. Старые Алгаши, Цильнинский район, 2019 г.
10. Порозова А.Д., Шабалина Л.П. Традиционная народная медицина Симбирско-Ульяновского Поволжья: историко-этнографическое исследование. Ульяновск: Артишок, 2009. 199 с.
11. Ромашкин В.Ф., Федоров В.Н., Шабалина Л.П. Чуваша Симбирского Поволжья. Ульяновск: Симбирская книга, 1998. 168 с.
12. Сергеева Е.В. Изделия из теста в культуре питания чувашей и татар // Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы: сб. материалов XII Конгресса антропологов и этнологов России. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2017. С. 369.
13. Сергеева Е.В. Культура питания народов Поволжья: опыт сравнительно-сопоставительной характеристики // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сб. науч. тр. / ЧГИГН. Чебоксары, 2015. Вып. 3. С. 81–110.
14. Сергеева Е.В. Отражение межэтнических контактов с татарами в культуре питания чувашей // Чуваша и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. / ЧГИГН. Чебоксары, 2012. С. 144–166.
15. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. Репринтное издание / под. ред. В.П. Семенова. Ульяновск: Дом печати, 1998. 599 с.
16. Татары / отв. редакторы Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. М.: Наука, 2001. 583 с.
17. Чуваша. М.: Наука, 2017. 654 с.
18. Чуваша: современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988. 240 с.
19. Этнография Симбирского-Ульяновского Поволжья / Е.Ю. Анисимова, З.Г. Баширова и др.; отв. ред. Л.П. Шабалина. Ульяновск: УлГПУ, 2007. 376 с.
20. Яковлева Е.Л. Выявляя специфику татарской национальной кухни // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4, № 3. С. 362–370.

АНИСИМОВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры географии и экологии, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, Россия, Ульяновск (aniska73@list.ru).

КАНЦЕРОВА ИРАИДА ЕВГЕНЬЕВНА – старший преподаватель кафедры географии и экологии, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, Россия, Ульяновск (iraida23@mail.ru).

E. ANISIMOVA, I. KANTSEROVA
TRANSFORMATION OF NUTRITION AMONG TURKIC-SPEAKING PEOPLES
OF ULYANOVSK REGION
(ON THE EXAMPLE OF THE TATARS AND THE CHUVASH)

Key words: material culture, food, diet, transformation, the Tatars, the Chuvash.

The article is devoted to one of the most urgent problems of ethnographic science – food culture – as the most important life support system of an ethnic group. On the basis of field research in Tsilninsky district of Ulyanovsk region, the authors identify the specifics of the diet among the Tatar and the Chuvash population, its transformation in modern socio-economic conditions. The article describes in detail the range of traditional cuisine on the example of products having plant and animal origin, processing methods, species composition of dishes. The authors pay special attention to ethnic interinfluence in the studied sphere of material culture of the mid-20th – early 21st century. It was revealed that as a result of close cohabitation consumption of plant products significantly increased in the diet of the Tatars, while in the Chuvash ethnic environment there was an increase in consumption of meat and dairy products. The authors found that the range of drinks in the Tatar population underwent the least changes. The article presents the results of a survey of Turkic-speaking students of the faculty of natural geography at I.N. Ulianov Ulyanovsk State Pedagogical University in order to identify changes in the diet of young people. The analysis of the respondents' answers gives grounds to believe that food is the most stable element in the traditional material culture of ethnic groups.

References

1. Gubaidullin K., Gubaidullina M. *Pishcha kazanskikh tatar (ethnograficheskii ocherk)* [Food of Kazan Tatars (ethnographic essay)]. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya*, 1927, no. 6, pp. 17–49.
2. Egorov V.N., ed. *Iz etnicheskoi istorii Ul'yanovskoi oblasti (kratkie ocherki): sb.* [From the ethnic history of the Ulyanovsk region (short essays): collection]. Ulyanovsk, 1993, 64 p.
3. Nedvigina S.V. *Chuvashskaya natsional'naya kukhnya: pishcha krest'yan XIX – nach. XX vv.* [Chuvash national cuisine: food of peasants of 19th – early 20th centuries]. *Chuvashskii Natsional'nyi muzei: lyudi, sobytiya, fakty*, 2014, no. 9, pp. 29–33.
4. Nikol'skii N.V. *Kratkii kurs po etnografii chuvash* [Short course on Ethnography of Chuvash]. Cheboksary, Chuvash State Publ., 1929, 229 p.
5. Nurmukhametova R.S. *Vliyaniye vneshnei sredy na formirovaniye i funktsionirovaniye leksiki pishchi tatarskogo yazyka* [The Effect of environment on the formation and functioning of the food vocabulary of the tatar language]. *Filologiya i kul'tura*, 2014, no. 4(38), pp. 164–169.
6. *Polevye materialy avtorov, s. Bogdashkino, Tsil'ninskii raion, 2019 g.* [Field materials of the authors, S. Bogdashkino, Ulyanovsk region, 2019].
7. *Polevye materialy avtorov, s. Bol'shoye Nagatkino, Tsil'ninskii raion, 2015 g.* [Field materials of the authors, Big Nagatkino, Ulyanovsk region, 2015].
8. *Polevye materialy avtorov, s. Novye Timersyany, Tsil'ninskii raion, 2010, 2019 gg.* [Field materials of the authors, New Timesany, Ulyanovsk region, 2010, 2019].
9. *Polevye materialy avtorov, s. Starye Algashi, Tsil'ninskii raion, 2019 g.* [Field materials of the authors, Old Algashi, Ulyanovsk region, 2019].
10. Porozova A.D., Shabalina L.P. *Traditsionnaya narodnaya meditsina Simbirsko-Ul'yanovskogo Povolzh'ya: istoriko-ethnograficheskoe issledovanie* [The traditional folk medicine of the Simbirsk-Ulyanovsk Volga region: a historical-ethnographic study]. Ulyanovsk, Artishok Publ., 2009, 199 p.
11. Romashkin V.F., Fedorov V.N., Shabalina L.P. *Chuvashi Simbirskogo Povolzh'ya* [Chuvash of Simbirsk Volga Region]. Ulyanovsk. Simbirskaya kniga Publ., 1998, 168 p.
12. Sergeeva E.V. *Izdeliya iz testa v kul'ture pitaniya chuvashei i tatar* [Dough products in the food culture of the Chuvash and Tatars]. In: *Missiya antropologii i etnologii: nauchnye traditsii i sovremennye vyzovy: sb. materialov XII Kongressa Antropologov i etnologov Rossii* [Proc. of 12th Rus. Congress of Anthropologists and Ethnologists «The mission of anthropology and ethnology: scientific traditions and modern challenges»]. Moscow, 2017, p. 369.
13. Sergeeva E.V. *Kul'tura pitaniya narodov Povolzh'ya: opyt sravnitel'no-sopostavitel'noi kharakteristiki* [Food culture of the Volga peoples: experience of comparative characteristics]. In: *Aktual'nye voprosy istorii i kul'tury chuvashskogo naroda: sb. nauch. tr.* [Actual issues of history and culture of the Chuvash people: collection of scientific works]. Cheboksary, 2015, iss. 3, pp. 81–110.
14. Sergeeva E.V. *Otrazheniye mezhehtnicheskikh kontaktov s tatarami v kul'ture pitaniya chuvashei* [Reflection of interethnic contacts with Tatars in the food culture of the Chuvash]. In:

Chuvashi i ikh sosedi: ehtnokul'turnyi dialog v prostranstvenno-vremennom kontinuuume: materialy Mezhrregion. nauch.-prakt. konf. [Proc. of Sci. Conf. «Chuvashs and their neighbors: ethnocultural dialogue in the space-time continuum»]. Cheboksary, 2012, pp. 144–166.

15. Semenov V.P., ed. *Srednee i Nizhnee Povolzh'e i Zavolzh'e. Reprintnoe izdanie* [Middle and Lower Volga and TRANS-Volga. Reprint ed.]. Ulyanovsk, Dom pechati Publ., 1998, 599 p.

16. Urazmanova R.K., Cheshko S.V., eds. *Tatary* [Tatars]. Moscow, Nauka Publ., 2001, 583 p.

17. *Chuvashi* [Chuvashs]. Moscow, Nauka Publ., 2017, 654 p.

18. *Chuvashi: sovremennye ehtnokul'turnye protsessy* [Chuvash: modern ethno-cultural processes]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 240 p.

19. Anisimova E.Yu., Bashirova Z.G. et al. *Ehtnografiya Simbirskogo-Ulyanovskogo Povolzh'ya* [Ethnography of the Simbirsk-Ulyanovsk Volga region]. Ulyanovsk: ULGPU, 2007, 376 p.

20. Yakovleva E.L. *Vyyavlyaya spetsifiku tatarskoi natsional'noi kukhni* [Revealing the specificity of the Tatar national cuisine]. *Byulleten' nauki i praktiki*, 2018, vol. 4, no. 3, pp. 362–370.

ANISIMOVA ELENA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Geography and Ecology, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Russia, Ulyanovsk (aniska73@list.ru).

KANTSEROVA IRAIDA – Senior Lecturer, Department of Geography and Ecology, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Russia, Ulyanovsk (iraida23@mail.ru).

Формат цитирования: Анисимова Е.Ю., Канцерова И.Е. Трансформация питания тюркоязычных народов Ульяновской области (на примере татар и чувашей) // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 35–44.

УДК 9.908
ББК 63.3(2)6

А.С. БОЛДЫРЕВ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРАНСПОРТ г. ТЮМЕНЬ 1975–1985 ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Ключевые слова: городской транспорт, общественный транспорт, транспортная инфраструктура, городская среда, благоустройство, урбанистика, повседневная жизнь горожан.

В статье рассматриваются проблемы, связанные с состоянием общественного транспорта города Тюмень в период с 1975 по 1985 г., и направления его развития. Данный период характеризуется застоем в экономике СССР и является непосредственным предшественником ее коренной трансформации – переходу на рыночные условия хозяйствования. Вместе с тем выбранный хронологический отрезок неразрывно связан с периодом активного развития нефтегазового комплекса Западной Сибири, столицей которого стал город Тюмень. Вышеприведенные особенности исторического периода не могли не отразиться на состоянии городской среды, одним из элементов которой является дорожно-транспортная инфраструктура города. Интенсивно росла численность населения Тюмени, город расширял свои границы. Это требовало строительства и ремонта дорог и путепроводов, создания новых маршрутов общественного транспорта, продления старых, регулярного ремонта и обновления подвижного состава. Несмотря на прилагаемые усилия уполномоченных организаций, развитие транспортной системы не успевало за быстрорастущей численностью населения города и расширением его границ. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что цивилизованность города во многом определяется наличием и доступностью в нем общественного транспорта. Проблемы городского транспорта оказывают огромное влияние на качество повседневной жизни горожан, и выявить его характер в различные временные промежутки развития города представляется значимым и актуальным. В качестве источников использованы материалы местной периодической печати и архивные документы, раскрывающие деятельность пассажирских автотранспортных предприятий в исследуемый период.

Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹ предусматривает разработку национальных проектов (программ) по нескольким направлениям, в частности: жилье и городская среда; экология; безопасные и качественные автомобильные дороги. Заметим, что перечисленные направления связаны между собой. Связующим звеном выступает общественный транспорт как один из ключевых элементов городской среды. Его состояние и безопасность зависят от качества автомобильных дорог. Но он может создавать угрозу экологии городской среды.

Современный период развития исторической науки характеризуется возросшим вниманием исследователей к проблеме изучения городской среды и протекающим в ней социально-экономическим и культурным процессам. Под городской средой ученые понимают совокупность многих объектов, которые формируют специфическое пространство, и возможность возникновения взаимоотношений внутри него. Качество городской среды напрямую зависит от того, насколько хорошо удовлетворяются в этом пространстве объективные по-

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>.

требности и запросы жителей города [1]. Вопросы состояния общественного транспорта как фактора, оказывающего значительное влияние на уровень и качество повседневной жизни горожан, были в центре внимания органов государственной власти и местного самоуправления и в анализируемый исторический период. Имелись особенности в подходах к их решению. Но целевые установки – комфортность, безопасность, экономичность – были неизменны.

В историческом аспекте общественный транспорт провинциального города пока изучен слабо, упомянут в отдельных исследованиях, посвященных городской среде. В качестве примера можно привести статьи А.В. Скочина «Роль дорожно-транспортной системы во взаимосвязи городского пространства Тюмени в середине 1950-х середине 1960-х гг.» [11], С.В. Зяблинцевой «Общественный транспорт Западной Сибири в 1930–1950-е годы» [5] и В.А. Рубина «Городской общественный транспорт на Южном Урале в 1941–1945 гг.» [10].

В статье раскрываются состояние общественного транспорта г. Тюмень, ключевые проблемы и направления его развития в 1975–1985 годах.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с 1975 по 1985 г. Он характеризуется формированием застойных явлений в экономике СССР и является непосредственным предшественником ее коренной трансформации – перехода на рыночные условия хозяйствования. Вместе с тем выбранный временной отрезок имеет непосредственное отношение к периоду активного развития нефтегазового комплекса Западной Сибири, столицей которого стал город Тюмень. Становление и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири сыграли значимую роль в формировании облика областной столицы и ее дорожно-транспортной инфраструктуры. Экономический застой, с одной стороны, и развитие нефтегазового комплекса – с другой, определили состояние городской среды и, в частности, общественного транспорта города Тюмень.

Быстрое расширение территории города, происходившее за счет строительства новых жилых районов, а также включения в городскую черту пригородных населенных пунктов оказали влияние на увеличение численности населения в анализируемом историческом периоде. Прирост населения осуществлялся во многом за счет миграционного прироста из других регионов СССР, так как требовались рабочая сила и квалифицированные кадры. Если в 1975 г. численность населения Тюмени составляла 334 тыс. человек, то за 10 лет она выросла на треть и составила 456,1 тыс. человек [8. С. 2]. На сегодняшний день население города насчитывает 721 тыс. человек [9].

С ростом численности населения росла потребность в услугах общественного транспорта, оказываемых пассажирскими автотранспортными предприятиями. До 1977 г. единственным автобусным перевозчиком Тюмени являлось пассажирское автотранспортное предприятие (ПАТП) № 1. С января 1978 г. путем передачи подвижного состава с баланса «Облавтотехобслуживания» и Тюменского ПАТП № 1 было образовано ПАТП № 2 [27]. К 1985 г. существовало 5 пассажирских автотранспортных предприятий. Из них ПАТП-1 и ПАТП-2 были самыми крупными, ПАТП-3 осуществляло таксомоторные перевозки, ПАТП-4 и ПАТП-5 были небольшими. С 1970 г. в городе было введено троллейбусное движение.

К 1974 г. в Тюмени насчитывалось 39 автобусных маршрутов [28. С. 86], на которых работало более 250 машин [18]. В 1981 г. количество маршрутов увеличилось вдвое и уже составило 81.

На протяжении 1970-х гг. устаревшие автобусы ЛиАЗ-158 постепенно вытеснялись новыми ЛиАЗ-677, ставшими к 1980-м гг. самыми массовыми городскими автобусами в СССР. Тогда же происходил переход от устаревших венгерских «Икарусов» моделей «180» и «556» к новым моделям «260» и «280». Также использовались советские ЛАЗ-695 и ПА3-672, в основном как ведомственный транспорт [2. С. 9].

Существенно возросло число автомобилей в Тюмени, что сказывалось на загруженности городских улиц. Если в 1980 г. количество легковых автомобилей составляло 20 тыс. [12. С. 260], то в 1986 г. оно равнялось 34 тыс., увеличившись в 1,7 раза [12. С. 61].

Заслуживает упоминания существовавший в те годы специализированный детский маршрут № 33, введенный в 1976 г. Он курсировал в восточной части города по новым жилым районам, проходил по улицам Пермякова, Энергетиков и Мельникайте. На пути его следования было сорок детских садов и яслей. Обслуживало маршрут старейшее и крупнейшее в городе ПАТП-1. На маршрут был выделен новый автобус ЛАЗ-695, на который назначили одного из лучших водителей предприятия Г.С. Трофимова [19].

Став центром нефтегазового региона, город не справлялся с транспортными проблемами, несмотря на рост числа автобусных маршрутов и обновление парка машин (подвижного состава). Можно выделить несколько основных проблем сложившегося положения дел. Транспортное положение в городе долгое время складывалось неблагоприятно, в частности, по причине хронического отставания дорожного строительства от потребностей города. Город издавна имел только один сквозной проезд – центральную улицу Республики [25]. Городские дороги были узкими для увеличивающегося транспортного потока. Часто этот фактор становился причиной дорожно-транспортных происшествий. При высокой интенсивности движения транспорта создавалась аварийная обстановка, угрожавшая безопасной перевозке пассажиров.

Одним из важнейших вопросов обеспечения качественных и бесперебойных пассажирских перевозок были состояние и обслуживание дорог, а также остановок общественного транспорта и тротуаров. Постоянная комиссия по транспорту и связи при Тюменском городском Совете депутатов трудящихся (с 1977 г. – Совете народных депутатов) часто поднимала вопрос о ремонте дорог, когда речь шла об улучшении работы по перевозке пассажиров. Самыми проблемными районами в этом плане были окраины города – так, например, представители ГАИ и Калининского райкомхоза провели 11 мая 1976 г. обследование дорог автобусного маршрута № 3, которое показало, что «на перекрестке ул. Полевой и Комбинатской проезжая часть провалилась, обочины по ул. Полевой находятся значительно ниже проезжей части. Автобусные остановки на всем протяжении посадочными площадками не оборудованы, нет тротуаров. Комиссия решила до устранения недостатков движение автобусов по маршруту № 3 по ул. Полевой на участке от ул. Комбинатской до конечной остановки д. Воронино закрыть» [2. С. 36].

По мнению той же комиссии, не лучшее положение складывалось на других улицах. Ямская имела глубокие выбоины. Коммунистическая, Щербакова, Харьковская, Дамбовская, Одесская, Червишевский тракт, часть Холодильной находились в плохом состоянии. Дороги своевременно не чистились во время гололеда, что приводило к авариям [2. С. 38]. Не удовлетворяли требованиям дорожные условия на 25-м маршруте, следовавшем до станции Войнов-

ка [20]. По свидетельствам очевидцев, автобусы с низкой ходовой частью не могли проехать в сторону первого микрорайона и далее до Войновки. А в 1-й и 2-й микрорайоны ходили по большей части венгерские «Икарусы», которые по проходимости уступали отечественным машинам [21]. Проблема не была решена и спустя годы – в начале 1983 г. анализ работы ПАТП-1 выявил, что 328 автобусов за последнее время сошли с линии по причине неудовлетворительного состояния проезжей части [2. С. 38].

Закрытие участков дорог на ремонт и в период распутицы было частым явлением в жизни города. С весны до осени местная пресса постоянно сообщала об изменении маршрутов в связи с ремонтом дорог и закрытием некоторых участков улиц [14]. В случаях, когда работы велись на участке с интенсивным движением, прикладывались временные схемы проезда с указанием маршрутов [24]. Причиной изменения маршрутов были не только ремонтные работы, но и плохое состояние дорог в период распутицы. От этой проблемы страдали в первую очередь новые районы города. Интересен тот факт, что дороги начинали ремонтировать с самого начала весны, о чем свидетельствует первый мартовский номер «Тюменской правды» за 1975 г., в котором говорится, что с 3 марта того же года движение нескольких автобусных маршрутов изменено в связи с дорожными работами [14]. Ситуация не изменилась и к началу 1980-х гг. Упомянулось, что за половину 1983 г. ввиду плохого состояния дорог трижды менял свой маршрут автобус № 43 [26]. Неудовлетворительное состояние дорог являлось причиной преждевременного износа подвижного состава [16].

За ремонт улиц, остановок общественного транспорта и прочих объектов инфраструктуры (электроосвещение и т.п.) ответственность возлагалась на райисполкомы и управление коммунального хозяйства [3. С. 111]. Данные проблемы руководящие органы без внимания не оставляли. Несмотря на принимаемые меры, ситуация с содержанием транспортных коммуникаций менялась крайне медленно. В начале 1979 г. в одном из докладов председателя постоянной комиссии по транспорту и связи В.Г. Холявко отмечалось, что «состояние дорог и освещение улиц не обеспечивают бесперебойную и безопасную работу транспорта» [3. С. 111].

В зимний период особое место занимала проблема очистки улиц от снега и противодействия гололеду. У районов города, удаленных от центральной части, в этом вопросе было также больше проблем, как и с ремонтом дорог. На расширенном совещании горисполкома и транспортного управления, прошедшем 5 декабря 1978 г., среди участников которого присутствовали сотрудники ГАИ, говорилось: «Улицы Бабарынка (автобусный маршрут № 3), Коммунистическая (№ 28), Казанская (№ 18), Кишиневская (№ 13), Дамбовская (№ 1) и др. не очищены от снега и льда, перекрестки и подъезды к автобусным остановкам не подсыпаются» [3. С. 119].

Многие маршруты городского транспорта Тюмени проходили через железнодорожные переезды. Это создавало немало проблем в организации движения общественного транспорта. В документах говорилось: «Имеющиеся в городской черте железнодорожные переезды у аэропорта «Плеханово», станкостроительного завода, по ул. Ямской вызывают сбои в движении автобусов маршрутов № 9, 10, 12, 16, 22, 35, 39, 41, 42. Суточные простои перед переездом у аэропорта «Плеханово» составляют более 5 часов, что резко снижает регулярность движения» [3. С. 117].

Все перечисленные проблемы отрицательно сказывались на качестве обслуживания пассажиров. Важнейшими показателями качества перевозки пассажиров являлись наличие автобусных маршрутов в удаленных районах города, регулярность движения транспорта, безопасность движения (освещение улиц, их очистка от снега и противодействие гололеду), финансовая доступность и экологичность общественного транспорта, о чем свидетельствует информация из отчетов комиссий по транспорту и связи при Тюменском городском совете депутатов трудящихся (с 1977 г. – Тюменском городском совете народных депутатов). В целях улучшения качества обслуживания населения пассажирскими перевозками периодически ставился вопрос о продлении существующих автобусных маршрутов. Но состояние дорог чаще всего являлось причиной отклонения этих предложений. Упомянутая выше депутатская комиссия, рассмотрев в марте 1977 г. вопрос о целесообразности продления автобусных маршрутов № 9, 11, 15 до завода «Тюменьгазстроймаш», посчитала, что продление данных маршрутов нецелесообразно, поскольку подъездной путь на одном из участков «не отвечал требованиям Правил безопасности движения на автобусных маршрутах». Кроме того, незначительный пассажиропоток на этом участке привел бы к потере доходов [2. С. 61].

Продление маршрутов во многих случаях было нецелесообразным еще потому, что приводило к увеличению интервалов движения. Согласно замерам, на автобусном маршруте № 12 интервал движения исчислялся 45 минутами, на № 39 составлял 49 минут, на № 10 – уже 56 минут. Следовательно, при сходе с линии одной машины пассажирам пришлось бы ждать более двух часов [20].

В 1983 г. комиссией по транспорту и связи был составлен отчет о регулярности движения на наиболее проблемных автобусных маршрутах. В нем говорилось: «Довести регулярность движения по маршруту № 27 до 95%. Регулярность 92%. Имеют место срывы из-за неудовлетворительного состояния дорог. Неоднократно в течение года закрывался». Дорожные проблемы не позволяли выполнять указы избирателей надлежащим образом [4. С. 67]. Отчет за 1984 г. был похожим на предыдущие, при этом содержал сведения о количестве подвижного состава на линии. Дороги по маршруту № 27 все еще не были отремонтированы. Регулярность движения по маршруту увеличилась лишь на один процент [4. С. 83].

В мероприятия по улучшению обслуживания населения г. Тюмень пассажирскими перевозками, намеченные на 1979–1980 гг., были включены вопросы строительства и ремонта дорог, транспортных развязок и железнодорожных переездов. Большинство из мероприятий касалось отдаленных районов города, проблемы которых неоднократно поднимались на заседаниях Постоянной комиссии по транспорту и связи при Тюменском городском Совете депутатов трудящихся (с 1977 г. – Совете народных депутатов). На 1979 г. планировалось капитально отремонтировать улицы 50 лет ВЛКСМ, Бабарынка и Воровского. У последних двух предполагалось облагородить обочины, построить тротуары, карманы, площадки для пассажиров, ожидавших автобус. В планах на тот же год значилась реконструкция моста на улице Судостроителей. Мероприятия на 1980 г. включали в себя строительство дорог в новые микрорайоны – 1-й и 3-й, а также по улице 30 лет Победы. Тротуарами, «карманами» для заезда, площадками для ожидания пассажиров собирались оборудовать улицы, отдаленные от городского центра, такие, как Луговая, Щербакова, Дружбы, Коммунистическая, Тюменская, Тимуровцев, Курчатова.

Важным мероприятием было строительство транспортной развязки на пересечении улиц Воровского и Республики, завершённое в 1980 г. [3. С. 128].

Из всех перечисленных решений наиболее необходимым, связанным с ликвидацией длительного ожидания автобусов у железнодорожного переезда, стало строительство транспортной развязки через Транссибирскую магистраль в районе аэропорта «Плеханово», намеченное на 11-ю пятилетку [3. С. 128]. Этот переезд доставлял много неприятностей и транспортникам, и пассажирам. После окончания строительства развязки в октябре 1980 г. переезд был закрыт [4. С. 36].

Осенью 1979 г. была готова другая транспортная развязка, соединившая улицы Республики, Воровского, 50 лет Октября и 50 лет ВЛКСМ. Запуск ее в эксплуатацию решил, в том числе, некоторые проблемы, связанные с пассажирскими перевозками [22].

Говоря о транспортной инфраструктуре Тюмени, нельзя оставить без внимания троллейбусы – «зеленый» общественный транспорт. Если автобусы выступали типичным представителем общественного транспорта в Тюмени, то троллейбусное движение было для города новинкой.

Первый маршрут был открыт 21 апреля 1970 г. от завода медицинского оборудования до моторного завода [15]. Постоянная эксплуатация троллейбуса в городе началась 11 июня того же года [23].

Моторный завод являлся крупнейшим и важным тюменским предприятием, поэтому к своевременной доставке рабочих подходили с особой заботой. При десятом цехе этого предприятия создали троллейбусный парк. Возглавлял его начальник этого цеха Г.М. Мартынов, впоследствии ставший руководителем троллейбусного управления. Поначалу имелись проблемы с кадрами, и приходилось приглашать людей из других городов. Из Кургана приехал в Тюмень опытный водитель С.Н. Пыхтеев, который и совершил первый рейс [23].

В декабре 1971 г. открыли второй маршрут от моторного завода до Краеведческого музея через улицы Республики и Ленина. Далее вступили в строй новые маршруты, связавшие железнодорожный вокзал, аэропорт «Плеханово», гостиницу «Колос», станкостроительный завод и другие важные районы города между собой [15]. Маршрут в сторону Дома обороны был открыт в конце 1976 г. [17].

Таким образом, по состоянию на 1975 г. в Тюмени было 10 троллейбусных маршрутов, из них половина соединяла одно из наиболее крупных и важных предприятий города – моторный завод – с остальными районами [29]. Протяженность контактной сети составляла 45 км [15].

Наибольшим по протяженности троллейбусным маршрутом – 12 км – на 1975 г. был № 9, шедший до аэропорта «Плеханово», торжественно открытый накануне того же года. Первый рейс на нем совершил водитель 1-го класса С.Н. Пыхтеев, победитель соревнования, проводившегося троллейбусным предприятием в том году за право первого рейса по этому маршруту. Сама машина была украшена плакатом «Наш вам подарок, дорогие тюменцы». Линия и тяговая подстанция были построены оперативно – строители справились с этим заданием за полгода. 8 троллейбусов курсировали по данному маршруту с интервалом 6 минут [13].

Спустя 2 года пресса опубликовала информацию об окончании монтажа новой троллейбусной линии, соединившей железнодорожный вокзал и Дом обороны. Первый рейс по маршруту № 11 выполнил один из лучших водите-

лей троллейбусного парка С. Сургутсков [17]. На 1977 г. в Тюмени было уже 12 троллейбусных маршрутов [6]. Следующие маршруты были открыты только в 1986 г. [29].

В 1978 г. троллейбусный парк состоял из 82 машин, из них было 33 новых марки ЗиУ-9 и 49 морально устаревших к тому времени ЗиУ-5 [2. С. 5]. Из них 4 троллейбуса по разрешению Главного управления Горэлектротранспорта были переоборудованы для учебных целей, 51 троллейбус находился на линии, 12 ожидали ремонта, 11 простаивали из-за отсутствия водителей, 4 находились на плановом и текущем ремонтах. Коэффициент использования парка составил 0,64 против планового 0,67 [2. С. 5]. Спустя три года была проведена проверка работы технической службы троллейбусного парка. Парк располагал 81 троллейбусом, из них было 5 учебных машин и 1 грузовой троллейбус. Протяженность контактной сети составляла 51,8 км. Коэффициент использования парка снизился еще больше и составил 0,63. Повлияли на это во многом высокая текучесть кадров и недостаток работников. По плану на 1977 г. должны были работать 175 водителей, фактически их работало 113. Ремонтных рабочих было 47 против 56 по плану, вследствие чего водители часто привлекались к ремонту машин. Также из недостатков были выявлены отсутствие ОТК и журнала учета подвижного состава, не вышедшего на линию [3. С. 33]. Производственная программа по перевозке пассажиров на 1977 г. была выполнена на 101,2%. Предприятие перевезло за год 24,5 млн человек вместо запланированных 24,2 млн. По сравнению с 1976 г. перевезено меньше пассажиров на 3,67 млн. Основная причина снижения объема перевозок объяснялась закрытием главных троллейбусных маршрутов в мае-июне. Возросла средняя эксплуатационная скорость – в 1976 г. она равнялась 14,5 км/ч, а в 1977 г. 15,1 км/ч, хотя по плану ее намеревались повысить до 15,0 км/ч. [3. С. 38]. По графику на 1978 г. средняя скорость была заложена 17 км/ч. Причиной послужило отсутствие транспортных развязок на центральной улице Республики, что приводило к пробкам [20]. Для сравнения: средняя эксплуатационная скорость тюменских автобусов в этот период составляла 16,2–16,6 км/ч [3. С. 141].

По состоянию на 1985 г. ситуация с ежедневным количеством троллейбусов на линии практически не изменилась – их количество равнялось 50 [12. С. 296].

Электротранспорт имел свои особенности при эксплуатации, связанные с обслуживанием контактной сети и подачей электроэнергии. В справке об организации перевозки рабочих моторного завода сообщалось, что рабочие несвоевременно доставляются на работу из-за частого отключения электроэнергии [3. С. 10]. Из-за поломок контактной сети и выхода из строя тяговых подстанций троллейбусы создавали большие помехи для движения автобусов, особенно в часы пик, и снижали среднеэксплуатационную скорость на отдельных участках ул. Республики в это время до 5–8 км/ч. Особенно обострилась ситуация в Тюмени во второй половине 1970-х гг. в связи с бурной автомобилизацией и перенасыщением улиц города ведомственным и личным транспортом [3. С. 118].

Одним из важных факторов, определяющих уровень и качество жизни горожан, является цена проезда в общественном транспорте. В анализируемом периоде данный показатель оставался неизменным и составлял 5 копеек как для проезда в автобусе, так и троллейбусе. В условиях роста средней за-

рабочей платы населения города можно говорить о снижении относительной цены проезда.

На очередном заседании постоянной депутатской комиссии по транспорту и связи от 14 июня 1984 г. снова докладывал вышеупомянутый Г.М. Мартынов. Речь шла о дальнейшем развитии маршрутной сети города. Речь его звучала оптимистично: «Утвердили новую транспортную схему. С вводом в 1986 г. моста по ул. Профсоюзной будет строиться троллейбусная линия. Железная дорога будет убираться. В следующем году троллейбусная линия должна пройти до ул. Монтажников, в сторону станции Войновка» [4. С. 99]. Но эти планы остались неосуществленными. Строительство троллейбусных линий по упомянутым направлениям так и не было начато, разве что была разобрана железная дорога вдоль улицы Профсоюзной, сильно затруднявшая движение транспорта.

В число невыполненных планов также входило строительство троллейбусного кольца в центре Тюмени, к которому должны были лучеобразно сходиться автобусные маршруты [20].

Также неосуществленным шагом по развитию инфраструктуры пассажирского транспорта г. Тюмени остался запуск трамвая. В своем интервью 1983 г. газете «Тюменская правда» главный архитектор города В.В. Анисимов поведал о необходимости двух магистралей, связывающих южную часть города с северной, располагающейся за рекой Турой. В качестве этих магистралей рассматривались улицы Профсоюзная и Мельникайте. С его слов, реализация этой схемы позволит развивать новый вид транспорта – трамвайный. Одним из вариантов была прокладка первой ветки от Заречных микрорайонов по улице Профсоюзной до Червишевского тракта к южной окраине города. Затем решили перенаправить эту ветку вдоль улицы 50 лет Октября на восток до моторного завода. Ее протяженность должна была составить 16 км. В целом на 12-ю пятилетку планировалось большое трамвайное кольцо через весь город общей протяженностью 40 км. Основная работа возлагалась на областное управление коммунального хозяйства. По мнению Анисимова, именно оно способно было сыграть роль заказчика столь крупной стройки. Стоимость проекта оценивалась примерно в 20 млн руб., для чего необходимо было привлекать заинтересованные крупные предприятия. Однако само управление коммунального хозяйства особого интереса на тот момент к трамваю не проявляло [25]. Строительство трамвайной линии в Тюмени так и не началось.

Таким образом, активный рост города Тюмени и численности его населения в 1975–1985 гг. выдвинули на передний план проблемы, связанные с общественным транспортом, несмотря на рост числа автобусных маршрутов и обновление парка машин (подвижного состава). Основными проблемами являлись хроническое отставания дорожного строительства от потребностей города, состояние и обслуживание дорог, а также остановок общественного транспорта и тротуаров. Эти две главные проблемы были неразрывно связаны между собой и в конечном счете определяли уровень и качество обслуживания пассажиров. Они приводили к тому, что эксплуатируемые автобусы быстро выходили из строя из-за тяжелых условий, а закупка новых не могла осуществляться столь часто; рейсовые автобусы нарушали график движения; данная проблема обострялась в зимний период в условиях снегопадов и гололедицы; существовала проблема безопасности движения. Данные пробле-

мы не оставались без внимания руководства. Активную поддержку в этом вопросе оказывали органы государственной власти. За это время было построено четыре путепровода: через железную дорогу на улице Пермякова, на перекрестке Пермякова и Республики, по Воровского и Западный путепровод неподалеку от аэропорта «Плеханово». Строился мост через Туру по улице Профсоюзной. Развивалось троллейбусное движение, призванное в том числе содействовать улучшению городской экологии. В анализируемом периоде цена проезда в общественном транспорте оставалась неизменной и составляла 5 копеек для проезда как в автобусе, так и в троллейбусе. В условиях роста средней заработной платы населения города можно говорить о снижении относительной цены проезда. Тем не менее уровень и качество обеспеченности городского населения, особенно проживающего в новых удаленных районах, общественным транспортом оставляли желать лучшего. В целом развитие инфраструктуры городского пассажирского транспорта не успевало за быстро и неуклонно растущей численностью населения города Тюмени и расширением его площади.

Литература

1. Антонова А.А. Арт-кластеры как пространство для развития культурного потенциала города // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 47. С. 56–59.
2. Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1353.
3. ГАТО. Ф. 5 Оп. 1. Д. 1421.
4. ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1625.
5. Зяблинцева С.В. Общественный транспорт Западной Сибири в 1930–1950-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 18. (199). Сер. История. Вып. 41. С. 109–116.
6. Иваненко А.С. Новые прогулки по Тюмени. Тюмень: Радуга-Т, 2008.
7. Копылов Д.И., Князев В.Ю., Ретунский В.Ф. Тюмень. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986.
8. О социальном развитии области / Госкомстат РСФСР. Тюменское областное управление статистики. Тюмень, 1988.
9. Российский статистический ежегодник. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016.
10. Рубин В.А. Городской общественный транспорт на Южном Урале в 1941–1945 гг. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 13. С. 29–30.
11. Скочин А.В. Роль дорожно-транспортной системы во взаимосвязи городского пространства Тюмени в середине 1950-х середине 1960-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2015. № 1(33). С. 34–40.
12. Тюменская область в цифрах в разрезе городов и районов за 1986–1989 гг. Тюмень, 1990. Т. 1. 191 с.
13. Тюменская правда. 1975. 1 янв.
14. Тюменская правда. 1975. 1 марта.
15. Тюменская правда. 1975. 14 марта.
16. Тюменская правда. 1976. 12 марта.
17. Тюменская правда. 1977. 7 янв.
18. Тюменская правда. 1977. 22 июля.
19. Тюменская правда. 1978. 19 марта.
20. Тюменская правда. 1979. 12 июля.
21. Тюменская правда. 1978. 19 дек.
22. Тюменская правда. 1979. 7 окт.
23. Тюменская правда. 1980. 6 июня.
24. Тюменская правда. 1981. 11 авг.
25. Тюменская правда. 1983. 29 сент.
26. Тюменская правда. 1984. 2 авг.
27. Тюменский союз автотранспортных предприятий. История [Электронный ресурс]. URL: <http://tat72.ru/istoriya-0> (дата обращения 12.06.2016).

28. Тюмень. Путеводитель-справочник. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1974.
29. Тюмень. Тrolleyбусная сеть [Электронный ресурс]. URL: <http://ymtram.mashke.org/russia/tyumen> (дата обращения 01.04.2019).

БОЛДЫРЕВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ – аспирант кафедры отечественной истории, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, Россия, Тюмень (citrus87@list.ru).

A. BOLDYREV

**PUBLIC TRANSPORT IN THE TOWN OF TYUMEN IN 1975–1985
IN THE CONTEXT OF THE URBAN ENVIRONMENT:
PROBLEMS AND SOLUTIONS**

Key words: urban transport, public transport, transport infrastructure, urban environment, urban land improvement, urban science, everyday life of citizens.

The article reveals the problems associated with the state of public transport in the town of Tyumen in the period from 1975 to 1985, and the directions of its development. This period is characterized by stagnation in the economy of the USSR and is a direct precursor to its radical transformation – transition to market economy. At the same time, the chosen chronological period is inextricably linked with the period of active development of the oil and gas complex in Western Siberia, the capital of which was the town of Tyumen. The above-stated features of the historical period could not but affect the state of urban environment, one of the elements of which is the road and transport infrastructure of the town. Population of Tyumen was rapidly growing, the town expanded its borders. This necessitated construction and repair of roads and overpasses, creation of new public transport routes, extension of old ones, regular repair and renewal of rolling stock. Despite the efforts of authorized organizations, the development of the transport system did not keep pace with a rapidly growing population of the town and expansion of its borders. The relevance of the research theme is due to the fact that a town's civilization is largely determined by availability and accessibility of its public transport. The problems of urban transport have a huge impact on the quality of citizens' everyday life, and it is significant and relevant to find out its nature in different time periods of the town development. Materials of local periodical press and archival documents showing the activity of passenger transport enterprises in the period under study are used as sources.

References

1. Antonova A.A. *Art-klastery kak prostranstvo dlya razvitiya kul'turnogo potentsiala goroda* [Art-clusters as city culture development space]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [World of science and art: questions of philology, art and culture] 2015, no. 47, pp. 56–59.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoj oblasti. Fond 1. Opis' 5. Delo 1353*. [State Archives of Tyumen Region]. Archives 5. Anagraph 1. Document 1353].
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoj oblasti. Fond 5. Opis' 1. Delo 1421*. [State Archives of Tyumen Region. Archives 5. Anagraph 1. Document 1421].
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoj oblasti. Fond 5. Opis' 1. Delo 1625*. [State Archives of Tyumen Region. Archives 5. Anagraph 1. Document 1625].
5. Zyablintseva S.V. *Obshchestvennyi transport Zapadnoj Sibiri v 1930–1950-e gody* [Public transport of Western Siberia in 1930-1950s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University bulletin]. 2010, no. 18 (199), History, Ed. 41, pp. 109–116.
6. Ivanenko A.S. *Novye progulki po Tyumeni* [New tours around Tyumen]. Tyumen, Raduga-T Publ., 2008.
7. Kopylov D.I., Knyazev V.Yu., Retunskii V.F. *Tyumen*. Sverdlovsk, Middle Ural Publ., 1986.
8. *O sotsial'nom razvitiy oblasti. Goskomstat RSFSR. Tyumenskoe oblastnoe upravlenie statistiki* [Social development of the region. State Committee for Statistics of RSFSR. Tyumen regional statistical directorate]. Tyumen, 1988, p. 2.
9. *Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2016: stat. sb.* [Russian Statistical Annual Report. 2016: Statistical digest]. *Rosstat* [Russian Federal State Statistics Service]. Moscow, 2016.

10. Rubin V.A. *Gorodskoi obshchestvennyi transport na Yuzhnom Urale v 1941–1945 gg.* [City public transport in Southern Ural in 1941–1945]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Orenburg State University bulletin], 2006, no. 13, pp. 29–30.

11. Skochin A.V. *Rol' dorozhno-transportnoi sistemy vo vzaimosvyazi gorodskogo prostranstva Tyumeni v seredine 1950-kh seredine 1960-kh gg.* [The role of the road transport system in the inter-connection of Tyumen urban space in the middle 1950s – middle 1960s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University bulletin], 2015, no. 1(33), pp. 34–40.

12. *Tyumenskaya oblast' v tsifrah v razreze gorodov i raionov za 1986–1989 gg.* [Towns and districts of Tyumen region in figures in 1986–1989]. Tyumen, 1990, vol. 1], 191 p.

13. *Tyumenskaya Pravda*, 1975, Jan. 1.

14. *Tyumenskaya Pravda*, 1975, March 1.

15. *Tyumenskaya Pravda*, 1975, March 14.

16. *Tyumenskaya Pravda*, 1976, March 12.

17. *Tyumenskaya Pravda*, 1977, Jan 7.

18. *Tyumenskaya Pravda*, 1977, July 22.

19. *Tyumenskaya Pravda*, 1978, March 19.

20. *Tyumenskaya Pravda*, 1978, Dec. 19.

21. *Tyumenskaya Pravda*, 1979, July 12.

22. *Tyumenskaya Pravda*, 1979, Oct. 7.

23. *Tyumenskaya Pravda*, 1980, June 6.

24. *Tyumenskaya Pravda*, 1981, Aug. 11.

25. *Tyumenskaya Pravda*, 1983, Sept. 29.

26. *Tyumenskaya Pravda*, 1984, Aug. 2.

27. *Tyumenskii soyuz avtotransportnykh predpriyatii. Istoriya* [Tyumen automobile transport union. History]. Available at: <http://tat72.ru/istoriya-0> (Accessed 12 June 2016).

28. *Tyumen. Putevoditel'-spravochnik* [Tyumen. Guide and reference book], Sverdlovsk, Middle Ural Publ., 1974.

29. *Tyumen. Trolleibusnaya set'* [Tyumen trolleybus]. Available at: <http://ymtram.mashke.org/russia/tyumen> (Accessed 01 April 2019).

BOLDYREV ALEXANDER – Post-Graduate Student, Department of Russian History, Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University, Russia, Tyumen (citrus87@list.ru).

Формат цитирования: Болдырев А.С. Общественный транспорт г. Тюмень 1975–1985 годов в контексте городской среды: проблемы и пути решения // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 45–55.

УДК 94(470.344):159.953-057.875

ББК Ю631:С543.172(2Рос.Чув)

А.В. ГРИГОРЬЕВ, О.В. ВАСИЛЕНКО,
А.В. КАРПОВ, А.Д. ГРИГОРЬЕВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ СТУДЕНТОВ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ О ПЕРИОДАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Ключевые слова: историческая память, студенчество, молодёжь, периоды российской истории, социологические опросы, Чувашская Республика.

Целью написания настоящей статьи является отражение в исторической памяти студенческой молодежи Чувашской Республики представлений о различных периодах отечественной истории. Научная новизна работы заключается в том, что мнения студентов вузов республики на различные эпохи российской истории, включая современный этап ее развития, рассмотрены на основе анализа материалов социологических исследований, проведенных в 2016 и в 2019 гг. Чувашским государственным институтом гуманитарных наук по заданию Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики. При подготовке статьи для сбора исходного материала использовался метод социологического опроса. При подведении итогов по оценке разных периодов истории использовался метод обобщения. Сравнительный анализ представлений студентов с перерывом в 3 года позволил определить факторы, оказавшие определенное влияние на динамику изменений в сознании студенческой молодежи по заявленной проблематике. Результаты проведенных опросов свидетельствуют о наличии стабильного интереса обучающихся вузов Чувашии не только к различным периодам отечественной истории, к успехам и неудачам в процессе ее развития, но и к определению и разрешению стоящих перед страной актуальных проблем современности. Значимость отраженного в статье эмпирического материала состоит в возможности его дальнейшего использования в ходе проведения как учебных занятий в целях привлечения внимания студентов к особенностям развития страны в разные периоды ее истории, так и ряда мероприятий гражданско-патриотической направленности. В перспективе подобного рода исследования следует продолжить, поскольку они позволяют поддерживать интерес молодых людей к отечественной истории, воспитывают у них чувство уважения к старшему поколению и мотивируют формирование собственной гражданской позиции.

Исследование роли феномена исторической памяти в формировании общероссийского национального самосознания (идентичности) как в целом у граждан страны, так и у отдельных социальных, этнических, демографических групп остается одной из актуальных задач современных научных изысканий [3, 7]. Говоря об изучении этого феномена на примере изучения представлений студентов по заявленной теме, следует прежде всего отметить материалы коллективной монографии под общей редакцией В.А. Тишкова, вышедшей в 2014 г. [5]. В одной из глав этой работы представлены материалы, в которых рассмотрено влияние исторической памяти на гражданскую идентичность современной молодежи среди студентов Поволжья. В их числе представлены данные, отражающие результаты опроса студенчества Чувашии 2013 г. [6. С. 118–156]. В 2014 г. в свет также вышло исследование, посвященное студенческой и учащейся молодежи Чувашии, в которой были рассмотрены проблемы общегражданской, региональной и этнической идентичности молодежи и ее связи с конкретными проявлениями исторической памяти [2]. В рамках заявленной темы особо можно выделить также научное издание института этнологии и антропологии РАН, в котором анализируются проблемы этнокультурного образования как в России в целом, так и в отдельных регионах Приволжского федерального округа [4]. В последней работе имеется раздел

о Чувашии, в котором анализируются проблемы взаимосвязи идентичности молодежи и исторической памяти [1. С. 133–147].

В настоящей статье рассмотрены материалы, характеризующие состояние исторической памяти студентов Чувашской Республики по отношению к отдельным периодам развития российской государственности. Данные получены в ходе опросов студенческой и учащейся молодежи в 2016 г. и отдельно студентов в 2019 г., в которых авторы принимали непосредственное участие. С целью сопоставимости из общего массива первого опроса были вычленены сведения об ответах 355 студентов вузов, которые представляли Чувашский государственный университет, Чувашский государственный педагогический университет, Чебоксарскую государственную сельскохозяйственную академию, Чебоксарский кооперативный институт, Чебоксарский политехнический институт. В 2019 г. в опросе участвовали 688 юношей и девушек, которые учились в тех же вузах, лишь вместо студентов политехнического института была опрошена молодежь из Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС).

В ходе исследований 2016 и 2019 гг. студентам предлагалось дать оценку отдельным периодам в истории страны, которые в наибольшей степени соответствовали их представлениям о том, какой должна быть Россия. Материалы, характеризующие эти чаяния, обобщены в таблице (см. таблицу). Отметим при этом, что нельзя абсолютизировать перечень ответов, предложенных в анкете. Например, дореволюционный период дан укрупненно, без выделения отдельных этапов. Сделано это было с целью избежать детального дробления, которое может мало дать для выявления мнения студентов, поскольку следует учитывать и их уровень исторических знаний. Ведь в опросе принимали участие студенты различных факультетов, большинство из которых профессионально не занималось изучением особенностей тех или иных исторических этапов развития России. Для нас важно было получить обобщенные оценки, а более детальные расклады можно выявить в отдельном исследовании (см. таблицу).

Распределение ответов на вопрос «Укажите, какой период в истории России в наибольшей степени соответствует Вашим идеалам, представлениям о том, какой должна быть Россия?», %

Варианты ответов	2016 г.	2019 г.
Российская империя до 1917 г.	15,9	12,1
СССР в период нэпа (1920-е гг.)	4,0	2,9
СССР в период Сталина (1930–1950 гг.)	18,4	13,0
Политическая оттепель конца 1950-х – начала 1960-х гг. (правление Хрущева)	8,2	6,1
СССР в 1960-е–1980-е гг., эпоха Брежнева	15,6	11,2
Период перестройки (Горбачев)	5,4	3,6
Период преобразований 1990-х гг. (Ельцин)	3,4	3,1
Современный период жизни, «путинская эпоха»	47,3	22,9
Ни один из них	7,9	22,4
Другой период	1,7	1,2
Затрудняюсь ответить	19,5	26,5

Примечание. Студентам была предоставлена возможность выбора до трех вариантов ответа.

Обратим внимание, что студенческие позиции, выраженные в 2016 и 2019 гг. по конкретным периодам отечественной истории в основном достаточно близки, за исключением оценок современности, а также при выборе

негативного («ни один из них») и неопределенного («затрудняюсь ответить») ответов. Если в 2016 г. абсолютным лидером по предпочтениям был современный период, частота выборов которого составила чуть менее 50%, то в 2019 г. его отмечали в два раза реже. Практически в 3 раза чаще студенты стали отвечать, что ни один из названных периодов не отвечает их представлениям о благополучии России. Практически на 50% возросла доля не давших определенный ответ.

Таким образом, в 2019 г. было отмечено заметное снижение уровня положительной оценки современного периода. Одной из причин, определивших достаточно резкий тренд снижения оценки современной эпохи, может быть связан с экономическими проблемами. Покажем это на примере анализа ответов студентов по результатам опроса студентов 2016 и 2019 гг. о волнующих их социальных вопросах. Одним из самых частых выбираемых ответов, характеризующих экономические реалии, являлся такой, как «рост цен», «инфляция» (свыше 50%). Но разница в оценках за 3 года практически не изменилась и составила около 2 процентных пунктов. В то же время по другим экономическим вопросам произошел заметный рост. Например, низкий уровень доходов в 2016 г. волновал 44% респондентов, в 2019 г. – уже 60%; проблемы экономики страны и Чувашии, соответственно, отметили 14 и 24%; резкое расслоение людей на бедных и богатых – 12 и 27%. Данные официальной статистики свидетельствуют, что за это непродолжительное время продолжали снижаться реальные доходы населения республики. Иначе говоря, с большой долей уверенности можно утверждать, что экономические проблемы повлияли на снижение уровня положительных оценок современного периода. В то же время не произошло роста положительных оценок других исторических периодов в истории страны. Следовательно, закономерным является увеличение частоты выбора как негативного, так и неопределенного вариантов ответов.

Незначительные показатели оценок таких периодов, как время перестройки и преобразований 1990-х годов, определены, на наш взгляд, личностями руководителей государства этого времени. Речь идет о М.С. Горбачеве и Б.Н. Ельцине, с именами которых связывают потерю места и роли государства на международной арене, резкое снижение экономических и социальных позиций и в конечном итоге распад СССР. Если же вести речь о периодах нэпа и «оттепели», то в данном случае, скорее всего, следует отметить не очень высокий уровень исторических знаний респондентов.

В собственных вариантах студенты предлагали время правления Сталина, но с «более гуманной политикой», «без поклонения главе страны»; «период до 988 г.», «Древняя Русь» (т.е. дохристианская Русь); «правление Александра II»; еще не наступившую эпоху – «будущую Россию». Было также предложение о «периоде Брежнева, но без кумовства и коррупции». Два человека предложили время Петра I, а еще двое отметили, что у каждого исторического периода есть свои достоинства и недостатки.

В опросе 2016 г. студентам также была предоставлена возможность высказать свою позицию по вопросу «А что современная Россия могла бы позаимствовать из каждого из предшествующих исторических периодов?» Обобщение полученных ответов на данный вопрос показало следующие результаты.

При выборе эпохи «Российской империи до 1917 г.» (ответили 15,8% из числа опрошенных) для респондентов важными были такие приоритеты государства, как его «авторитет», «могущество и стабильность», «расширение

территории», «доверие к власти», «наличие настоящей элиты», «правление лучших», «патриотизм», «любовь к Родине», «морально-нравственные устои, честь и достоинство офицеров». Респондентами неоднократно отмечались значимость реформ Петра I, П.А. Столыпина, высокие темпы развития экономики, ее отдельных отраслей («экономическая самодостаточность России», «развитие промышленности, сельского хозяйства, морского флота» и др.) Часто подчеркивались достижения этой эпохи в области культуры и духовной сферы жизни общества: в литературе, архитектуре, искусстве; «православная вера», «духовность и просвещение», «твердость норм морали» и др. Возможно, не со всеми из высказанного студенческой молодежью мнениями о некоторых сторонах этой эпохи можно согласиться. Например, с такими, на наш взгляд, спорными суждениями, что до 1917 г. в России «не было наркоманов и алкоголизма», что «имели место открытие нового и преобразование в пользу народа, процветание образования», «был дружный и сплоченный народ» и др. При этом следует иметь в виду то, что к оценке респондентам предлагалась история России практически за несколько столетий, и в ней, безусловно, можно было отыскать исторические факты и события, противоречащие друг другу. Так что подобные мнения, наверное, вполне допустимы.

Следующим по хронологии следует период новой экономической политики. Из всей группы опрошенных 8,0% попытались найти в нем то, что, по их мнению, можно было бы позаимствовать в современную эпоху. Отметим среди них такие ответы, как «восстановление рыночной экономики, ее отдельных отраслей», «высокую производительность труда», «колоссальный экономический рост», «настрой на реформы, которые пошли на благо страны», «ряд эффективных приемов по улучшению экономического положения», «экономические свободы», «трудолюбие населения» и др. В ответах присутствовали и примеры персонификации этого периода в лице Ленина и Сталина. В то же время в ходе опроса молодые люди «внесли» в этот период такие явления, которые по своей сути не были в значительной мере типичными для нэпа. Например, «ликвидация капитализма». Как говорится, такое мнение, с точки зрения исторических фактов, пример ответа «с точностью до наоборот», поскольку именно в это время капитализм был допущен во многие отрасли экономики. Раз в стране начал развиваться капитализм, то вновь началось расслоение, появились богатые люди, что противоречит такой оценке периода, как «отсутствие разделения на бедных и богатых». В ходе опроса было высказано еще одно подобного рода заявление о том, что «безработицы было меньше». Безработица как социальное явление как раз и стала расти в этот период, когда начали ликвидироваться административные рычаги организации труда, характерные для периода «военного коммунизма». Ликвидация безработицы приходится на период индустриализации, во времена начала массового строительства на всей территории страны, когда и стали разрабатываться так называемые «пятилетки». Студентами отмечено также такое явление, как «изоляция от других стран», что тоже не соответствует реальной ситуации: именно в 1920-е гг. началось международное признание Советской России. Трудно также однозначно согласиться с неоднократно высказанным мнением опрошенных о «сплоченности, единстве народа», «работе на благо государства» в эпоху нэпа.

Сталинская эпоха оказалась самой притягательной для респондентов с точки зрения заимствования из нее каких-либо явлений, качеств элит, народа и т.п.: практически каждый четвертый (24,0%) посчитал необходимым высказать свою точку зрения по этому поводу. С положительной стороны респон-

денты кратко писали в анкетах о самом Сталине следующим образом: «вождь с волей проведения модернизации и индустриализации», «он поднял страну, экономику независимо от других государств» и др. Многими отмечались такие достижения, как «у государства был авторитет», «СССР укрепился на международной арене», «достигнуты военная мощь и победа над фашизмом», «общность народа перед врагом». Большое внимание опрошенные уделили оценке развития экономики в этот период: «шло развитие всей индустрии, ее отдельных отраслей», «в целом произошла индустриализация», «была обеспеченность работой», «активно развивалось сельское хозяйство», «шло создание колхозов (коллективизация)». При этом некоторые подчеркивали, что «поднять экономику было невозможно без трудового энтузиазма населения», это был период «трудолюбия народа», что многие «работали с отдачей». Одновременно в анкетах студенты отмечали, что в стране «наводился порядок», «особое внимание направлялось на борьбу с коррупцией», «не было взяток».

Во многих анкетах часто фигурировали определения, подчеркивающие «суровость» и неоднозначность названной исторической эпохи: «была жесткая дисциплина», «обеспечивался жесткий контроль верховной власти во всех сферах общества», «соблюдалась жесткость законов», «обеспечивался контроль в обществе и государстве за активными участниками оппозиции», «проводились репрессии в отношении политических мошенников», «была достигнута крепость власти». Отмечена не просто жесткость к коррупции, но и просто «жестокость». Неоднократно применяется студентами при оценке сталинской эпохи такое понятие, как строгость: «строгая политика в национальном вопросе», «строгость за нарушение правил», «строгость законов», «строгая политика», «строгая борьба с преступностью», «строгая подчиненность народа своему правителю». В одном из ответов есть даже определение «строгий режим».

В то же время, по мнению ряда опрошенных, «в стране была справедливость», «была возможность достигнуть сплоченности как в целом всего народа, так и всех народов СССР», «была любовь к Родине, гордость за нее», «настоящий патриотизм», «люди были верны своим идеалам и принципам», «была вера в идею», «высокий уровень гражданского самосознания», «проводилась правильная национальная политика», «большое внимание обращалось на молодежь, здравоохранение, образование, социальную сферу», «были высокие зарплаты у врачей, учителей, низкие цены», «гражданам прививались моральные ценности, высокая нравственность, честность, доброта, доверие, любовь к Родине». При этом некоторые респонденты высказывали точку зрения о том, что не против такой практики периода правления Сталина, как расстрелы, которые сейчас по их мнению следует применять к террористам, маньякам и т.п.

Время оттепели (вторая половина 1950-х – начала 1960-х гг.) привлекло внимание 7,1% респондентов. С точки зрения молодежи, этот период характеризуется «гласностью и открытостью», с тем, что люди «вдохнули от жесткого влияния власти», «был снижена жесткость цензуры», «большое внимание стало уделяться развитию науки, образования, культуры, искусства, культурному плюрализму», «общество отличалось высокой культурой». Конечно, студентами также были отмечены достижения в освоении космоса и развитии космонавтики как отрасли народного хозяйства. Вспомнили молодые люди и о «целине», «развитии экономики» «росте доходов населения». Респонденты также отметили, что «важным было смягчение режима, что спо-

собствовало развитию личности», «укрепляются отношения с зарубежными странами, предлагаются мирные инициативы», «в целом была сплоченность народа в достижении общих целей, появилось чувство “мы все можем”». И как отметил один из участников опроса, это была эпоха, когда была достигнута «совместность народа».

Более 13% юношей и девушек попытались обратить внимание на достижения и успехи СССР в 1960–1980-е гг. (период нахождения у власти Л.И. Брежнева). Многие из них считают, что этот исторический период отличается «активным освоением космоса», «были достигнуты большие успехи в науке». Важным фактором опрошенными называлась «занятость населения», «уверенность в будущем, после окончания вузов молодых специалистов “распределяли” и гарантированно трудоустроивали», «все работали и никто не бездельничал». Часто вспоминали студенты о «бесплатном предоставлении квартир», «наличии доступного жилья», «все знали, что все будет в будущем – работа, квартира». Респондентами приводились такие высказывания, как «раздача квартир», «раздача жилья ячейкам общества». Особое внимание обращалось на то, что «не было сильного расслоения общества», «было развито социальное обеспечение», «проводились социальные реформы», «была социальная опека, защищенность населения со стороны государства», «все делалось на благо народа», «шла борьба с пьянством, алкоголизмом», происходило «быстрое развитие страны». Студенты отметили, что в этот период особое внимание уделялось подрастающему поколению: развивались молодежные движения, организации, в частности, октябрятская, пионерская, комсомольская. Одновременно отмечалось, что «укреплялось и влияние СССР на мировой арене», «расширялись дипломатические контакты». В качестве обобщающих оценок присутствовали мнения, что «в целом были достигнуты стабильность, спокойствие, была уверенность в завтрашнем дне», «народ был сплочен, об этом свидетельствовала дружба народов». Один из опрошенных вспомнил «брови Брежнева» как своеобразный бренд той исторической эпохи.

Время «перестройки» вызвало интерес у 4% опрошенных. Среди положительных явлений респондентами были названы «гласность», «стремление к свободе, реформам», «желание построить новый мир», «новая властьощряла критику в свой адрес», «активизировалась общественная жизнь», «было стремление к свободе и светлому будущему». Студенты вспоминали, как и применительно к предыдущему периоду, о занятости населения, наличии бесплатных квартир, общежитий для молодых рабочих. В то же время были высказаны и негативные оценки этого периода: «нечего позаимствовать, одни поражения», «провальный период», «помнить опыт развала и распада», «развал страны».

Период 1990-х гг. («время Б.Н. Ельцина») также вызвал противоречивые оценки у студенческой молодежи. Свое мнение об этой эпохе высказали 9,8% опрошенных. Для одних этот период оценивался как «движение к новому», «желание развиваться, построить новый мир». В связи с этим респонденты отмечали, что в это время «развивались торговля с зарубежными странами, свобода мысли, СМИ», «не было давления на инакомыслящих», «появились новые политические партии», «свободно развивались культура и искусства», «устранен железный занавес», «развивалась международная интеграция», «появилось новое государство – Россия, страна устояла от окончательного развала». В то же время присутствовали такие оценки, как: «был только криминал», «ваучер-

ная политика», «период особенно связан с коррупцией», «это был горький опыт», «нечего позаимствовать, одни поражения», «Сталина не хватало».

У 12% респондентов интерес вызвал современный период жизни, обозначенный в анкете также как «эпоха Путина». Большую роль, по мнению респондентов, при оценке этого исторического периода имеет личностный фактор: «Путин очень сильный», «авторитет Путина», «внутренняя и внешняя политика Путина», «грамотный политик Путин», «выслушивание проблем граждан лично правителем», «как Путин скажет, так и будет» и др. При этом ряд опрошенных как бы оправдывает такие обстоятельства формулировками: «нельзя без сильной центральной власти, которая не должна допускать конфликтов на местах и столкновений на территории РФ», «во главе регионов должны стоять компетентные лидеры», «следует быть благоразумными и не поддаваться провокациям других стран», «следует отстаивать свои принципы, интересы, надо развивать армию, внедрять активно новые военные разработки», «никакого сотрудничества с врагами». Вместе с тем ряд опрошенных обращает внимание на то, что в современных условиях «важно налаживать отношения с другими странами», «вести мирные переговоры, не допускать военных действий», «следует проводить дальнейшую модернизацию во всех сферах жизни, развивать демократию, свободу слова», «больше уделять внимания патриотическому воспитанию». Ряд опрошенных указывает на то, что в «эпоху Путина» «важны стабильность, высокое качество жизни, уверенность в завтрашнем дне», «необходима поддержка молодых семей», «способствование повышению рождаемости в стране», «очень важно развивать новые технологии, различные инновации». Респонденты также высказали свои пожелания «более активно бороться с наркоманией, коррупцией». И, как отметил один из опрошенных, «должно быть больше честности, искренности».

Таким образом, обобщая полученные в ходе проведенных эмпирических исследований 2016 и 2019 гг. среди студентов вузов Чувашии результаты, следует отметить, что при оценке различных периодов отечественной истории, включая современную эпоху, в сознании студенческой молодежи, а значит, и в исторической памяти нового поколения, отразились как достоверные факты и события из прошлого нашей страны, так и ряд мифологизированных представлений об этих эпохах, не имеющих под собой четких научно обоснованных оснований. При этом надо иметь в виду, что историческая память студентов как феномен общественного сознания не является раз и навсегда установившимся социальным явлением. Она может изменяться со временем. Одним из таких факторов, способных оказать определенное влияние на содержательно-оценочную часть исторической памяти студенческой молодежи в отношении современного периода истории, является изменение экономической ситуации как по стране в целом, так и в ее регионах.

При формулировании ответов на открытый вопрос исследования, связанный с определением того, что современная Россия полезного могла бы позаимствовать из своего исторического прошлого, респондентами были предложены самые различные, идеализированные в их сознании на основе имеющихся знаний об указанных эпохах, варианты по решению актуальных проблем в различных областях общественной жизни: политике, экономике, социальной и духовной сферах. Вместе с тем в ходе анализа полученных результатов к настоящему времени не представляется возможным однозначно определить ключевые особенности того или иного исторического периода, которые студенты пожелали бы трансформировать в современную эпоху.

Так, несмотря на то, что наибольший интерес среди опрошенных студентов Чувашии вызвала оценка эпохи СССР периода Сталина, в них присутствовали как положительные, так и отрицательные суждения об этом историческом периоде. Наличие определенных ценностно-содержательных расхождений в понимании полезности для современной России исторического опыта предшествующих эпох, отложившееся в структуре сознания студенческой молодежи в форме ряда идеальных образов «общественно-политического порядка», «социальной справедливости», «сплоченности и единения общества», характеризующих, по мнению респондентов, различные периоды отечественной истории – это еще одна характерная черта процесса формирования исторической памяти в современных условиях.

Литература

1. Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонов В.Г. Чувашская Республика // Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 130–144.
2. Бойко И.И., Харитонов В.Г. Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии: гражданские ценности, социокультурные ориентиры / ЧГИГН. Чебоксары, 2014. 124 с.
3. Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с.
4. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2016. 297 с.
5. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / под ред. В.А. Тишкова, Р.Э. Бараш, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2014. 342 с.
6. Студенты Поволжья о самоидентификации, отношении к стране и ее истории / Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / под ред. В.А. Тишкова, Р.Э. Бараш, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 118–156.
7. Шнирельман В.А. Социальная память – вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 12–34.

ГРИГОРЬЕВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (gavpost@mail.ru).

ВАСИЛЕНКО ОКСАНА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vasilenkoksana@rambler.ru).

КАРПОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alekkarp@yandex.ru).

ГРИГОРЬЕВ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (pu-900pis@yandex.ru).

A. GRIGORYEV, O. VASILENKO, A. KARPOV, A. GRIGORYEV
HISTORICAL MEMORY OF THE CHUVASH REPUBLIC
STUDENTS ABOUT THE PERIODS OF RUSSIAN HISTORY

Key words: *historical memory, students, the youth, periods of Russian history, sociological surveys, the Chuvash Republic.*

The purpose of this article is to show how different periods of national history are reflected in the historical memory of students of the Chuvash Republic. The scientific novelty of the work lies in the fact that the opinions of university students of the Republic on different epochs in Russian history, including modern stage of its development, are considered on the basis of analyzing sociological studies conducted in 2016 and in 2019 by the Chuvash State Institute of Humanities as assigned by the Ministry of education and youth policy of

the Chuvash Republic. When preparing the article, the method of sociological survey was used to collect the source material. In summing up the assessments of different periods of history, the method of generalization was used. The comparative analysis of students' ideas with a break of 3 years made it possible to determine the factors that had a certain impact on the dynamics of changes in the consciousness of students on the stated problem. The results of the surveys indicate the presence of a stable interest among universities students of Chuvashia not only to different periods of national history, to successes and failures in the process of its development, but to defining and solving the actual problems facing the country today as well. The importance of the empirical material reflected in the article is feasibility of its further using in the course of both training sessions in order to attract students' attention to the peculiarities of the country's development in different periods of its history, as well as in a number of events of civil and patriotic orientation. In future, this kind of studies should be continued, as they enable to maintain the interest of young people to the national history, to instill in them a sense of respect for the older generation and to motivate formation of their own civic position.

References

1. Boiko I.I., Dolgova A.P., Kharitonova V.G. *Chuvashskaya Respublika* [Chuvash Republic]. In: Tishkov V.A., Stepanov V.V., eds. *Mezhehtnicheskie otnosheniya i etnokul'turnoe obrazovanie v regionakh Rossii* [Interethnic relations and ethno-cultural education in the regions of Russia]. Moscow, RAS Publ., 2016, pp. 130–144.
2. Boiko I.I., Kharitonova V.G. *Studencheskaya i uchashchayasya molodezh' Chuvashii: grazhdanskije tsennosti, sotsiokul'turnye orientiry* [Of the Students and school students of Chuvash Republic: civic values, social and cultural landmarks]. Cheboksary, 2014, 124 p.
3. Tishkov V.A., Pivnova E.A., eds. *Istoricheskaya pamyat' i rossiiskaya identichnost'* [Historical memory and Russian identity]. Moscow, RAS Publ., 2018, 508 p.
4. Tishkov V.A., Stepanov V.V., eds. *Mezhehtnicheskie otnosheniya i etnokul'turnoe obrazovanie v regionakh Rossii* [Interethnic relations and ethno-cultural education in the regions of Russia]. Moscow, RAS Publ., 2016, 297 p.
5. Tishkov V.A., Barash R.E., Stepanov V.V., eds. *Rossiiskoe studenchestvo: identichnost', zhiznennye strategii i grazhdanskii potentsial* [Russian students: identity, life strategies and civic potential]. Moscow, RAS Publ., 2014, 342 p.
6. Tishkov V.A., Barash R.E., Stepanov V.V., eds. *Studenty Povolzh'ya o samoidentifikatsii, otnoshenii k strane i ee istorii* [Students of the Volga region of self-identification, attitude to the country and its history]. *Rossiiskoe studenchestvo: identichnost', zhiznennye strategii i grazhdanskii potentsial* [Russian students: identity, life strategies and civic potential]. Moscow, RAS Publ., 2014, pp. 118–156.
7. Shnirelman V.A. *Sotsial'naya pamyat' – voprosy teorii* [Social memory – problems of theory]. In: *Istoricheskaya pamyat' i rossiiskaya identichnost'* [Historical memory and Russian identity]. Moscow, RAS Publ., 2018, pp. 12–34.

GRIGORYEV ALEXANDER – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department for Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (gavpost@mail.ru).

VASILENKO OKSANA – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Department for Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vasilenkoksana@rambler.ru).

KARPOV ALEKSEY – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department for Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (alekarp@yandex.ru).

GRIGORYEV ALEXANDER – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department for archaeology, Ethnography and Regional History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (pu-900pis@yandex.ru).

Формат цитирования: Григорьев А.В., Василенко О.В., Карпов А.В., Григорьев А.Д. Историческая память студентов Чувашской Республики о периодах российской истории // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 56–64.

УДК 629.5(091)"19"Крылов
ББК 39.42(2)г; 72.3(2)

В.С. ГРИГОРЬЕВ

НАУЧНО-ОРГАНИЗАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИКА-КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЯ А.Н. КРЫЛОВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: организация корабельной науки и строительства судов, академик А.Н. Крылов.

Научно-организаторская и исследовательская деятельность доктора прикладной математики, действительного члена Академии наук СССР, профессора Алексея Николаевича Крылова (1863–1945 гг.) является достойным примером для современных организаторов науки, высшего образования и всех ученых, призванных содействовать инновационному развитию страны. Он родился в Алатырском уезде Симбирской губернии (с. Висяга, ныне с. Крылово в Чувашии). Окончив Морское училище в столице страны и пройдя службу в 8-м, 4-м морских экипажах и Главном гидрографическом управлении России, он с увлечением стажировался по специальности на судостроительных работах на Франко-русском заводе в Санкт-Петербурге. В 1888–1890 гг. А.Н. Крылов учился в Морской академии, с отличием окончил её и начал преподавательскую деятельность в *alma mater*. Здесь он развернул новаторские исследования по теории корабля, стал одним из инициаторов и деятельным участником создания Политехнического института в 1899 г. (ныне – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого). Он проявил выдающиеся организаторские способности на всех руководящих постах в научно-технической и образовательной сферах: и в качестве заведующего Опытным бассейном, где проходили апробацию модели новых кораблей, и на ответственных генеральских должностях в Морском ведомстве, и как руководитель Совета русского общества пароходства и торговли (РОПиТ), и в качестве начальника Морской академии, члена Правления Академии наук, директора Физико-математического института АН СССР, председателя Всесоюзного научного инженерно-технического общества судостроения и судостроения (ВНИТОСС) и т.д. При активном участии А.Н. Крылова была разработана и под его руководством реализована государственная программа создания современного флота кораблей с металлическим корпусом, на машинном двигателе (вместо парусников), спроектированы и построены новые линии боевых кораблей, включая линкоры типа «Севастополь», быстроходный миноносец «Новик», линкор «Гангут», броненосец «Петропавловск», первый в СССР ледокол, названный «И. Сталин», и т.д. Благодаря масштабной научно-исследовательской и организаторской деятельности академика А.Н. Крылова и его коллег в СССР были созданы модернизированные корабли, сыгравшие огромную роль в отражении наступления вражеских военно-морских и воздушных сил во время Великой Отечественной войны. За уникальный вклад в науку, развитие отечественного флота и заслуги в подготовке высококвалифицированных кадров он был награжден семью орденами Российской империи, удостоен высших наград Советского Союза (трех орденов Ленина), звания Героя Социалистического Труда.

Целью статьи является исследование наиболее актуальных в современных условиях направлений, форм и методов деятельности выдающегося российского и советского ученого А.Н. Крылова в сфере организации научных и научно-образовательных учреждений, конкретных исследований и инновационных разработок.

Научная новизна работы состоит в целенаправленном исследовании исторических условий и предпосылок приобщения А.Н. Крылова к руководству научными организациями, определении основных подходов академика А.Н. Крылова в деле организации коллективных научных разработок и проведении собственных научных исследований. Статья публикуется в контексте авторского уточнения положений некоторых исследователей в описании био-

графии и творческой деятельности А.Н. Крылова [2. С. 9; 5. С. 11; 7. С. 56]. Важность таких уточнений подчеркивается критическими отзывами даже в адрес книги «Крылов» [8], опубликованной в такой прославленной серии, как «Жизнь замечательных людей»: «... вместо подлинной биографии выдающегося ученого-патриота, достойной серии «ЖЗЛ», появилось на свет компилятивное, безграмотное сочинение» [9].

Статья составлена на основе анализа и обобщения музейных и архивных источников «Кабинета-музея академика А.Н. Крылова» в Музее Военно-морской академии имени адмирала флота Н.Г. Кузнецова, Народного мемориального музея академика А.Н. Крылова в с. Крылово Чувашской Республики, а также материалов, опубликованных в сборниках документов и научных трудов, литературы и интернет-информации о деятельности А.Н. Крылова [1, 10, 13, 14] и др. Методологическими принципами исследования стали историзм, системно-логический, комплексный подход в выявлении, классификации источников и установлении причинно-следственных связей между историческими явлениями.

Современные вызовы модернизации России требуют изучения и учета исторического опыта организации деятельности ученых и повышения их роли в технологических, социально-экономических преобразованиях. В этом отношении примечательным является пример академика-кораблестроителя Алексея Николаевича Крылова. Он прославился и как гениальный ученый, и в качестве одного из талантливейших организаторов науки и образования, притом в разных исторических эпохах. Редкостно ярко началась научно-организаторская деятельность А. Н. Крылова в связи с назначением его в январе 1900 г. на должность заведующего Опытным бассейном – единственным в России центром по испытанию моделей судов в процессе их проектирования. Выбор кандидатуры на эту ответственную должность капитана по Адмиралтейству, преподавателя Морской академии Крылова не был случайным. К этому времени он своими трудами по теории корабля прославил русскую науку, стал членом Английского общества корабельных инженеров (1896 г.), членом Французского морского общества (1897 г.) и на основе своих теоретических разработок в области кораблестроительной науки представил Главному инспектору кораблестроения России записку о необходимости расширить функции Опытного бассейна (5 ноября 1899 г.). В записке предлагалось превратить бассейн из водоема по испытанию моделей в новое научно-техническое учреждение по упреждающему решению кораблестроительных проблем на основе синхронных испытаний строящихся кораблей и их моделей, чтобы быть уверенными в плавучих характеристиках судов еще до спуска их на воду. По мысли А.Н. Крылова, Опытный бассейн должен был функционировать в едином комплексе с лабораториями по физико-химическому исследованию и испытанию судостроительных материалов, а также с механической и электротехнической лабораторией. Наиболее актуальными научно-техническими разработками Опытного бассейна под главенством Крылова стали проблемы непотопляемости кораблей. Важную роль в её решении играла идея остойчивости – способности корабля не опрокидываться при получении пробоин в его подводной части и попадании потока воды в трюм.

Благодаря своему незаурядному организаторскому таланту и широчайшей научной эрудиции А. Н. Крылов сыграл выдающуюся роль в воссоздании русского флота после войны с Японией. Руководимый им Опытный бассейн

стал стартовой площадкой реализации кораблестроительной программы, утвержденной в 1907 г. и предусматривавшей новые боевые и технические требования к обновленным судам – линкорам-броненосцам («русским дредноутам»), миноносцам (ныне – ракетносцы), подводным лодкам и др. Новые корабли строились при активном внедрении теоретических разработок А.Н. Крылова и при собственном его участии в проектировании и апробации моделей создающихся судов. В целях повышения весомости решений Алексея Николаевича его в начале 1908 г. назначили главным инспектором кораблестроения, присвоили чин генерал-майора, а также утвердили в должности председателя Морского технического комитета. Соответственно, на его плечи легла титаническая работа по организации тесной интеграции науки с производственными процессами в области кораблестроения, продвижению лучших идей и проектов в практику военно-морского флота всей России.

Умение А.Н. Крылова мгновенно и без суеты принимать четкие организационные решения по любому вопросу корабельного дела позволило морскому министру И.К. Григоровичу назначить его генералом для особых поручений при министре с присвоением чина генерал-лейтенанта (1911 г.). В новой должности вновь оказались востребованы его умение организовать соратников, высокая профессиональная компетентность, готовность остроумно и доказательно дискутировать. Показателен пример отстаивания Крыловым бюджета развития флота. В марте 1912 г. Алексей Николаевич составил альтернативный доклад в Государственную думу с обоснованием необходимости профинансировать выполнение мероприятий в рамках реализации программы судостроения на пятилетие на сумму 502,7 млн руб., и депутаты прониклись важностью комплексного развития оборонительных сил и вооружений Балтийского флота. Соответственно, за надлежащее финансирование кораблестроительной программы проголосовало подавляющее большинство депутатов [6. С. 180–185].

Рациональная организация рабочего времени, высокий уровень научной квалификации А.Н. Крылова способствовали достижению значительных успехов также и в научно-образовательной сфере. Продолжая преподавательскую работу в Морской академии, Алексей Николаевич в августе 1910 г. был избран профессором; в 1916 г. стал доктором прикладной математики (*honoris causa*) и действительным членом Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

В условиях начавшейся Первой мировой войны осенью 1915 г. А.Н. Крылов был назначен председателем правления комплекса оборонных предприятий «Путиловские заводы». Здесь он сразу же столкнулся с неразработанностью законодательных актов по организации секвестированных предприятий, поэтому ему пришлось управлять огромной машиной Путиловских заводов в «ручном режиме». Вскоре со стороны правительственных чиновников посыпались требования давать развернутые письменные обоснования к каждому распоряжению Крылова, составлять к его решениям мотивировку, представляющую собой «чуть что не целый философский трактат» [6. С. 224]. Тем самым делалась попытка за счет добросовестного компетентного человека компенсировать пробелы в законотворческой деятельности сонма государственных чиновников и органов власти – Государственной думы, Государственного совета, царского правительства, отдельных министерств. Алексей Николаевич решил дистанцироваться от бюрократической машины власти и

полностью переключился на научно-исследовательскую работу в Академии наук.

В мае 1916 г. он был избран директором Главной физической обсерватории Академии наук, но вскоре уволился по собственному желанию, сочтя работу там не соответствующей своей профессиональной специализации. В начале 1917 г. стал директором Физической лаборатории академии, которая впоследствии благодаря его стараниям была преобразована в Физический институт Академии наук.

В начале 1918 г. новые власти предложили А.Н. Крылову продолжить научно-организаторскую деятельность, и он вошел в состав специальной комиссии Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) по «мобилизации науки» – привлечению ученых к выполнению задач развития страны. Кроме того, Алексей Николаевич участвовал в работе комиссии по восстановлению и развитию торгового флота; руководил деятельностью комиссии при Научно-техническом отделе Высшего совета народного хозяйства (НТО ВСНХ), которая подготовила проект рационального использования Центральной научно-технической лаборатории военного ведомства для нужд народного хозяйства и т.д. В своей научно-организационной деятельности А.Н. Крылов поддерживал деловые отношения с рядом выдающихся ученых – академиком В.И. Вернадским, председателем Комиссии по изучению естественных производительных сил России, биохимиком А.Н. Бахом, гео- и биофизиком П.П. Лазаревым, минералогом – «поэтом камня» А.Е. Ферсманом и другими научными деятелями, которые тоже активно поддерживали созидательные инициативы советской власти. Вокруг НТО ВСНХ сплотились свыше 250 профессоров, три сотни инженеров и около 240 специалистов разных отраслей науки и народного хозяйства [4. С. 115]. Их слаженная конструктивная работа заложила единую государственную основу в жизнедеятельности научного сообщества, обеспечила планомерное, скоординированное ведение научно-исследовательских работ в России.

Компетентное, добросовестное участие Алексея Николаевича в решении насущных проблем организации науки в новых условиях получило высокую оценку среди коллег, и он в декабре 1918 г. был избран в комиссию по пересмотру устава Академии наук и подготовке нормативных документов для обеспечения деятельности академических учреждений в РСФСР. Таким образом А.Н. Крылов становится одним из разработчиков фундаментальных основ развития науки и образования в Советской стране. Более того, он стал и практическим организатором научной и образовательной сфер в России: в мае 1919 г. его избрали членом Правления Академии наук, в июне того же года – членом специальной комиссии по совершенствованию деятельности академии под председательством её президента А.П. Карпинского. Алексей Николаевич разрабатывал актуальные управленческие решения: обосновал создание в составе РАН технических кафедр и Технического отделения, ставшего в начале 1940-х гг. самым крупным отделением в академии. Кандидатуру А.Н. Крылова члены академии в 1926 г. сочли наилучшей для назначения на должность вице-президента Академии наук СССР, но он категорически отказался занять этот пост, ссылаясь на неотложную важность исследования новых проблем в кораблестроении. Вместе с тем он продолжал руководить Физико-математической группой Отделения математических и естественных наук Академии наук СССР. В 1929 г. и 1935 г. А.Н. Крылов участво-

вал в составлении новых уставов академии и разрешении вопросов перестройки деятельности Академии наук и научных учреждений страны; в 1931 г. стал членом комиссии по составлению академического плана исследований в области математики и физики, членом экспертно-технического совета по вопросам теории корабля и судостроения вновь созданного Главного управления Северного морского пути (Главсевморпуть) при Совнаркомом СССР (1933 г.).

Важной вехой в научно-организаторской деятельности академика Крылова стала работа на должностях руководителя военного вуза и директора академического института. 12 июля 1919 г. он был избран начальником Морской академии, учебно-научную деятельность которой пришлось заново разворачивать и поднимать на новый уровень в соответствии с новым уставом. О своей деятельности в качестве начальника Морской академии с июля 1919 г. по март 1920 г. А.Н. Крылов с гордостью докладывал: «...вложенные при составлении устава и программ принципы оказались правильными, и Военно-морская академия заслужила доверие флота» [6. С. 300]. Правительство высоко оценило научные заслуги и организаторскую деятельность в вузе Алексея Николаевича: Военно-морской академии кораблестроения и вооружения (созданной в 1945 г. на базе инженерно-технических факультетов Морской академии) было присвоено почетное имя академика А.Н. Крылова. Алексея Николаевича заслуженно считают основоположником отечественной школы кораблестроения и системы профессионального образования кораблестроителей.

Большой вклад внес Алексей Николаевич в развитие Физико-математического института Академии наук СССР – выдающегося научно-исследовательского учреждения в области естественных наук. В период директорства А.Н. Крылова (1928–1932 гг.) и его преемника И.М. Виноградова Физико-математический институт показал столь значительные масштабы исследовательской деятельности, что на его основе в 1934 г. создали два академических учреждения – Институт математики и Институт физики. Их возглавили друзья Алексея Николаевича, соответственно: математик И.М. Виноградов и физик С.И. Вавилов (впоследствии ставший президентом Академии наук СССР). В целом стараниями энтузиастов советской науки в РСФСР уже в 1922 г. действовали 57 научных учреждений только в системе Наркомпроса, они сотрудничали с десятками учреждений, работавших в других ведомствах. За годы первой пятилетки (1928/29 – 1932/33) общее число государственных научных учреждений в СССР увеличилось более чем в 2 раза, превысив 1 тыс., а в промышленных отраслях – в 7 раз (с 30 учреждений до 205) [7. С. 230]. Накануне Великой Отечественной войны, в 1939–1940 гг. было открыто 264 научных учреждения, и численность научных кадров достигла 98,3 тыс. человек, т.е. ее стало в 10 раз больше, чем в год начала Первой мировой войны.

С начала 1930-х до начала 1940-х гг. А.Н. Крылов работал председателем правления Всесоюзного научного инженерно-технического общества судоходства и судостроения (ВНИТОСС), ныне действующего как Российское научно-техническое общество судостроителей имени академика А.Н. Крылова. В 1941 г. он был включен в состав Технического совета при Наркомате судостроительной промышленности СССР (НКСП), в ноябре того же года стал штатным экспертом технического совещания Центрального НИИ НКСП. Крылов оказывал постоянную консультативную помощь учреждениям Военно-

Морского Флота СССР (ВМФ), работал в академической комиссии по научно-техническим вопросам ВМФ. В 1944 г. он был введен в состав военно-морской экспертной комиссии Комитета по делам высшей школы при Совете народных комиссаров Советского Союза. Таким образом, плодотворная деятельность А.Н. Крылова и его коллег по организации новой системы науки и образования в Советской стране состоялась благодаря тому, что ученые рука об руку трудились с патриотической, здравомыслящей частью советского руководства.

Практическая значимость изучения данной темы состоит в возможности использования интеллектуального наследия академика А.Н. Крылова, его опыта организации научных исследований и руководства научно-образовательными учреждениями в современных условиях, когда «нужно обеспечить такую созидательную мощь, такую динамику развития, чтобы никакие преграды не помешали нам уверенно, самостоятельно идти вперед» [11].

Перспективы исследований в данном направлении состоят в возможности использования опыта многогранной деятельности А.Н. Крылова в более глубоком, компаративистском изучении роли ученых в развитии нашего общества в XIX столетии и в XX–XXI вв. и извлечении положительного исторического опыта в организации науки, повышении эффективности вклада ученых в современное инновационное развитие страны.

Таким образом, научно-организаторская работа А.Н. Крылова отличалась высокой эффективностью, опыт деятельности академика поныне служит фундаментом в разработке передовых технологий, и это подчеркивается на регулярно проводимых научно-практических конференциях в Санкт-Петербурге, Москве, Чебоксарах [3, 12] и т.д. Многогранная работа А.Н. Крылова проходила в условиях глубоких социально-экономических трансформаций в обществе, но ему всегда удавалось сочетать личные интересы с идеями модернизации страны и совершенствования морского флота. Соответственно, его организаторский талант, научно-творческие идеи реализовались блистательно, с высокой результативностью для развития страны.

Литература

1. Алексей Николаевич Крылов // Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. М.; Л.: ОГИЗ, 1948. 600 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT/884/3/krylov.pdf> (дата обращения: 17.07.2019).
2. Варганов Ю.В. А.А. Крылов – ученый, педагог, инженер, общественный деятель. СПб.: МорВест, 2006. 216 с.¹
3. Гидродинамика больших скоростей и кораблестроение: сб. тр. Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения академика А.Н. Крылова. Чебоксары: Чебоксарский политехнический ин-т (фил.) МГОУ, 2013. 303 с.
4. Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки. Основные направления государственного руководства наукой. М.: Наука, 1971. 271 с.
5. Капица А.П. Мемуары Алексея Николаевича Крылова // Крылов А.Н. Мои воспоминания. 9-е изд., перераб. и доп. СПб.: Политехника. С. 7–16².
6. Крылов А.Н. Мои воспоминания. 9-е изд., перераб. и доп. СПб.: Политехника, 2003. 509 с.
7. Культурное строительство СССР: стат. сб. М.; Л.: Госпланиздат, 1940. 260 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/22545> (дата обращения: 17.07.2019).
8. Липилин В. Крылов. М.: Молодая гвардия, 1983. 223 с.

¹ Автор по ошибке изменил отчество деда А.Н. Крылова – Александра Алексеевича – на «Андреевич»; обвинил Крылова в чрезмерном увлечении общественной работой.

² Доктор географических наук А.П. Капица посчитал, что А.Н. Крылов родился в Ардатовском уезде, хотя сам А.Н. Крылов документально подтвердил, что он родился в с. Висяга Алатырского уезда Симбирской губернии.

9. Мельников Р. О кораблях, встающих на дыбки, и боцманском лексиконе // Литературная газета. 1985. 20 марта.

10. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отдел VIII. Ед. хр. 251.

11. Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/41034> (дата обращения: 17.07.2019).

12. Сборник трудов X Международной научной школы «Гидродинамика больших скоростей» и Международной научной конференции «Гидродинамика. Механика. Энергетические установки» (к 145-летию со дня рождения академика А.Н. Крылова). Чебоксары: Чебоксарский политехнический ин-т (фил.) МГОУ, 2008. 747 с.

13. Ханович И.Г. Академик Алексей Николаевич Крылов. Л.: Наука, 1967. 251 с.

14. Штрайх С.Я. Академик Алексей Николаевич Крылов. Очерк жизни и деятельности. М.; Л.: Военмориздат, 1944. 336 с.

ГРИГОРЬЕВ ВАЛЕРИЙ СЕРГЕЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева, Россия, Чебоксары (v-gr1771@mail.ru).

V. GRIGORYEV

SCIENTIFIC AND ORGANIZATIONAL ACTIVITY OF ACADEMICIAN-SHIPBUILDER A.N. KRYLOV IN THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY

Key words: organization of ship science and ship construction, Academician A. N. Krylov.

Scientific-organizational and research activities of Doctor of applied mathematics, full member of the USSR Academy of Sciences, Professor Alexey Nikolaevich Krylov (1863-1945) is a worthy example for modern organizers of science, higher education and all scientists who are called to promote the country's innovative development. He was born in Alatyr uyezd of Simbirsk province (rural community of Visyaga, now the rural community of Krylov in the Chuvash Republic). After graduating from the Naval school in the capital of the country and having served in the 8th, 4th sea crews and the Main Hydrographic office of Russia, he enthusiastically underwent training in shipbuilding at Franco-Russian plant in St. Petersburg. In 1888–1890 A.N. Krylov studied at the Naval Academy, graduated it with honors and began teaching at his alma mater. Here he developed innovative research in ship theory, became one of initiators and an active participant in creating the Polytechnic Institute in 1899 (now – St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great). He showed outstanding organizational skills in all leadership positions in the scientific, technical and educational spheres: as the head of Experimental pool, which hosted testing of new ships models, and when serving in important general's positions in the Navy, as well as working in the Russian Company of Navigation and Trade (ROPIT), and being the chief of the Maritime Academy, a Board member of the Academy of Sciences, Director of Physico-Mathematical Institute of the USSR Academy of Sciences, the Chairman of the All-Union scientific engineering-technical society of shipping and shipbuilding (VNI TOSS), etc. With A.N. Krylov's active participation and under his leadership, the state program was developed and implemented, it was aimed at creating modern Navy ships with metal housing, using an automatic engine (instead of windships), a new line of warships were designed and constructed, including battleships of "Sevastopol" type, the fast-moving torpedo vessel "Novik", the battleship "Gangut", the armor-plated ship "Petropavlovsk", the first Soviet icebreaker, named "Stalin", etc. Thanks to the large-scale research and organizational activities of Academician A.N. Krylov and his colleagues, the USSR created modernized ships, which played a huge role in repelling the offensive of enemy naval and air forces during the Great Patriotic war. For his unique contribution to science, development of the Russian Navy and for his merits in training highly qualified personnel, he was awarded with seven orders of the Russian Empire, with the highest awards of the Soviet Union (three orders of Lenin), with the title of Hero of Socialist Labor.

References

1. Aleksey Nikolayevich Krylov. *Lyudi russkoy nauki: Ocherki o vydayushchikhsya deyatelyakh yestestvoznaniya i tekhniki* [Aleksei Nikolaevich Krylov. People of Russian Science: Essays on prominent figures in natural sciences and technology]. Moscow, Leningrad, 1948, 600 p. Available at: <http://elib.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT/884/3/krylov.pdf> (Accessed 17 July 2019).

2. Varganov Yu.V. A.A. *Krylov – uchenyy, pedagog, inzhener, obshchestvennyy deyatel'* [A.A. Krylov – scientist, teacher, engineer, public figure]. St. Petersburg, MorVest Publ., 2006, 216 p.¹
3. *Gidrodinamika bol'shikh skorostey i korablestroyeniye: sb. tr. Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 150-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A.N. Krylova* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Gidrodinamika bol'shikh skorostey i korablestroyeniye»]. Cheboksary, 2013, 303 p.
4. Yesakov V.D. *Sovetskaya nauka v gody pervoy pyatiletki. Osnovnyye napravleniya gosudarstvennogo rukovodstva naukoy* [Soviet science in the years of the first five-year plan. The main directions of government leadership in science]. Moscow, Nauka Publ., 1971, 271 p.
5. Kapitsa A.P. *Memuary Alekseya Nikolayevicha Krylova* [Memoirs of Alexei Nikolaevich Krylov]. In: Krylov A.N. *Moi vospominaniya. 9-e izd., pererab. i dop.* [My memories. 9th ed.]. St. Petersburg, Politekhnik Publ., 2003, pp. 7–16².
6. Krylov A.N. *Moi vospominaniya. 9-e izd., pererab. i dop.* [My memories. 9th ed.]. St. Petersburg, Politekhnik Publ., 2003, 509 p.
7. *Kul'turnoye stroitel'stvo SSSR. Statisticheskii sbornik* [The cultural construction of the USSR. Statistical Digest]. Moscow, Leningrad, 1940, 260 p. Available at: <http://istmat.info/node/22545> (Accessed 17 July 2019).
8. Lipilin V. *Krylov* [Krylov]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1983, 223 p.
9. Mel'nikov R. *O korablyakh, vstayushchikh na dybki, i botsmanskom leksikone* [About the ships getting up on their hind legs, and the boatswain]. *Literaturnaya gazeta*, 1985, 20 marta.
10. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel VIII. Edinitsa khraneniya 251* [Scientific Archives of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives VIII. Storing Unite 251].
11. *Poslaniye Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu. 1 marta 2018 goda* [Message from the President to the Federal Assembly. March 1, 2018]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/41034> (Accessed 17 July 2019).
12. *Sbornik trudov X Mezhdunarodnoy nauchnoy shkoly «Gidrodinamika bol'shikh skorostey» i Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Gidrodinamika. Mekhanika. Energeticheskiye ustanovki» (k 145-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A.N. Krylova)* [Collection of works of the X International Scientific School «Hydrodynamics of Big Soon» and the International Scientific Conference «Hydrodynamics. Mechanics. Energy Installations «(to the 145th anniversary of the birth of academician A.N. Krylov)]. Cheboksary, 2008, 747 p.
13. Khanovich I.G. *Akademik Aleksey Nikolayevich Krylov* [Academician Alexey Nikolaevich Krylov]. Leningrad, Nauka Publ., 1967, 251 p.
14. Shtraykh S.Ya. *Akademik Aleksey Nikolayevich Krylov. Oчерk zhizni i deyatel'nosti* [Academician Alexey Nikolaevich Krylov. Essay on life and activity]. Moscow, Leningrad, Voenno-morskoye izdatel'stvo Publ., 1944, 336 p.

GRIGORYEV VALERIY – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian and World History, Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovleva, Russia, Cheboksary (v-gr1771@mail.ru).

Формат цитирования: Григорьев В.С. Научно-организаторская деятельность академика-кораблестроителя А.Н. Крылова в первой половине XX века // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 65–72.

---

¹ The author mistakenly changed the patronymic of grandfather A.N. Krylov – Alexander Alekseevich – on "Andreevich"; accused Krylov of excessive enthusiasm for public work

² Doctor of Geographical Sciences A.P. Kapitsa considered that A.N. Krylov was born in Ardatov district, although A.N. Krylov documented that he was born in the village of Visyaga, Alatyр district, Simbirsk province.

УДК 379.8:[061.1:008](470.344-22)»1950/2019»
ББК Ч745(2Рос.Чув)

О.В. ЕГОРОВА, И.В. ДМИТРИЕВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ КУЛЬТУРЫ НА СЕЛЕ С СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Ключевые слова: трансформация, дома культуры, библиотеки, выставки, духовная жизнь, материально-техническая база, чувашское село.

В статье рассматривается трансформация социальных институтов в чувашском селе с советского периода по настоящее время. Уделяется внимание развитию институтов культуры в чувашском селе. Важное место в жизни селян оказали распространение таких технических новинок, как кино и радио, развитие кинематографии, открытие сельских домов культуры, организация выставок. Большую просветительскую работу выполняла сельская библиотека. Она устанавливала и поддерживала культурные нормы, оказывала большое влияние на духовную жизнь общества. Современная библиотека отличается от советской своими формами работы, перечнем оказываемых услуг, стремится соответствовать постоянно изменяющимся потребностям сельских жителей. С конца 90-х гг. XX в. наблюдается кризис культурных институтов. Причем кризис характерен в первую очередь для таких традиционных институтов, как музеи, библиотеки, театры, дома культуры. С 2000-х гг. реализуется государственная политика материально-технического укрепления государственных институтов культуры и поддержки негосударственных организаций, развивающих культуру на селе. Вместе с тем государство предъявляет к учреждениям культуры требования дополнительного поиска источников негосударственного финансирования за счет предложения населению современных качественных услуг.

Современное общество развивается в условиях информационно-технологического прогресса и стремительной урбанизации. Мы наблюдаем снижение интереса общества к культурным институтам и роли села в жизни человека. Поэтому представляется особенно важным обратить внимание на тему формирования и развития социальных институтов культуры на селе.

Изменения в функционировании социальных институтов культуры в чувашских селах в советский и постсоветский периоды вызваны трансформацией политической и экономической сфер жизнедеятельности российского общества и глобализацией. Культурный институт в прямом смысле чаще всего соотносится с различными организациями и учреждениями, непосредственно, напрямую осуществляющими функции сохранения, трансляции, развития, изучения культуры и культурно значимых явлений (например, библиотеки, музеи, театры, творческие союзы, общества по охране культурного наследия и пр.) [2]. В настоящем исследовании авторы придерживаются данного подхода. Статья написана на основе анализа статей советских и российских ученых, современных полевых материалов, собранных в результате интервьюирования почти 20 информаторов в разных районах Чувашии и статистических данных. Результаты исследования будут полезны представителям государственных органов и ученым разных отраслей.

Трансформация сельской общины. В традиционном обществе роль институтов культуры выполняли преимущественно традиции, обряды, обычаи, народное искусство (народное музыкальное творчество, танцы, вышивка, письмо, архитектура, зодчество и т.д.). Традиции, обряды, обычаи являлись важнейшей составной частью повседневности крестьян. Исследователь А.С. Фролова отмечает, что к специфическим чертам крестьянской культуры

относятся: «внутренняя сплочённость сельской общности; сохранение традиций, обычаев старины, высокий удельный вес коллективной деятельности в рабочее и свободное время; трудовой образ жизни, преобладание моральных регуляторов поведения над правовыми, юридическими и др.» [6. С. 3].

Жизнь и быт в чувашском традиционном обществе были основаны на календарно-обрядовых праздниках. Это, как правило, праздники, связанные с различными этапами сельскохозяйственных работ: зимний праздник испрашивания хорошего приплода скота *Сурхури*, праздник почитания солнца *Ѕаварни*, многодневный весенний праздник жертвоприношений солнцу, богу Тура и предкам *Мӓнкун*, праздник весенней пахоты *Акатуй*, летний праздник поминовения мертвых *Ѕимёк*, завершение уборки хлебов *Чӱклеме* и т.д.» [3].

Для чувашей главным регулятором поведения и соблюдения норм морали было общественное мнение. Община осуждала нескромное поведение, пьянство, воровство. Соблюдался приоритет интересов общины, семьи. Интересы индивидуума, отдельного члена общины были второстепенны. Такая система сохранялась до установления советской власти.

После крещения обрядовая система чувашей изменилась. Приняв христианство, чуваше не перестали праздновать свои древние праздники. Русские священнослужители, согласившись с этим, подгоняли их под православные праздники. Так, *Сурхури* подвели под Рождество, *Ѕаварни* под Масленицу, *Мӓнкун* под Пасху, *Ѕимёк* под Троицу и так далее. Однако дохристианские обычаи оказались настолько устойчивыми, что частично сохраняются и до сих пор.

Таким образом в чувашских селениях с начала XVIII в. появляется новый социальный институт – православная церковь. Церковь постепенно стала центром культурно-образовательной жизни сельской общины. Через нее крестьяне получали новые знания, знакомились с образцами зодчества, живописи, литературы, музыкального творчества и т.д. Благодаря протекции государства церковь монополизировала сферу просвещения и образования селян.

В советское время церковь прекращает свое влияние как социальный институт. Монополистом в проведении культурной политики на селе является государство. В перестроечное время и постсоветский период церковь снова возвращается на село в роли сильного социального института. Современная церковь, формально оставаясь независимой от государства, реально все больше выполняет функцию социального негосударственного института, тонко проводящую (через религиозные нормы и правила) политику сохранения национального единства и консолидации общества согласно принципам государственной внутренней политики.

Роль радиокommunikаций в трансформации сельского образа. В послереволюционные годы благодаря абсолютной новизне большое влияние на культуру селян оказали радио и кино. Это были социальные институты культуры, ознаменовавшие новый этап культурно-образовательного развития села. Чувашские крестьяне восприняли радио как технологическое чудо, которое стало возможным с установлением советской власти. Для внедрения кинематографа на селе в середине 20-х гг. XIX в. в Москве было создано акционерное общество по кинофикации села «Селькино». С этого момента начался активный охват сельских населенных пунктов киносетью. В селах появились передвижные киноустановки, специально подбирались киноленты, интересные для села. На региональном и местном уровне вопросы распро-

странения технических новинок, к которым относились кино и радио, занимали важное место. В 1959–1964 гг. в Чувашии число киноустановок увеличилось более чем в 2 раза, и на 1 января 1965 г. их в республике насчитывалось 994. Из них 934 обслуживали сельских жителей [4. С. 239].

Влияние кино на сельское общество усиливалось дублированием и субтитрованием кинофильмов на чувашский язык. Например, если на 23 сентября 1961 г. в республике имелось 50 дублированных фильмов и 175 кинофильмов с чувашскими субтитрами, то в начале 1965 г. было уже около 100 кинофильмов, дублированных на чувашский язык, и более 250 с субтитрами [4. С. 239].

В целом за годы советской власти в республике была создана широкая сеть городских и сельских кинотеатров. На 1986 г. в Чувашской АССР действовало 1073 киноустановки, из них в сельской местности – 1008. Из общего количества киноустановок стационарных было 987, передвижных – 21. В 1986 г. в среднем на одного жителя приходилось более 14 посещений кино.

Телевидение и радио играли значительную роль в организации досуга сельского населения. Первая телевизионная передача Чувашской студии телевидения вышла в эфир 5 сентября 1961 г. Десятиминутный выпуск новостей жителям Чувашии был показан 16 октября 1961 г, затем диктор в кадре прочитал фельетон. Трансляция была завершена историко-документальным фильмом «Кочубей». С декабря 1961 г. Чувашская телестудия стала транслировать регулярные телепередачи по 2-3 часа в сутки на русском языке. В дальнейшем телепередачи стали транслировать и на чувашском языке.

Информаторы вспоминают, что первые цветные телевизоры на селе стали появляться еще в конце 1970-х гг. Приобретались в основном состоятельными людьми. Особого восхищения новинкой среди владельцев черно-белых телевизоров не было, поскольку из-за нечеткого изображения невозможно их было долго смотреть, начинали болеть глаза. В 1980-х гг. телевидение в сельской местности получило значительное развитие: наряду с реконструкцией действующих были построены новые ретрансляторы малой мощности в с. Порецкое (1982), с. Трехбалтаево Шемуршинского района (1983), с. Долгий Остров Батыревского района (1983), с. Большие Яльчики (1983), с. Красные Четаи (1985). С 1987 г. активно действовал двухпрограммный ретранслятор в с. Чешлама Козловского района. В 1987 г. были введены в эксплуатацию двухпрограммные ретрансляторы малой мощности и радиорелейные линии к ним в с. Новые Айбеси Алатырского, с. Бичурга-Баишево Шемуршинского, д. Ермошкино Вурнарского районов и райцентре с. Янтиково [1. С. 138]. В 1985 г. в ЧАССР появилась приемная спутниковая станция системы «Москва». К концу 1980-х гг. телевизионное вещание стало доступным почти во всех населенных пунктах ЧАССР. Необходимо отметить, что охват телевещания в сельской местности был гораздо хуже городского. Вплоть до 1990-х гг. в ряде сельских населенных пунктов сохранялось низкое качество телевизионного сигнала.

С техническим совершенствованием приема телевизионного сигнала неуклонно росло количество телевизоров у населения республики. К 1988 г. телевизоры имели 76% сельского населения и 88% городского населения [5. С. 175]. У подавляющего большинства сельских жителей были распространены черно-белые телевизоры. В связи с дороговизной телевизоры цветного изображения не получили широкого распространения вплоть до конца

1990-х гг. По линии государственной торговли для розничной продажи телевизоров в Чувашской АССР были открыты специализированные магазины. Для организации ремонта телевизоров во многих районных центрах ЧАССР были подготовлены и оснащены специальным оборудованием пункты приема.

Распространение телевизоров в сельской местности произвело существенные перемены в развитии культурного обслуживания и способствовало подъему общего уровня культуры сельских жителей Чувашии. За короткое время своего развития чувашское телевидение стало одним из основных источников массовой информации на селе.

Средством культурного влияния на сельчан стало также радио. Чувашское радио ведет свои передачи с 1932 г. В 1968 г. была завершена полная радиофикация республики. Информаторы отмечают, что пожилые сельчанки появление радио восприняли скептически. Их пугали громкость, сам внешний вид и непонимание воспроизведения звука. В 1980-х гг. насчитывалось 350 тыс. радиоприемных точек. Чувашское радио 1960–1980-х гг. передавало свои программы 2,5 часа в сутки. Большая часть времени отводилась передачам на чувашском языке. Чувашское радио передавало новости, записи чувашской музыки, фольклора, литературных произведений. Особой популярностью пользовались радиозаписи театральных постановок. В 1980-х гг. радиоприемники в своем обиходе имели 78% сельских жителей, когда у горожан эти показатели составляли 74%, проигрывателями и магнитофонами располагали, соответственно, 24% сельчан и 50% горожан [5. С. 176].

Распространению произведений национальной и профессиональной музыки в разное время служили грампластинки, аудио- и видеокассеты, диски и различные электронные носители. Еще в 1980-х гг. у 40% сельских и 43% городских чувашей имелись в личном пользовании или в фонотеках своих семей грампластинки и магнитофонные записи чувашских народных и современных песен [5. С. 176].

Таким образом, радио и кино стали эффективным орудием идеологического воспитания сельских жителей, сыграли большую роль в решении проблемы культурной революции в стране. Институты радио и кино явились одними из самых мобильных социальных институтов культуры, которые не просто не потеряли свое значение в кризисные 90-е гг. XX в., но путем трансформации превратились в негосударственные (коммерческие) культурные институты.

Школы и институты культуры в жизни селян. Важнейшими социальными институтами культуры на селе с дореволюционного периода являются учреждения образования. Тогда система образовательных учреждений была подчинена церкви.

В советское время учреждения образования стали центральным звеном в государственной идеологической работе по формированию граждан – носителей идей коммунизма. Повсеместно в селах и деревнях строились и открывались новые школы. Сельская школа фактически была центром организации работы с детьми и их семьями. На их базе работали кружки, секции, клубы, филиалы профессиональных училищ и т.д.

В 1944/45 учебном году был осуществлен переход на обязательное обучение детей с 7-летнего возраста. Общеобразовательные школы пополнились квалифицированными кадрами педагогов. За годы советской власти на территории республики за счет всех источников финансирования, в том числе за

счет средств колхозов, построено общеобразовательных школ на 304,3 тыс. ученических мест. Из общего количества введенных ученических мест 70% (212,9 тыс. мест) сдано в эксплуатацию. В 1960–1980 гг. колхозы стали активно строить школы. В период с 1966 по 1970 г. (восьмая пятилетка) было сдано сельских школ на 4859 мест. Пик строительства пришелся на девятую пятилетку 1971–1975 гг., было сдано сельских на 8906 ученических мест [7].

Особое внимание уделялось строительству дошкольных детских учреждений. Так, если в 1960 г. в сельской местности республики функционировало 54 ДОУ, то в 1980 г. их стало 113 [7]. Государственными, кооперативными предприятиями и организациями республики в период на 1960–1980-е гг. введено в действие детских дошкольных учреждений на 77,2 тыс. мест [7].

Сельская школа выполняла следующие функции:

1) социально-экономическую. Школа проводила большую работу как по профессиональному, так и допрофессиональному становлению молодежи. Сегодня данная функция школы практически утеряна в связи с отсутствием запроса;

2) селообразующую и селосохраняющую. Сегодня данная функция школы постепенно теряется ввиду постоянно происходящих оптимизаций учреждений образования (закрытие малокомплектных школ). Именно с этим связаны регулярно возникающие протесты жителей как реакция на решения органов государственной власти;

3) культурного центра;

4) содействия социальной мобильности. Сегодня сельская молодежь не видит перспектив для развития на селе и уезжает в города. Школа данную функцию не исполняет;

5) структурирования социального времени. Сельская школа продолжает выполнять данную функцию, однако степень ее успешности зависит от удаленности школы от места жительства детей и эффективности организации данной работы в учреждении;

6) воспроизводства и развития сельского уклада жизни. На сегодняшний день школа на селе является (в большинстве случаев) единственным интеллектуально-культурным центром, и поэтому в прямой зависимости от ее деятельности находится решение многих вопросов.

В постсоветское время школа на себе испытывала несколько реформ и в итоге к настоящему времени ее социально-культурная роль значительно снизилась. Сегодня школа не дает качественного образования, необходимого для развития села, как было в советское время. Сельское общество и государство не ставят перед ней такие задачи. Как правило, подростки стараются получить на селе образование, которое позволит им поступить в престижные вузы в крупных мегаполисах. При этом все отчетливее проявляется противоречие между растущими требованиями к уровню подготовки выпускников и ограниченностью возможностей сельской школы. Наблюдается разрыв между потребностями семьи, молодежи и условиями работы школ, их результатами.

Исторически огромную роль в социально-культурном развитии села играют учреждения культуры. Известно, что в советское время сельские учреждения культуры позиционировались как центры культурно-просветительской и идеологической работы с взрослым населением. Фактически они являлись центрами информации, общения и различных социальных инициатив населения.

Развитие государственных культурно-просветительских учреждений и общественных организаций были определены КПСС в качестве приоритетных за-

дач работы с сельским населением. Чувашский исследователь Л.А. Иванов подробно описал роль и развитие сети культпросвет учреждений в чувашских селах: «В деле культурного преобразования деревни ответственная роль принадлежит культурно-просветительной работе. Культурно-просветительная работа в деревне осуществляется через широкую сеть культурно-просветительных учреждений – клубов, домов культуры, библиотек, читален, радио, кино, телевидение и печать. Поэтому КПСС считает необходимым равномерно размещать культурные учреждения по стране, с тем, чтобы содействовать поднятию уровня культуры деревни до культурного уровня города. Для этого в Чувашской АССР, как и в целом по стране, создана прочная материальная база. Самым распространенным типом учреждений культуры в сельской местности остаются клубы и дома культуры. Интенсивность развития клубной системы в советское время можно увидеть по следующим данным. В 1959 г. в Чувашии насчитывалось 822 клубных учреждения, из которых 760 обслуживали сельских жителей. К началу 1964 г. в республике было 885 учреждений клубного типа, из них 760 клубов, домов культуры и изб-читален в сельской местности» [4. С. 237].

Клубы на селе стали необходимой частью общественной жизни. Они выступали как важнейшие центры общения людей. На их базе развились досуговые культурные формы: кружки художественной самодеятельности; ансамбли; хоры; театры; кино; выступления профессиональных музыкальных коллективов; различные формы просветительской и пропагандистской работы (лектории, диспуты, конференции и т.д.). Большинство сельских массовых мероприятий проходили в клубах. При многих клубах и домах культуры образовались правления, общественные советы из представителей сельской интеллигенции, советских, профсоюзных работников, представителей комсомольских организаций. С открытием сельских домов культуры молодежи запрящали собираться на традиционных посиделках *Улах*.

В 90-е гг. XX в. клубная система практически не финансировалась. Многие клубные учреждения были закрыты, здания были проданы. В настоящее время наличие, загруженность и эффективность работы клубных учреждений зависит от степени экономической состоятельности муниципалитетов. Важно отметить, что практически все клубные учреждения, существующие в селах Чувашской Республики, были построены в 60-е гг. XX в. Наиболее важной задачей, которую сегодня региональные и федеральные власти ставят перед собой – реконструкция действующих и строительство новых домов культуры на селе. В 1998 г. постановлением Коллегии Министерства культуры и по делам национальностей Чувашской Республики были утверждены Концепция и Программа развития клубно-досуговых учреждений. В соответствии с ними в Чувашии были разработаны и внедрены новые модели обеспечения культурно-досуговой сферы села. Эти структурные преобразования были направлены на модернизацию клубных учреждений, создание комплексных, многопрофильных культурных центров. В связи с чем были созданы новые типы массовых учреждений культуры: образовательно-культурные центры, клубы-библиотеки, клубы-музеи. Так, например, в Моргаушском районе было создано 4 культурно-образовательных центра, где под одной крышей были объединены клуб, библиотека, школа. В Старо-Шемуршинский социально-культурный комплекс были включены школа, библиотека, медпункт. Всего на рубеже столетий в Чувашии действовало 46 многопрофильных, интегрированных учреждений культуры. В 2018 году построено 5 сельских домов культуры

в Аликовском, Батыревском, Ибресинском, Комсомольском и Янтиковском районах. Создание инновационных центров было направлено на обеспечение стратегии социального развития села. Развитие современной клубной системы идет в направлении оказания населению платных услуг по наиболее современным востребованным видам дополнительного образования.

Библиотека в условиях информатизации села. Важное место в системе культурных учреждений занимают библиотеки. В советское время их основной задачей были проведение работы по пропаганде чтения, повышению общеобразовательного, политического и научно-технического уровня селян. К примеру, в 1964 г. услугами всех библиотек (не считая детских) пользовались 318 242 читателей сел и деревень республики. Наибольшее число читателей падает на сельские библиотеки. Только сельскими библиотеками системы Министерства культуры республики в течение 1964 г. было выдано 3187,9 тыс. книг, что составляет по 4-5 книг на каждого сельского жителя [4. С. 244]. Все селения республики были охвачены обслуживанием библиотек. Во многих районах республики решалась партийная задача доведения книги до каждой семьи. Большим достижением являлось то, что в библиотеках республикой рядом с книгами ведущих советских писателей стояли книги лучших чувашских писателей. Советская библиотека была государственным культурным институтом. Она устанавливала и поддерживала культурные нормы, оказывала серьезное влияние на духовную жизнь общества.

После мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, на котором была наметена программа широкого социального и культурно-бытового развития села, заметно усилилась роль колхозов и особенно совхозов в создании материально-технической базы для развития сельской культуры. За годы восьмой, девятой и десятой пятилеток в сельских населенных пунктах ЧАССР были построены новые здания культурного назначения, в которых размещались сельские библиотеки. Строительство шло с активным вложением материальных средств колхозов и совхозов, что привело к увеличению количества библиотек в сельской местности.

Факты свидетельствуют о стабильном росте количества сельских библиотек и книжного фонда в советский период. Однако общение с респондентами показывает слабую организацию библиотечного дела на селе [ПМА. Моргаушский район ЧР. д. Ойкасси]. Только небольшой процент сельчан являлись постоянными читателями библиотек.

Что же читали советские чувашки? Из материалов массового этнографического обследования, проведенного в 1981–1982 гг. научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР совместно с Институтом этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, следует, что около половины сельских чувашек и 1/6 часть горожан читали преимущественно книги чувашских авторов: В. Алendra, А. Артемьева, А. Емельянова [5. С. 163]. Герои их произведений – простые сельские труженики. Названные писатели раскрывали проблемы чувашского села, описывали быт, трудности и радости сельских тружеников. Сельчан, особенно женщин, привлекали произведения, созданные в мелодраматическом ключе. Большой популярностью среди сельского чувашского читателя пользовались произведения исторического жанра. Особенно часто респонденты выделяли романы «Тенета» Ф. Уяра, «Жизнь прожить – не поле перейти» Н. Мраньки, «Дорога на Москву» М. Юхмы, «Герои без вести не про-

падают» Д. Кибек и др. Исторические произведения чувашских писателей отличались выраженным этническим колоритом, так как авторы широко привлекали этнографический материал.

Имеющиеся сельские библиотеки, как правило, не отвечали основным требованиям. Библиотеки в деревнях, отдаленных от районного центра, были размещены в непригодных помещениях, плохо оборудованы, зимой возникали сложности с отоплением. Интерьер, стендовое оформление тоже оставляло желать лучшего. Сельские библиотеки были укомплектованы малоквалифицированными кадрами, как правило не имевшими профильного образования.

С середины 1990-х гг. наблюдается сокращение количества сельских библиотек в связи с закрытием сельских домов культуры.

Современная библиотека сильно отличается от традиционной, сложившейся в советское время своими формами работы, перечнем оказываемых услуг, стремится соответствовать постоянно изменяющимся потребностям граждан. Она фактически изживает себя как учреждение, предоставляющее услуги по хранению и предоставлению книг для чтения. Наличие большого количества источников информации и возможностей для прочтения книг без посещения библиотек требует новых подходов в работе с населением. В постсоветское время в чувашских селах развилась сеть модельных библиотек, которые фактически стали центрами доступа в Интернет, получения правовой информации и иных консультаций. В последнее десятилетие определенные успехи были сделаны в сфере информатизации сельских библиотек. Все районные, в том числе и детские, сельские библиотеки обеспечены комплектами компьютерной техники, программным оборудованием и подключены к сети Интернет. Расширился спектр информационных услуг населению. При сельских районных библиотеках действуют информационные центры, оснащенные правовыми базами ФАПСИ, системами «Консультант Плюс», «Гарант».

Изменение облика современного читателя, наличие разных доступных источников информации требуют от сельской библиотеки адаптации к современным условиям. Сельская библиотека в целях привлечения читателя должна заботиться о создании условий для наиболее полного удовлетворения его информационных потребностей. Если районные сельские библиотеки более или менее с этой задачей справляются, то в деревне это направление оставляет желать лучшего. Так, районными сельскими библиотеками совместно со специализированными организациями были реализованы проекты, направленные на информационную поддержку безработной молодежи, пропаганду здорового образа жизни, на информационное обеспечение образования осужденных, психологическую поддержку семей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, и др. При районных сельских библиотеках действуют кружки – клубы по интересам, нацеленные на аудиторию разных возрастов. Методическую поддержку работникам сельских библиотек оказывает издаваемый Чувашской национальной библиотекой альманах «Сельская библиотека». Он включает рекомендации, консультации, наиболее интересные сценарии для культурно-досуговой работы с потенциальной сельской читательской аудиторией. И снова жизнь требует от библиотек новых форм работы.

Культурно-просветительная работа на селе. В советское время в сельских населенных пунктах возникали новые культурные формы и учреждения. Открылись сельские картинные галереи. Так, в 1963 г. в с. Чурачики Цивильского района открылась картинная галерея колхоза «Броневик», в ко-

тору чувашские художники передали более 50 своих картин [4. С. 239]. К сожалению, к настоящему времени данная форма работы практически утеряна. Сохранились лишь частные картинные коллекции.

Большую культурно-просветительскую работу на селе ведут музеи. По данным Чувашстат в республике на 1960 г. действовало 2 музея, то к 2009 г. количество музеев увеличилось до 17. Увеличивалось количество посетителей. В настоящее время при большинстве музеев действуют клубы по интересам военно-патриотического, художественно-эстетического, краеведческого направлений.

В Чувашии ряд сельских музеев прошли реконструкцию. Например, в Марпосадском районе в с. Шоршелы построено новое современное здание Музея космонавтики. На смену традиционным краеведческим музеям приходят мемориальные комплексы, такие как Музей кораблестроителя А. Крылова в с. Порецкое, музей хлеба в с. Батырево, «Земля и люди» в с. Комсомольское и др. В настоящее время модернизация районных музеев связана с созданием музейных электронных коллекций, виртуальных выставок и размещением их в сети Интернет.

Отмечая позитивные изменения, необходимо отметить, что сельские музеи, как правило, не имеют оборудованных фондохранилищ, средств для обновления экспозиций.

Традицией стали организация концертов профессиональных коллективов на селе. В районных и сельских домах культуры, клубах и избах-читальнях в течение 1964 г. было дано 8975 спектаклей и концертов, на которых присутствовало 1411,6 тыс. зрителей [4. С. 240]. В селах и деревнях Чувашии, как и на предприятиях и учреждениях республики, возникли слаженные художественные коллективы, зародились свои местные традиции в различных жанрах художественного мастерства, которое стало передаваться из поколения в поколение.

Одновременно с развитием различных форм и учреждений культуры перед работниками культурно-просветительных учреждений была поставлена важная задача – внедрить в быт селян новые гражданские советские обряды. По примеру городов Канаш, Мариинский Посад, Чебоксары и Цивильск новые гражданские обряды (торжественные регистрации брака, новорожденных, комсомольские свадьбы, проводы в Советскую Армию и др.) стали проводить с 1964 г. в селах и деревнях республики. Возникшие в 1953 г. взамен старинного национального праздника «Акатуй» праздники песни и труда стали проводиться в каждом районе.

Выводы. В настоящее время многие культурные институты перешли из государственного ведомства в сферу частного предпринимательства и общественных организаций. Так, сеть кинопроката в современной России освободилась от идеологической и финансовой опеки государства. Появились частные музеи, театральные антрепризы и пр. Однако на селе они не получили большого развития. В последние десятилетия в результате реформы органов местного самоуправления сложилась ситуация прямой зависимости учреждений культуры на селе от степени экономического развития муниципалитета. Являясь муниципальными учреждениями, учреждения культуры (дома культуры и библиотеки) находятся в прямой зависимости от объема доходной части муниципального бюджета.

Сегодня, как и в советское время, главными социальными институтами культуры на селе являются учреждения культуры (дома и дворцы культуры, библиотеки), общеобразовательные школы. Растет роль церкви, однако ее влияние распространяется больше всего на взрослое и пожилое население.

Миграция населения из села в город приводит к тому, что чувашское село, расположенное вдали от крупных городов, становится летним дачным населенным пунктом. Зимой в чувашских селах живут в основном пенсионеры и пожилые, а летом количество жителей возрастает в несколько раз. И в этой связи культурные формы жизни проявляют себя в основном в летнее время. При этом наиболее устойчивыми формами являются календарные церковные праздники и детские спортивные мероприятия.

Таким образом, исследование показывает, что с установлением советской власти на жизнь и культуру крестьян все сильнее начали влиять государственные культурные институты и общественные организации, реализующие политику КПСС. Их наибольшее влияние на село приходится на 60–70-е гг. XX в.

Перестроечный период характеризуется проникновением на село западных ценностей, ростом значения интересов человека и снижением социальной ответственности, контрольной роли сельской общины. С середины 1980-х гг. под влиянием экономических преобразований люди активно потребляют продукты западной культуры.

К концу 90-х гг. XX в. наблюдаем кризис культурных институтов как с точки зрения соответствия их требованиям общества, так и в части финансирования. Причем кризис стал характерен в первую очередь для таких традиционных институтов, как музеи, библиотеки, театры. Культурные институты в разные периоды развития села служили разным целям (приобщению к религии, идеологической работе с населением, восстановлению психики людей в послевоенные годы). С 1990-х гг. они оказались предоставлены сами себе.

С 2000-х гг. реализуется государственная политика материально-технического укрепления государственных институтов культуры и поддержки негосударственных организаций, развивающих культуру на селе. Вместе с тем государство предъявляет к учреждениям требования искать источники негосударственного финансирования за счет предложения населению современных качественных услуг.

Литература

1. Данилов А.А. Становление и развитие телевидения в регионах России во второй половине XX – начале XXI вв. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской Республик): дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2009. 484 с.
2. Деркач А.А., Сухов А.Н. Социальная психология [Электронный ресурс]. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/spsey/spsey.htm> (дата обращения: 20.05.2019).
3. Зайцева Е.А. Традиции и обычаи, песня и система ценностей чувашей [Электронный ресурс]. URL: <http://nazaccent.ru/content/21897-chuvashi-eda-i-obryady.html> (дата обращения: 20.05.2019).
4. Иванов Л.И. Организация культурно-просветительной работы среди сельского населения Чувашии в 1959–1964 годах // Вопросы истории Чувашии: сб. ст. / НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. С. 237–247.
5. Пименов В.В. Чуваши: современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988. 240 с.
6. Фролова А. С. Интеграция деятельности учреждений культуры села как фактор оптимизации досуга населения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2016. 26 с.
7. Чувашия: 1920–2010: стат. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2010. 198 с.

ЕГОРОВА ОКСАНА ВЕНИАМИНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (eoks71@rambler.ru).

ДМИТРИЕВА ИНГА ВАЛЕРЬЕВНА – заведующая археолого-этнографическим музеем имени П.В. Денисова, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ingadmit@mail.ru).

O. EGOROVA, I. DMITRIEVA

TRANSFORMATION OF SOCIAL CULTURAL INSTITUTIONS
IN RURAL AREAS FROM THE SOVIET PERIOD TO THE PRESENT

Key words: transformation, houses of culture, libraries, exhibitions, spiritual life, material and technical base, the Chuvash village.

The article examines transformation of social institutions in the Chuvash village from the Soviet period to the present. Attention is paid to the development of cultural institutions in a Chuvash village. The spread of such technical innovations as cinema and radio, development of cinematography, opening rural houses of culture, organization of exhibitions took an important place in the life of the villagers. Great educational work was performed by a rural library. It established and maintained cultural norms, had a great influence on the spiritual life of the society. A modern library differs from the Soviet one in its forms of work, the list of services rendered, it strives to meet constantly changing needs of rural residents. Since the late 90s of the 20th century a crisis of cultural institutions has been observed. Moreover, the crisis is characteristic primarily for such traditional institutions as museums, libraries, theaters, houses of culture. Since 2000s, the state policy of material and technical strengthening of state cultural institutions and supporting non-governmental organizations developing culture in rural areas has been implemented. At the same time, the state imposes on cultural institutions the requirements of additional search for sources of non-state financing by offering modern quality services to the population.

References

1. Danilov A.A. Danilov A.A. *Stanovlenie i razvitie televideniya v regionakh Rossii vo vtoroi polovine XX – nachale XXI vv. (na materialakh Mariiskoi, Mordovskoi i Chuvashskoi Respublik): dis... d-ra ist. nauk.* [Formation and development of television in the regions of Russia in the second half of XX early XXI centuries on the materials of the Mari, Mordovian and Chuvash Republics. Doct. Diss.]. Cheboksary, 2009, 484 p.
2. Derkach A.A., Sukhov A.N. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Available at: <http://yurpsy.com/files/biblio/spsy/spsy.htm> (data obrashcheniya (Accessed 20 May 2019).
3. Zaitseva E.A. *Traditsii i obychai, pesnya i sistema tsennostei chuvashei* [Traditions and customs, songs and values of the Chuvash people]. Available as: <http://nazaccent.ru/content/21897-chuvashi-eda-i-obryady.html> (Accessed 20 May 2019).
4. Ivanov L.I. *Organizatsiya kul'turno-prosvetitel'noi raboty sredi sel'skogo naseleniya Chuvashii v 1959–1964 godakh* [Organization of cultural and educational work among the rural population of the Chuvash Republic in the years 1959–1964]. *Voprosy istorii Chuvashii sb. st.* [History of Chuvash Republic: collection of articles]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1965, pp. 237–247.
5. Pimenov V.V. *Chuvashi sovremennye etnokul'turnye protsessy* [Chuvash: modern ethno-cultural processes]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 240 p.
6. Frolova A.S. *Integratsiya deyatel'nosti uchrezhdenii kul'tury sela kak faktor optimizatsii dosuga naseleniya avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Integration of activities of cultural institutions of the village as a factor of optimization of leisure of the population. Abstract of PhD thesis]. Cheljabinsk, 2016, 26 p.
7. *Chuvashiya 1920–2010: stat. sb.* [Chuvashia 1920–2010: statistical compendium]. Cheboksary, Chuvashstat Publ., 2010, 198 p.

EGOROVA OKSANA – Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Archaeology, Ethnography and Regional History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (eoks71@rambler.ru).

DMITRIEVA INGA – Head of the Archaeological and Ethnographic Museum named after P.V. Denisov, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (ingadmit@mail.ru).

Формат цитирования: Егорова О.В., Дмитриева И.В. Трансформация социальных институтов культуры на селе с советского периода до современности // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 73–83.

УДК 811.111'367/37

ББК 123.34

К.В. ЖУРАВЛЕВА, А.А. ХАЛИН

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (2003–2016 ГОДЫ)**

Ключевые слова: избирательный закон РФ, многопартийная система, партийный состав Государственной Думы, смешанная и пропорциональная система выборов, партийные списки и одномандатники, сравнение итогов региональных выборов в Госдуму.

Статья посвящена истории становления и развития многопартийной системы в современной России. Цель настоящей статьи состоит в анализе основных тенденций развития политических партий в России и в ее регионах с точки зрения участия партий в избирательном процессе. Исследование имеет исторический аспект, так как основано на данных за последние 15 лет. На основе изучения и анализа данных о результатах выборов в Государственную Думу прослежена динамика изменений численности партийных фракций. При этом состав фракций изучен с точки зрения ее формирования как по пропорциональной (партийной), так и по мажоритарной (индивидуальной) системе. В статье рассматривается также процесс становления и развития партий на основе изучения результатов региональных выборов. В ней содержится сравнительный анализ итогов выборов в различных регионах страны с точки зрения как депутатов-списочников, так и депутатов одномандатников. Новизна результатов исследования состоит в том, что авторы впервые в исторической науке провели историко-региональный анализ результатов избирательных компаний основных российских политических партий в трех субъектах РФ: Кировской и Нижегородской областях и Чувашской Республике за период 2000-х гг. В связи с этим при написании данной статьи использован как основной историко-сравнительный метод. Исходя из этого практическая значимость работы состоит в возможности, во-первых, использования ее результатов в деятельности политических партий и, во-вторых, изучения и преподавания современной истории России. Большое значение имеет вывод о том, что важнейшей особенностью нынешней Государственной Думы (2016–2021 гг.) является то, что впервые за всю историю современной России у одной из представленных в парламенте партий имеется конституционное большинство. По итогам выборов «Единая Россия» получила 343 депутатских мандата в нижней палате из 450 (76,2%). В целом авторы статьи констатируют, что на протяжении 2000-х гг. в России сложилась устойчивая многопартийная система, которая успешно «отбивает атаки» других политических сил. Достаточно отметить, что сегодня в России зарегистрировано более 60 политических партий, однако ни одной из них не удается провести своих представителей в главный законодательный орган страны – Государственную Думу.

Цель настоящей статьи состоит в анализе основных тенденций развития политических партий в регионах России с точки зрения их участия в избирательном процессе. Исследование имеет исторический аспект, так как основано на данных за последние 15 лет. В связи с этим при написании данной статьи использован как основной историко-сравнительный метод.

Новизна результатов исследования состоит в том, что авторы впервые в исторической науке провели историко-региональный анализ результатов избирательных компаний основных российских политических партий в трех субъектах РФ: Кировской и Нижегородской областях и Чувашской Республике за период 2000-х гг. В связи с этим практическая значимость работы состоит в возможности, во-первых, использования ее результатов в деятельности политических партий и, во-вторых, изучения и преподавания современной истории России.

Бытует расхожая фраза: вчерашний день уже стал историей. Для профессионального историка это далеко не истина. История начинается тогда, когда события прошлого отделены от нас не только существенным времен-

ным промежутком, но и новыми социально-экономическими и политическими, духовными процессами и явлениями. Когда сущность прошедших явлений приобретает именно «историчность», т.е. определенную оторванность от дней сегодняшних. Когда точно можно сказать: а вот это уже в прошлом.

На наш взгляд, именно сегодня настало время исторического подхода к изучению возникновения, становления и развития многопартийной системы в современной России. Сегодня уже отсутствуют многие характеристики жизни в советской цивилизации (1980-е гг.), когда зарождалась многопартийная система. Ушли в прошлое «лихие» 1990-е гг., «лихость» которых отразилась, в том числе, и в политтехнологиях политических партий, вышедших на арену политический борьбы.

Более того, у нас есть все основания считать 2019 год годом тридцатилетия с момента рождения новых политических партий различной направленности. Начало формирования и организационного оформления политических партий стало закономерным результатом решений XIX партийной конференции КПСС об изменении политической структуры общества, в частности резолюции «О демократизации советского общества и реформе политической системы».

Некоторые историки считают 1989 г. началом третьего этапа формирования политических партий и, собственно, многопартийной системы. На наш взгляд, предыдущие годы вряд ли можно считать этапами этого процесса. Их можно характеризовать как «утробное» развитие будущих партий в виде возникновения различных неформальных движений, объединений, союзов, народных фронтов, а также их постепенного с точки зрения организационного оформления в общественно-политические организации и движения [6, 7].

Мы уже обращались к теме истории многопартийной системы в России в связи с анализом изменений избирательного закона на результаты выборов в Государственную Думу РФ [1]. Проведенный анализ показал определенную взаимосвязь между действующими нормами избирательного закона и итоговым распределением депутатских мандатов в Государственной Думе. Способность партийного руководства (прежде всего правящей партии) точно определить политическую ситуацию в стране, политические предпочтения электората позволяют успешно «подстраивать» избирательный закон под свои политические задачи.

Так, четвертый созыв Государственной Думы (2003–2007 гг.) формировался на основе предыдущего избирательного закона без особых изменений. Эта Дума работала уже в период правления Путина. С точки зрения развития многопартийной системы в это время уже начинает действовать новая политическая сила – партия «Единая Россия». Именно она стала партией власти и во многом определяла политический климат в стране все последующие годы. Впервые КПРФ уступила первую строчку в перечне партий, входящих в состав Государственной Думы. Также впервые за современную историю российского парламентаризма в партийной структуре Думы отсутствует партия «Яблоко» – она представлена только одномандатниками (табл. 1) [4].

Доля одномандатников в составе партийных фракций в Думе:

Единая Россия – 45,45%;

КПРФ – 21,56%;

ЛДПР – 0,0%;

Родина – 21,62%;

Народная партия РФ – 100%;

Яблоко – 100%.

Таблица 1

Партийный состав Государственной Думы четвертого созыва [4]

Название партии	Количество мест по партийному списку / % к другим партиям	Количество мест по одномандатным округам / %	Всего мандатов	% мест от общего состава Думы
Единая Россия	120 / 37,56	100 / 44,44	220	48,88
КПРФ	40 / 12,61	11 / 4,88	51	11,33
ЛДПР	36 / 11,45	0 / 0	36	8,0
Родина	29 / 9,02	8 / 3,55	37	8,22
Народная партия РФ	0 / 0	17 / 7,55	17	3,77
Яблоко	0 / 0	4 / 1,77	4	0,8

Кардинально был изменен избирательный закон при выборах Государственной Думы пятого созыва (2007–2011 гг.) Были введены две основные нормы: во-первых, введен 7% барьер для политических партий; во-вторых, отменена смешанная система выборов (мажоритарная система отменялась). Дума формировалась только по партийным спискам. В выборах участвовали 11 политических партий, которые соответствовали требованиям Закона «О политических партиях». Видимо, предыдущий успех «Единой России» вселил уверенность в ее лидеров, что партия безоговорочно победит на очередных выборах с большим отрывом.

В результате голосования 7% барьер преодолели 4 партии, причем предположение руководителей правящей партии вполне оправдалось. Об этом говорят итоги распределения мест в Думе: она получила почти 65% мест. Из политических старожилов в Думу не попали «Яблоко» и более «молодой» «Союз правых сил» (табл. 2).

Таблица 2

Представительство партий в Государственной Думе пятого созыва [2]

Название партии	Количество мест	% мест от общего состава Думы
Единая Россия	315	64,3
КПРФ	57	11,57
ЛДПР	40	8,14
Справедливая Россия	38	7,74

Голосование по выборам в Государственную Думу шестого созыва (2011–2015 гг.) также проходило только по пропорциональной системе с 7% барьером. На выборах были представлены 7 политических партий. Ограничительный барьер преодолели только 4 партии. Их результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Партии в Государственной Думе шестого созыва [3]

Название партии	Количество мест	% мест от общего состава Думы
Единая Россия	238	52,9
КПРФ	92	20,4
Справедливая Россия	64	14,2
ЛДПР	56	12,5

В новый состав Думы не прошли кандидаты от партий «Патриоты России», «Яблоко», «Правое дело». Победу праздновала «Единая Россия». Однако на этот раз правящая партия заметно ухудшила свои позиции по сравнению с предыдущим созывом. Итоги голосования свидетельствовали о том,

что в политической жизни страны в целом сложилась устойчивая многопартийная система: на протяжении трех созывов (учитывая превращение партии «Родина» в партию «Справедливая Россия») в Думе были представлены одни и те же партии [3].

Предпринятый нами анализ проводился на основе общероссийских сведений и, на наш взгляд, должен быть дополнен анализом региональных данных. Для этого нами были избраны три субъекта Российской Федерации с несхожими социально-экономическими, политическими и культурными характеристиками: Нижегородская область (научно-промышленный регион), Кировская область (регион среднего развития с большой долей сельского населения) и Чувашская Республика (регион с национальным составом населения). В ходе изучения проблемы мы пытались прежде всего выявить региональные особенности избирательных компаний, результаты выборов и их отличия от общероссийских итогов.

Исследование проведено за 1995–2016 гг. (шесть созывов Госдумы), причем упор был сделан на 2000-х гг. (годы правления В.В. Путина). Основное внимание было уделено четырем парламентским партиям, которые неизменно проводили своих депутатов в Думу.

Прежде всего следует отметить отличия региональных результатов выборов от общероссийских показателей. В Кировской области на протяжении последних четырех созывов следует отметить более низкий уровень голосования за партию «Единая Россия» по сравнению с общероссийскими результатами. Более того, этот разрыв все более увеличивался не в пользу правящей партии. Так, при выборах Думы четвертого созыва (2003 г.) показатель «Единой России» в этом регионе был на 4,5% ниже общероссийского, а далее разрыв все более увеличивался: 8,9%, 14,4%, а при выборах седьмого созыва – уже 15,5% [2–5]. Таким образом, «Единая Россия» постепенно снижала свое влияние в регионе как политическая партия. Возможно, отчасти это было связано с губернаторством Н. Белых, либерала, сторонника правых идей.

Однако в мажоритарных округах Кировской области в Госдуму всех четырех созывов всегда проходили кандидаты «Единой России» (2 человека). Это позволяет сделать вывод о том, что партия правильно определяла и персональный состав кандидатов, и характер избирательной кампании. В целом этот результат соответствует общероссийскому показателю.

Другие парламентские партии выступали в регионе более стабильно.

Результаты на уровне общероссийских показали на выборах в разные годы КПРФ (11–19%) и «Справедливая Россия» (7–13%). Особо следует отметить результаты ЛДПР: они стабильно росли все эти годы, причем постоянно были выше общероссийских показателей (на 4–11,5%) [2–5].

Итоги выборов в Государственную Думу седьмого созыва по Кировской области выглядят следующим образом. Всего сегодня регион представляют в Думе 6 депутатов, из которых избраны по партийным спискам 4 человека (2 – от «Единой России», 1 – от «Справедливой России» и 1 – от ЛДПР). По мажоритарным округам прошли два представителя «Единой России». Таким образом, в «кировском» корпусе депутатов 66,7% – представители правящей партии, по 16,6% – от «Справедливой России» и ЛДПР. Интересно отметить, что при результате более 14% у КПРФ в регионе, в Думе нет ни одного представителя коммунистов [5].

В отличие от Кировской области Нижегородская область отмечена более высоким уровнем поддержки правящей партии. Здесь показатели голосования за

«Единую Россию» близки к общероссийским (54–64%). Хотя и здесь при выборах Думы седьмого созыва уровень поддержки «Единой России» оказался на 4% ниже общероссийского. Однако своеобразной «компенсацией» стал факт полного господства кандидатов от правящей партии в мажоритарных округах: все 5 кандидатов «Единой России» стали депутатами Государственной Думы [5].

При этом следует отметить основную тенденцию в мажоритарных округах: постепенно идет вытеснение представителей других партий из числа победителей. Если в Госдуму третьего и четвертого созывов избирались по округам Нижегородской области представители «Единой России», «КПРФ», «Яблока», «СПС», то в состав Думы седьмого созыва прошли представители только правящей партии. Таким образом, усиление позиций партии «Единая Россия» шло в регионе по линии мажоритарных округов. В то же время партия постоянно обеспечивает себе поддержку почти половины избирателей области и по партийным спискам [2–5].

По итогам выборов в Государственной Думе седьмого созыва Нижегородскую область представляют 9 человек. По спискам прошли два представителя от «Единой России» и по одному – от КПРФ и ЛДПР. Впервые за многие годы КПРФ от региона представлял не нижегородец [5]. Однако стопроцентная победа кандидатов от правящей партии в одномандатных округах обеспечила существенный перевес «единороссов» – 7 человек, или более 75% [5]. Это свидетельствует о значительном усилении правящей партии в регионе. Напомним, что в Госдуме предыдущего созыва Нижегородскую область представляли только 5 депутатов-«единороссов» (из 10).

Это полностью соответствует и общероссийской тенденции. В выборах 2016 г. кандидаты от «Единой России» победили в 203 мажоритарных округах из 225 [5].

Основные тенденции развития избирательного процесса в Чувашской Республике практически не отличались в эти годы от общероссийских. Показатели голосования за список партии «Единая Россия» мало отличались от аналогичных данных в целом по стране (54–64%). Интересно отметить, что и здесь, как в Кировской и Нижегородской областях, заметно снижение процента голосования за правящую партию (примерно на 4%). Однако не следует считать это особенностью национальной республики: это тенденция общероссийская.

В целом от Чувашии в Государственную Думу седьмого созыва были избраны 5 депутатов: по партийным спискам 3 человека и по мажоритарным округам 2 человека («единоросс» и «справедливоросс»).

Особенностью избирательного процесса в Чувашской Республике можно считать ситуацию в двух мажоритарных округах. Здесь победу одержал не только представитель правящей партии (1 человек), но и кандидат «Справедливой России». Еще одной особенностью региональных выборов здесь стало то, что из 5 депутатов Госдумы, представляющих республику, трое – представители оппозиционных партий (1 коммунист и 2 «справедливоросса») [5].

Относительная стабильность представительства политических партий в Госдуме от названных регионов отражает и общероссийскую тенденцию. Это свидетельствует о том, что процесс формирования многопартийной системы в современной России практически завершен.

Ныне действующая Государственная Дума седьмого созыва была сформирована по результатам голосования в 2016 г. С учетом провала «Единой России» на выборах 2011 г. было принято решение об изменении избирательного закона. Фактически были восстановлены правовые нормы преды-

дущих созывов: смешанная система голосования и 5% барьер для партийных списков. На сей раз в выборном процессе участвовали 14 политических партий. Новый спектр политических партий свидетельствовал о дальнейшем развитии многопартийной системы. Однако новые партии оказались политически очень слабыми – ни одна из них не получила депутатских мандатов. Их опять разделили между собой «привычные» 4 партии (табл. 4).

Таблица 4

Партийный состав Государственной Думы седьмого созыва [5]

Название партии	Количество мест по партийному списку / % к другим партиям	Количество мест по одномандатным округам / %	Всего мандатов	% мест от общего состава Думы
Единая Россия	140 / 62,2	203 / 90,2	343	76,22
КПРФ	35 / 15,6	7 / 3,1	42	9,33
ЛДПР	34 / 15,1	5 / 2,2	39	8,67
Справедливая Россия	16 / 7,1	7 / 3,1	23	5,11

Вновь в Госдуме не было представлено «Яблоко». В ходе новых выборов уверенную победу одержала «Единая Россия». Однако характер этой победы оказался весьма своеобразным. Партия вновь сократила свое представительство в законодательном органе по партийным спискам (с 238 до 140). Однако «Единая Россия» сумела резко нарастить свое преимущество в выборах по мажоритарной системе (с 100 в 2003 г. до 203).

Доля одномандатников в составе партийных фракций в Думе:

Единая Россия – 59,18;

КПРФ – 16,7;

ЛДПР – 12,8;

Справедливая Россия – 30,4.

Характер такого голосования свидетельствует, на наш взгляд, о росте авторитета партии «Единая Россия» в элитных кругах российского общества. Они выдвинули из своей среды (промышленной, управленческой, научной, культурной, спортивной) наиболее достойных представителей, прибавили к этому необходимое финансовое обеспечение и административный ресурс. Представители партии в мажоритарных округах достигли невиданного ранее результата – они «забрали» более 90% депутатских мандатов. А в думской фракции «Единой России» одномандатники составили почти 60% ее состава.

Важнейшей особенностью нынешней Государственной Думы (2016–2021 гг.) является то, что впервые за всю историю современной России у одной из представленных в парламенте партий имеется конституционное большинство, т.е. более двух третей мест в парламенте. По итогам выборов «Единая Россия» получила 343 депутатских мандата в нижней палате из 450 (76,2%) [5].

Все это позволяет сделать вывод о том, что на протяжении 2000-х гг. в России сложилась устойчивая многопартийная система, которая успешно «отбивает атаки» других политических сил. Достаточно отметить, что сегодня в России зарегистрировано более 60 политических партий, однако ни одной из них не удастся провести своих представителей в главный законодательный орган страны – Государственную Думу.

Литература

1. Журавлева К.В. Влияние избирательного закона на партийный состав Государственной Думы РФ (1995–2018 гг.) // Власть. 2019. № 5. С. 28–34.
2. О результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва: постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 08.12.2007 г. № 72/591-5 г. Москва // Рос. газета. 2007. № 4540, 11 дек.

3. О результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва: постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 09.12.2011 г. № 70/576-6 г. Москва // Рос. газета. 2011. № 278(5654), 10 дек.

4. Об установлении общих результатов выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва: постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 19.12.2003 г. № 71/615-4 г. Москва // Рос. газета. 2003. № 3370, 20 дек.

5. Об установлении общих результатов выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва: постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 23.09.2016 г. № 56/541-7 // Рос. газета. 2016. № 215(70831), 24 сент.

6. Устинкин С.В., Царевский С.Н. Политические партии в процессе принятия решений в Государственной Думе Российской Федерации: теоретико-методологические и прикладные аспекты. Н.Новгород: ННГУ, 2010. 210 с.

7. Устинкин С.В., Царевский С.Н. Оценка влияния политических партий на процесс принятия решений в Государственной Думе Российской Федерации 1-5 созывов // Власть. 2010. № 8. С. 106–109.

ЖУРАВЛЕВА КАРОЛИНА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры истории и теории государства и права, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Нижний Новгород (Karolinka_zhur@mail.ru).

ХАЛИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории государства и права, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Нижний Новгород (a.halin@niu.ranepa.ru).

K. ZHURAVLEVA, A. HALIN

**POLITICAL PARTIES OF RUSSIA IN THE ELECTORAL PROCESS:
HISTORICAL AND REGIONAL ASPECT (2003–2016)**

Key words: *the electoral law of the Russian Federation, multi-party system, party structure of the State Duma, mixed and proportional system of elections, party lists and single-mandate candidates, comparing the results of regional elections to the State Duma.*

The article is devoted to the history of evolving and developing the multi-party system in modern Russia. The purpose of this article is to analyze the main trends in the development of political parties in Russia and its regions from the point of view of the parties participation in the electoral process. The study has a historical aspect, as it is based on data for the last 15 years. Basing on the study and analysis of data on the results of elections to the State Duma, the dynamics of changes in the number of party factions is traced. At this, the structure of factions is studied from the point of view of its formation both by proportional (party) and majority (individual) system. The article also considers the parties' evolving and developing process on the basis of studying the results of regional elections. It contains a comparative analysis of election outcomes in different regions of the country from the point of view of both list deputies and single-mandate deputies. The novelty of the study results is that the authors for the first time in historical science conducted a historical and regional analysis of election campaigns outcomes of the main Russian political parties in three subjects of the Russian Federation: Kirov and Nizhny Novgorod regions and the Chuvash Republic during the 2000s. In this regard, when writing this article the historical-comparative method was used as the main one. Resulting from this, the practical significance of the work consists in the opportunity, firstly, of using its results in the activities of political parties and, secondly, of studying and teaching the modern history of Russia. Of great importance is the conclusion that the most important feature of current State Duma (2016–2021) is that for the first time in the history of modern Russia, one of the parties represented in Parliament has a constitutional majority. The outcomes of elections show that "United Russia" won 343 seats in the Lower House out of 450 (76,2%). In general, the authors of the article state that during the 2000s in Russia a stable multi-party system was formed, it successfully "fights off the attacks" of other political forces. It suffices to note that today more than 60 political parties are registered in Russia, but none of them manages to get their representatives to the main legislative body of the country – the State Duma.

References

1. Zhuravleva K.V. *Vliyanie izbiratel'nogo zakona na partiinyi sostav Gosudarstvennoi Dumy RF (1995–2018 gg.)* [Influence of the electoral law on the party composition of the State Duma (1995–2016)]. *Vlast'*, 2019, no. 5, pp. 28–34.

2. *O rezultatakh vyborov deputatov Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii pyatogo sozyva: postanovlenie Tsentral'noi izbiratel'noi komissii Rossiiskoi Federatsii ot 08.12.2007 g. № 72/591-5 g. Moskva* [On the results of the election of deputies of The State Duma of The Federal Assembly of The Russian Federation of the fifth convocation: Resolution of The Central Election Commission of The Russian Federation of December 8, 2007 no. 72 / 591-5, Moscow]. *Rossiiskaya gazeta*, 2007, no. 4540, Dec. 11.

3. *O rezultatakh vyborov deputatov Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii shestogo sozyva: postanovlenie Tsentral'noi izbiratel'noi komissii RF ot 09.12.2011 g. № 70/576-6 g. Moskva* [On the results of the election of deputies of The State Duma of The Federal Assembly of The Russian Federation of the sixth convocation: Resolution of The Central Election Commission of The Russian Federation dated December 12, 2011 no. 70 / 576-6 Moscow]. *Rossiiskaya gazeta*, 2011, no. 278(5654), Dec. 10.

4. *Ob ustanovlenii obshchikh rezul'tatov vyborov deputatov Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii chetvertogo sozyva: postanovlenie Tsentral'noi izbiratel'noi komissii RF ot 19.12.2003 g. № 71/615-4 g. Moskva* [On establishing the general results of elections of deputies of The State Duma of The Federal Assembly of The Russian Federation of the fourth convocation: Resolution of The Central Election Commission of The Russian Federation of December 19, 2003 no. 71 / 615-4, Moscow]. *Rossiiskaya gazeta*, 2003, no. 3370, Dec. 20.

5. *Ob ustanovlenii obshchikh rezul'tatov vyborov deputatov Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii sed'mogo sozyva: postanovlenie Tsen-tral'noi izbiratel'noi komissii RF ot 23.09.2016 g. № 56/541-7* [On establishing the general results of the election of deputies of The State Duma of The Federal Assembly of The Russian Federation of the seventh convocation: Resolution of The Central Election Commission of The Russian Federation of September 23, 2016 no. 56 / 541-7]. *Rossiiskaya gazeta*, 2016, no. 215(70831), Sept. 24.

6. Ustinkin S.V., Tsarevskii S.N. *Politicheskie partii v protsesse prinyatiya reshe-nii v Gosudarstvennoi Dume Rossiiskoi Federatsii: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty* [Political parties in the decision-making process in The State Duma of the Russian Federation: theoretical, methodological and applied aspects]. Nizhnii Novgorod, 2010, 210 p.

8. Ustinkin S.V., Tsarevskii S.N. *Otsenka vliyaniya politicheskikh partii na protsess prinyatiya reshenii v Gosudarstvennoi Dume Rossiiskoi Federatsii 1-5 sozyvov* [Assessment of the influence of political parties on the decision-making process in The State Duma of the Russian Federation during the 1st – the 5th convocation]. *Vlast'*, 2010, no. 8, pp. 106–109.

ZHURAVLEVA KAROLINA – Post-Graduate Student, History of State and Law Department, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Russia, Nizhny Novgorod (Karolinka_zhur@mail.ru).

HALIN ALEXEY – Doctor of Historical Sciences, Professor History of State and Law Department, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Russia, Nizhny Novgorod (a.halin@niu.ranepa.ru).

Формат цитирования: Журавлева К.В., Халин А.А. Политические партии России в избирательном процессе: исторический региональный аспект (2003–2016 годы) // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 84–91.

УДК 94(470.344)"20":325.1
ББК ТЗ(2Рос.Чув)634-284.6

О.В. КАРПОВА, П.Н. МАТЮШИН,
Е.В. ТКАЧЕНКО, М.А. ШИРОКОВА

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЧУВАШИИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ С ТРУДОВЫМИ МИГРАНТАМИ

Ключевые слова: миграционные процессы в Чувашии, этнокультурное взаимодействие, трудовые мигранты, население Чувашии.

Основное внимание в статье уделено характеристике современных миграционных процессов в Чувашии и конструированию проективных ситуаций в сфере налаживания более тесных контактов местного населения с трудовыми мигрантами, прибывающими в республику из стран Закавказья и Центральной Азии. Рассмотрено отношение жителей Чувашии к возможностям совместного обучения в школах детей и внуков как местного населения, так и трудовых мигрантов. В ходе анализа собранных эмпирических материалов отмечено, что по данному вопросу наибольшую озабоченность вызывают факторы, связанные с общей долей школьников-мигрантов в конкретном учебном коллективе и уровнем их дошкольной подготовки. Установлено, что важным интегрирующим фактором этнокультурного взаимодействия местного населения и приезжих является русский язык, необходимость изучения которого поддерживается абсолютным большинством жителей региона. Большое внимание также придается знанию приезжими особенностей местной истории, традиций и культуры. Нейтрально-положительное отношение со стороны местного населения зафиксировано при оценке ими организации взаимодействия с трудовыми мигрантами в таких контактных сферах, как общественное питание, культурно-просветительская деятельность (знакомство с художественными промыслами, музыкой, танцами и др.).

Важность разрешения миграционных проблем, имеющих в современной России, находит свое понимание со стороны не только ряда представителей общественности и научного сообщества, но и властей, признается ими как одна из главных государственных задач. В «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в качестве одной из целей определены «успешная социальная и культурная адаптация иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграция в российское общество»¹.

К настоящему времени в Чувашской Республике трудовые мигранты не составляют значительной доли занятых в экономике республики, так как этот показатель не превышает одного процента от общего числа работающего населения. В то же время по отношению к трудовым мигрантам в сознании значительной части населения республики присутствуют определенные негативные установки. Такие настроения отмечены в ряде научных исследований, подготовленных на материалах обследований начала второго десятилетия XXI в. [2, 3, 11]. Одновременно правоохранительными органами в регионе отмечается наличие проблем, связанных с незаконной миграцией из государств Средней Азии и СНГ, местами скопления которых на территории республики являются различные рынки и строительные объекты [8. С. 117]. Вопросы восприятия мигрантов в Чу-

¹ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350.

вашии, в том числе с точки зрения потенциальной конфликтности, соотносятся с подобными проблемами и в других регионах нашей страны [9].

Собственно, социально-экономическое взаимодействие мигрантов и местного населения Российской Федерации является объектом специальных научных изысканий, связанных с изучением взаимопроникновения и сосуществования культур различных этнических групп [5]. При этом современными исследователями признается важность изучения динамики внешней трудовой миграции на региональном уровне с учетом общего дискурса развития миграционных процессов в контексте конструирования межэтнического взаимодействия на местах [10, 12]. В рамках заявленной темы особый научный интерес представляют результаты исследований, в которых рассматривается отношение к трудовым мигрантам применительно к их занятости в различных отраслях экономики и социальной сферы Чувашской Республики [1].

При характеристике миграционных процессов в регионе следует учитывать тот факт, что в настоящее время в Чувашию по экономическим причинам переселяются мигранты из республик Средней Азии и Закавказья (Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и Армении). Основная часть таких иностранных рабочих занята в промышленном производстве, строительстве и торговле [8. С. 116].

Контакты местного населения с приезжими являются чаще всего индивидуальными, но могут иметь негативное толкование у более широкого круга лиц. Отмечено, что большинство населения республики встречается с трудовыми мигрантами в местах торговли. В то же время идет расширение контактных зон за счет общественного транспорта, учреждений здравоохранения, образования, общественного питания [4. С. 142].

В связи с этим важно рассмотреть представление населения Чувашии, прежде всего ее городской части, о проективных контактах с трудовыми мигрантами, возможностях построения механизмов для взаимного ознакомления с этнокультурными особенностями. Повышенное внимание горожанам уделено по причине большего сосредоточения иностранных граждан в городах республики. Для написания статьи использованы материалы социологического опроса 250 жителей Чебоксар и Новочебоксарска, а также 50 человек из сельских поселений, расположенных рядом с этими городами: п. Кугеси, д. Вурманкасы и Чиршкасы. Опрос проводился в сентябре – октябре 2018 г. по программе Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем, действующего при Институте этнологии и антропологии РАН. Авторы статьи участвовали в организации и проведении данного опроса.

Распределение опрошенных по полу: женщины – 58%, мужчины – 42%. По возрасту были выделены три группы: 18–29 лет – 23%; 30–59 лет – 55%; 60 лет и старше – 22%. В составе опрошенных преобладали лица с высоким образовательным уровнем, в том числе с высшим и незаконченным высшим образованием (45%), со средним профессиональным образованием (43%), остальные имели общее среднее и неполное среднее образование. По этнической принадлежности около 90% составляли чуваша и русские. Доля других этнических групп практически равнялась 10%.

В ходе анализа эмпирических материалов было установлено, что в межличностных отношениях респонденты были настроены к мигрантам с меньшей степенью неприятия по сравнению с оценкой их как конкурентов в сфере трудовой деятельности. Например, это касается оценки возможности совме-

стного обучения своих детей, внуков и школьников из семей трудовых мигрантов. Подобная проективная ситуация положительно была воспринята почти пятой частью опрошенных (18%), а негативно высказались 13% респондентов. В то же время заметное большинство (60%) было настроено нейтрально. Кроме того, каждый десятый не имел определенной точки зрения по такому вопросу. В своих комментариях участники опроса высказали ряд пожеланий по этому поводу: «интерес к таким контактам будет, если дети приезжих будут нормально учиться»; «если детей мигрантов будет не более 5%, тогда нейтральное отношение, если больше – тогда отрицательное»; «если они будут мешать моим внукам, то это плохо»; «нормально отношусь, если условия обучения для всех одинаковы и если дети друг другу не мешают»; «смотря из какой страны»; «смотря как они будут себя вести» и т.д. Оценивая высказанные в комментариях условия со стороны респондентов в целом, можно признать, что их в равной мере можно высказать не только по отношению к детям мигрантов, но и к своим соотечественникам.

Обращает на себя внимание также тот факт, что определенное значение ряд опрошенных придает таким факторам, как страна прибытия мигрантов, а также численность таких учеников в классах. Последний фактор становится особенно важным, если дети, приехавшие из-за рубежа, тяжело воспринимают программу обучения, так как учителя в этом случае будут вынуждены тратить достаточно много времени для их «подтягивания». Со временем эта проблема может стать весьма значимой и потенциально конфликтогенной. В ходе опроса один из респондентов рассказал о подобном случае в одной из чебоксарских школ, расположенной недалеко от торгового рынка.

Результаты опроса показали, что в этнокультурных контактах значительной является роль языка общения. Применительно к России это, конечно, знание русского языка. Следует признать, что за период, прошедший со времени распада СССР, роль русского языка как языка общения в некоторых государствах, являвшихся в свое время республиками Советского Союза, заметно уменьшилась. Абсолютное большинство респондентов (88%) поддержало точку зрения о том, что мигрантам со слабым знанием русского языка нужны занятия по его изучению. Против обучения высказались 7%, остальные 5% опрошенных не дали определенного ответа на этот вопрос. За обучение без всяких условий высказалось 30% опрошенных. Заметная часть опрошенных (22%) отметила, что изучение русского языка следует проводить только с теми приезжими, которые намерены в дальнейшем оставаться в России на постоянное место жительства. Чаще всего (36%) высказывалось предложение о том, что обучать следует, но с условием оплаты этих занятий самими слушателями.

Важную роль в ходе налаживания контактов между лицами, имеющими этнокультурные особенности, играет знание элементов культуры друг друга. При этом особое значение имеет механизм, который способен наиболее эффективно информировать приезжих о традициях, отличительных культурных чертах местного населения и др. Один из вопросов анкеты предлагал участникам обследования выбрать какой-либо вариант такого информационного обеспечения мигрантов. Чуть менее четверти опрошенных (24%) полагало, что наиболее эффективным средством такого ознакомления приезжих с этнокультурными особенностями населения Чувашии является их вовлечение в общественную жизнь. О распространении среди мигрантов различных листо-

вок с подобной информацией выступило 15% участников опроса. Практически объединила по численности эти две группы еще одна категория респондентов, которая посчитала, что надо информировать новых жителей республики об истории, этнических и культурных традициях населения Чувашии, а также привлекать их к участию в общественной деятельности. За это предложение высказалось 37%. Всего в целом за создание какого-либо механизма ознакомления трудовых мигрантов с этнокультурными особенностями местного населения Чувашии высказалось 76% участников обследования. В то же время каждый десятый из их числа отметил, что ничего не нужно делать в этом направлении, а 12% затруднились дать определенный ответ на поставленный вопрос. Отдельные респонденты предлагали продумать возможности организованного ознакомления мигрантов с особенностями традиций, культуры живущих здесь народов путем открытия курсов. С точки зрения поставленной проблемы какие-либо справочные материалы, брошюры и т.п. могут быть первым шагом по пути получения и углубления знаний трудовых мигрантов о местном населении. Совместная общественная работа также может дать больше представлений и знаний, но для этого необходимы какие-либо объединяющие площадки, которые затруднительно создать в силу того, что мигранты занимают свои трудовые ниши. В этом отношении наиболее реальной представляется работа с мигрантами, обучающимися в образовательных организациях, а исследования этой проблемы в Чувашии подтверждают такую позицию [6] на восприятие их российскими студентами [7]. И хотя в нашей статье речь идет о трудовых мигрантах, возможности работы со студентами вполне можно расширить для привлечения, в первую очередь, молодежи и из этой среды.

В ходе обследования выявлялось и наличие интереса населения республики к странам прибытия приезжих граждан, их этнокультурным особенностям. Респондентам предлагалось высказаться о развитии туризма в те государства, гражданами которых являются трудовые мигранты. Поддержали такую идею около трети опрошенных (32%), отрицательно отнеслись к предложению 5%. Свыше половины (56%) поддержали нейтральное отношение к подобным туристическим перспективам. В немногочисленных комментариях отмечалось, что важно знать, из каких стран будут приезжать люди на заработки. Как отметил один из участников опроса, интересно было бы поехать, например, в Китай. Сегодняшняя реальная ситуация не дает основания для развития активного туризма в бывшие среднеазиатские республики СССР, откуда в Россию на заработки приезжает значительная часть их жителей. В то же время отметим, что не прослеживается и негативного настроения к проективным поездкам в этом направлении. При оценках этих ответов следует иметь в виду, что в условиях, связанных со значительными финансовыми трудностями для большей части населения республики, туристические поездки не представляются актуальными.

Более положительный настрой респондентов был зафиксирован при их ответе на вопрос о наличии в Чувашии пунктов общественного питания с национальной кухней, представляющей традиции стран проживания мигрантов. Приветствовали такую перспективу 41% респондентов, а негативно к ней отнеслись 6% опрошенных. Половина участников обследования высказала нейтральное отношение к кулинарному разнообразию на улицах населенных пунктов республики. При этом следует учитывать, что население Чебоксар и Новочебоксарска уже достаточно давно имеют опыт знакомства с особенностями среднеазиатской и закавказской кухонь, поскольку здесь функциониру-

ют рестораны и кафе, специализирующиеся в этом направлении. По отзывам посетителей, качество блюд и обслуживания вполне приемлемое. вполне возможно, что уже имеющийся опыт в определенной мере оказал влияние на ответы респондентов.

Отношение к этнокультурным особенностям трудовых мигрантов выражали оценки опрошенных при ответе на вопрос, в котором речь шла о возможности обучения желающих художественным промыслам, танцам, музыке, характерным для стран исхода трудовых мигрантов. Уровень положительных оценок здесь оказался примерно таким же, как и при ответе на вопрос об открытии предприятий общественного питания с национальной кухней. Поддержку ответ на данный вопрос нашел у 42% опрошенных, негативное отношение высказано в 6% случаев, а нейтральное – в 49%. Оставшиеся 3% не определились с конкретными оценками.

В ответе еще на один вопрос предлагалось высказать свое отношение к возможностям изучить языки тех стран, которые являлись родиной лиц, приезжающих на заработки. В основном эти оценки можно охарактеризовать как нейтрально-положительные, но менее выраженные, чем при ответе на вопросы о кухне, художественных промыслах, музыке и др. Положительные ответы получены в 34% случаев, отрицательные – в 8%. Наконец, 53% выбрали нейтральное отношение, и 5% затруднились ответить. Если вести речь в целом о настрое местных жителей на интеграцию с мигрантами, то отметим, что положительно о данном направлении работы высказались 37% респондентов, отрицательно – 6%, 52% заняли нейтральную позицию, а 4% затруднились ответить.

В целом, оценивая полученные в ходе эмпирического исследования результаты, можно считать их достаточно благоприятными по отношению к возможностям налаживания в регионе этнокультурного взаимодействия с трудовыми мигрантами. Нейтрально-положительный уровень готовности местного «коренного» населения к сближению с мигрантами, прибывающими в Чувашию, наиболее ярко проявляется в таких контактных сферах, как общественное питание и культурно-просветительская деятельность (знакомство с художественными промыслами, музыкой, танцами). В отношении налаживания этнокультурного взаимодействия в сфере межличностных отношений со стороны большинства респондентов высказывалось мнение о том, что оно во многом зависит от личностных качеств самого человека, степени владения русским языком, уровня знаний и наличия уважения к местной истории, традициям и обычаям «коренного» населения.

Литература

1. *Бойко И.И.* Общественные воззрения на культурную инаковость в Чувашии // Социальные факторы этнической нетерпимости итоги междисциплинарного исследования: сб. ст. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 153–177.
2. *Бойко И.И.* Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 5–9.
3. *Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г.* Этнокультурные предпочтения, родные языки населения Чувашии // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 31–39.
4. *Бойко И.И., Харитонова В.Г.* Процессы этнокультурного развития и межэтнического диалога: на примере Чувашской Республики // Народы Волго-Уралья в истории и культуре России: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Петра Владимировича Денисова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 142.
5. *Великий П.П., Бочарова Е.В.* Этнокультурные аспекты социально-экономического взаимодействия мигрантов и коренного сельского населения России // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер.7. Философия. 2015. № 3(29). С. 123–135.
6. *Григорьев А.В., Карпов А.В., Шумилова О.В., Юстус Т.В.* Российские студенты об особенностях обучения иностранцев в вузах Чувашии // Вестник Чебоксарского филиала Российской

академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2018. № 1(14). С. 99–105.

7. Краснова М.Н., Муравьева И.В., Плотникова Е.В., Селиванова С.А. Студенты Чувашии о межэтнических отношениях, восприятии иностранцев, обучающихся в вузах Чувашии // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2018. № 1(14). С. 106–112.

8. Пульшев И.В., Сануков К.Н., Минеева Е.К. Миграционные процессы и демографическая ситуация в Чувашской Республике в конце 1990-х – начале 2000-х годов // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4. С. 114–120.

9. Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 171–278.

10. Хавинсон М.Ю., Кулаков М.П., Мищук С.Н. Прогнозирование динамики внешней трудовой миграции на региональном уровне // Проблемы прогнозирования. 2013. № 2. С. 99–111.

11. Этнокультурное развитие и межэтнические отношения в Чувашской Республике: научный отчет по материалам социологического обследования 2011 г. / ЧГИГН. Чебоксары, 2012. 88 с.

12. Якимова О.А. Медиадискурс иностранной миграции в Россию в контексте конструирования межэтнического взаимодействия // Журнал социологии и социально антропологии. 2015. № 3(18). С. 123–136.

КАРПОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – старший преподаватель кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (karp_olya@mail.ru).

МАТЮШИН ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (pet316@yandex.ru).

ТКАЧЕНКО ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – старший преподаватель кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (krasnoludek85@mail.ru).

ШИРОКОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mlmaeva@mail.ru).

O. KARPOVA, P. MATYUSHIN, E. TKACHENKO, M. SHIROKOVA
MIGRATION PROCESSES IN CHUVUSHIA IN THE CONTEXT
OF DESIGNING ETHNO-CULTURAL INTERACTION OF LOCAL POPULATION
WITH LABOR MIGRANTS

Key words: *migration processes in Chuvashia, ethnocultural interaction, labor migrants, the population of Chuvashia.*

The main attention is paid to the characterization of modern migration processes in Chuvashia and the design of projective situations in the field of closer contacts between the local population and labor migrants arriving in the republic from the countries of the Caucasus and Central Asia. The attitude of the residents of Chuvashia to the possibilities of joint education in schools of children and grandchildren of both the local population and labor migrants is considered. In the analysis of the collected empirical materials, it was noted that on this issue, the greatest concern is caused by factors related to the total share of migrant schoolchildren in a particular educational team and the level of their preschool education. It has been established that the Russian language is an important integrating factor of ethnocultural interaction between the local population and visitors, the need for learning of which is supported by the vast majority of the region's inhabitants. Great attention is also given to the knowledge of visitors of the local history, traditions and culture. A neutral-positive attitude on the part of the local population was recorded in their assessment of the organization of interaction with labor migrants in such contact areas as catering, cultural and educational activities (acquaintance with art crafts, music, dancing, etc.).

References

1. Boiko I.I. *Obshchestvennyye vozzreniya na kul'turnuyu inakovost' v Chuvashii* [Public views on cultural differentness in Chuvashia]. In: *Sotsial'nye faktory etnicheskoi neterpimosti itoqi mezhdistitsiplinarnogo issledovaniya sb. st.* [Social Factors of Ethnic Intolerance Interdisciplinary Research Outcomes. Collection of articles]. Moscow, IEA RAN Publ., 2014, pp. 153–177.

2. Boiko I.I. *Etnokul'turnoe razvitiye i mezhnatsional'nye otnosheniya v Chuvashskoi Respublike* [Ethnocultural development and interethnic relations in the Chuvash Republic]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 4, pp. 5–9.

3. Boiko I.I., Dolgova A.P., Kharitonova V.G. *Etnokul'turnye predpochteniya, rodnye yazyki nasele-niya Chuvashii* [Ethnic and cultural preferences, native languages of the population of Chuvashia], *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2018, no. 2, pp. 31–39.

4. Boiko I.I., Kharitonova V.G. *Protsessy etnokul'turnogo razvitiya i mezhetnicheskogo dialoga: na primere Chuvashskoi Respubliki* [The processes of ethnocultural development and interethnic dialogue: the example of the Chuvash Republic]. In: *Narody Volgo-Ural'ya v istorii i kul'ture Rossii: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 90-letiyu so dnya rozhdeniya Petra Vladimirovicha Denisova* [Proc. of Int. Conf. «The peoples of the Volga-Ural region in the history and culture of Russia»]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2018, p. 142.

5. Velikii P.P., Bocharova E.V. *Etnokul'turnye aspekty sotsial'no-ekonomicheskogo vzaimode-istviya migrantov i korennoogo sel'skogo naseleniya Rossii* [Ethnocultural aspects of the socio-economic interaction of migrants and the indigenous rural population of Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta*. Ser.7. *Filosofiya*, 2015, no. 3(29), pp. 123–135.

6. Grigor'ev A.V., Karpov A.V., Shumilova O.V., Yustus T.V. *Rossiiskie studenty ob osobennostyakh obucheniya inostrantsev v vuzakh Chuvashii* [Russian students about the features of teaching foreigners in universities of Chuvashia]. *Vestnik Cheboksarskogo filiala Rossiiskoi akademii narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii*, 2018, no. 1(14), pp. 99–105.

7. Krasnova M.N., Murav'eva I.V., Plotnikova E.V., Selivanova S.A. *Studenty Chuvashii o mezhetnicheskikh otnosheniyakh, vospriyatii inostrantsev, obuchayushchikhsya v vuzakh Chuvashii* [Students of Chuvashia on interethnic relations, the perception of foreigners studying in universities of Chuvashia]. *Vestnik Cheboksarskogo filiala Rossiiskoi akademii narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii*, 2018, no. 1(14), pp. 106–112.

8. Pupyshv I.V., Sanukov K.N., Mineeva E.K. *Migratsionnye protsessy i demograficheskaya situatsiya v Chuvashskoi Respublike v kontse 1990-kh – nachale 2000-kh* [Migration processes and demographic situation in the Chuvash Republic in the late 1990s – early 2000s]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2018, no. 4, pp. 114–120.

9. Fenomen *etnicheskogo konflikta: mezhdistsiplinarnyi podkhod i obshchestvennye praktiki. Opyt preduprezhdeniya i uregulirovaniya konfliktov* [The phenomenon of ethnic conflict: an interdisciplinary approach and social practices. Conflict Prevention and Resolution Experience]. Moscow, 2018, pp. 171–278.

10. Khavinson M.Yu., Kulakov M.P., Mishchuk S.N. *Prognozirovaniye dinamiki vneshnei trudovoi migratsii na regional'nom urovne* [Forecasting the dynamics of external labor migration at the regional level]. *Problemy prognozirovaniya*, 2013, no. 2, pp. 99–111.

11. *Etnokul'turnoe razvitiye i mezhetnicheskie otnosheniya v Chuvashskoi Respublike: nauchnyi otchet po materialam sotsiologicheskogo obsledovaniya 2011 g.* [Ethnocultural Development and Interethnic Relations in the Chuvash Republic: Scientific Report Based on the Materials of a 2011 Sociological Survey of Cheboksary]. Cheboksary, 2012, 88 p.

12. Yakimova O.A. *Mediadiskurs inostrannoi migratsii v Rossiyu v kontekste konstruirovaniya mezhetnicheskogo vzaimodeistviya* [Media discourse of foreign migration to Russia in the context of constructing interethnic interaction]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'no antropologii*, 2015, no. 3(18), pp. 123–136.

KARPOVA OLGA – Senior Lecturer, Department of Documentation, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (karp_olya@mail.ru).

MATYUSHIN PETR – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department for Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (pet316@yandex.ru).

TKACHENKO EVGENY – Senior Lecturer, Department of Documentation, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (kras noludek85@mail.ru).

SHIROKOVA MARINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (mlemaeva@mail.ru).

Формат цитирования: Карпова О.В., Матюшин П.Н., Ткаченко Е.В., Широкова М.А. Миграционные процессы в Чувашии в контексте конструирования этнокультурного взаимодействия местного населения с трудовыми мигрантами // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 92–98.

УДК 930.1
ББК 63.3(2)5

А.В. МАНЬКОВ

**МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СРЕДНЕВОЛЖСКОГО СОЦИАЛИСТА-РЕВОЛЮЦИОНЕРА, ИСТОРИКА
И БИБЛИОГРАФА А.С. ПОЛЯКОВА
(конец XIX – первая четверть XX века)**

Ключевые слова: Среднее Поволжье, партия социалистов-революционеров (ПСР), Первая русская революция, Петроград, библиография, русский театр, история литературы, Театральная библиотека.

В фокусе научного анализа автора личность уроженца Среднего Поволжья Александра Сергеевича Полякова, который был активным участником оппозиционного движения в ряде губерний региона в самые первые годы XX в. и начальный период Первой русской революции. Чем занимался член партии социалистов-революционеров А.С. Поляков после 1905 г.? Как сложилась его дальнейшая судьба? К сожалению, сегодня обстоятельства очень интересной биографии А.С. Полякова после революции известны лишь узкому кругу, в первую очередь, петербургских специалистов. Используя источники, хранящиеся в Санкт-Петербургской Театральной библиотеке и государственных архивах, автор статьи приводит новые сведения о детских и юношеских годах Полякова и его семьи, а также малоизвестные на его малой Родине факты из жизни волжанина в 1910-е гг. Исследователь вводит в широкий оборот информацию о деятельности А.С. Полякова в учреждениях культуры Петрограда 1920-х гг., где он занимался библиографией, историей литературы и театра, что расширяет представления специалистов и всех интересующихся историей региона о передовых, но малоизвестных людях средневожского края. Автор считает, что А.С. Поляков являлся одним из наиболее талантливых представителей творческой интеллигенции страны своего поколения.

Уходящее время все дальше и дальше уносит от нас содержание и особенности наиболее знаковых событий прошлого. Так, например, в силу современных политических реалий образы большинства участников оппозиционного движения в Российской империи начала прошлого века, приведших к созданию Советской России, постепенно вычеркиваются из общественной памяти. В то же время, по нашему мнению, такое невынужденное историческое попустительство может не очень благоприятно отразиться на судьбах нынешней России и социальном самочувствии ее граждан. Люди, не помнящие своего «социально-политического родства», на наш взгляд, обречены на постоянное скитание в поисках исторических вариантов выхода из трудных ситуаций текущей жизни.

Президент России В.В. Путин объявил 2019 год Годом театра в Российской Федерации. Профессиональный русский театр и все проявления его безграничной культурологической вселенной обязаны своим рождением и всемирным успехом не только огромной созидательной роли Российского государства. Театр в России создавался талантливыми русскими людьми и их креативной деятельностью. Однако, очевидно, что немного найдется в России людей, которым удалось удивительнейшим образом совместить дело служения отечественной культуре и политическую, а тем более революционную, деятельность.

Российскому Поволжью, в частности Симбирско-Ульяновскому краю, в который ранее входили также территории, являющиеся в наши дни частью Мордовии, Татарстана, Чувашии, а также Самарской области, посчастливи-

лось стать родиной многих людей, внесших большой вклад в развитие культуры нашей страны. Среди созвездия известных писателей и поэтов, педагогов и просветителей, революционеров и ученых, по нашему убеждению, свое достойное место занимает личность симбирского социалиста-революционера Александра Сергеевича Полякова. На наш взгляд, удивительная биография незаслуженно забытого человека в наши дни может вызвать повышенный интерес не только историков и краеведов, но и всех интересующихся историей государства и, в частности, такого региона, как Среднее Поволжье.

Жизнь А.С. Полякова, несомненно, незаурядного и талантливого волжанина, теснейшим образом связана как с некоторыми губерниями Среднего Поволжья, так и с Русским Севером, а также с Петербургом–Петроградом начала XX в. Цель нашего исследования состоит в попытке соединения разных периодов жизнедеятельности А.С. Полякова, которые известны лишь узкому кругу специалистов и экспертов, в контексте выявления наиболее важных событий его оппозиционной и литературно-театроведческой практики.

В декабре 2019 г. исполняется 105 лет со времени образования симбирской организации партии социалистов-революционеров (ПСР) [7. Д. 772. Л. 98]. В ходе революции, начавшейся в январе 1905 г., местные эсеры очень быстро сделали себя неотъемлемой частью насыщенной общественно-политической жизни всего Симбирского края [20, 22]. В то же время в советской исторической литературе тема о революционерах-небольшевиках, тем более являвшихся членами региональных и местных структур ПСР, освещена очень слабо. Длительное время отсутствие научного интереса историков к теме личностей эсеров можно было объяснить недостаточностью источниковой базы. Сегодня также необходимо учитывать, что материалы многих исследований ведущих советских авторов по истории партии эсеров несли на себе печать своего времени и носили во многом антиэсеровский характер [6. С. 14–16]. Подобная же ситуация наблюдалась и на региональном уровне. Так, авторы «Очерков истории Ульяновской организации КПСС», вышедших в начале 1960-х гг., практически полностью отказали эсерам в упоминаниях об их деятельности в революции 1905 г. В этом солидном издании, подготовленном авторитетными ульяновскими учеными и краеведами, об эсерах Симбирска упомянули напрямую лишь один раз [24. С. 130]. В самом начале 1970-х гг., говоря о социалистах-революционерах, местный краевед Г.Н. Федоров очень лапидарно написал: «Большую активность проявляли в Симбирске эсеры» [31. С. 121–122].

После распада СССР отношение к ПСР среди исследователей изменилось. Так, по мнению коллектива средневожских историков во главе с известным поволжским ученым Е.К. Минеевой, «наиболее активно рекрутировалась в леворадикальные партии, и в особенности в партию эсеров, молодежь Среднего Поволжья» [22. С. 158]. Однако, например, замечательная работа О.В. Будницкого, в которой нашлось место и эсерам, построена в основном на событиях общероссийского значения, материалов о происходившем на местах очень мало [5]. О работе эсеров в Среднем Поволжье пишет Р.А. Городницкий. В то же время в центре его повествования находятся Боевая организация партии социалистов-революционеров (БО ПСР) и ее террористическая деятельность, а не местные структуры партии [10].

В числе первых среди средневожских региональных историков упомянули об эсерах, в частности о А.С. Полякове, ульяновские исследователи

В.И. Панова и Ф.Ш. Толочко [25. С. 116–117]. В то же время в работах авторитетного ученого В.Н. Кузнецова, повествующих о личностях оппозиционеров Симбирского Поволжья, отсутствуют упоминания о Полякове [15. С. 232–239; 16, 17]. Очень кратко свидетельствует о А.С. Полякове в своем оригинальном труде ульяновский философ и культуролог В.А. Гуркин [11. С. 196]. Об эсерах Среднего Поволжья писали и за границей. Так, в своей монографии упоминала о них американско-израильский историк А. Гейфман. Однако место как симбирским эсерам в целом, так и одному из лидеров организации в частности в ее фундаментальной работе не нашлось [9. С. 102]. Среди защищенных в Среднем Поволжье диссертаций интересно, например, исследование мордовского автора О.В. Дулкина, сделанное на материалах Мордовского края, но и оно не дает ответа на поставленный нами вопрос о личностях симбирских оппозиционеров-небольшевиков, хотя значительная часть Мордовии в исследуемый период входила в Симбирскую губернию [12].

С другой стороны, в разные годы большой вклад в освещение темы внесли специалисты Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки [23, 33]. Так, заслуженный работник культуры РФ М.И. Цаповецкая рассказала не только о бывшем директоре библиотеки, но и о племяннике Александра Сергеевича И.В. Полякове – талантливом драматурге и сценаристе, до недавнего времени проживавшем в северной столице и передавшем в дар библиотеке часть хранившегося у него семейного архива Поляковых [33. С. 200–201]. Автор представленной статьи активно использует эти и другие источники личного характера, повествующие о жизни А.С. Полякова как в Поволжье, так и в Петербурге и Петрограде, а также в Вологодской губернии. Он вводит в научный оборот данные Санкт-Петербургских архивов: Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ СПб) и государственной театральной библиотеки, а также фонды музея «Симбирская классическая гимназия» (г. Ульяновск) [3, 32, 34].

Жизнь семьи А.С. Полякова почти всегда была связана с педагогической деятельностью: не только он сам, но и его отец, жена и сестры были педагогами. Александр Поляков – сын сельского учителя Сергея Петровича Полякова. Долгие годы всех членов семьи Поляковых самые тесные узы связывали с селом Ундоры Симбирского уезда. Большое волжское село Ундоры – до революции 1917 г. часто переходило из руки в руки. Так, в первой половине XIX в. имение принадлежало известной дворянской семье Ивашевых, среди которых был, например, генерал-майор Петр Никифорович Ивашев (1767–1838) – представитель передового русского дворянства, адъютант, а затем начальника штаба генералиссимуса А.В. Суворова. Сын генерала Василий Петрович Ивашев – участник Южного тайного общества, известного как организация декабристов [4. С. 104]. При этом В.П. Ивашев был близким другом руководителя общества полковника П.И. Пестеля [24. С. 19]. В 1817 г. Ивашев-старший вторично вышел в отставку и навсегда поселился в своем поволжском владении. В 1848 г. имение было продано П.М. Языкову, женатому на одной из сестер декабриста.

Отец эсера Полякова Сергей Петрович Поляков родился 4 сентября 1859 г. не в Ундорах, а в семье дворовых крестьян села Воецкое Сенгилеевского уезда Симбирской губернии [3. Д. 19]. В 1904 г. жандармы писали, что он 3 года как учителем в селе Ундоры, к делу относится старательно и умело, обучает мальчиков церковному пению [7. Д. 247. Л. 130, 138, 138об.].

Они характеризовали учителя Сергея Петровича Полякова как «народника». Более того, сотрудники политической полиции указали, что он «враждебно относится к сельским и помещичьим властям, стараясь при удобном случае ... вредить» [7. Д. 247. Л. 138]. Симбирский уездный исправник сообщил, что Поляков подал прошение губернатору, в котором указал, что «честные люди одни только учителя, остальные подлецы» [7. Д. 247. Л. 137].

Жизненный путь Саши Полякова начался в конце XIX в. в средневожском крае. Детские и юношеские годы Александра Полякова прошли в Симбирской и Казанской губерниях, но его рождение связано с Мордовским краем [7. Д. 217. Л. 4]. В то же время в ряде источников встречается немало ошибок в биографии этого человека. Так, например, отмеченное в книге В.А. Гуркина место рождения Полякова в селе Ундоры Симбирской губернии, несомненно, ошибочно, что подтверждено документами личного характера, хранящимися в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) и Государственной театральной библиотеке [3, 34].

Где же родился будущий эсер А.С. Поляков? Поляков-старший часто менял место своей работы. Получив право стать народным учителем, он переехал в Ардатовский уезд, где стал работать по педагогической специальности. Его сын Александр родился 12 ноября 1882 г. в селе Лобаски Ардатовского уезда Симбирской губернии. Это отмечено, в частности, в удостоверении, выданном Александру Полякову в Шумовском 1-м начальном народном училище при его окончании [3. Д. 2].

О матери Полякова – Анастасии Васильевне Шильниковой, к сожалению, нам пока известно очень мало. В год заключения брака в 1880 г. симбирской мещанке было всего 19 лет [3. Д. 20]. Симбирским мещанином стал и ее сын Александр Поляков. Он был православного вероисповедания и русским по национальности [7. Д. 247. Л. 120]. В семье воспитывались еще две его младшие сестры: Антонина и Валентина.

Начальное образование юный Саша получил в Шумовском 1-м начальном народном училище, что подтверждается свидетельством об окончании этого учреждения, выданным 22 августа 1892 г. [3. Д. 1]. Населенный пункт Шумовка в то время – это небольшое село Симбирского уезда, расположенное недалеко от Ундор. В Шумовском училище С.П. Поляков работал до 1896 г. Кстати, еще в пореформенный период оно было одним из очагов антиправительственного крестьянского движения [24. С. 22].

После окончания Шумовского училища Александр Поляков поступает в 1-ю мужскую Симбирскую классическую гимназию Казанского учебного округа [3. Д. 2]. В 1901 г. будущий литератор с медалью окончил полный курс этой гимназии [25. С. 116–117; 9]. Симбирская гимназия, пожалуй, стала знаменитой на всю страну благодаря многочисленной семье Ульяновых. В ней учились А.И. и В.И. Ульянов (Ленин), другие члены этой «прогрессивной семьи». В то же время среди выпускников гимназии вообще было много известных людей: И.Я. Яковлев, М.Н. Богданов, С.А. Бутурлин, Д.Д. Минаев, Д.И. Садовников, В.П. Филатов, М.Н. Гернет. В подготовительном классе гимназии в 1911 г. учился И.В. Курчатov [32].

При гимназии в свое время был открыт пансион для круглогодичного проживания гимназистов. В этом пансионе, по нашим данным, проживал и Саша Поляков [3. Д. 14]. Связано это было с тем, что от губернского центра до отцовского дома в Симбирском уезде было почти 40 км.

Осенью 1901 г. А.С. Поляков поступил на филологический факультет Императорского Казанского университета [25. С. 116]. Однако уже 18 февраля 1902 г. за участие в студенческих беспорядках Поляков был арестован, исключен из учебного заведения и выслан в Симбирскую губернию. В марте 1902 г. в Симбирске за ним устанавливается негласный надзор местной полиции [7. Д. 217. Л. 4].

В некоторых источниках указано, что в студенческие годы Поляков увлёкся революционными идеями, вступил в РСДРП и начал вести пропаганду среди крестьян. Все это верно, кроме одного: Поляков не был членом РСДРП. По крайней мере, мы не имеем ни одного архивного источника, подтверждающего его членство в группе социал-демократов как в Казани, так и в Симбирске или каком-либо другом городе. В то же время студент Поляков, как и все студенты в те годы, мог отождествляться у жандармов с социалистами и революционерами [30. С. 27]. Вообще накануне революции 1905 г. политическая полиция еще очень плохо представляла себе, кто социал-демократ, а кто социалист-революционер.

Как же было в реальности? Первые социалисты-революционеры в Симбирске появились в 1902–1903 гг. В связи с этим можно подчеркнуть, что, как вспоминал известный симбирский большевик В.В. Рябиков, «на вечеринках у Чебоксарова мы познакомились со всей сочувствующей революции студенческой молодежи, как с.-д. так с.-р....Из участников этих ночных бдений я помню...студента и курсистку (муж и жена) Поляковых» [27. С. 11]. В числе участников этого кружка и единомышленников Поляковых был в те дни еще один молодой оппозиционер Тимофей Николаев [27. С. 11]. В 1905 г. крестьянин Чебоксарского уезда и студент Казанского ветеринарного института Николаев будет одним из лидеров казанских эсеров [36. С. 132]. Впоследствии знаменитый в Среднем Поволжье революционер «Хури» станет создателем Чувашской организации эсеров в Казани.

Удивительно интересно видит роль и место Полякова в эти годы самый авторитетный исследователь поволжских эсеров М.И. Леонов. В одной из своих работ он приводит следующую информацию: «В Казани эсеровские организации появились в конце 90-х гг. XIX в. В 1902 г. был образован «Объединенный комитет с.-д. и с.-р.». В 1903 г. студенты Казанского университета Г.А. Гиршфельд и А.С. Поляков образовали малочисленную группу, которая печатала и распространяла прокламации от имени «казанских эсеров» и «ассоциации казанских эсеров» [21. С. 146].

В начале 1903 г. Поляков был восстановлен в Казанском университете [7. Д. 253. Л. 11]. Однако эта попытка успехом не увенчалась, так как уже в 1904 г. он был снова привлечён жандармами к дознанию как член Казанской группы социалистов-революционеров [7. Д. 308. Л. 218].

После исключения из Казанского университета Поляков вернулся в Симбирскую губернию, но поселился не в селе, где жил отец, а в губернском центре. В 1905 г. под гласным надзором Симбирского жандармского управления состояло много членов партии социал-революционеров, в том числе А.С. Поляков, М.Ф. Лашин, а также Г.С. Тарарыкин-Соколов, входивший в боевую организацию эсеров [7. Д. 308. Л. 1–34]. Данные лица без разрешения сотрудников жандармерии не имели права покидать пределы населенного пункта [7. Д. 414. Л. 1].

Видимо, в это время Поляков сменил в городе несколько адресов [25. С. 117]. Так, в мае 1905 г. он проживал во Введенском переулке в доме

Отлетова [7. Д. 308. Л. 97]. Симбирский полицмейстер А. Пифиев сообщал, что Поляков проживал вместе с другим поднадзорным Николаем Павловичем Смертиным [7. Д. 308. Л. 96]. Состоящий под особым надзором полиции Н.П. Смертин – ветлужский мещанин Костромской губернии приехал в Симбирск в марте 1905 г. [7. Д. 308. Л. 225].

По нашим данным, в этот период Поляков работал статистиком в Симбирской земской управе [25. С. 117]. В годы Первой русской революции во многих губерниях России земство стало легальной трибуной противоправительственных выступлений. В конце 1904 г. Симбирским губернатором стал князь Лев Владимирович Яшвиль, человек довольно прогрессивных взглядов. Характеризуя обстановку в своей губернии, он писал о том, что «в земской управе собрались, служили и распространяли революционные идеи Родионов, Поляков, Соловьев, Яковлев, Миллер и многие другие» [37. С. 2].

В самом начале Первой русской революции Поляков был уже одним из руководителей Симбирской организации партии эсеров. Это видно хотя бы из того, что с началом революции оппозиционная деятельность Полякова резко активизировалась. Современники тех событий, например, вспоминают, что Поляков приезжал в большой уездный город Сызрань на дискуссию между местными эсерами и социал-демократами по вопросам марксизма и народничества. Видный симбирский эсер Николай Рыжков писал в 1930-е гг.: «Поляков горячий, пылкий оратор. Он мог действовать на чувства. Обладал определенной начитанностью» [28. С. 23].

Очень ценной является информация волжских исследователей о том, что в 1905 г. Поляков сотрудничал с поволжскими газетами [25. С. 117]. Правда, исследователи не уточнили, с какими именно. В этот период он, по всей видимости, начинает писать заметки для разных симбирских изданий. В наши дни, мы полагаем, что этим изданием мог быть, например, «Вестник Симбирского земства», первый выпуск которого вышел еще в 1875 г.

В конце 1905 г. в Среднем Поволжье, как и в большинстве регионов страны, происходит радикализация общественной жизни, выразившаяся в росте преступности, призывах к восстанию и митинговой эйфории в городах. 23 ноября 1905 г. на станции Симбирск состоялось собрание железнодорожников для выборов и организации комиссии по вопросам быта рабочих и служащих, а также для разбора других вопросов. Жандармы сообщали, что в собрании принимали участие представители революционных партий, в частности эсеры К.В. Родионов, А.С. Поляков и С.И. Романов. Открыл собрание Романов, который сказал: «Манифестом 17 октября дана свобода слова и собраний». Родионов и Поляков в своих речах призвали «свергнуть монаршую власть, и тогда власть перейдет к народу, и народ сам будет избирать себе начальство» [7. Д. 202. Л. 376, 376об.].

Лидеры местных эсеров К.В. Родионов и А.С. Поляков не были склонны к террористической деятельности. В то же время Родионов и Поляков ездили по губернии и призывали крестьян к погромам помещичьих усадеб и насильственному отбору у помещиков принадлежавших им земель [7. Д. 305. Л. 3]. Осенью того же года, по данным жандармов, мещанин г. Симбирск Поляков являлся вдохновителем крестьянских выступлений в Симбирском и Ардатовском уездах губернии [7. Д. 305. Л. 6]. Современники тех событий вспоминали, что село Шумовка Симбирского уезда снова стало одним из очагов крестьянских беспорядков [2. С. 12].

В 1906 г. след Полякова в Симбирске и губернии теряется. В январе губернские правоохранительные структуры объявили его в розыск по списку лиц, «подлежащих арестам по последним ликвидациям и успевших скрыться» [7. Д. 368. Л. 88об., 89]. Такая судьба была характерна для многих участников революционных событий в крае на рубеже 1905–1906 гг.

В жандармских розыскных документах будет указано «Поляков Александр Сергеевич, сын учителя, бывший студент Казанского университета, 24 года» [7. Д. 368. Л. 88об., 89]. В этот период Поляков тайно покинет город и, по нашей версии, перейдет на нелегальное положение. У авторов есть предположение, что он стал, впоследствии, членом Поволжского областного комитета ПСР. Однако эта версия требует поисков дополнительных данных, заслуживающих доверия.

Будет справедливым сказать, что жандармы и полиция ряда средневожских губерний буквально сбились с ног, разыскивая Полякова. Революционер будет задержан только в 1907 г. в Петербурге с подложным паспортом на имя бузулукского мещанина Марка Васильева [7. Д. 994. Л. 141об]. В этом же году после своего задержания он будет отправлен на поселение в г. Кадников Вологодской губернии, где проживет до 1909 г. К слову, Вологодская губерния стала местом ссылки для многих членов разгромленного жандармами осенью 1907 г. Симбирского комитета партии эсеров (В.А. Марковецкий, Н.Н. Комаров, А.С. Карпов, В.И. Алмазов [7. Д. 376. Л. 76, 76об.]).

Особого внимания, несомненно, заслуживает семейная жизнь Полякова. Был ли он женат, если да, то кто и кем была его супруга? Жандармские документы начала прошлого века дают вполне ясный ответ на этот непростой вопрос. 23 декабря 1905 г. Ардатовский уездный исправник в своем протоколе указал: «Елизавета Михайловна Полякова, жена бывшего студента Александра Сергеевича Полякова, ныне разыскиваемого и подлежащего задержанию, явно принадлежит к партии социалистов-революционеров и явилась в пределы Ардатовского уезда организовывать местный комитет для возмущения населения к бунту, проповедуя ниспровергнуть строй государственного правления» [7. Д. 378. Л. 4].

О чем идет речь в этом документе? В годы революции на территории Ардатовского уезда Симбирской губернии работало несколько сильных эсеровских организаций, доставлявших большие проблемы местным властям. Непосредственно с ардатовской организацией ПСР была связана группа эсеров в с. Четвертаково (ныне пос. Тургенево), действовавшая во второй половине 1905 г. Четвертаково – пригород Ардатова, старинное крупное русское село (в начале XX в. население – свыше 3400 человек).

Эсеровскую организацию в Четвертаково возглавили прибывшие из Ардатова Василий Мутов, Александр Шурков и Антонина Дубова, работавшая в г. Ардатов учительницей в начальной приходской школе. Антонина Михайловна Дубова была родной сестрой жены Александра Полякова – Елизаветы. Елизавета Михайловна Полякова (урожденная Дубова) являлась одним из активнейших членов организации ПСР в г. Ардатов (ныне Мордовская Республика).

Во второй половине 1905 г. представители ардатовской эсеровской группы своими призывами подталкивали местных крестьян к силовым действиям против помещиков. Во многом им это удавалось. Журналист столичной газеты «Петербургские ведомости», находясь в 1905 г. в Среднем Поволжье, сообщал из Ардатовского уезда, что среди крестьян вера в этих агитаторов, «совершенно им неизвестных, неведомо откуда явившихся...приняла вид

культы: на них чуть не молятся» [1. С. 75]. Антонина Дубова открыто призывала крестьян к бунту и свержению самодержавия.

Однако на пике активности (декабрь 1905 г.) полиция сумела разгромить четвертаковских эсеров. 23 декабря 1905 г. Елизавета Полякова и Антонина Дубова были арестованы [8. Д. 289. Л. 1, 3, 9]. Дубову и Полякову, как наиболее серьезных подстрекательниц, отправили в ссылку в Архангельскую губернию [14. С. 104].

Что случилось дальше? Лиза Полякова, на наш взгляд, оказалась очень смелой и отчаянной девушкой! Она сбежала из поморской ссылки. Ничего удивительного, конечно, в этом не было. Революционеры, как социал-демократы, так и эсеры, частенько покидали северные губернии империи, куда их направляли царские власти. Например, будущий знаменитый эсеровский террорист Б.В. Савинков сбежал из Вологды, где находился в ссылке, через Архангельск за границу в июне 1903 г. [29. С. 7]. Однако молодые девушки делали это, по нашему мнению, довольно редко: Елизавете Поляковой это сделать удалось.

Где она находилась и что делала после этого, сказать пока трудно, мы не имеем в настоящее время соответствующих источников. С другой стороны, в мае 1908 г. Елизавета Полякова уже находится в Иркутской губернии, оттуда едет в восточносибирскую ссылку. Об этом мы узнаем из ее писем своему тестю С.П. Полякову в Ундоры [3. Д. 41. Л. 1–4]. Восточная Сибирь становится местом массовой женской политической ссылки.

Мы считаем А.С. Полякова одним из создателей симбирской организации партии эсеров и одной из ярчайших фигур первого года революции 1905 г. в Среднем Поволжье. Симбирский губернатор князь Яшвиль писал позже: «Родионов и Поляков наводнили всю губернию прокламациями и терроризировали симбирскую публику, которая сейчас же уступила им место и подчинилась их руководству.... Оба они не раз привлекались к ответственности по политическим делам, сидели в тюрьмах и поэтому пользовались престижем» [37. С. 7].

Был ли А.С. Поляков идейным революционером или это было временное увлечение? Конечно, в наши дни утвердительно ответить на этот вопрос очень трудно. Может быть, будет верным ограничиться суждением лидера ПСР В.М. Чернова о том времени: «...Революция становилась модой» [35. С. 161]. С другой стороны, видимо, необходимо согласиться с мнением известного мордовского историка Г.А. Куршевой: «Революционные события 1905–1907 гг. породили принципиально новое положение интеллигенции в российском обществе» [18. С. 111].

Неменьший интерес представляет послереволюционная жизнь Полякова. В 1907 г. после своего задержания он был отправлен под надзор полиции в г. Кадников Вологодской губернии, где проживал до 1909 г. После отбытия наказания Поляков не вернулся ни в Симбирск, ни в Казань, а уехал в Петербург [7. Д. 994. Л. 141об.].

Так началась, вне всякого сомнения, его новая жизнь. После возвращения в 1909 г. в столицу он опять желает учиться. Снова стать студентом было его мечтой. Книги и театр – вот, что, пожалуй, теперь постоянно интересовало вчерашнего эсера.

В Петербурге он поступает на словесно-историческое отделение недавно открывшегося Психоневрологического института. В 1913 г. Поляков переходит на историко-филологический факультет Петербургского университета.

В эти годы, по всей видимости, социалист-революционер Поляков полностью отходит от революционной и пропагандистской деятельности. Теряет ли он полную связь с эсерами? Исследования этого, несомненно, интересного и важного вопроса, наверное, еще впереди.

В эти годы А.С. Поляков полностью переключается на литературную деятельность. Он принимает активное участие в Пушкинском семинаре при Психоневрологическом институте профессора С.А. Венгерова. С Сергеем Венгеровым у Полякова устанавливаются близкие, можно сказать, дружественные отношения. Поляков включается в активную работу по составлению нового Энциклопедического Словаря. В это же время он также сближается с авторитетными библиографами и литературоведами И.А. Шляпкиным, Н.М. Лисовским и А.И. Малеиным. Пожалуй, особую известность, приобрел Николай Михайлович Лисовский (1854–1920), первый российский библиограф, который стоял у истоков формирования отечественной науки книговедения.

С 1913 г. Поляков сотрудничает с антикваром и книготорговцем Н. Соловьёвым в «Русском библиофиле». Постепенно складывается так называемый «Поляковский кружок», члены которого проводят неформальные встречи и координируют свои работы в рамках Библиологического общества.

В 1915 г. увидело свет издание Полякова, посвященное истории Симбирского краеведческого музея (Симбирский Губернский Музеум: Историческая заметка / Отдельный оттиск из «Записок Симбирского областного естественного-исторического музея»: Вып. 2. (1914)).

В 1917 г. инициативу организации коллективной работы по описанию всех журналов, газет, альманахов и сборников XIX в. взял на себя частный Петроградский историко-литературный кружок, в состав которого входили: А.Д. Александров, С.Д. Балухатый, В.В. Буш, Л.К. Ильинский, В.Н. Княжнин, В.Е. Евгеньев-Максимов, Ю.Г. Оксман, А.С. Поляков, В.С. Спиридонов, А.Г. Фомин и А.А. Шилов. «Душой» этого кружка был Поляков, и с легкой руки Ильинского он был назван «поляковским». Так, например, 14 апреля 1917 г. в Русском библиологическом обществе члены этого кружка прочитали следующие доклады: Л.К. Ильинский – «Необходимость изучения и описания русских журналов», А.Г. Фомин – «Программа описания русских журналов», А.С. Поляков – «Программа исследования журналов», А.А. Шилов – «Из истории русской журналистики. Неосуществившийся библиографический журнал Мельгунова (1830 г.)» [19. С. 24].

Как указывает Г.В. Михеева, в результате обсуждения докладов была образована специальная комиссия по описанию русских журналов XIX в. В нее вошли все члены кружка, к которым присоединились и многие члены Русского библиологического общества. В итоге состав комиссии был таков: Л.К. Ильинский (председатель), А.А. Шилов (секретарь); члены комиссии: А.Д. Александров, С.Д. Балухатый, Н.Г. Богданов, С.М. Бонди, В.В. Буш, Э.А. Вольтер, Е.В. Гогель, П.А. Горчинский, П.К. Замков, Е.Г. Кислицына, М.К. Клеман, В.А. Краснов, Н.М. Лисовский, А.И. Лященко, А.Г. Максимов, А.И. Малеин, И.М. Малышева, Ю.Г. Оксман, А.В. Паллизен, А.С. Поляков, В.С. Спиридонов, А.Г. Фомин, Н.В. Яковлев. Как видим, состав комиссии был очень представительным, большинство из ее членов – настоящие или будущие известные литературоведы и библиографы, многие из которых вошли в число сотрудников вскоре созданной Книжной палаты, впоследствии работавшей в Научно-исследовательском институте книговедения [19. С. 24].

В эти годы Поляков не терял связи и с родным краем. Так, многолетние годы творческого сотрудничества объединяли Полякова с симбирским историком литературы и педагогом М.Ф. Суперанским [3. Д. 25]. Главным делом жизни Суперанского было издание книги о русском писателе симбирянце И.А. Гончарове. Действительный член Симбирской ученой архивной комиссии, автор очерка по истории Симбирска и ряда книг по проблемам народного образования и просвещения, приезжая в столицу, встречался и с Поляковым. Так, 5 февраля 1912 г. Поляков вместе с Суперанским посещали профессора Венгерова [3. Д. 15].

В 1916 г. Поляков был принят на работу внештатным сотрудником в Пушкинский Дом и проработал там, в древлехранилище вплоть до 1923 г., занимаясь описанием и регистрацией рукописей. В 1916 г. наконец увидела свет работа А.С. Полякова о трудах очень известного в свое время специалиста, учителя Полякова профессора С.А. Венгерова [26].

В 1918 г. А.С. Полякова назначили на должность заведующего театральной библиотекой. Архивные документы подтверждают, что Поляков «состоит на службе театров с 8 августа 1918 года» [3. Д. 6]. Вполне возможно, именно «революционное прошлое» сыграло свою роль при назначении Полякова на эту работу. С другой стороны, один из любимых учеников крупнейшего русского библиографа Н.М. Лисовского, активный участник семинария С.А. Венгерова в Пушкинском Доме и автор нескольких заметных работ по русской театральной библиографии оказался настоящим профессионалом. Возможно, его учителя смогли быстро разглядеть талант библиографа. Так, именно ему удалось получить весь фонд Драматической цензуры из упраздненного после падения монархии Главного Управления по делам печати (Цензурного комитета), что увеличило собрание пьес в четыре раза и дополнило его драматургией на всех языках народов Российской империи с 1864 г. до 1917 г.

Нынешний облик библиотеки был создан ее директором А.С. Поляковым. Планомерная архивная работа, исследовательская и издательская деятельность осуществлялась в Театральной библиотеке в эти годы, благодаря стараниям директора А.С. Полякова. Он не только заботился о пополнении книжного фонда библиотеки, ему принадлежит заслуга организации рукописного отдела библиотеки и издания на его основе периодических изданий «Бирюча Петроградских государственных театров», «Ежегодника Петроградских государственных театров», мемуарной серии «Театральная библиотека» и ряда других ценных изданий.

Один из последующих директоров библиотеки Ю.А. Нелидов писал в 1934 г.: «После революции для библиотеки наступила новая эра. Заведование ею было, наконец вверено научному работнику, энергичному и талантливому библиографу Александру Сергеевичу Полякову...» [23. С. 16].

Быстрый служебный рост вчерашнего студента-филолога и молодого специалиста (Полякову при назначении в библиотеку было всего лишь 36 лет) некоторые современные эксперты связывают с его знакомством с самим А.В. Луначарским, первым народным комиссаром просвещения Советской России. Так это или нет, видимо, еще предстоит выяснять исследователям, но одно не вызывает сомнения: Луначарский, как и юный волжский революционер Поляков, тоже побывал в ссылке в Вологодской губернии. Будущий министр и прекрасный публицист, искусствовед и литературный критик создавал марксистскую теорию искусств, писал к театральным программам статьи, излагая для нового,

неподготовленного слушателя содержание русских опер. Очень похожим делом занимался последние 5 лет своей жизни и А.С. Поляков.

Этот период жизни Полякова был очень насыщенным. Он заведовал не только Центральной библиотекой русской драмы, но и ее архивом, был членом Совета Театрального музея и заведующим изданиями петроградских государственных академических театров [3. Д. 7].

Огромный интерес исследователя представляет сборник «Бирюч петроградских государственных театров», который издавался Центральной библиотекой русской драмы под редакцией её директора А.С. Полякова в 1918–1920 гг. Журнал отражал, главным образом, жизнь государственных театров Петрограда. Недаром в его заглавии появилось древнеславянское слово «бирюч» – вестник, глашатай. Здесь печатались программы спектаклей, театральная хроника, архивные заметки, статьи ведущих актёров, режиссёров, художников, драматургов, историков театра и др., письма и воспоминания.

Существует мнение, что в 1917–1918 гг. Поляков трудился приват-доцентом историко-филологического факультета Петроградского университета, но оно требует тщательного исследования документов. В эти годы он составил указатель к «Ежегоднику Императорских театров», который так и не был издан, а также обнаружил неопубликованную рукопись пьесы «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь» В.Г. Белинского, хранящуюся в фонде Библиотеки с исправлениями автора, пометками М.С. Щепкина, цензурными исключениями и театральными купюрами.

В 1919 г. в московском журнале «Голос минувшего» увидело свет одно из самых удивительных произведений А.С. Полякова «Второе 1-е марта. Покушение на императора Александра III в 1887 г. (Материалы)». Находящееся в хранилище редких книг Петербургской Театральной библиотеки это оригинальное историческое исследование, на наш взгляд, ждёт своих экспертов и исследователей революционно-террористического насилия в царской России [3. Д. 13]. В 1922 г. список талантливых работ Александра Полякова пополнила книга, посвященная А.С. Пушкину («О смерти Пушкина» (По новым данным). Петроград: Госиздат, 1922. 115 с. (Труды Пушкинского Дома при РАН).

В послереволюционном Петрограде Поляков проживал на Большой Спасской улице (ныне улица Красного курсанта). Библиограф, историк литературы и театра А.С. Поляков скончался 4 октября 1923 г. в одной из больниц Петрограда [34. Д. 2742. Л. 16]. По мнению некоторых современных работников Театральной библиотеки, он умер в своем рабочем кабинете на улице Зодчего Росси, д. 2 (до 1923 г. – улица Театральная). Однако в наши дни это представляется нам весьма спорным, так как Поляков был болен тифом. В своем письме к отцу в Ундоры сестра библиографа Валентина Сергеевна написала: «Сейчас, в 12 ночи скончался, Саша... Тиф перешел в воспаление легких и потом в воспаление мозга.... Все было сделано, чтобы его спасти, но ничего не смогли поделать» [3. Д. 54].

В то же время имеются абсолютно точные архивные сведения, которые подтверждают желание его коллег порадовать больного «заведывающего» бутылкой русского шампанского «Абрау», которая была официально истребована в Административно-хозяйственной части Гостеатров [34. Д. 2742. Л. 15]. Шампанское для директора оказалось бесполезным, тяжело больной Поляков не успел его попробовать.

Молодой, красивый и обаятельный человек, внешне и манерами, по нашему мнению, похожий на С.А. Есенина: такой же, на наш взгляд, как и вели-

кий поэт – столичный фронт, ушел из жизни не дожив до 41 года. Как следует из архивных источников, семья покойного (жена и дочь) остались «совершенно без средств и Управление Госактеатров попросило КУБУ» (Комиссия по улучшению быта ученых) «сохранить за семьей все права на получение материального обеспечения [34. Д. 2742. Л. 19]. По мнению петербургских специалистов, основанному на воспоминаниях родственников Полякова, жена и дочь революционера и ученого погибли в городе на Неве в дни блокады Ленинграда. Точное место захоронения самого Полякова, к сожалению, пока установить не удалось. По одним сведениям, он был похоронен на Серафимовском кладбище. В то же время М.И. Цаповецкая указывает, что его могила находится на Смоленском кладбище [33. С. 200].

Таким образом, А.С. Поляков оказался среди первых молодых «рекрутов революции» в Среднем Поволжье. Александр Сергеевич в юности принимал активное участие в политической деятельности. На путь оппозиционной борьбы он вступил в 1902 г. в Казанской губернии. Революционные взгляды А.С. Полякова, видимо, начали оформляться во время его учёбы в Казани, где он установил связь с революционно настроенными студентами местного университета и впоследствии стал известным социалистом-революционером. Как показывает проведенное исследование, наш герой имел самое непосредственное отношение к созданию и деятельности первых эсеровских организаций в Казани и Симбирске в начале XX в. Оценивая роль Полякова в генезисе симбирской организации партии, необходимо отметить её как одну из доминирующих. В годы Первой русской революции он был участником крупных революционных событий 1905 г. в Симбирской губернии, неоднократно выступал на митингах и собраниях, проводил агитационную работу среди средневожского крестьянства. После поражения революции как член запрещенной партии социалистов-революционеров Поляков был сослан в Вологодскую губернию. Разгром ПСР и повсеместное бегство эсеров от реальной политики, на наш взгляд, вызвали в нем кардинальные изменения в мировоззрении, потребовали пересмотра ценностей и ориентиров жизненного пути. После освобождения из ссылки он приехал в столицу и занялся библиографической и литературной деятельностью. Так, Поляков плодотворно работал в Пушкинском Доме и Книжной палате. В 1917 г. в Петрограде сложился «Поляковский кружок», члены которого проводили неформальные встречи и координировали свои работы в рамках Библиологического общества. С 1918 г. Поляков сосредоточился на работе в Центральной библиотеке русской драмы. В послереволюционные годы он формировал и расширял её фонды, создавал первый архив, организовывал издательскую деятельность. В эти годы Поляков стал известен как библиограф, историк театра и русской литературы. Он является автором ряда блестящих научных работ по отечественной истории.

По нашему глубокому убеждению, Поляков был одним из наиболее ярких представителей творческой интеллигенции своего поколения. Огромное количество исторических источников и литературы о жизни Полякова еще предстоит изучить и сделать достоянием широкой общественности. Личность А.С. Полякова может пополнить список волжан и симбирян-ульяновцев в творческой элите страны и занять в ней свое достойное место наряду с такими личностями, как, например, писатель И.А. Гончаров, художник А.А. Пластов, литераторы Д.Д. Минаев и С.Г. Скиталец, ученые Н.М. Карамзин и А.И. Воейков, и другими талантливейшими уроженцами Симбирского края.

Литература

1. *Абрамов В.К.* Мордовский народ (1897–1939). Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1996.
2. *Алексеев В.* Из пыли архивов // Красная летопись. Сборник материалов по истории Симбирской организации РКП (б) и революционного движения в Симбирской губернии. Симбирск, 1923.
3. Архив Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки. Ф. 17. П. 1.
4. *Баюра Л.П.* Никита Петрович Козлов – крепостной художник Ивашевых // Симбирский вестник. Историко-краеведческий сборник. Выпуск II. Ульяновск, Заповедник им. В.И. Ленина, 1994. С. 103–116.
5. *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.
6. *Волобуев О.В., Миллер В.И., Шелохаев В.В.* Непролетарские партии России: итоги изучения и нерешенные проблемы // Непролетарские партии России в трех революциях: сб. ст. М.: Наука, 1989. С. 5–20.
7. Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 855. Оп. 1.
8. ГАУО. Ф. 76. Оп. 6.
9. *Гейфман А.* Революционный террор в России. 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОНПРЕСС, 1997. 448 с.
10. *Городницкий Р.А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 239 с.
11. *Гуркин В.А.* На берегах Русского Нила: история изучения территории Симбирского Поволжья. М., 2005. 238 с.
12. *Дулкин О.В.* Власть и общество Мордовии в годы Первой российской революции: 1905–1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006. 228 с.
13. Историческое краеведение / под ред. Т.Б. Табардановой. Ульяновск: ИПК ПРО, Корпорация технологий продвижения, 2002. 240 с.
14. *Кистанов С.В.* Высылка эсеров с территории современной Мордовии в период Первой русской революции (1905–1907 гг.) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2011. № 1(69), ч. 1. С. 101–108.
15. *Кузнецов В.Н.* Политические партии в Среднем и Нижнем Поволжье в 1907 – начале 1911 гг. Ульяновск: УлГПУ, 2007. 242 с.
16. *Кузнецов В.Н.* Поволжский социал-демократ Александр Африкантович Кузнецов // Вестник Ульяновского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 8. С. 163–169.
17. *Кузнецов В.Н.* В.И. Алмазов – симбирский эсер // В традициях российского историографа: межвуз. сб. науч. трудов, посвящ. 20-летию каф. истории Отечества Ульяновского гос. ун-та / Ульяновский гос. ун-т. Ульяновск, 2012. С. 28–42.
18. *Куршева Г.А.* Учительская интеллигенция в революции 1905–1907 гг.: региональный аспект // Первая русская революция 1905–1907 гг.: исторический опыт разрешения внутриобщественного кризиса и современность: материалы науч.-практ. конф. (14–16 ноября 2005 года, Ульяновск). Ульяновск: Симбирская книга, 2005. С. 111–117.
19. *Михеева Г.В.* Русское библиологическое общество в Петрограде в первое послереволюционное пятилетие, 1917–1921 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. № 3(24). С. 23–28.
20. *Леонов М.И.* Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара, 1992. 191 с.
21. *Леонов М.И.* Эсеры Юго-Востока Европейской России на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Самарского университета. 2012. № 8/2. С. 142–151.
22. *Минеева Е.К., Шайпак Л.А., Маньков А.В.* Жандармские документы о симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905–1907 гг.) // Право и образование. 2015. № 7. С. 158–167.
23. *Нелидов Ю.А.* Ленинградская театральная библиотека им. А.В. Луначарского // Театральное наследие. Сб. 1 / Гос. акад. театр драмы. Л., 1934. С. 11–44.
24. Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1964. Ч. 1.
25. *Панова В.И., Толочко Ф.Ш.* Жандармские документы о Симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905–1907 гг.) // Симбирский вестник. Историко-краеведческий сборник. Вып. III. Ульяновск: Симбирская книга, 1996. С. 113–125.
26. *Поляков А.С.* Труды профессора С.А. Венгерова. Библиографический перечень. М., 1916.
27. *Рябиков В.В.* Симбирские большевики. 1903–1906 гг. // 1905 год в Симбирске. Сборник по истории революционного движения в губернии в 1905–06 годах. Ульяновск, 1925.

28. Рыжков Н.О. Сызранское подполье. Материалы по истории революционного движения г. Сызрани и Сызранского уезда до 1917 года. Сызрань, 1930.
29. Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М.: Захаров, 2002. 556 с.
30. Спиридович А.И. Записки жандарма. М.: Первая Образцовая тип., 1991. 268 с.
31. Федоров Г.Н. К истории революционного движения в Симбирской губернии в 1905–1907 гг. (Заметки краеведа) // Краеведческие записки. Вып. III. Ульяновск, 1971. С. 115–131.
32. Фонды музея «Симбирская классическая гимназия». Личные дела гимназистов. Папка № 102.
33. Цаповецкая М.И. Времена и люди Театральной библиотеки // Записки Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки. Вып. 10/11. СПб.: Нестор-История, 2012. 268 с.
34. Центральный государственный архив литературы и искусства. Ф. 260. Оп. 3.
35. Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. 416 с.
36. Ялтаев Д.А. Правоохранительная деятельность полиции в чувашских уездах Казанской губернии в 1862–1917 годах. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. 156 с.
37. Яшевиль Л.В. Воспоминания о Симбирске 1905–1906 гг. Киев, 1906.

МАНЬКОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия связи имени маршала Советского Союза С.М. Буденного, Россия, Санкт-Петербург (63donetsk@mail.ru).

A. MANKOV

LITTLE-KNOWN PAGES THE LIFE AND ACTIVITIES
OF SREDNEVOLZHSKYSOCIALIST-REVOLUTIONARY, HISTORIAN
AND BIBLIOGRAPHER A.S. POLYAKOV
(END OF 19th CENTURY – FIRST QUARTER OF 20th CENTURY)

Key words: *The Middle Volga, the party of socialists-revolutionaries (PSR), the First Russian revolution, the Petrograd, bibliography, Russian theatre, history of literature, Theatre library.*

The author focuses on the personality of Alexander Sergeevich Polyakov, a native of the Middle Volga region, who was an active participant of the opposition movement in a number of provinces of the region on in the very first years of the 20th century and during the First Russian revolution. What did the socialist-revolutionary A.S. Polyakov do after 1905? What was his fate? Unfortunately, today the circumstances of a very interesting biography of A.S. Polyakov after the revolution are known to a narrow circle, first of all, St. Petersburg specialists. The author of the article gives new information about the childhood and youth years of Polyakov and his family, as well as little-known facts from the life of a volzhanin in his small Homeland in the 1910s. the Researcher introduces information about the multifaceted activities of A.S. Polyakov in the cultural institutions of Petrograd in the 1920s, where he is engaged in bibliography, history of Russian literature and theater, which expands our understanding of advance, but little-known people of the middle Volga region. All this expands the views of specialists and all those interested in the history of the region. A uthor believes that A.S. Polyakov was one of the most talented representatives of the country's creative intelligentsia of his generation.

References

1. Abramov V.K. *Mordovskii narod (1897–1939)* [Mordovian people (1897–1939)]. Saransk, Mordovian University Publ., 1996.
2. Alekseev V. *Iz pyli arkhivov. Krasnaya letopis'. Sbornik materialov po istorii Simbirskoi organizatsii RKP (b) i revolyutsionnogo dvizheniia v Simbirskoi gubernii* [From the dust of archives. Red chronicle. Collection of materials on the history of the Simbirsk organization of the RCP (b) and the revolutionary movement in the Simbirsk province]. Simbirsk, 1923.
3. *Arkhiv Sankt-Peterburgskoi teatral'noi biblioteki. F. 17. P. 1.* [Archives of the St. Petersburg Theatre Library. Archive 17].
4. Bayura L.P. *Nikita Petrovich Kozlov – krepostnoi khudozhnik Ivashevykh* [Nikita Petrovich Kozlov-serf artist Ivashev]. In: *Simbirskii vestnik. Istoriko-kraevedcheskii sbornik. Vypusk II.* [Simbirsk Herald. Historical and local history. Issue 2]. Ulyanovsk, 1994, pp. 103–116.
5. Budnickii O.V. *Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of 19th – beginning of 20th century)]. Moscow, ROSSPEN Publ, 2000, 399 p.

6. Volobuev O.V., Miller V.I., Shelohaev V.V. *Neproletarskie partii Rossii: itogi izucheniia i nereshennye problemy* [Non-Proletarian parties of Russia: results of study and unsolved problems]. In: *Neproletarskie partii Rossii v treh revolyutsiyakh: sb. st.* [Non-proletarian parties of Russia in three revolutions: a collection of articles]. Moscow, Nauka Publ, 1989, pp. 5–20.
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 855. Op. 1* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Archive 855. Anagraph 1].
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 76. Op. 6* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Archive 76. Anagraph 6].
9. Geifman A. *Revoljutsionnyi terror v Rossii. 1894–1917* [The Revolutionary terror in Russia. 1894–1917]. Moscow, KRONPRESS Publ., 1997, 448 p.
10. Gorodnickii R.A. *Boevaya organizatsiia partii sotsialistov-revoljutsionerov v 1901–1911 gg.* [Combat organization of the party of socialists-revolutionaries in 1901–1911]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, 239 p.
11. Gurkin V.A. *Na beregakh Russkogo Nila: istoriia izucheniia territorii Simbirskogo Povolzh'ya* [On the banks of the Russian Nile: the history of studying the territory of the Simbirsk Volga region]. Moscow, 2005, 238 p.
12. Dulkan O.V. *Vlast' i obshchestvo Mordovii v gody Pervoi rossiiskoi revolyutsii: 1905–1907 gg.: dis. ... kand. ist. nauk.* [Power and society of Mordovia in the years of the First Russian revolution: 1905–1907. Cand. Diss.]. Saransk, 2006, 228 p.
13. Tabardanov T.B. ed. *Istoricheskoe kraevedenie* [Historical study of local lore]. Ulyanovsk, IPK PRO, Korporatsiya tehnologii prodvizheniya Publ., 2002, 240 p.
14. Kistanov S.V. *Vysylka eserov s territorii sovremennoi Mordovii v period Pervoi russkoi revolyutsii (1905–1907 gg.)* [Expulsion of the socialist party from the territory of Mordovia in the period of the First Russian revolution (1905–1907)]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*, 2011, no. 1(69), iss. 1, pp. 101–108.
15. Kuznecov V.N. *Politicheskie partii v Srednem i Nizhnem Povolzh'e v 1907 – nachale 1911 gg.* [Political parties in the Middle and Lower Volga region in 1907 – early 1911]. Ulyanovsk, 2007, 242 p.
16. Kuznecov V.N. *Povolzhskii sotsial-demokrat Aleksandr Afrikanovich Kuznetsov* [The Volga social Democrat Alexander Afrikanovich Kuznetsov]. *Vestnik Ulyanovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012, iss. 8, pp. 163–169.
17. Kuznecov V.N. *V.I. Almazov – simbirskii eser* [V. I. Almazov-Simbirsk socialist-revolutionaries]. In: *V traditsiyakh rossiiskogo istoriografa: mezhvuz. sb. nauch. trudov, posvyachsh. 20-letiyu kaf. istorii Otechestva Ul'yan. gos. un-ta* [In the tradition of the Russian historiographer: intercollegiate collection of scientific works]. Ulyanovsk, 2012, pp. 28–42.
18. Kursheva G.A. *Uchitel'skaya intelligentsiia v revolyutsii 1905–1907 gg: regional'nyi aspekt* [Teacher intellectuals in the revolution of 1905–1907: regional aspect Teacher intellectuals in the revolution of 1905–1907: regional aspect]. In: *Pervaya russkaya revolyutsiya 1905–1907 gg.: istoricheskii opyt razresheniya vnutriobshhestvennogo krizisa i sovremennost': materialy nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Sci. Conf. «The first Russian revolution of 1905–1907: the historical experience of solving the internal social crisis and modernity» (November 14–16, 2005, Ulyanovsk)]. Ulyanovsk, 2005, pp. 111–117.
19. Miheeva G.V. *Russkoe bibliologicheskoe obshchestvo v Petrograde v pervoe poslerevoljutsionnoe pyatiletie, 1917–1921 gg.* [Russian bibliological society in Petrograd in the first post-revolutionary five years, 1917–1921]. *Vestnik Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 2015, no. 3(24), pp. 23–28.
20. Leonov M.I. *Esery v revolyutsii 1905–1907 gg.* [Social Revolutionaries in the revolution of 1905–1907]. Samara, 1992, 191 p.
21. Leonov M.I. *Esery Yugo-Vostoka Evropeiskoi Rossii na rubezhe XIX–XX vv.* [Socialist Revolutionaries of the South-East of European Russia at the turn of the 19th–20th centuries]. *Vestnik Samarskogo universiteta*, 2012, no. 8/2, pp. 142–151.
22. Mineeva E.K., Shajpak L.A., Man'kov A.V. *Zhandarmskie dokumenty o simbirskikh sotsialistakh-revoljutsionerakh (period revolyutsii 1905–1907 gg.)* [Gendarmerie documents on Simbirsk socialists-revolutionaries (revolution period 1905–1907)]. *Pravo i obrazovanie*, 2015, no. 7, pp. 158–167.
23. Nelidov Yu.A. *Leningradskaya Teatral'naya biblioteka im. A.V. Lunacharskogo* [Leningrad Theatre library by A.V. Lunacharsky]. In: *Teatral'noe nasledie. Sb. 1. Gos. akad. teatr dramy.* [Theatrical heritage]. Leningrad, 1934, pp. 11–44.
24. *Ocherki istorii Ul'yanovskoi organizatsii KPSS* [Essays on the history of the Ulyanovsk organization of the CPSU]. Saratov, 1964, part 1.
25. Panova V.I., Tolochko F.Sh. *Zhandarmskie dokumenty o Simbirskikh sotsialistakh-revoljutsionerakh (period revolyutsii 1905–1907 gg.)* [Gendarmerie documents about Simbirsk socialists-revolutionaries (revolution period 1905–1907)]. *Simbirskii vestnik. Istoriko-kraevedcheskii sbornik*, 1996, iss. 3, pp. 113–125.

26. Polyakov A.S. *Trudy professora S.A. Vengerova. Bibliograficheskii perechen'* [Works of Professor S.A. Vengerov. The bibliography]. Moscow, 1916.
27. Ryabikov V. *Simbirskie bol'sheviki. 1903–1906 gg.* [Simbirsk Bolsheviks. 1903–1906]. In: *1905 god v Simbirске. Sbornik po istorii revolyutsionnogo dvizheniya v gubernii v 1905–06 godakh* [1905 in Simbirsk. A collection on the history of the revolutionary movement in the province in 1905–06]. Ulyanovsk, 1925.
28. Ryzhkov N.O. *Syzranskoe podpol'e. Materialy po istorii revolyutsionnogo dvizheniia g. Syzran i Syzranskogo uezda do 1917 goda.* [Syzran underground. Materials on the history of the revolutionary movement of Syzran and Syzran County until 1917]. Syzran, 1930.
29. Savinkov B.V. *Vospominaniia terrorista* [Memories of a terrorist]. Moscow, Zaharov Publ., 2002, 556 p.
30. Spiridovich A.I. *Zapiski zhandarma* [Notes of the gendarme]. Moscow, Pervaya Obrazcovaya tipografiya Publ., 1991, 268 p.
31. Fedorov G.N. *K istorii revolyutsionnogo dvizheniia v Simbirskoi gubernii v 1905–1907 gg. (Zametki kraevedy)* [On the history of the revolutionary movement in Simbirsk province in 1905–1907 (Notes of local historian)]. *Kraevedcheskie zapiski*, 1971, iss. 3, pp. 115–131.
32. *Fondy muzeya «Simbirskaya klassicheskaya gimnaziia». Lichnye dela gimnazistov. Papka no. 102* [Funds of the Museum "Simbirsk classical gymnasium". Personal affairs of high school students. Daddy No 102].
33. Capoveckaja M.I. *Vremena i lyudi Teatral'noi biblioteki* [The times and the people of the Theatre library]. In: *Zapiski Sankt-Peterburgskoi Gosudarstvennoi Teatral'noi biblioteki. Vyp. 10/11* [Notes of the St. Petersburg State Theatre Library. Vol. 10/11]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012, 268 p.
34. *Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva. F. 260. Op. 3.* [Central State Archives of Literature and Art. Archive 260. Anagraph 3].
35. Chernov V.M. *Pered burei: Vospominaniia. Memuary* [Before the storm: Memories. Memoir]. Minsk, Harvest Publ., 2004. 416 p.
36. Yaltaev D.A. *Pravookhranitel'naya deyatelnost' politsii v chuvashskikh uezdakh Kazanskoj gubernii v 1862–1917 godakh* [Law Enforcement activities of the police in the Chuvash uyezds of Kazan province in 1862–1917] Cheboksary, Chuvash University Publ., 2012, 156 p.
37. Yashvil' L.V. *Vospominaniia o Simbirске 1905–1906 gg.* [Memories of Simbirsk 1905–1906]. Kiev, 1906.

MANKOV ANDREI – Senior Lecturer, Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Military Academy of Communications named after S.M. Budenny, Russia, St. Petersburg (63donetsk@mail.ru).

Формат цитирования: Маньков А.В. Малоизвестные страницы жизни и деятельности средневожского социалиста-революционера, историка и библиографа А.С. Полякова (конец XIX – первая четверть XX века) // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 99–114.

УДК 323.111:303.62(470.344)
ББК С73(2Рос.Чув)64

Е.К. МИНЕЕВА, Л.Н. ТОХТИЕВА

СТАНОВЛЕНИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА СТРАНЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: ЧУВАШСКИЙ КРАЙ*

Ключевые слова: Чувашский край, школьное образование, национальная школа, регион, просвещение.

Система образования неоднократно привлекала и привлекает исследователей своей теоретической, научной актуальностью и практической значимостью. Организация и реформирование образовательной среды продолжают и в настоящее время. Научной новизной по-прежнему отличается изучение вопросов становления и развития школьного образования на региональном уровне, особенно в национальных окраинах страны. Советская власть с первых дней своего существования начала создавать новую школу, базировавшуюся на принципиально иной идеологической основе. Каким образом происходил данный процесс, насколько эффективными были меры, предпринимавшиеся большевиками в целях приобщения населения к просвещению и учебной деятельности, – вопросы, на которые дают ответы авторы статьи. Цель работы – раскрыть особенности формирования школьного образования в первые годы советской власти на примере одного из национальных регионов страны – Чувашского края. Перед новой школой стояли большие трудности, касавшиеся организации образовательного процесса, малочисленности или отсутствия педагогических кадров, отношения населения к учебным занятиям и трудовой школе. В национальном Чувашском крае проблемность обучения детей многократно усиливалась за счет необходимости открытия национальных школ, преподавания предметов на чувашском языке. На основе архивных источников и специальной исследовательской литературы в статье раскрывается политика новой власти по преодолению трудностей и преград на пути просвещения, анализируется программа мер по формированию школьного образования на местах. Главными принципами при раскрытии темы стали объективность и историзм, изучаемый объект раскрывается на основе исторического развития, сравнительно-сопоставительного анализа, методологии исторического исследования в целом.

В условиях модернизации российской системы образования обращение к истории становления школы в первые годы советской власти является весьма актуальным, особенно на территории национальных регионов страны. Несмотря на значительное количество опубликованных исследований по вопросам образования [2–4, 6–9], остается немало аспектов данной проблемы, требующих дальнейшего и более тщательного изучения.

Накануне революций 1917 г. школьное образование в Чувашском крае (территория современной Чувашии) находилось на низкой ступени развития. Почти 91% чувашей были неграмотными [5. С. 104] (общероссийский показатель – 58%). В регионе насчитывалось 637 школ [2. Д. 382. Л. 54], в которых обучались 45 150 учащихся, вели учебный процесс 1243 учителя [15. С. 147]. Царское правительство расходовало на нужды образования незначительные средства. Так, на обучение одного жителя страны приходилось всего лишь 66 коп. [6. С. 184]. Занятия во всех школах повышенного типа велись только на русском языке. Отсутствовали учебные заведения, в которых была бы организована подготовка национальных кадров, за исключением Симбирской учи-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Ульяновской области в рамках научного проекта № 18-49-730005 p_a.

тельской семинарии. Чуваши не имели ни книг, ни газет на родном языке (кроме газеты «Хыпар», издаваемой с 1906 г.). Таким образом, к 1917 г. в области народного просвещения назрела необходимость модернизации, реформ.

Советская власть с первых дней своего существования начала создавать новую систему образования. Уже 20 октября 1917 г. в «Обращении к населению» народный комиссар просвещения РСФСР А.В. Луначарский подчеркнул, что первоочередная цель Советов – в кратчайшие сроки добиться всеобщей грамотности путем организации сети школ, основанных на социалистических началах, введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения.

Решение образовательных задач было возложено на Народный комиссариат просвещения РСФСР (наркомат просвещения, наркомпрос), созданный 26 октября 1917 г. Вскоре был подписан декрет об учреждении Государственной комиссии по просвещению (18 июня 1918 г.), которая осуществляла общее руководство учебными заведениями, разрабатывала план организации народного образования, его главные принципы, основы школьного устройства, а также составляла общегосударственную смету на просветительские нужды [12. С. 70–71].

Важными документами, регулировавшими организацию школьного образования в первые годы советской власти, являлись: «Положение и Основные принципы Единой трудовой школы» (ноябрь 1918 г.), декреты и постановления Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР о равноправии языков (31 декабря 1918 г.), об отделении школы от церкви (20 января 1919 г.), о ликвидации неграмотности среди взрослого населения (26 декабря 1919 г.). В постановлении о школе национальных меньшинств (31 октября 1918 г.) отмечалось, что все национальности, населявшие РСФСР, должны получать право организации обучения на родном языке на обеих ступенях единой школы и в высших учебных заведениях. В каждом населенном пункте национальных районов России, имевшем не менее 25 детей школьного возраста, теперь разрешалось открывать школы за счет правительства [6. С. 183].

Вопросами образования среди нерусских народов в первые годы советской власти, наряду с наркомпросом, занимался Народный комиссариат по делам национальностей (наркомнац). В июне 1918 г. при Чувашском отделе наркомнаца было создано специальное подразделение, своеобразное «министерство просвещения для своих наций и народностей». Его главной задачей стала координация деятельности органов просвещения по обучению чувашского населения. Подотдел культуры и просвещения должен был способствовать открытию новых учебных заведений, готовить для национальных школ педагогов из местного населения, создавать комиссии для составления учебных пособий, литературы, периодических изданий на чувашском языке.

Под руководством комиссариатов по чувашским делам, образованных в Казани и Симбирске, в начале 1918 г. начали создаваться уездные и волостные отделы народного образования. Так, в мае 1918 г. съезд Советов Чебоксарского уезда постановил принять «все названные учреждения в свое ведение» и учредить отдел народного просвещения [2. Д. 382. Л. 26]. В течение 1917–1918 гг. школы всех ведомств перешли в полное ведение местных советов. Создавались новые школы и в далеких чувашских деревнях. Если в 1913–1917 гг. рост начальных учебных заведений составил 38%, то в 1918–1920 гг. – уже 55% [11. С. 113]. Увеличение их количества происходило главным образом за счет сельских начальных школ, преимущественно с чуваш-

ским контингентом учащихся. Однако этот процесс происходил медленнее, чем предполагалось, что объясняется, прежде всего, отсутствием необходимых финансовых средств: на ремонт школьных зданий, письменные принадлежности, учебные пособия. Зачастую работа школ приостанавливалась из-за отсутствия дров [1. Д. 420. Л. 11]. Сказывались общая низкая культура народа, неподготовленность и нехватка учительских кадров, объединение малокомплектных школ, слабое осознание местным населением необходимости обучения детей грамоте.

С созданием в 1920 г. Чувашской автономной области (ЧАО) развитие дела народного образования начинает приобретать поступательный, системный характер. Был организован областной отдел народного образования (отдел), который ведал делами учебных заведений, культурно-просветительных и внешкольных учреждений. Важными задачами отдела являлись создание светской школы, введение совместного обучения детей обоего пола, отмена национальных ограничений и введение обучения на родном языке, привлечение учительства на сторону советской власти и подготовка новых учительских кадров [13. С. 26–59].

Школьное учительство по-разному относилось к новой власти. Часть педагогов настороженно, иногда неодобрительно встречали мероприятия по отделению школы от церкви, отмену уроков закона божьего. Несмотря на это, вскоре, «если не целиком, то в большинстве своем оно (учительство. – *Авт.*) перешло на сторону новой власти, отказавшись от саботажа и начав работу...» [1. Д. 20. Л. 54].

Отношение трудового населения к советской школе можно назвать выжидательным: жители Чувашии не принимали активного участия в создании школы, но и не противодействовало данному процессу. Известны факты, когда население проявляло живой интерес к школьному делу, особенно в хозяйственных вопросах (доставка дров, столов и стульев и др.), заботилось о непрерывном ведении занятий [1. Д. 20. Л. 16], участвовало в строительстве новых школьных зданий. Представители населения входили в состав школьного совета, «все чаще обращались в органы власти за оказанием той или иной помощи для своей школы» [1. Д. 8. Л. 51а]. Например, члены совета Больше-Тугаевской школы I ступени Чураччинской волости Цивильского уезда обратились в отдел образования с просьбой принять меры по достройке здания школы [1. Д. 8. Л. 51а]. «Школа постепенно завоевывает симпатии населения» – так отмечается в архивных документах того времени [1. Д. 520. Л. 3].

Росла и активность учащихся. Так, в школах II ступени появилось самоуправление детей. Создавались ученические организации, ячейки РКСМ, культурно-просветительные, сценические и другие кружки. Например, в г. Цивильск при школе I ступени действовали кружки игр и самопомощи, при школе II ступени – любителей физического развития [1. Д. 520. Л. 15]. Для учащихся старших классов средних учебных заведений г. Ядрин в 1918 г. был организован кружок самообразования [14. С. 56]. Учащиеся издавали литературные журналы, стенные газеты, участвовали в проведении политических праздников, общественной работе. В 150 чувашских школах I ступени Ядринского уезда преподавались рисование, пение, лепка. Практиковались сбор коллекций, экскурсии. Обращалось внимание на политическую грамоту, гигиену учеников. В первых классах, как правило, занятия проводились на родном языке. При одной из школ была организована образцовая мастерская, оборудован-

ная станками и инструментами. В одной школе II ступени действовало коллективное полеводческое хозяйство с применением машин и сельскохозяйственных орудий [16. С. 117].

В целом в изучаемый период наблюдается рост школ II ступени. По численности учащихся они были небольшими. Кроме обычных предметов здесь изучались родной язык и история своего народа. Так, в Тайсинской школе II ступени функционировало три, в Шуматовской – два класса. В обоих учебных заведениях обучалось около ста человек, из них половина – девочек. Учителя, как правило, имели высшее образование. Следовательно, школы II ступени имели большое значение, так как предоставляли детям возможность продолжать и, соответственно, повышать свое образование.

Исследователь А.Ф. Эфиров отмечает, что в лучшем состоянии школьное дело среди нерусских народов существовало у чувашей. Педагоги края «скорее усвоили принципы советской школы и стали строить свою работу по-новому» [16. С. 118]. При этом на пути становления и развития просвещения в национальном регионе было немало трудностей: «крайне плачевное положение со школьными помещениями» [1. Д. 19. Л. 12], которые не ремонтировались за время Первой мировой и Гражданской войн. Школьные заборы и изгороди, ограничивавшие территорию, разваливались. Инвентарь и мебель пришли в ветхость, а учебные пособия являлись негодными для современной системы образования [1. Д. 19. Л. 41].

По состоянию на 1 июня 1920 г., по данным отдела образования ЧАО, из 751 здания собственными являлись только 334. Причем многие из них являлись тесными, темными, не приспособленными для учебного процесса, «...где вместе со школой одновременно ютилась хозяйственная семья и нередко располагалось помещение для школьного работника» [1. Д. 19. Л. 12]. Недостаточным в школе был объем воздуха и дневного освещения. Так, в одном из документов читаем: «для чтения учащийся должен подходить к окну, ибо из-за темноты не в состоянии читать на месте» [1. Д. 19. Л. 10 (обл.)]. В зимнее время температура в помещении не превышала 8 градусов тепла, так как не всегда выполнялась положенная норма дров в размере $\frac{1}{2}$ сажени в месяц на одну печь. Вследствие этого дети мерзли, хворали, учебные заведения неоднократно закрывались. В течение зимы 1920 г. чебоксарские школы неоднократно прекращали свою работу из-за отсутствия дров. Особенно в этом отношении пострадали учащиеся Козьмодемьянского уезда [1. Д. 19. Л. 42].

Еще хуже обстояло дело со снабжением учащихся книгами и учебными пособиями. Кроме того, отсутствовали музыкальные инструменты. Большую нужду школы испытывали в одежде, белье, кухонном инвентаре. Оборудование учебных заведений мебелью, снабжение школьными принадлежностями были явно недостаточными. Архивные данные свидетельствуют о том, что встречались школы, в которых совершенно отсутствовали столы и парты, а учащиеся сидели «на скамьях из досок, положенных на обрубки дерева», отмечают и школы, где не было «ни одного учебного пособия для наглядного обучения» [1. Д. 19. Л. 12–13].

Советская школа предполагала новое содержание учебно-воспитательной работы. Так, теперь отменялась «балльная система оценки познания и поведения» [10. Д. 192. Л. 10]. Перевод учащихся из класса в класс и выдача свидетельства производились на основании их успехов и отзывов педагогического совета [10. Д. 192. Л. 10 (обл.)]. Однако получению качественного образования,

всему образовательному процессу в целом мешало отсутствие в течение долгого времени учебных планов, проработанных и приспособленных к местным условиям программ, методических материалов. Только в 1919 г. наркомпрос опубликовал программные документы, а в 1920 г. учебные планы для начальной школы, которые, к сожалению, далеко не всегда поступали на места. Поэтому в школах использовались прежние методы работы и индивидуальное восприятие учебного процесса. Так, например, учитель Больше-Сундырской начальной школы М.И. Багров в процессе уроков «проводил опрос по ранее пройденному материалу, ставил отметки у себя в журнале, задавал на дом работу. Серьезное внимание уделял изучению родного и русского языка, организовывал разговорные упражнения» [14. С. 70].

В результате слабой организованности образовательного процесса уровень преподавания не во всех школах находился на должной высоте. Одной из главных причин низкого качества преподавания являлось «не только полное отсутствие специалистов, но даже недостаток просто образованных людей» [1. Д. 19. Л. 13]. Известны факты, когда работники школ II ступени стремились перейти в школы низшей ступени ввиду трудностей в работе с точки зрения их профессионализма. Кроме того, существовали сложности при переходе учителя из русских в чувашские школы, чтобы вести преподавание на родном языке. Архивные документы показывают, что отдел образования не успевал своевременно откликаться на нужды учителей и трудности, с которыми они постоянно сталкивались.

Время выдвигало необходимость более качественной подготовки педагогического состава. Вместе с тем требовалась переподготовка или замена учителей прежнего режима, не знавших национального языка и имевших крайне низкую квалификацию. С 1 марта 1918 г., в соответствии с декретом наркомпроса, были организованы перевыборы всех лиц, занимавших педагогические и административно-педагогические должности. Кандидаты проходили собеседование в органах власти. Однако кадровый вопрос оказался чрезвычайно трудным: «большое количество опытных учителей (около 20%) было мобилизовано (на фронт. – *Авт.*), другая часть отказалась от должностей и пошла доучиваться. Приходилось подыскивать кандидатов как на старые освободившиеся комплекты, так и вновь открываемые» [3. Д. 1. Л. 9 (обл.)].

Дефицит учителей оставался главным фактором, тормозившим развитие новой школы. В Чувашии, как и в целом по стране, наблюдался большой недостаток педагогических работников. В 1919 г. в крае не хватало 489 учителей [14. С. 110]. Только в одном Ядринском уезде в 1920 г. требовалось 208 педагогов [14. С. 110]. Встречались факты закрытия школ, приостановления учебных занятий «ввиду полного отсутствия школьных работников» [1. Д. 4. Л. 255]. По данным отдела народного образования, в Чебоксарском уезде была востребованность в 400 новых работниках [1. Д. 20. Л. 57]. В Цивильском уезде насчитывалось до 188 свободных вакансий [1. Д. 146. Л. 56]. В отчете заведующего отмечается, что «если бы отдел вздумал предъявлять к кандидатам строгие требования, то не только нельзя было бы открывать новые школы, но даже многие старые могли бы закрыться из-за отсутствия квалифицированных учителей» [16. С. 110].

Стоит заметить, что состав педагогических кадров как по социальному составу, так и по профессиональной подготовке был очень разнообразным. По данным А.Ф. Эфинова, из 973 учителей, преподававших в Чувашии, 139

происходили из духовного звания [16. С. 109]. Только 10% работников Цивильского уезда окончили учительские семинарии, школы, курсы, а 30% не имели никакой специальной подготовки для работы в школе [1. Д. 19. Л. 17].

Для разрешения столь остро для советской власти вопроса предпринимались самые различные меры. Одним из направлений стало создание в школах II ступени педагогических классов. Так, например, при чебоксарской школе II ступени № 2 был учрежден особый педагогический класс для лиц, желавших посвятить себя педагогической деятельности. Окончившие его и получавшие стипендию обязывались прослужить один год в качестве учителей в одной из школ региона. Педагогический класс рассматривался не как специальное учебное заведение, а как «одна из групп единой трудовой школы, в основу которой был положен педагогический труд» [16. С. 111].

Кроме того, в автономии действовали следующие учреждения для подготовки учителей: стационарные учебные заведения (3-годичные педагогические курсы) и 6-месячные курсы для лиц, имевших образование 2-классных училищ. Прошедшие 6-месячное обучение распределялись по школам уезда в качестве практикантов. По окончании практики курсанты по 2 месяца работали на курсах. Кроме того, открывались краткосрочные курсы для лиц со средней общеобразовательной подготовкой и 3-месячные курсы для подготовки учителей школ II ступени. Также проводились специальные занятия по обучению чувашского языка, по физическому воспитанию и подготовке учителей для обучения подростков. Организовались педагогические кружки, собрания, конференции, курсы-съезды, учительские объединения, называвшиеся самокурсами.

Например, в январе 1921 г. состоялись месячные самокурсы в 25 населенных пунктах Чувашской автономии. Они проходили по общей программе, с некоторыми изменениями и дополнениями в соответствии с местными условиями и национальными особенностями. Школьные работники выступали с докладами общеобразовательного характера, разбирали вопросы по созданию трудовой школы, сельскохозяйственному труду. Разрабатывались специальные инструкции об обязанностях членов школьных коллективов. Опытные педагоги знакомили молодых учителей с методами ведения занятий в школах. Кроме того, организовывались выставки ученических работ. Устраивались спектакли, концерты для населения. Самокурсы регулярно проводились в каникулярное время, участие в них для школьных работников являлось обязательным. Важно и то, что здесь обсуждались не только педагогические, но и политические вопросы. Следовательно, самокурсы активно использовались в целях агитации и пропаганды среди населения, т.е. имели и идеологическую окраску.

«Вначале к самокурсам учительство приступало с ужасом и с неохотой», позже появилось убеждение, что они «необходимы и гораздо важнее курсов» [1. Д. 19. Л. 13]. Участие педагогов в работе профессиональных объединений способствовало развитию их «самодетельности и активности». Самокурсы, безусловно, «принесли пользу и были крайне необходимы для политического воспитания, практической подготовки работников просвещения к проведению в жизнь принципов единой трудовой школы» [1. Д. 20. Л. 165], – отмечалось в отчете Цивильского уездного отдела по народному образованию (февраль 1921 г.). Переподготовка учителей через систему различных курсов, и, прежде всего, самокурсов в первые годы советской власти была наиболее эффективной.

Таким образом, становление школьной системы в Чувашии в первые годы советской власти проходило в рамках процессов, протекавших по РСФСР

в целом, которые, однако, на уровне автономии имели свои особенности. В национальном Чувашском крае наблюдался количественный рост учебных заведений различных типов. Образование в них было светским, доступным, бесплатным и всеобщим. В качестве основных принципов и требований в области получения образования в них предусматривалось равноправие женщин и мужчин, преподавание велось на родном языке. Кроме того, предполагалось соединение обучения с общественно полезным трудом, большое внимание уделялось связям с массовыми организациями и общественностью.

Так, если в 1913 г. в Чувашии всего насчитывалось 462 школы, то в мае 1920 г. – 893 школы I и II ступеней, в которых обучалось 75 тыс. учащихся [9. С. 87]. Начальное образование (у чувашей – школа 6-летка) являлось наиболее доступным для широких слоев населения, здесь наблюдался численный рост учащихся, в том числе и девочек. Успехи стали возможны благодаря увеличению финансирования народного образования, росту авторитета учителя, изменению отношения населения к получению образования.

При этом в автономии отсутствовали общие подходы в планировании и организации учебных занятий. Трудности, связанные со слабой подготовленностью большинства педагогических работников, значительной нехваткой школьных зданий, мебели, учебной литературы, прежде всего на родном языке, письменных принадлежностей, преодолевались за счет энтузиазма и «преданности делу просвещения». Несмотря на многочисленные трудности переломного времени, новой государственной власти удалось приступить к созданию единой трудовой школы, в том числе и в национальных регионах страны.

Литература

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 123. Оп. 1.
2. ГИА ЧР. Ф. 147. Оп. 1.
3. ГИА ЧР. Ф. 151. Оп. 1.
4. *Егоров Д.Е.* История чувашской школы и педагогики в событиях и лицах. Чебоксары: Чувашия, 1998. 360 с.
5. *Ершова О.В.* К вопросу о становлении новой школьной системы в Чувашии (1918 – начало 1920-х гг.) // Волжская земля: история, экономика, культура. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. С. 79–88.
6. *Ефимов Л.А.* Школы Чувашского края в XIX –XX вв. М.: РИЦ «Альфа», 2003. 536 с.
7. *Минеева Е.К.* Наркомнац РСФСР и становление автономии чувашского народа (1918 – 1925). Чебоксары: Изд-во Л.А. Наумова, 2007. 182 с.
8. *Минеева Е.К., Морозов В.А., Янцева А.С.* Пути преодоления детской беспризорности в советской России в 1920–1930-е годы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2012. № 2-2 (74). С. 97–101.
9. *Минеева Е.К.* Становление Марийской, Мордовской и Чувашской автономий в 20-30-е годы XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. 47 с.
10. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р-271. Оп. 1.
11. *Орлов В.В.* Развитие народного образования и науки Чувашской АССР // Чувашской АССР – 70 лет. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 160 с.
12. Положение об организации дела народного образования в Российской Социалистической Советской Республике // Хрестоматия по истории советской школы и педагогики. М.: Просвещение, 1972. 407 с.
13. *Сергеев Т.С.* Социалистическая культура Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. 160 с.
14. *Степанов Н.С.* Очерк истории чувашской советской школы. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. 232 с.
15. Страницы истории Чувашии. Чебоксары: ЧГПУ, 2001. 300 с.
16. *Эфиоров А.Ф.* Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. М.: Учпедгиз, 1948. 280 с.

МИНЕЕВА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mineevaek21@mail.ru).

ТОХТИЕВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского института труда и социально-трудовых отношений, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Россия, Рязань (toklarisa@yandex.ru).

E. MINEEVA, L. TOKHTIEVA

THE FORMATION OF SCHOOL EDUCATION IN THE NATIONAL REGION OF THE COUNTRY IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER: CHUVASH REGION

Key words: Chuvash region, school education, national school, region, education.

The education system has repeatedly attracted and attracts researchers with its theoretical, scientific relevance and practical significance. The organization and reform of the educational environment continues at the present time. Scientific novelty is still characterized by the study of the formation and development of school education at the regional level, especially in the national outskirts of the country. From the first days of its existence, the Soviet government began to create a new school based on a fundamentally different ideological basis. How this process took place, how effective were the measures taken by the Bolsheviks in order to introduce the population to education and educational activities—the questions to which the authors of the article give answers. The work purpose – to reveal features of formation of school education in the first years of Soviet power—for example, one of the national regions – the Chuvash region. The new school faced great difficulties concerning the organization of the educational process, the small number or lack of teaching staff, the attitude of the population to educational activities and labor school. In the national Chuvash region, the problem of teaching children was repeatedly strengthened by the need to open national schools, teach subjects in the Chuvash language. On the basis of archival sources and special research literature, the article reveals the policy of the new government to overcome difficulties and obstacles in the way of education, analyzes the program of measures for the formation of school education in the field. The main principles in the disclosure of the topic were objectivity and historicism, the studied object is revealed on the basis of historical development, comparative analysis, methodology of historical research in General.

References

1. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 123. Opis' 1 [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 123. Anagraph 1].
2. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 147. Opis' 1 [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 123. Anagraph 1].
3. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 151. Opis' 1 [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 123. Anagraph 1].
4. Egorov D.E. *Istoriya chuvashskoi shkoly i pedagogiki v sobytiyakh i litsakh* [The history of the Chuvash school and pedagogy in events and persons]. Cheboksary, Chuvashia Publ., 1998, 360 p.
5. Ershova O.V. *K voprosu o stanovlenii novoi shkol'noi sistemy v Chuva-shii (1918 – nachalo 20-kh gg.)* [To the question of the formation of a new school system in Chuvashia (1918 – 1920s)] *Volzhskaya zemlya: istoriya, ekonomika, kul'tura* [Volga land: history, economics, culture]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2005, pp. 79–88.
6. Efimov L.A. *Shkoly Chuvashskogo kraia v XIX–XX vv.* [Schools of the Chuvash region in the 19th – 20th centuries]. Moscow, Alpha Publ., 2003, 536 p.
7. Mineeva E.K. *Narkomnats RSFSR i stanovlenie avtonomii chuvashskogo naroda (1918–1925)* [People's Commissariat of the RSFSR and the establishment of autonomy of the Chuvash people (1918–1925)]. Cheboksary, Publisher L.A. Naumova, 2007, 182 p.
8. Mineeva E.K., Morozov V.A., Yantseva A.S. *Puti preodoleniya detskoj besprizornosti v sovetskoj Rossii v 1920–1930-e gody* [Ways to overcome children's homelessness in Soviet Russia in the 1920s and 1930s]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Y. Yakovleva*, 2012, no. 2-2(74), pp. 97–101.
9. Mineeva E.K. *Stanovlenie Mariiskoi, Mordovskoi i Chuvashskoi avtonomii v 20–30-e gody XX veka: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The formation of the Mari, Mordovian and Chuvash autonomies

in the 20–30s of the 20th century: Abstract of Doct. Diss.]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2008, 47 p.

10. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 271. Opis' 1* [National Archives of the Republic of Tatarstan. Archives 271. Anagraph 1].

11. Orlov V.V. *Razvitie narodnogo obrazovaniya i nauki Chuvashskoi ASSR* [The development of public education and science of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic]. In: *Chuvashskoi ASSR – 70 let* [Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic – 70 years]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1990, 160 p.

12. *Polozhenie ob organizatsii dela narodnogo obrazovaniya v Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Sovetskoi Respublike* [The regulation on the organization of public education in the Russian Socialist Soviet Republic]. In: *Khrestomatiya po istorii sovetskoi shkoly i pedagogiki* [Readings on the history of the Soviet school and pedagogy]. Moscow, Education Publ., 1972, 407 p.

13. Sergeev T.S. *Sotsialisticheskaya kul'tura Chuvashii* [Socialist culture of Chuvashia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1984, 160 p.

14. Stepanov N.S. *Ocherk istorii chuvashskoi sovetskoi shkoly* [Essay on the history of the Chuvash Soviet school]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1959, 232 p.

15. *Stranitsy istorii Chuvashii* [Pages of the history of Chuvashia]. Cheboksary, Chuvash Pedagogical University Publ., 2001, 300 p.

16. Efirov A.F. *Nerusskie shkoly Povolzh'ya, Priural'ya i Sibiri* [Non-Russian schools of the Volga, Ural and Siberia]. Moscow, 1948, 280 p.

MINEEVA ELENA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (mineevaek21@mail.ru).

ТОКХТИЕВА ЛАРИСА – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Research Institute of Labor and Social and Labor Relations, Ryazan State University named after S.A. Yesenina, Russia, Ryazan (toklarisa@yandex.ru).

Формат цитирования: *Минеева Е.К., Тохтиева Л.Н.* Становление школьного образования на территории национального региона страны в первые годы советской власти: Чувашский край // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 115–123.

УДК С524.221(2Рос.Чув):С546.7
ББК 316.473(470.344):331.5-054.7

А.Л. МУЗЯКОВА, М.С. НИКОЛАЕВА,
Е.В. ПЛОТНИКОВА, В.В. РОМАНОВ

ВОСПРИЯТИЕ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: межнациональные отношения, этнические группы, миграционные процессы, трудовые мигранты, образ мигранта, Чувашская Республика.

Характеристика межнациональной ситуации, выявление факторов, провоцирующих этноконфликты в современном российском обществе, являются актуальными темами. Несмотря на в целом стабильную обстановку в стране, нельзя отрицать наличие общих проблем в межэтнических отношениях, в том числе вызванных интенсивными миграционными процессами. В статье представлены материалы исследования отношения жителей Чебоксар, Новочебоксарска и трех пригородных населенных пунктов к миграции и мигрантам. Отдельно обращено внимание на ответы чувашей и русских, выявление общего и особенного в их оценках предложенных ситуаций. Такая позиция позволила авторам сосредоточиться на отдельных аспектах в восприятии иностранных граждан представителями двух наиболее многочисленных этнических групп населения республики.

Авторы пришли к справедливому выводу о надуманности конкуренции старожильческого населения с мигрантами на рынке труда. Выявлено, что обозначенное восприятие мигрантов опирается, в том числе, и на проблемы с возможностями выбора на рынке труда хорошо оплачиваемой работы.

В выводах отмечено, что представления принимающего сообщества о мигрантах не всегда однозначны, поскольку они формируются на основе объективных и субъективных факторов принимающей среды. Отношение к мигрантам, как правило, выстраивается на оценках, воззрениях и ощущениях общественности, не связанных с рациональными суждениями. Восприятие мигрантов обусловлено стереотипами, историческим прошлым, влиянием со стороны общественного мнения, СМИ, различной степенью социокультурной и языковой близости. В целом авторы пришли к заключению о наличии определенной настороженности опрошенных жителей республики к трудовым мигрантам. Однако, по мнению авторов, наличие некоторых негативных установок и стереотипов не означает готовность жителей Чувашии к массовому участию в конкретных акциях против них.

На территории России, изначально формировавшейся как полиэтничное государство, в процессе исторического развития различные племена, народности, нации создали единое политическое пространство с общим социально-экономическим и социокультурным укладом. При разнообразии многочисленных этнических практик современная Россия сохраняется как единое государство с общим культурным кодом, характерным для всех населяющих ее этнических групп. Данное обстоятельство не исключает необходимости проведения грамотной этнонациональной политики, выстроенной на анализе исторических уроков межэтнических противоречий и разнообразных вызовов XXI века, одним из которых является миграционный вопрос.

Современный российский социум сложно представить без мигрантов, которые практически стали полноценными участниками всех видов общественных отношений. Мигранты, будучи дешевой рабочей силой, создавая конкуренцию старожильческому населению, играют большую роль в развитии региональных экономических систем. Тема мигрантов становится важным вопросом при формировании политической повестки дня, программ политических партий и предвыборных кампаний. В социальной сфере воздействие миграции обнаруживается в растущем количестве межэтнических браков, числе

детей мигрантов в образовательных учреждениях. Развитие межэтнического и межкультурного диалога, реализация программ образовательных обменов, деятельность религиозных организаций и научное сотрудничество способствуют относительно цивилизованному инкорпорированию мигрантов в принимающее общество.

В ранее проводившихся исследованиях, посвященных этнокультурному развитию и межнациональным отношениям в Чувашии, отмечается, что в республике сохраняется благоприятная среда в межэтнической сфере [3, 5, 13]. Об этом пишет и В.П. Иванов, руководитель исследования по проблемам адаптации мигрантов, прибывших в Чувашию из Кавказского и Среднеазиатского регионов [7]. В то же время подчеркивается, что применительно к трудовым мигрантам наблюдаются довольно сдержанные или же критические взгляды [2]. При этом важно отметить, что негативные оценки относятся не только к лицам, прибывающим в качестве трудовых мигрантов из зарубежных государств, в первую очередь из бывших советских республик Центральной (Средней) Азии и Закавказья. Практически такой же уровень неприятия сохраняется к российским соотечественникам из республик Северного Кавказа. Отметим, что подобная реакция зафиксирована как в целом у всего населения Чувашии [4, 9], так и у молодежи, обучающейся в вузах, техникумах, колледжах [1]. Подобные оценки свидетельствуют, что в Чувашии, как, впрочем, и в других регионах страны, органам государственной власти и муниципального управления, гражданскому обществу, активистам этнокультурных объединений и т.д. предстоит немало сделать для дальнейшего укрепления общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации). Эта задача поставлена в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», новая редакция которой утверждена в декабре 2018 г.¹ В республике начались исследования по проблемам и учебных мигрантов, т.е. лиц, прибывающих в Чувашию для получения высшего или среднего профессионального образования. В последние годы их численность заметно возросла, и на них приходится практически половина иностранных граждан, находящихся в республике. К примеру, на медицинском факультете Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова обучается более 1 тыс. представителей дальнего и ближнего зарубежья. В опубликованных трудах обращено внимание на особенности их обучения [6], на восприятие их российскими студентами [8]. Материал о межгрупповых отношениях в вузах Чувашии с точки зрения взаимодействия российских и иностранных студентов представлен в коллективной монографии, вышедшей в Москве в 2018 г. [12. С. 210–218].

Тематика предлагаемой статьи посвящена восприятию трудовых мигрантов, и с этой точки зрения представляют интерес материалы, полученные в ходе опроса жителей городов Чебоксар и Новочебоксарска, а также таких пригородных населенных пунктов, как п. Кугеси, деревни Вурманкасы и Чиршкасы. Данное обследование проведено по плану Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем, научное руководство которым осу-

¹ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 01.09.2019).

ществляется Институтом этнологии и антропологии РАН. В проведении опроса 300 жителей указанных населенных пунктов осенью 2018 г. участвовали и авторы настоящей статьи. Тематику обследования можно определить как отношение горожан и населения пригородных районов к миграции и трудовым мигрантам. В составе респондентов женщины составляли 58%, мужчины – 42%. Три возрастные группы распределялись следующим образом: 18–29 лет – 23%; 30–59 лет – 55%; 60 лет и старше – 22%. Среди опрошенных преобладали лица со средним профессиональным образованием (43%), далее шли выпускники вузов (40%), на лиц с неполным высшим образованием пришлось 5%. Остальные имели общее среднее и неполное среднее образование. По национальной принадлежности большинство составляли чуваша и русские. Доля других этнических групп практически равнялась 10%.

На наш взгляд, представляет интерес анализ не только ответов всего массива респондентов на вопросы, характеризующие их отношение к трудовым мигрантам. В статье обращено внимание на ответы чувашей и русских, выявление общего и особенного в их оценках предложенных ситуаций. Такая позиция дает возможность определить наличие как общих проблем в межэтнических отношениях, так и отдельных вопросов в восприятии иностранных граждан представителями двух наиболее многочисленных этнических групп населения республики.

Поскольку речь идет о трудовых мигрантах, то представляется закономерным, что первый вопрос анкеты был направлен на выяснение мнений жителей республики о возможных сферах применения сил иностранных граждан. Респонденты могли согласиться с предложенным набором, дать свое предложение или же не дать определенный ответ. Результаты такого выбора представлены в таблице ниже (см. таблицу).

**Мнения респондентов о желательных сферах применения
труда иностранных мигрантов в Чувашии**
(%, можно было выбрать несколько ответов)

Сферы применения труда иностранных мигрантов	Всего	В том числе	
		чуваша	русские
Уборка и другие жилищно-коммунальные услуги	41	44	38
Строительство, дорожные работы	44	40	46
Охрана парковок, магазинов	13	10	14
Торговля	18	20	19
Общественный транспорт	9	8	11
Заводы, фабрики	19	19	21
Сельское хозяйство	32	28	34
Кафе, рестораны, гостиницы	15	14	16
Медицина, социальные услуги	8	4	11
Работа по найму у граждан (приусадебные участки, няни в семьях и др.)	18	14	21
Ваш вариант	0,3	1	-
Ни в каких профессиях мигранты не нужны	20	15	22
Затрудняюсь ответить	11	14	11

Предварительно отметим, что в таблицу не включены ответы представителей других этнических групп, поскольку их численность не является репрезентативной для такого анализа.

Следует отметить, что чуть более двух третей опрошенных (69%) высказалась за привлечение прибывших в те или иные сферы труда. Ровно пятая часть была категорически против их участия в экономике республики. Кроме

того, каждый девятый (11%) затруднился дать определенный ответ. С этой точки зрения разница между чувашами и русскими отмечена в более лояльном отношении первых в отношении трудовой деятельности мигрантов, но отмеченные дистанции не являются значимыми.

Если же вести речь о конкретных сферах возможного приложения труда, то никакая из них не была, по мнению участников опроса, самой предпочтительной и не получила половины голосов. Обращает на себя внимание, что как в целом все респонденты, так и наиболее многочисленные этнические группы чаще всего хотели видеть приезжих на достаточно неквалифицированных работах, связанных с дорожными работами, строительством, сферой ЖКХ. Реже всего назывались отрасли, которые связаны с безопасностью, жизнью людей (общественный транспорт, медицина, социальные услуги).

Среди других предложений не назывались конкретные отрасли, сферы деятельности, речь шла о некоторых условиях: «в зависимости от квалификации»; «везде, где не хватает рабочих рук»; «где будут полезны, где есть контроль»; «где пользы будет больше»; «любые работы»; «где они лучше работают»; «куда возьмут»; «по их квалификации, специальности» и др. Приведено и некое обобщение: «те профессии, на которые не претендуют местные жители».

Из сфер традиционного производства для мигрантов в большей степени было приемлемым сельское хозяйство, и в меньшей – промышленность (заводы и фабрики). На наш взгляд, достаточно значимая дистанция в 13 процентных пунктов определялась опасениями конкуренции за рабочие места жителей Чебоксар и Новочебоксарска, на которых пришлось абсолютное большинство респондентов. По данным некоторых исследований, подобные опасения достаточно регулярно фиксируются в ходе опроса населения [11. С. 66]. В ходе опроса, проведенного осенью 2018 г., свыше четверти респондентов (26%) полагают, что приезжие отнимают работу у старожильческого населения, 37% респондентов считают, что местные жители сами не хотят занимать некоторые рабочие места, а 27% уверены, что реально действуют как тот, так и другой вариант. Остальные не дали определенный ответ. Учет этнической принадлежности показывает, что как чуваша, так и русские имеют одинаковое мнение по этому вопросу: разница в их точках зрения не превышала трех процентных пунктов.

Необходимо отметить, что мнение о конкуренции местного населения с мигрантами на рынке труда в значительной мере не имеет под собой достаточных оснований. По данным официальной статистики, иностранные мигранты занимают в составе занятых не более одного процента, поэтому о какой-либо серьезной конкуренции речь не идет. Но означенное восприятие мигрантов опирается, в том числе, и на проблемы с возможностями выбора на рынке труда не просто работы, а достаточно хорошо оплачиваемой. Республика по уровню заработной платы отстает от многих регионов Приволжского федерального округа, заметная часть потенциальных работников уезжает в Москву, Московскую, Тюменскую области, Татарстан и другие регионы. В 2017 г. в Российской Федерации она была на четвертом месте по доле лиц в возрасте 15–72 лет, выезжающих на работу за пределы своего региона. В абсолютном выражении этот показатель равнялся 74,3 тыс. человек, а в относительном – 12,5%. опережали республику Ленинградская и Московская области, а также Адыгея [10]. Значительный масштаб этого явления в республике способствует неприятию трудовых мигрантов, хотя еще раз отметим,

что реальной конкуренции нет. Но как высказался один из респондентов: «Скоро окончу вуз, и проблемы будут с работой, зачем нам мигранты».

Важно подчеркнуть, что представления о трудовых мигрантах, их роли в экономике, других сферах развития Чувашии основаны не на каких-либо научных исследованиях, статистических выкладках, личных контактах с ними, а чаще всего базируются на устоявшихся стереотипах, достаточно устойчивых, но редко отражающих реальную ситуацию. По данным обследования, восемь из десяти респондентов никогда или же очень редко имеют контакты с мигрантами. Более или менее регулярно (ежедневно, каждую неделю, раз в месяц) такие встречи имеют 15% опрошенных. У 4% не нашлось конкретного варианта ответа на данный вопрос. При ответе на этот вопрос чувашаи и русские высказались практически одинаково. Максимальная разница в ответах составила 5 процентных пунктов при выборе варианта «никогда» – таким образом чаще отвечали чувашаи (31%).

Иногда можно услышать утверждения, что приезжие чаще, чем местное население, нарушают закон, совершают преступления. Среди участников опроса такой стереотип был поддержан каждым седьмым респондентом (14%), в то же время свыше половины от их числа полагали, что нет особых различий между мигрантами и местными жителями по уровню преступности. Каждый четвертый житель республики не смог дать определенный ответ на этот вопрос, что вполне закономерно, поскольку каких-либо статистических данных о такой информации нет. Учет этнической принадлежности респондентов показал, что русские, в некоторой степени, чаще согласны с утверждением, что среди мигрантов выше доля лиц, совершающих преступления (16% против 10% у чувашей).

Отдельные граждане выражали мнение, что местные, наоборот, чаще совершают преступления. Один из респондентов отметил, что мигранты тихие, боятся, что их выдворят из страны, поэтому они нарушают закон не чаще, чем свои. Другой отметил, что если бы была работа, то преступлений было бы меньше. Суждение не совсем бесспорное, но отсутствие работы может вызвать рост нетерпимости, агрессивности, особенно у молодежи.

Наличие определенных негативных установок и стереотипов в отношении трудовых мигрантов не означает готовность жителей Чувашии к массовому участию в конкретных акциях против них. Доля тех, кто готов реально выступить против иностранных трудовых мигрантов, поддержав, например, пикеты или акции, составила 9%. Категорически против своего участия в таких акциях («нет, не поддерживаю») высказались почти две трети (64%) участников опроса. Кроме того, каждый пятый затруднился дать определенный ответ, а 6% высказали свое мнение, которое, впрочем, не было заметно отличающимся от уже высказанных вариантов. Среди чувашей доля лиц, готовых принять участие в подобных действиях, составила 12%. В составе русских таковых оказалось 4%. На наш взгляд, подобная разница определялась тем, что среди чувашей в большей степени присутствует региональная идентичность, т.е. они чаще связывают себя с Чувашской Республикой, считая ее своей родиной. Появление мигрантов в определенной степени рассматривается как нарушение прав «титального» населения. Среди других вариантов ответов на этот вопрос респонденты предлагали вначале выяснить, против каких наций организован пикет, если «совсем обнаглеют», отдельно отмечался вариант «воздержусь». Один из респондентов отметил, что он готов поддержать акцию только морально, а реально в ней участвовать не будет и т.п.

В заключение отметим, что представления старожильческого населения о мигрантах не всегда однозначны, поскольку они формируются на основе объективных и субъективных факторов принимающей среды. Отношение к мигрантам, как правило, выстраивается на оценках, воззрениях и ощущениях общественности, не связанных с рациональными суждениями. Восприятие мигрантов обусловлено стереотипами, историческим прошлым, влиянием со стороны общественного мнения, СМИ, различной степенью социокультурной и языковой близости.

Материалы опроса свидетельствуют о наличии определенной настороженности опрошенных жителей республики к трудовым мигрантам. Такое отношение зачастую базируется не на конкретных фактах, статистических данных, а на устоявшихся предубеждениях и установках. В то же время следует подчеркнуть, что восприятие мигрантов, как реальных конкурентов на рынке труда республики, подкрепляется проблемами с наличием достаточного количества достойно оплачиваемых рабочих мест. Сравнение ответов русских и чувашей, составляющих около 90% респондентов, свидетельствует, что принципиальных отличий в оценке предложенной ситуации у них не наблюдается. Иначе говоря, с этой точки зрения, каких-либо обостряющих обстоятельств не имеется.

Литература

1. *Бойко И.И.* Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии о трудовых мигрантах // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 5–9.
2. *Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г.* Межэтническая и межконфессиональная ситуация в Чувашской Республике // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республика Мордовия. 2017. № 3(43). С. 112–114.
3. *Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г.* Чувашская Республика. Общеобразовательная школа как источник многокультурности и гражданского единства // Межэтническая и этнокультурное образование в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад по итогам специследования. Распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем; Минобразования и науки РФ; РАН. М.; Ижевск, 2016. С. 133–147.
4. *Бойко И.И., Харитонова В.Г.* Жители Чувашии о «кавказцах» и трудовых мигрантах. Доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: ИЗА РАН. 2012. С. 149–154.
5. *Бойко И.И., Харитонова В.Г.* Чувашская Республика. Межэтнические отношения и языковые проблемы // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за 2015 год. М.; Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. С. 169–184.
6. *Григорьев А.В., Карпов А.В., Шумилова О.В., Юстус Т.В.* Российские студенты об особенностях обучения иностранцев в вузах Чувашии // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2018. № 1(14). С. 99–105.
7. *Иванов В.П.* Некоторые проблемы социокультурной адаптации мигрантов в полиэтническом пространстве Чувашской Республики // Чувашский гуманитарный вестник. 2014. № 9. С. 36–54.
8. *Краснова М.Н., Муравьева И.В., Плотникова Е.В., Селиванова С.А.* Студенты Чувашии о межэтнических отношениях, восприятии иностранцев, обучающихся в вузах Чувашии // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2018. № 1(14). С. 106–112.
9. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за 2017 год / отв. ред. Амелин В.В., Воронцов В.С. М.; Оренбург; Ижевск: ИПК ОГУ, 2017. С. 229–235.
10. Ситуация на рынке труда в таблицах, графиках, диаграммах [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/situaz.pdf (дата обращения: 01.09.2019).
11. Социокультурные факторы модернизации Чувашии: итоги трех волн исследования / под ред. И.И. Бойко, А.П. Долговой / ЧГИГН. Чебоксары, 2018. 280 с.

12. Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / ред. Тишков В.А., Степанов В.В. М.: ИЭА РАН, 2018. 452 с.

13. Этнокультурное развитие и межэтнические отношения в Чувашской Республике: научный отчет по материалам социологического обследования 2011 г. / ЧГИГН. Чебоксары, 2012. 88 с.

МУЗЯКОВА АЛИНА ЛЕОНИДОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alinasmirnova@list.ru).

НИКОЛАЕВА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА – аспирантка кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mari.skvortsova.94@inbox.ru).

ПЛОТНИКОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – старший преподаватель кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (lenchik52001@rambler.ru).

РОМАНОВ ВАЛЕРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Ульяновский государственный университет, Россия, Ульяновск (www@bk.ru).

A. MUZYAKOVA, M. NIKOLAEVA, E. PLOTNIKOVA, V. ROMANOV

PERCEPTION OF LABOR MIGRANTS IN THE CHUVASH REPUBLIC: ETHNIC ASPECT

Key words: *interethnic relations, ethnic groups, migration processes, labor migrants, image of a migrant, Chuvash Republic.*

The characteristic of the interethnic situation, the identification of factors that provoke ethnic conflicts in modern Russian society are relevant topics. Despite the generally stable situation in the country, there is no denying the existence of common problems in interethnic relations, including those caused by intensive migration processes. The article presents materials on a survey of the attitude of residents of Cheboksary, Novocheboksarsk and three suburban settlements to migration and migrants. Separately, attention is drawn to the answers of the Chuvashs and Russians, the identification of the general and special in their assessments of the proposed situations. This position allowed the authors to focus on certain aspects in the perception of foreign citizens by representatives of the two largest ethnic groups of the republic's population.

The authors came to a fair conclusion about the far-fetched competition of the old-age population with migrants in the labor market. It was revealed that the perceived perception of migrants is also based on problems with the possibilities of choosing well-paid jobs in the labor market.

The findings noted that the ideas of the host community about migrants are not always unambiguous, since they are formed on the basis of objective and subjective factors of the host environment. Attitudes towards migrants, as a rule, are built on the assessments, views and feelings of the public, not related to rational judgments. The perception of migrants is due to stereotypes, historical past, influence on the part of public opinion, the media, varying degrees of sociocultural and linguistic affinity. In general, the authors came to the conclusion that there was a certain wariness of the surveyed residents of the republic for labor migrants. However, according to the authors, the presence of some negative attitudes and stereotypes does not mean the willingness of the residents of Chuvashia to mass participation in specific actions against them.

References

1. Boiko I.I. *Studencheskaya i uchashchayasya molodezh' Chuvashii o trudovykh migrantakh* [Student and student youth of Chuvashia on labor migrants]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 4, pp. 5–9.

2. Boiko I.I., Dolgova A.P., Kharitonova V.G. *Mezhehtnicheskaya i mezhekfessional'naya situatsiya v Chuvashskoi Respublike* [Interethnic and interfaith situation in the Chuvash Republic]. *Vestnik NIi gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respublika Mordoviya*, 2017, no. 3 (43), pp. 112–114.

3. Boiko I.I., Dolgova A.P., Kharitonova V.G. *Chuvashskaya Respublika. Obshcheobrazovatel'naya shkola kak istochnik mnogokul'turnosti i grazhdanskogo edinstva* [Chuvash Republic. Secondary school as a source of multiculturalism and civic unity]. In: *Mezhehtnicheskaya i ehtnokul'turnoe obrazovanie v Privolzhskom federal'nom okruge. Ehkspernyi doklad po itogam spetsissledovaniya. Raspredeleennyi nauchnyi tsentr mezhnatsional'nykh i mezhreligioznykh problem; Minobrazovaniya i nauki RF; RAN* [Inter-

ethnic and ethnocultural education in the Volga Federal District. Expert report on the results of a special survey. Distributed scientific center of interethnic and interreligious problems; Ministry of Education and Science of the Russian Federation; RAS]. Moscow, Izhevsk, 2016, pp. 133–147.

4. Boiko I.I., Kharitonova V.G. *Ziteli Chuvashii o «kavkaztsakh» i trudovykh migrantakh. Doklad Seti ehntnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [Residents of Chuvashia about the «caucasians» and labor migrants. Report of the Ethnological Monitoring and Conflict Early Warning Network]. Moscow, 2012, pp. 149–154.

5. Boiko I.I., Kharitonova V.G. *Chuvashskaya Respublika. Mezhehtnicheskie otnosheniya i yazykovye problemy* [Chuvash Republic. Interethnic relations and language problems]. In: *Mezhehtnicheskie otnosheniya i religioznaya situatsiya v Privolzhskom federal'nom okruge. Ehkspertnyi doklad za 2015 god* [Interethnic relations and religious situation in the Volga Federal District. Expert Report 2015]. Moscow, Orenburg, Universitet Publ., 2015, pp. 169–184.

6. Grigor'ev A.V., Karpov A.V., Shumilova O.V., Yustus T.V. *Rossiiskie studenty ob osobennostyakh obucheniya inostrantsev v vuzakh Chuvashii* [Russian students about the features of teaching foreigners in universities of Chuvashia]. *Vestnik Cheboksarskogo filiala Rossiiskoi akademii narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii*, 2018, no. 1(14), pp. 99–105.

7. Ivanov V.P. *Nekotorye problemy sotsiokul'turnoi adaptatsii migrantov v poliehtnicheskom prostranstve Chuvashskoi Respubliki* [Some problems of the socio-cultural adaptation of migrants in the multi-ethnic space of the Chuvash Republic]. *Chuvashskii gumanitarnyi vestnik*, 2014, no. 9, pp. 36–54.

8. Krasnova M.N., Murav'eva I.V., Plotnikova E.V., Selivanova S.A. *Studenty Chuvashii o mezhehtnicheskikh otnosheniyakh, vospriyatii inostrantsev, obuchayushchikhsya v vuzakh Chuvashii* [Students of Chuvashia on interethnic relations, the perception of foreigners studying in universities of Chuvashia]. *Vestnik Cheboksarskogo filiala Rossiiskoi akademii narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii*, 2018, no. 1 (14), pp. 106–112.

9. *Mezhehtnicheskie otnosheniya i religioznaya situatsiya v Privolzhskom federal'nom okruge. Ehkspertnyi doklad za 2017 god* [Interethnic relations and the religious situation in the Volga Federal District. Expert report 2017]. Moscow, Orenburg, Izhevsk, 2017, pp. 229–235.

10. *Situatsiya na rynke truda v tablitsakh, grafikakh, diagrammakh* [The situation on the labor market in tables, graphs, charts]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/situaz.pdf.

11. *Sotsiokul'turnye faktory modernizatsii Chuvashii: itogi trekh voln issledovaniya* [Sociocultural factors of modernization in Chuvashia: the results of three waves of research]. Cheboksary, 2018, 280 p.

12. *Fenomen ehntnicheskogo konflikta: mezhdistsiplinarnyi podkhod i obshchestvennye praktiki. Opyt preduprezhdeniya i uregulirovaniya konfliktov* [The phenomenon of ethnic conflict: an interdisciplinary approach and social practices. Conflict Prevention and Resolution Experience]. Moscow, 2018, 452 p.

13. *Ehtnokul'turnoe razvitie i mezhehtnicheskie otnosheniya v Chuvashskoi Respublike: nauchnyi otchet po materialam sotsiologicheskogo obsledovaniya 2011 g.* [Ethnocultural development and interethnic relations in the Chuvash Republic: scientific report based on materials from a sociological survey 2011]. Cheboksary, 2012, 88 p.

MUZYAKOVA ALINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (alinasmirnova@list.ru).

NIKOLAEVA MARIYA – Post-Graduate Student, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (mari.skvortsova.94@inbox.ru).

PLOTNIKOVA ELENA – Senior Lecturer, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (lenchik52001@rambler.ru).

ROMANOV VALERII – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University, Russia, Ulyanovsk (www@bk.ru).

Формат цитирования: Музякова А.Л., Николаева М.С., Плотникова Е.В., Романов В.В. Восприятие трудовых мигрантов в Чувашской Республике: этнический аспект // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 124–131.

УДК 159.923.2-057.875(470.344):39

ББК С543.172(2Рос.Чув):Ю953.1

И.В. МУРАВЬЕВА, А.Н. ПАВЛОВА,
С.А. СЕЛИВАНОВА, О.В. ШУМИЛОВА**ГРАЖДАНСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Ключевые слова: *общегражданская идентичность, этническая идентичность, иерархия идентичностей, жизненные позиции студентов Чувашии, социологические опросы, молодежь, национальная политика.*

Статья посвящена изучению особенностей взаимодействия общегражданской и этнической идентичностей молодежи в историко-этнографическом контексте. Данный вопрос является актуальным с точки зрения современной государственной национальной политики, а также в рамках этнических процессов, происходящих на современном этапе развития российского общества. Авторы, опираясь на разработанные ведущими российскими исследователями подходы в изучении этнокультурного разнообразия Российской Федерации, анализируют материалы, полученные в ходе опроса в марте 2019 г. почти 700 студентов разных вузов Чувашской Республики. Ключевыми понятиями в исследовании являются понятия «гражданская идентичность» и «этническая идентичность». Авторами статьи проведен анализ ответов респондентов с учетом их пола, курса обучения, национальности, направления обучения, являющихся важными факторами самоидентификации представителей молодежи. С учетом данных параметров сравнение различных «Я-идентичностей» показывает, что для студентов важнейшим выбором является отнесение себя к гражданам России. Эта позиция характерна как для чувашей, так и для русских, и дистанция между ними является незначимой. В то же время при выборе этнической идентичности отмечена заметная разница между студентами этих национальностей: чувашаи в большей степени заинтересованы в подобной идентификации. Собственно, такие же дистанции зафиксированы при выборе региональной идентичности. На основании разноаспектного анализа в статье сформулирован вывод о том, что в наборе различных идентичностей общегражданская опережает этническую. В то же время авторы подчеркивают, что между этими идентичностями нет противоречия и антагонизма, они диалектически взаимодействуют. Одновременно на них оказывают влияние и ситуативные факторы. Поэтому при анализе общегражданской и этнической идентичностей необходимо избегать жесткой иерархии, связь между ними гораздо глубже и многостороннее.

Проблемы общегражданской российской, региональной и этнической идентичностей активно изучаются представителями отечественной науки, и особое внимание к этим сюжетам проявляется с конца XX столетия. Отметим, что эта тема стала активно использоваться в политическом дискурсе, о важности понятия российской нации для государственного строительства свидетельствуют документы, принятые на самом высоком уровне. Так, в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Президентом страны В.В.Путиным 6 декабря 2018 г. одно из основных понятий, применяемых в документе, разъяснено следующим образом: «Общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание) – осознание гражданами Российской Федерации принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»¹. Важнейшей целью государ-

¹ О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666:

ственной национальной политики является укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации). В то же время отметим, что эта задача ни в коей мере не противоречит поддержке и сохранению этнокультурного и языкового многообразия нашей страны, и эта позиция также сформулирована как в качестве цели государственной национальной политики России¹. Учитывая вышеназванные аспекты, считаем исследование данной темы актуальной задачей.

Если вести речь об историографии проблемы, то прежде всего следует отметить усилия В.А.Тишкова, который первым в стране стал настойчиво закреплять за понятием нация гражданскую, политическую общность. Ему же в значительной мере принадлежит развитие конструктивистского подхода в исследовании этнокультурного разнообразия нашей страны [13–15]. Много и плодотворно в этом направлении работают Л.М. Дробижева [5–8], М.М. Горшков [11], М.Н. Губогло [4] и другие исследователи [10, 16].

В Чувашии работа в этом направлении также ведется, и если вести речь о проблемах общегражданской идентичности, то следует отметить исследования И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой [1–3]. Этническая идентичность является объектом анализа В.П. Иванова [9].

С 2009 г. Чувашский государственный институт гуманитарных наук проводит в мониторинговом режиме исследования по проблеме межэтнических отношений и этнокультурного развития, в которых отдельным блоком анализируются вопросы общегражданской, региональной и этнической идентичностей [17]. Имеются труды, в которых анализируется общегражданская и этническая идентичности как всего населения республики [1], так и молодежи, в первую очередь учащихся и студентов [3].

Материалы по Чувашии нашли отражение в ряде публикаций в изданиях Института этнологии и антропологии РАН, в том числе посвященных российскому студенчеству [12], проблемам этнокультурного образования в регионах Приволжского федерального округа [18], а также в других изданиях [2].

На наш взгляд, заслуживает особого внимания проблема изучения идентичностей у молодежи, в том числе и студенчества. В настоящей статье использованы материалы социологического опроса студентов Чувашии, проведенного в марте 2019 г. в пяти вузах республики. Всего было опрошено 688 человек из 5 вузов: Чувашского государственного университета, Чувашской государственной сельскохозяйственной академии, Чувашского государственного педагогического университета, Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы и Чебоксарского кооперативного института (филиала) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации». Авторы статьи принимали участие в организации и проведении данного опроса.

Ответы на ряд вопросов анкеты дают возможность получить данные, характеризующие уровень гражданской и этнической идентичностей участников

Указ Президента РФ от 06.12.2018 г. № 703 [Электронный ресурс] // Официальное интернет-представительство президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/zb8ne3ZCBHvlwztJfgKM3BHPo7AOVG3j.pdf> (дата обращения: 23.09.2019).

¹ «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666.

данного обследования. При этом возможно провести сравнения ответов молодых людей с учетом их пола, курса обучения, национальности, направления обучения, т.е. рассмотреть вопрос более глубоко и всесторонне. При необходимости мы будем обращаться к такому анализу.

Респондентам предлагалось выбрать несколько позиций, характеризующих в той или иной мере его «Я-идентичности». Их перечень, а также частота выбора представлена в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что лично для Вас является наиболее важным из нижеперечисленных позиций?», %

Я ...	Всего	В том числе	
		чуваши	русские
Представитель своего поколения	48	48	46
Представитель своей национальности	17	21	13
Представитель студенческой молодежи	10	9	12
Гражданин России	71	72	69
Житель Чувашии	25	34	10
Представитель своего города, района, землячества	12	15	7
Представитель своей религии	6	7	6
Представитель определенной идеологии (коммунист, консерватор, либерал-демократ и др.)	4	3	5
Представитель молодежных объединений (профсоюзных, экологических, военно-патриотических, спортивных, музыкальных и др.)	9	10	8
Представитель неформальных молодежных субкультур (байкеры, фанаты, скинхеды, рэперы, ролевики, эмо и др.)	4	4	3
Мужчина / женщина	38	34	44
Иное	5	2	8

Примечание. Респондентам была предоставлена возможность выбора до трех вариантов ответа.

Прежде всего, отметим, что в среднем опрошенные выбрали по 2,6 варианта ответа из 3 максимально допустимых вариантов предложенных идентичностей, иначе говоря, этот вопрос вызвал у молодых людей значительный интерес. Безусловным лидером в составе «Я-идентичностей» является понимание того, что респонденты являются гражданами России. Важными для молодых людей оказались и такие демографические признаки, как принадлежность к определенному поколению и полу. При этом в выборе последней позиции сказались этническая составляющая, поскольку этнические русские на 10 процентных пунктов чаще выбирали данное качество сравнительно с чувашами. В настоящее время мы затрудняемся дать объяснение разнице в таком выборе, следует более детально рассмотреть этот сюжет с использованием других исследований. Данные табл. 1 показывают, что чуваша оказались более сосредоточенными при выборе своей региональной и этнической идентичностей. На наш взгляд, следует согласиться с утверждениями других авторов, что заметная дистанция между общегражданской и этнической идентичностями не означает какого-либо противоречия, антагонизма между ними, существования жесткой иерархии. При этом следует иметь в виду, что различные сочетания идентичностей могут определяться ситуативно в зависимости от различных обстоятельств. Нельзя не согласиться с В.А. Тишковым, отметившим, что местные, религиозные и этнокультурные идентификации «были и часто остаются конкурентами при утверждении национального (государственного) самосознания, но в большинстве случаев эти формы идентичности сосуществуют» [14. С. 24]. Л.М. Дробижева обращала внима-

ние, что гражданская и этническая идентичность накладываются и в значительной мере совпадают, а не противостоят друг другу [8. С. 125]. Выразим солидарность и с точкой зрения В.А. и Н.В. Михайловых, упомянувших в своем исследовании важный принцип изучения степени сплоченности российской нации – «нельзя следовать слепо принципу иерархии идентичностей» [10. С. 51]. Отметим еще одно соображение. Исследователи из Чувашского государственного института гуманитарных наук полагают, что сравнение такого формально-юридического фактора, как гражданство, имеющего юридическое закрепление, с рядом других идентичностей, в том числе и этническая принадлежность, некорректно. Определяя, например, свою этническую идентичность, человек в большей степени действует самостоятельно, опирается на свои чувства, не думая чаще всего, о каких-либо сопоставлениях с другими идентичностями [17. С. 40].

Отметим также взаимосвязь между выбором «Я-идентичностей» с другими факторами. Если вести речь о курсе обучения, то следует обратить внимание только на незначительную зависимость от такой позиции, как национальность. При этом наблюдается снижение интереса к своей национальности с повышением курса обучения: 22, 18 и 14%, соответственно. Девушки в большей степени считали себя гражданами России (77% против 62% у молодых людей), чаще они были озабочены принадлежностью к своему поколению (51% против 43%, соответственно). Как видно из табл. 1 неформальные молодежные группы не были самыми привлекательными для студентов, но если сравнивать юношей и девушек, то окажется, что среди первых было 7%, среди вторых – только 1%.

Из иных позиций студенты называли самые разнообразные: гражданин СССР, личность, человек, житель планеты Земля, автолюбитель, медик, программист, свободный человек, феминистка и т.д. В основном это были единичные ответы, за исключением определения себя как личности, в пользу чего высказались 1,2% опрошенных.

Приведем еще одни сравнительные данные, которые показывают, что нельзя абсолютизировать дистанции, характеризующие важность для каждого респондента той или иной идентичности (табл. 2). Прежде всего отметим, что, если судить по данным этой таблицы, то и в этом случае гражданская идентичность в большей степени важна для студентов сравнительно с принадлежностью к определенной национальности. Одновременно следует обратить внимание на то, что дистанция между двумя идентичностями уже не такая значимая, как зафиксировано в табл. 1, хотя необходимо помнить, что сравнения двух позиций по данному вопросу нужно делать с пояснениями.

Отметим, что в данной ситуации играет роль и формулировка вопроса, поскольку во втором случае присутствует просьба оценить каждую из идентичностей по отдельности без сравнения с другой, что наблюдалось в ходе ответа на первый вопрос. Вернее, здесь эффект сравнения присутствует не в таком случае, как при ответе на предыдущий вопрос. Далее отметим, что уровень важности общегражданской идентичности все-таки превышает оценку этнической идентичности, но у чувашей дистанция между ними заметно меньше, чем у русских. С другой точки зрения, среди чувашей на 12 процентных пунктов меньше тех, кто в сумме выразил безразличие к этнической идентичности или же отметил отсутствие ее важности в какой-либо степени проявления. Если же говорить об общегражданской идентичности, то здесь отличия чувашей и русских менее заметны.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Насколько важно для Вас то, что Вы являетесь...?, %**

Насколько важно, что Вы являетесь...	Всего	В том числе	
		чуваши	русские
<i>Человеком своей национальности</i>			
очень важно	18	20	18
достаточно важно	41	44	33
безразлично	19	18	22
не очень важно	13	13	15
совсем не важно	9	6	12
<i>Россиянином</i>			
очень важно	27	28	27
достаточно важно	46	48	43
безразлично	13	13	15
не очень важно	7	7	5
совсем не важно	6	4	10

Если рассмотреть влияние других факторов, то более всего проявляется разница при ответе на этот вопрос с учетом гендера. Если половина мужчин полагает, что для них очень важна или достаточно важна этническая идентичность, то для женщин этот показатель заметно выше и составляет 65%. Разница достигнута за счет более частого выбора девушками уровня «достаточно важно». Относительно гражданской идентичности соотношение важности в пользу женщин: 82% против 59% у противоположного пола. Среди тех, кто выбирал другие ответы, мужчины заметнее всего преобладают среди безразлично относящихся к гражданской идентичности (разница в 12 процентных пунктов) и в меньшей степени среди тех, для кого она не очень или совсем не важна. Понятно, что приведенные цифры не свидетельствуют о том, что среди женщин больше доля тех, кто значительно озабочен проблемами этнической идентичности, кто чаще размышляет о своей гражданственности и т.п. Ситуация в большей степени свидетельствует о влиянии других факторов, возможно, психологического характера. Но это тема отдельного исследования. С другой стороны, следует учитывать и направления обучения. Среди студентов, обучающихся на инженерных факультетах, заметно выше доля тех, кто достаточно безразличен как к этнической идентичности, так и к общегражданской, или же они для них не важны в разной степени.

Таким образом, в рассуждениях о выборе различных идентичностей следует учитывать такое сложное сочетание различных факторов. В то же время отметим, что при всех особенностях, важность анализируемых идентичностей была для студентов заметной, они играют немалую роль в обретении молодежью своих жизненных позиций. Важно еще раз подчеркнуть, что при всех различиях в ходе выбора этих идентичностей между ними нет антагонистического противостояния, в реальной жизни они дополняют друг друга.

Литература

1. *Бойко И.И., Харитонов В.Г.* Общегражданская и этническая идентичности населения Чувашии. Научный доклад / ЧГИГН. Чебоксары, 2013. 44 с.
2. *Бойко И.И., Харитонов В.Г.* Общероссийская, территориальная и этническая идентичности в Чувашии // Вестник Российской нации. 2015. № 2 (40). С. 81–95.
3. *Бойко И.И., Харитонов В.Г.* Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии: гражданские ценности, социокультурные ориентиры / ЧГИГН. Чебоксары, 2014. 124 с.
4. *Губогло М.Н.* Формирование гражданской идентичности (опыт молодежи России) // Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 89–97.

5. Дробижеева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Политические исследования. 2015. № 5. С. 9–24.
6. Дробижеева Л.М. Динамика Российской гражданской идентичности в полиэтничном пространстве России // Сб. материалов XIII Конгресса антропологов и этнологов России (Казань, 2–6 июля 2019 г.). М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 11–13.
7. Дробижеева Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтничном российском обществе (Тенденции и проблемы) // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 68 – 77;
8. Дробижеева Л.М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 119–129.
9. Иванов В.П. Метаморфозы этничности (полемиические заметки по этнопсихологии чувашей). Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2019. 144 с.
10. Михайлов В.М., Михайлова Н.В. К дискуссии о проблеме российской идентичности // Вестник российской нации. 2009. № 5. С. 47–57.
11. Российская идентичность в социологическом измерении: аналитический доклад / Институт социологии РАН. М.: ИС РАН, 2007. 140 с.
12. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / ред. В.А. Тишков, Р.Э. Бараш, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2014. 342 с.
13. Тишков В. А. Да изменится молитва моя! О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений. Доклад на заседании Секции общественных наук Президиума АН СССР 1 ноября 1989 г. М.: [Б.и.], 1989. 54 с.
14. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
15. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. 544 с.
16. Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А.Тишкова. М.: Наука, 2011. 670 с.
17. Этнокультурное развитие и межэтнические отношения в Чувашской Республике. Научный отчет по материалам социологического обследования 2011 г. / отв. ред. Ю.Н. Исаев; ЧГИГН. Чебоксары, 2012. 88 с.
18. Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе: экспертный доклад / ред.: В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: ИЭА РАН, 2017. 158 с.

МУРАВЬЕВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (irina17-04@bk.ru).

ПАВЛОВА АЛЕВТИНА НИКОЛАЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (pavlova.alya2013@yandex.ru).

СЕЛИВАНОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (sveselivanova@yandex.ru).

ШУМИЛОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (shumilovaolga@bk.ru).

**I. MURAVYEVA, A. PAVLOVA, S. SELIVANOVA, O. SHUMILOVA
CIVIL AND ETHNIC IDENTITY OF STUDENTS
OF THE CHUVASH REPUBLIC IN HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC CONTEXT**

Key words: *General civil identity, ethnic identity, hierarchy of identities, life positions of Chuvash students, opinion polls, youth, national policy.*

The article is devoted to the study of the peculiarities of interaction between the General civil and ethnic identities of young people in a historical and ethnographic context. This issue is relevant from the point of view of modern state national policy, as well as in the study of ethnic

processes taking place at the present stage of development of Russian society. The authors, based on the approaches developed by leading Russian researchers in the study of ethnic and cultural diversity of the Russian Federation, analyze the materials obtained during the survey in March 2019, almost 700 students from different universities of the Chuvash Republic. The key concepts in the study are the concepts of «civic identity» and «ethnic identity». The authors of the article analyzed the answers of respondents taking into account their gender, course of study, nationality, direction of study, which are important factors of self-identification of young people. Taking into account these parameters, the comparison of different «I-identities» shows that the most important choice for students is to classify themselves as citizens of Russia. This position is typical for both the Chuvash and Russian, and the distance between them is insignificant. At the same time, when choosing an ethnic identity, there is a noticeable difference between students of these nationalities: the Chuvash are more interested in such identification. Actually, the same distances are fixed when choosing a regional identity. Based on the multi-aspect analysis, the article concludes that in a set of different identities, the General civil one is ahead of the ethnic one. At the same time, the authors emphasize that there is no contradiction and antagonism between these identities, they interact dialectically. At the same time they are influenced by situational factors. Therefore, when analyzing the General civil and ethnic identities, it is necessary to avoid a rigid hierarchy, the relationship between them is much deeper and multilateral.

References

1. Boiko I.I., Kharitonova V.G. *Obshchegrzhdanskaya i ehnicheskaya identichnosti naseleniya Chuvashii. Nauchnyy doklad* [General civil and ethnic identity of the population of Chuvashia. Scientific report]. Cheboksary, 2013. 44 p.
2. Boiko I.I., Kharitonova V.G. *Obshcherossiiskaya, territorial'naya i ehnicheskaya identichnosti v Chuvashii* [All-Russian, territorial and ethnic identity in Chuvashia]. *Vestnik Rossiiskoi natsii*, 2015, no. 2(40), pp. 81–95.
3. Boiko I.I., Kharitonova V.G. *Studencheskaya i uchashchayasya molodezh' Chuvashii: grazhdanskii tsennost', sotsiokul'turnye orientiry* [Students and students of Chuvashia: civic values, socio-cultural guidelines]. Cheboksary, 2014, 124 p.
4. Guboglo M.N. *Formirovanie grazhdanskoi identichnosti (opyt molodezhi Rossii)* [Formation of civic identity (experience of Russian youth)]. *Ethnograficheskoe obozrenie*, 1998, no. 6, pp. 89–97.
5. Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. *Grazhdanskaya i ehnicheskaya identichnost' i obraz zhelaemogo gosudarstva v Rossii* [Civil and ethnic identity and the image of the desired state in Russia]. *Politicheskie issledovaniya*, 2015, no. 5, pp. 9–24.
6. Drobizheva L.M. *Dinamika Rossiiskoi grazhdanskoi identichnosti v poliehnicheskom prostranstve Rossii* [Dynamics of the Russian civil identity in the multiethnic space of Russia]. In: *XIII Kongress antropologov i ehnologov Rossii: sb. materialov (Kazan, 2–6 iyulya 2019 g.)* [Proc. of 13th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia. Kazan, 2–6 July 2019]. Moscow, Kazan, 2019, pp. 11–13.
7. Drobizheva L.M. *Protssesy grazhdanskoi integratsii v poliehnicheskom rossiiskom obshchestve (Tendentsii i problemy)* [Processes of civil integration in multiethnic Russian society (Trends and problems)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2008, no. 2, pp. 68–77.
8. Drobizheva L.M. *Ehnicheskaya solidarnost', grazhdanskaya konsolidatsiya i perspektivy mezhehnicheskogo soglasiya v Rossiiskoi Federatsii* [Ethnic solidarity, civil consolidation and prospects for interethnic harmony in the Russian Federation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2014, no. 1, p. 119–129.
9. Ivanov V.P. *Metamorfozy ehnichnosti (polemicheskie zametki po ehtnopsikhologii chuvashai)* [Metamorphosis of ethnicity (polemic notes on ethno-psychology, Chuvash)]. Cheboksary, 2019, 144 p.
10. Mikhailov V.M., Mikhailova N.V. *K diskussii o probleme rossiiskoi identichnosti* [On the discussion of the problem of Russian identity]. *Vestnik rossiiskoi natsii*, 2009, no. 5, pp. 47–57.
11. *Rossiiskaya identichnost' v sotsiologicheskoi izmerenii. Analiticheskii doklad Instituta sotsiologii RAN* [Russian identity in the sociological dimension. Analytical report of the Institute of Sociology RAS]. Moscow, 2007, 140 p.
12. Tishkov V.A., Barash R.Eh., Stepanov V.V., eds. *Rossiiskoe studenchestvo: identichnost', zhiznennyye strategii i grazhdanskii potentsial* [Russian students: identity, life strategies and civic potential]. Moscow, 2014, 342 p.
13. Tishkov V.A. *Da izmenitsya molitva moy!...: O novykh podkhodakh v teorii i praktike mezhnatsional'nykh otnoshenii. Doklad na zasedanii Sektsii obshchestvennykh nauk Prezidiuma AN SSSR 1 noyabrya 1989 g.* [May my prayer change! ...: About new approaches in the theory and practice of interethnic relations. Report at a meeting of the Social Sciences Section of the Presidium of the USSR Academy of Sciences on November 1, 1989]. Moscow, 1989, 54 p.

14. Tishkov V.A. *Rossiiskii narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [The Russian people: the history and meaning of national consciousness.]. Moscow, Nauka Publ., 2013, 649 p.

15. Tishkov V.A. *Rekvjem po ehtnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for ethnos: Studies in socio-cultural anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2003, 544 p.

16. *Fenomen identichnosti v sovremenom gumanitarnom znani: k 70-letiyu akademika V.A.Tishkova* [The phenomenon of identity in modern Humanities: to the 70th anniversary of academician V.A. Tishkov]. Moscow, Nauka Publ., 2011, 670 p.

17. Isaev Yu.N., ed. *Ehtnokul'turnoe razvitie i mezhehtnicheskie otnosheniya v Chuvashskoi Respublike. Nauchnyi otchet po materialam sotsiologicheskogo obsledovaniya 2011 g.* [Ethno-cultural development and interethnic relations in the Chuvash Republic. Scientific report on the materials of sociological survey 2011]. Cheboksary, 2012, 88 p.

18. Tishkov V.A., Vorontsov V.S., Stepanov V.V., ed. *Ehtnokul'turnoe sodержание obrazovaniya, rossiiskaya identichnost' i grazhdanskoe soglasie v Privolzhskom federal'nom okruge: ehkspertnyi doklad* [Ethno-cultural content of education, Russian identity and civil consent in the Volga Federal district: Expert report]. Moscow; Orenburg; Izhevsk, 2017, 158 p.

MURAVYEVA IRINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Documentation, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (irina17-04@bk.ru).

PAVLOVA ALEVTINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Documentation, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (pavlova.alya2013@yandex.ru).

SELIVANOVA SVETLANA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Documentation, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (sveselivanova@yandex.ru).

SHUMILOVA OLGA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Documentation, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (shumilovaolga@bk.ru).

Формат цитирования: Муравьева И.В., Павлова А.Н., Селиванова С.А., Шумилова О.В. Гражданская и этническая идентичности студентов Чувашской Республики в историко-этнографическом контексте // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 132–139.

УДК 796.01:371.037.1-057.874(470.344)"19"
ББК Ч420.055.4(2Рос.Чув)

Н.Н. ПЬЯНЗИНА, Т.Н. ПЕТРОВА, О.В. ШИЛЕНКО, Н.А. МАТВЕЕВА

СОДЕРЖАНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ В СИМБИРСКОЙ ЧУВАШСКОЙ ШКОЛЕ

Ключевые слова: *И.Я. Яковлев, Симбирская чувашская школа, физическое воспитание, гимнастика.*

В статье раскрываются содержание и особенности организации физического воспитания в Симбирской чувашской школе. И.Я. Яковлев сумел сохранить и приумножить народные традиции физического воспитания, обеспечив гармоничную взаимосвязь физического воспитания с трудовым и семейным в едином педагогическом процессе. Программа по физическому воспитанию состояла из трех частей: обзор телесной природы человека; очерк из сведений психологии и логики; учение об организации начальной школы. В школе И.Я. Яковлева четко прослеживалась православная концепция физической культуры, согласно которой основными условиями воспитания гармоничного и здорового человека были чистый воздух, здоровая пища, одежда и жилище, движение и покой, гимнастика. Активно использовались средства народной педагогики для физического совершенствования воспитанников. И.Я. Яковлев понимал и обосновывал ценность народных традиций в физическом воспитании с опорой на использование оздоровительных сил природы для укрепления физического здоровья посредством прогулок, экскурсий и путешествий на свежем воздухе. Исторические факты доказывают разнообразие физкультурных занятий в Симбирской чувашской учительской школе. Процесс физического воспитания был неразрывно связан с трудовым, народным, а также эстетическим, нравственным и другими сторонами воспитания. Система образования Симбирской чувашской школы являлась целостной воспитательно-образовательной средой. Подобный подход к формированию знаний и умений в физическом воспитании остается актуальным и обладает потенциалом использования этого богатого наследия.

Общество в своем развитии проходит через ряд этапов, каждый из которых отражает своеобразие социальных отношений, определяющих, в свою очередь, требования к его членам, в том числе, к их физическому здоровью. Содержание образования обогащается опытом народного воспитания.

На основе анализа научных исследований об образовании чувашей этнопедагогов Г.Н. Волкова, В.Д. Димитриева, Т.Н. Петровой, Э.И. Сокольниковой и др. нами было выявлено, что прогрессивное развитие их образования и воспитания приходится на конец XVIII – начало XX в. Этот исторический период характеризуется возникновением православных новокрещенских школ на территории Среднего Поволжья, а также образованием неформальных трудовых, хозяйственных школ [1, 3, 10]. В системе данных школ берут свое начало новые традиции уже официально организованного физического воспитания [9].

Содержание программы подготовки учащихся в первых государственных учебных учреждениях предъявляло особые требования к физической подготовке детей. Это было связано также с участием воспитанников в воинских повинностях русской армии, и, как следствие, в народе усилилось желание следовать воинским традициям, а праздничные, ритуальные и трудовые традиции получили некоторое послабление [7].

Наиболее содержательная программа физического воспитания была разработана и внедрена И.Я. Яковлевым в педагогический процесс Симбирской чувашской учительской школы. В школе он сумел сохранить и приумно-

жить народные традиции физического воспитания, обеспечив гармоничную взаимосвязь физического воспитания с трудовым и семейным в едином педагогическом процессе [4, 12].

Чувашский педагог считал, что труд является важнейшим условием физического, духовного и морального богатства народа, основой воспитания гармоничной личности. В трудовом воспитании обучающихся он придавал огромное значение привитию потребности в труде, как в физическом, так и в умственном: «В основу всей жизнедеятельности, задуманной мной школы я убеждённо решил заложить труд физический и умственный, обратив это заведение, главным образом, в демократически-трудовое» [6, 11]. Воспитанники школы не только получали знания, но и занимались общественно полезным трудом: «Для своих хозяйственных надобностей школа нуждалась в рабочих руках, и в свободное от занятий время, воспитанники и воспитанницы обслуживали некоторые школьные нужды крестьянской «помочью»: таскали дрова, рубили капусту, ухаживали за садом и огородом, изготовляли в школьной мастерской парты, классные доски, шкафы и т.д.» [11].

И.Я. Яковлев привнес в практику работы чувашских школ спортивно-трудовые праздники по аналогии с праздниками, распространёнными в среде чувашского народа. Он высоко оценивал праздник акатуй, отмечая, что «при этом придумывалось много удовольствий для детей, в которых и я принимал участие. Устраивались хороводы с песнями, бега, езда на лошадях взапуски. Происходила борьба, тягание на палках, другие состязания в силе и ловкости».

Весьма важным и основополагающим в организации физического воспитания чувашский просветитель считал соблюдение режима дня, правил санитарии и гигиены. Весь внутренний распорядок в Симбирской чувашской учительской школе был ориентирован на гармоничное развитие духовных и физических способностей учащихся. Жизнь воспитанников была подчинена определённому режиму:

- 06:00 – подъём,
- 06:30 – утренняя молитва,
- 07:00 – завтрак,
- 08:00 – классные занятия,
- 11:00 – большая перемена,
- 11:30 –13:30– классные занятия,
- 14:00 – обед, прогулка, работы и игры на дворе,
- 15:00 – занятия ремёслами или спевка,
- 17:00 – прогулка на свежем воздухе,
- 18:00 – приготовление уроков,
- 20:30 – ужин, вечерняя молитва,
- 21:00 – свободное время,
- 22:00 – сон [8].

По мере появления государственных учебных учреждений происходил процесс упорядочивания в них требований к физическому воспитанию обучающихся. В связи с этим огромное значение в них придавалось совершенствованию физического воспитания учащихся. Содержание практических занятий по физическому воспитанию основывалось на положениях, разработанных другими научными дисциплинами, такими, как анатомия, физиология человека, педагогика. Анатомия и физиология человека, общая гигиена преподавались во втором классе при двух уроках в неделю. Воспитанники изучали

такие разделы, как органы движения (кости, мышцы), органы питания, органы «чувствования». При освоении этих дисциплин учащиеся использовали учебник К.Н. Ярошевского «Описание человеческого тела» [11].

Учебная программа по педагогике, внедренная в учебный процесс в 1880/81 учебном году, содержала 8 разделов:

- 1) физическое воспитание;
- 2) духовное воспитание;
- 3) учение об организации начальной народной школы;
- 4) внутренняя организация школы;
- 5) школьное обучение и его главные правила;
- 6) методы обучения предметам начального курса;
- 7) обучение церковнославянскому чтению;
- 8) обучение счислению.

Особую ценность представляет первый раздел «Физическое воспитание», в рамках которого обучающиеся получали знания в области медицины, гигиены через изучение следующих вопросов: большая детская смертность, ее причины; влияние физического здоровья на духовную природу детей; главнейшие условия здоровья; пища, качество, количество пищи и время её принятия, лакомства; питьё, напитки, чистый воздух; сон, купание, гимнастика [14].

Содержание данного раздела связано не только с выполнением физических упражнений, но и с получением ряда теоретических знаний и опыта организации гигиенических и оздоровительных мероприятий.

Школьная программа по педагогике продолжала совершенствоваться. Так, программа 1898 г. отличалась от предыдущей тем, что в ней содержание физического воспитания основывалось на положениях анатомии и физиологии человека. В содержании учебного материала был выделено три раздела: обзор телесной природы человека; очерк из сведений психологии и логики; учение об организации начальной школы [2. Д. 75. Л. 12].

Обзор телесной природы человека был нацелен на ознакомление обучающихся с основными этапами развития детей, возрастными особенностями воспитания, изучение основ анатомии и физиологии во взаимосвязи с гигиеной человека.

К моменту становления Симбирской учительской школы мировая система образования «опробовала» множество педагогических идей для успешной реализации задач воспитания детей, в том числе и в организации физического воспитания. И в этих системах основным средством физического воспитания являлась гимнастика.

В школе И.Я. Яковлева четко прослеживалась православная концепция физической культуры, согласно которой основными условиями воспитания гармоничного и здорового человека были чистый воздух, здоровая пища, одежда и жилище, движение и покой, гимнастика. Основываясь на мировых педагогических достижениях и собственном опыте, чувашский педагог ввел в учебный процесс ежедневные занятия по гимнастике, которые было поручено проводить педагогу В.Д. Билетникову [2. Д. 35. Л. 38].

С сентября 1910 г., для преподавания гимнастики был принят в штат преподаватель В.З. Лепарский, капитан охранной стражи, с годовым жалованьем 108 руб. (рис. 1). Продолжительность занятий гимнастикой составляла 30 мин, они проводились во время большой перемены. Всего лишь за пол-

тора месяца обучающиеся (151 человек) достигли значительных успехов по строевой подготовке и военной гимнастике [2. Д. 250. Л. 64].

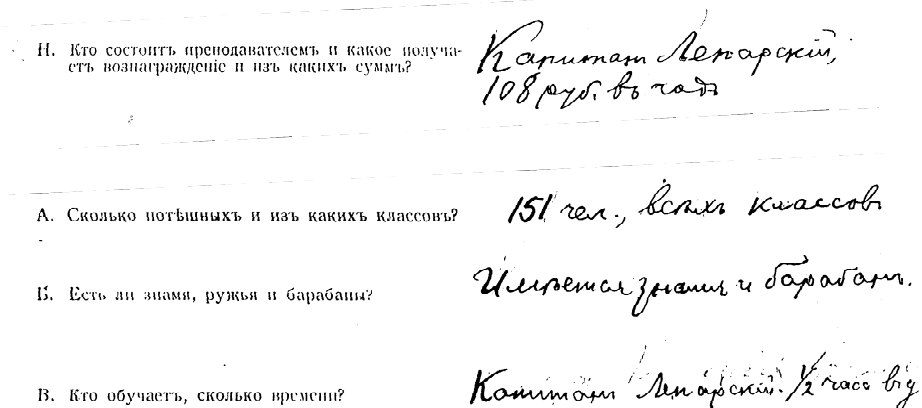

Рис. 1. Фрагмент отчета И.Я. Яковлева об организации занятий гимнастикой воспитанников Симбирской чувашской учительской школы

Учителями школы прилагались все усилия и максимально использовались возможности по улучшению качества преподавания гимнастики. В целях совершенствования её преподавания И.Я. Яковлев распорядился о выписке ежемесячного журнала «Сокол», в котором широко освещались проблемы физического воспитания, публиковались новые разработки и методики [2. Д. 834. Л. 2]. Например, из фрагмента информационного письма следует, что русское общество обеспокоено отсутствием опытных учителей по физическому воспитанию в образовательных учреждениях. И это побуждает просвещать специалистов публикациями в учебно-методическом журнале (рис. 2).

Кроме того, школа по возможности обогащала библиотеку и другой специальной литературой по гимнастике, например: «Наставление для обучения войсковой гимнастике»; «Учебник для ведения строевых гимнастических занятий в народных школах»; «Руководство для изучения сокольской гимнастики» (рис. 3). Библиотекой могли пользоваться как преподаватели, так и воспитанники.

Школа была укомплектована методическими разработками по разным видам гимнастики. Так, учителя могли составлять комплексный учебный материал, используя разработки министерской, сокольской, шведской, немецкой, военного ведомства систем гимнастики.

С учетом использования рекомендаций, имеющих в методической литературе, и наличия гимнастического оборудования в Симбирской чувашской учительской школе была составлена программа физического развития и обучения военному строю, которая включала в себя следующие разделы: «общие сведения и предварительные понятия о строе (строевые упражнения, взводное и ротное учение, церемониальный марш и смотр, упражнения с ружьями); подготовительные гимнастические упражнения (вольные движения головой, руками, туловищем, ногами; сложные движения с ружьями, ходьба,

бег, прыжки); гимнастика на снарядах (прыганье, бревно, конь, лестница, параллельные брусья, шесты, канат, забор, горка); гимнастические игры на воздухе, вне здания; прогулки и экскурсии» [2. Д. 918. Л. 11].

РЕДАКЦІЯ
ЖУРНАЛА
„СОКОЛЬ“.

МОСКВА,
ричистенна, д. Истомина.
Телефонъ 105-27.

М. Я.

Растущее съ каждымъ днемъ стремленіе всего русскаго общества къ физическому воспитанію, на которое въ последнее время обратило серьезное вниманіе и Министерство Народнаго Просвѣщенія (проектъ новой средней школы и циркулярныя распоряженія отъ 9 дек. 09 г. за № 37865 и др.),—съ одной стороны и отсутствіе опытныхъ и умѣлыхъ преподавателей-специалистовъ гимнастики—съ другой, заставили членовъ существующаго въ гор. Москвѣ II Гимнастическаго Общества „СОКОЛЬ“ пойти на встрѣчу этимъ нуждамъ и, въ цѣломъ рядѣ своихъ предпріятій по этому пути, между прочимъ, издавать еще и постоянный органъ, посвященный вопросамъ о физическомъ воспитаніи.

Рис. 2. Фрагмент информационного письма об издании журнала «Сокол»

О. Какіе приняты учебники?

VI.

ВОЕННЫЙ СТРОЙ И ПОТЪШНЫЕ:

- 1) Наставленіе для обученія воен. гимнастики, изд. 1910г.
- 2) Учебникъ для введенія строев. гимнастическихъ занятій въ воен. школахъ изд. Ген.- маіора Дубет
- 3) Руководств. для обученія соколовъ гимнастики, изд.

Рис. 2. Фрагмент отчета И.Я. Яковлева об организации учебной деятельности воспитанников Симбирской чувашской учительской школы, отражающий наличие учебной литературы по гимнастике в библиотеке

Данная программа имела высокую методическую ценность, отличаясь от подобных программ того времени наличием в её содержании определенной структуры построения разделов и использования основных средств физического воспитания. Программа предполагала соединение гимнастики и игр с пением, поэтому упражнения выполнялись с музыкальным сопровождением, что позволяет указывать на тесную взаимосвязь физического воспитания с эстетическим. Это подтверждает факт использования И.Я. Яковлевым элементов античной, в частности афинской, системы гармоничного всестороннего формирования личности.

Гимнастическое оборудование изготавливалось в школьных мастерских самими воспитанниками, так как не было достаточных финансовых средств

для его приобретения: «Параллельные брусья, стойки для прыганья через верёвку, трапеция; все приборы собственного производства» (рис. 3) [5].

Е. Гимнастические приборы, перечислить их, указать, изъ какого материала сдѣланы, въ какихъ мастерскихъ, мѣстные или привозные, ихъ стоимость, гдѣ они хранятся; если не въ томъ помещеніи, гдѣ происходитъ занятіе гимнастикой, удобно ли ихъ туда переносить?

Параллельные брусья, стойки для прыганья через веревку, трапеция; все приборы собственного производства.

Рис. 3. Фрагмент отчета И.Я. Яковлева об организации учебной деятельности воспитанников Симбирской чувашской учительской школы, отражающий наличие спортивного инвентаря

В Симбирской чувашской учительской школе активно использовались и средства народной педагогики для физического совершенствования воспитанников. И.Я. Яковлев хорошо понимал и обосновывал ценность народных традиций в физическом воспитании с опорой на использование оздоровительных сил природы для укрепления физического здоровья посредством прогулок, экскурсий и путешествий на свежем воздухе. Послеобеденные прогулки, прогулки во время перемен и перед сном были необходимым компонентом режима дня воспитанников. И.Я. Яковлев считал, что познавательные экскурсии на природу не только укрепляют физическую силу молодежи, но и обогащают их умы знаниями о природе, воспитывают к ней бережное отношение.

И.Я. Яковлев придавал важное значение и эмоциональному комфорту своих воспитанников в стенах школы. В учебном процессе использовались не только строго регламентированные занятия, но и досуговые мероприятия: дети с огромным удовольствием катались на лодках, иногда на пароходе по Волге, в летнее время активно использовались велосипедные прогулки, а в зимнее время особой популярностью у детей пользовались катания на коньках и лыжах.

Обучение плаванию воспитанников также имело огромное оздоровительное и прикладное значение. В период трудового воспитания, которое организовывалось на сельскохозяйственной ферме, купание было обязательным занятием. Здесь в самодельном пруду при ферме детей обучали плаванию [13].

Все вышеприведенные исторические факты доказывают разнообразие физкультурных занятий в Симбирской чувашской учительской школе. Процесс физического воспитания был неразрывно связан с трудовым, народным, а также с эстетическим, нравственным и другими сторонами воспитания. Система образования Симбирской чувашской учительской школы представляла собой целостную воспитательно-образовательную среду. И.Я. Яковлеву удалось организовать учебно-воспитательный процесс так, что все компоненты органически дополняли друг друга.

Подобный подход к формированию знаний и умений в физическом воспитании остается актуальным и обладает потенциалом использования этого богатого наследия.

Литература

1. Волков Г.Н. Этнопедагогика. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 376 с.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 207. Оп. 1.
3. Димитриев В.Д. История Чуваши XVIII века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. 531 с.
4. Земляков А.Е. Педагогическое наследие И.Я. Яковлева и современная школа / ЧПИ им. И.Я. Яковлева. Чебоксары, 1994. 166 с.

5. Илларионов Г.Г. О роли И.Я. Яковлева в развитии физкультурного движения в Чувашии // Вопросы укрепления здоровья населения, теории, методики и психофизиологии физического воспитания и спорта / ЧГПИ им. И.Я. Яковлева. Чебоксары, 1995. Т. 1. С. 236–246.
6. Краснов Н.Г. Выдающийся педагог-просветитель. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. 413 с.
7. Петрова Т.Н. История воспитания и педагогической мысли чувашского народа в XV–XVIII вв.: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1996. 296 с.
8. Пьянзина Н.Н. Этнопедагогическое содержание традиций физической культуры чувашского народа: дис... канд. пед. наук. Чебоксары, 2002. 171 с.
9. Серебрякова М.Н. Традиционные институты социализации детей у сельских турок // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М., 1983. С. 37–67.
10. Сокольникова Э.И. Этнопедагогика чувашской семьи. М.: МГОПУ, 1997. 384 с.
11. Яковлев И.Я. Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы (по случаю сокоалетия, 1868–1908). Симбирск: Губ. тип., 1908. 13 с.
12. Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. М.: Республика, 1997. 684 с.
13. Яковлев И.Я. Отчёт о состоянии сельскохозяйственной фермы Симбирской чувашской учительской школы за 1912 г. Симбирск, 1913. С. 83–94.
14. Яковлев И.Я. С думой о народном просвещении: Из переписки. Ч. 2 / сост. Н.Г. Краснов, Г.Н. Плечов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1998. С. 151–162.

ПЬЯНЗИНА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (npianzina@mail.ru).

ПЕТРОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (tanushapetr@mail.ru).

ШИЛЕНКО ОЛЬГА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (mailotrof77@mail.ru).

МАТВЕЕВА НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (kluchnad@mail.ru).

N. PYANZINA, T. PETROVA, O. SHILENKO, N. MATVEEVA
PHYSICAL EDUCATION OF STUDENTS
IN SIMBIRSK CHUVASH SCHOOL

Key words: *I.Y. Yakovlev, Simbirsk Chuvash school, physical education, gymnastics.*

The article reveals the content and features of the organization of physical education in the Simbirsk Chuvash school. I.Y. Yakovlev has managed to preserve and enhance the folk traditions of physical education, achieved a harmonious relationship between physical education and family and labor education as part of a single pedagogical process. The physical education program consisted of three parts: a review of the bodily nature of man; essay from the information of psychology and logic; doctrine of the organization of elementary school. At the I.Y. Yakovlev school the Orthodox concept of physical education clearly traced, according to which the main conditions for the education of a harmonious and healthy person were clean air, healthy food, clothing and housing, movement and rest, gymnastics. Means of folk pedagogics for the physical improvement of students actively used. I.Y. Yakovlev understood and justified the value of folk traditions in physical education, relying on the use of the healing forces of nature to strengthen physical health through walks, traveling and excursions in the fresh air. Historical facts prove the variety of physical education classes in the Simbirsk Chuvash teacher's school. The process of physical education was inextricably linked with labor, folk, as well as aesthetic, moral and other aspects of education. The educational system of the Simbirsk Chuvash school was an integral educational environment. This systematic approach to the formation of knowledge in the field of physical education continues to be relevant to this day, which gives us the basis for using the heritage of the great Chuvash teacher in modern conditions.

References

1. Volkov G.N. *Etnopedagogika* [Pedagogy]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1974, 376 p.
2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 207. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 207. Anagraph 1].
3. Dimitriev V.D. *Istoriya Chuvashii XVIII veka* [The history of the Chuvash Republic of the 18th century]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1959, 531 p.
4. Zemlyakov A.E. *Pedagogicheskoe nasledie I.Ya. Yakovleva i sovremennaya shkola* [Pedagogical heritage of I.Ya. Yakovlev and the modern school. Cheboksary, 1994, 166 p.
5. Illarionov G.G. *O roli I.Ya. Yakovleva v razvitii fizkul'turnogo dvizheniya v Chuvashii* [On the role of I. Ya. Yakovlev in the development of sports movement in Chuvashia]. In: *Voprosy ukrepleniya zdorov'ya naseleniya, teorii, metodiki i psihofiziologii fizicheskogo vospitaniya i sporta* [Issues of health promotion, theory, methodology and psychophysiology of physical education and sport.]. Cheboksary, 1995, vol. 1, pp. 236–246.
6. Krasnov N.G. *Vydayushchiysya pedagog-prosvetitel'* [Outstanding educator]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1992, 413 p.
7. Petrova T.N. *Istoriya vospitaniya i pedagogicheskoi mysli chuvashskogo naroda v XV–XVIII vv.: dis. ... cand. ped. nauk* [The history of education and pedagogical thought of the Chuvash people in the 15th – 18th centuries. Cand. Diss.]. Moscow, 1996. 296 c.
8. Pyanzina N.N. *Etnopedagogicheskoe sodержание traditsii fizicheskoi kul'tury chuvashskogo naroda: dis. ... kand. ped. nauk* [Ethnopedagogical content of the traditions of the physical culture of the Chuvash people. Cand. Diss.]. Cheboksary, 2002, 171 p.
9. Serebryakova M.N. *Traditsionnye instituty sotsializatsii detei u sel'skikh turok* [Traditional institutions of socialization of children in rural Turks]. *Etnografiya detstva* [Pedagogy of childhood]. Moscow, Nauka Publ., 1983, p. 37–67.
10. Sokol'nikova E.I. *Etnopedagogika chuvashskoi sem'i* [Ethnopedagogy of the Chuvash family]. Moscow, 1997, 384 p.
11. Yakovlev I.Ya. *Kratkii ocherk Simbirskoi chuvashskoi uchitel'skoi shkoly (po sluchayu sorokaletiya, 1868–1908)* [A brief outline of the Simbirsk Chuvash teacher's school (on the occasion of the fortieth anniversary, 1868–1908)]. Simbirsk, 1908, 13 p.
12. Yakovlev I.Ya. *Moya zhizn': Vospominaniya* [My life: Memories]. Moscow, Republic Publ., 1997, 684 p.
13. Yakovlev I.Ya. *Otchet o sostoyanii sel'skokhozyaistvennoi fermy Simbirskoi chuvashskoi uchitel'skoi shkoly za 1912 g.* [Report on the state of the agricultural farm Simbirsk Chuvash teacher's school for 1912]. Simbirsk, 1913, pp. 83–94.
14. Krasnov N.G. Shoulders G.N., comps., Yakovlev I.Ya. *S dumoi o narodnom prosveshchenii: Iz perepiski*. [With the Duma on public education: from correspondence]. Cheboksary, 1998, vol. 2, pp. 151–162.

PYANZINA NADEZHDA – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Department of Physical Culture and Sports, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (npianzina@mail.ru).

PETROVA TATIANA – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Sports Disciplines Department, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (tanushapetr@mail.ru).

SHILENKO OLGA – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Sports Disciplines Department, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (mailto:trof77@mail.ru).

MATVEEVA NADEZHDA – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Sports Disciplines Department, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (kluchnad@mail.ru).

Формат цитирования: Пьянзина Н.Н., Т.Н. Петрова, Шиленко О.В., Матвеева Н.А. Содержание физического воспитания учащихся в Симбирской чувашской школе // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 140–147.

УДК 2-264(=512.111)+(=511.151

ББК Э319.1(2)4(=635.1),181>319.1(2)4(=663.2,181

В.Г. РОДИОНОВ

**ВАСИЛИЙ СБОЕВ И НИКОЛАЙ ЗОЛОТНИЦКИЙ
КАК МИФОЛОГИ-КОМПАРАТИВИСТЫ**

Ключевые слова: общее и особенное, картина мира, иерархия богов, народы Поволжья, сравнительная мифология, Василий Сбоев, Николай Золотницкий.

Адъюнкт-профессор Казанского университета В.А. Сбоев (1810–1855) успешно занимался реконструкцией иерархии чувашских божеств верхнего мира, в сравнительном аспекте изучал ряд персонажей мифологии народов Поволжья. Н.И. Золотницкий (1829–1880) впервые сопоставил пантеон мифологических персонажей марийцев и чувашей. Как считал ученый, главной целью мифолога является историко-хронологическая реконструкция традиционных религиозно-мифологических систем народов Волго-Уральского региона. Исследования вышеназванных ученых показывают, что в мифологических картинах мира народов Поволжья исторические изменения и контактные связи формировали как общее, так и особенное. В.А. Сбоев допускал возникновение чувашской религии на основе противопоставления доброго и злого начал (зороастризма) в эпоху Хазарского каганата. Н.И. Золотницкий считал, что болгаро-марийские мифологические параллели образовались в конце первого тысячелетия нашей эры. По мнению ученых, основные мифологические персонажи верхнего мира марийцев и чувашей в средние века имели следующую иерархию: 1. Турă/Юмо «Верховный бог». 2. Келе/Кава «супруга чувашского Турă, управляет “землей-водой” и отвечает за судьбу и здоровье детей, покровитель детей». 3. Тёнче суратан (марийский персонаж имеет много вариантов названия) «Праматерь, породившая весь мир, Вселенную». 4. Пүлхсё/Пүлүкше/Пүрүкшă, Пүрышо «Наместник Бога на земле». 5. Пихампар/Пиямбар «помощник Бога, управляющий животным миром на земле». В результате тесного соприкосновения с мировыми религиями, прежде всего с христианством, их первичные семантики сместились в сторону более узкого распределения обязанностей. Персонаж, управляющий земным и водным (средним) пространством, со временем расщепился на ряд узко специализировавшихся божеств. На такую особенность указывали как Н.И. Золотницкий, так и его предшественник В.А. Сбоев. Их труды составляют основу чувашской сравнительной мифологии второй половины XX в. и, несомненно, остаются ценным материалом для современных исследователей, занимающихся реконструкцией мифологических систем народов Урало-Поволжья.

В данной статье рассматривается творчество двух русских ученых, посвятивших себя делу сравнительного изучения чувашской народной культуры, прежде всего народной религии, и верований соседних этносов Поволжья. Будучи потомками сельских священников, выросшими в чувашской среде, они с детства научились сравнивать и сопоставлять разные этнографические реалии, обрядовую жизнь народов региона. В.А. Сбоев был старше Н.И. Золотницкого почти на двадцать лет, воспитывался в семье его деда, приходился ему дядей со стороны матери.

Чувашская мифология как отдельный объект изучения мифотворчества народа, как отдельная область этнографической науки складывалась постепенно начиная с XVIII в. Первоначально народными мифами интересовались преимущественно натуралисты и путешественники, затем их внимательно стали изучать миссионеры-просветители (Е.И. Рожанский, В.П. Вишневский) и писатели-краеведы (Н.С. Арцыбышев, А.А. Фукс). В 1840–1850-е гг. в казанских учебных заведениях (в духовной семинарии и Казанском университете) стала бурно развиваться сравнительная филология, прежде всего тюркская и арабо-персидская. В отличие от философско-психологической ориентации многих

западных концепций, отечественная сравнительная мифология (следует считать, что и этнография в целом) имела, как отмечают исследователи, преимущественно филологическую направленность [14. С. 383]. Тогда же в Венгрии сложилась венгерская сравнительная филология, формированию которой способствовал возросший в обществе усиленный интерес к корням своих предков и их историческим контактам. В те годы чувашские населенные пункты посетили венгерский лингвист и историк Антал Регули (1843) и профессор финского языка и литературы Август Альквист (1856–1857). Оба они встречались с деятелями чувашского просвещения того времени, в том числе с В.П. Вишневым, В.П. Громовым, и этнографом-писателем С.М. Михайловым (Яндушом). Собранные чувашские материалы венгерского ученого были обработаны и опубликованы основателем финно-угорского языкознания Йожефом Буденцем по-смертно, а финский исследователь в Берлине опубликовал большую статью «Сообщения о чувашах и черемисах» (1858) [15. С. 24–25].

Первым учителем Н.И. Золотницкого по праву следует считать В.А. Сбоева, известного в отечественной науке и публицистике 1850-х гг. XIX в. знатока быта и культуры «инородцев» Поволжья. В Чебоксарском духовном училище и Казанской духовной семинарии будущий исследователь основательно изучил чувашский и марийский языки, а в Санкт-Петербургской духовной академии углубил свои знания в области восточной филологии. Именно он, являясь преподавателем русской словесности Казанского университета, заинтересовал будущего лингвиста-компаративиста чувашской этнографией, прежде всего устным поэтическим творчеством и мифологией, способствовал его поступлению на филологический факультет Казанского университета. Уже в 1848 г. студент-первокурсник на своей родине собрал чувашские сказки, а также составил «Сборник чувашских песен», вместе с личными вещами умершего знахаря и предсказателя (*юмсă*) они были доставлены профессору Ф.И. Фатеру, который часть из них опубликовал в Германии [9. С. 508].

В том же году В.А. Сбоев приступил к газетной публикации своих научных работ в форме писем, умышленно подражая здесь своей предшественнице А.А. Фукс. В итоге этот «цикл писем» был издан в 1851 г. отдельной книгой под весьма скромным названием «Заметки о чувашах. Письма к редактору» [13]. Для успешного формирования и развития чувашской сравнительной мифологии ее автор подготовил благодатную «почву»: впервые опубликовал критическое обозрение литературы «о чувашах вообще и об их древней религии в особенности» [13. С. 50]. В историографию чувашеведения ученый включил известные в те годы работы (начиная с исторического описания труда Страленберга до статьи В.П. Вишневого) [13. С. 50–77]. На основе критического анализа опубликованной литературы и в результате собственных наблюдений в течение четверти века исследователь выделил в истории чувашской религии период «чистого дуализма». «Более чем вероятно, что у чуваш<ей> первоначально господствовал чистый дуализм, может быть, заимствованный либо от последователей древней зороастровской религии, либо от соседних некогда чувашам хазар, исповедовавших еврейскую, вероятно, не совсем чистую, религию, – заключает исследователь. – Дуализм этот состоял в поклонении двум враждебным одна другой божественным силам, т.е. *Торе* и шайтану. *Тора* был бог добра и света; место жительства его – высочайшая область света. Шайтан – бог зла и мрака; местопребывание его – в бездне, в хаосе» [13. С. 78–79]. В неблагоприятных для чувашей условиях из дуализма образовалась, по предположению

В.А. Сбоева, «система многосложного политеизма», тогда почти каждому из главных богов стали приписывать создание той или другой части вселенной [13. С. 96]. В Новое время все божества под влиянием христианских понятий снова слились в одно божество, которому «стали приписывать как сотворение всего, что существует во вселенной, так и промышление о ней» [13. С. 96].

В сноске автор дает этимологию названий двух высших сил, которые не устарели до настоящего времени: «<...> *шайтан* есть слово, известное всем семитическим племенам, и без всякого сомнения имеет свой корень в еврейско-финикийском *шатан* (противиться), откуда вышел и нам известный *сатана*. Что касается до названия *Тор'ы*, то он, как мне кажется, не имеет никакой связи с скандинавским *Тор'ом*, хотя многим добрым людям страх как хочется вывести отсюда доказательство финского происхождения чуваш<ей>, несмотря на то, что норманны, у которых точно был бог *Тор*, и финны, вовсе не знавшие *Тор'а*, отнюдь не одно и то же. Скорее же в чувашском *Тор'е* можно слышать отголосок монголо-татарского *Тангри*, *Тори*; знающим языки чувашский и татарский очень хорошо известно, что татарское *ан* и *а* в чувашском языке по большей части переходит в *о*» (13. С. 79).

Здесь следует заметить, что на тюркское происхождение чувашского языка указывал сравнительный материал в книге В.П. Вишневого «Начертание правил чувашского языка» [5]. Там из 416 чувашских слов более 80% имеют сходства с татарскими лексемами и только около 30% – марийскими. Подобный словарь имеется и в книге В.А. Сбоева. Научное доказательство тюркского происхождения чувашского языка принадлежит, как известно, профессору Берлинского университета В. Шотту, который в 1840 г. «представил ученому миру краткий очерк первой научной грамматики чувашского языка» [15. С. 19]. Из научных трудов В.А. Сбоева можно заключить, что исследователь предполагал такие хронологические периоды истории и религии чувашского народа: дохазарский (общетюркская недуалистическая религия), хазарский (дуалистическая религия), послехазарский (политеистическая религия) и русско-христианский (монотеистическая религия). Здесь хронологические периоды названы весьма условно. По определению исследователя, в послехазарский период предки чувашей в духовно-религиозном плане испытали регрессивные процессы, что способствовало сложению политеистической религии. Им способствовало, скорее всего, разделение булгар на бесермян (мусульман) и чувашей (неоязычников) [12. С. 252–266].

Диахроническое изучение истории и культуры народов, рассмотрение их по хронологическим периодам были свойственны сторонникам русской исторической школы, у истоков которой стоял С.П. Шевырев, профессор русской словесности Московского университета. В книге «История русской словесности, преимущественно древней» (в основу данного труда вошли публичные лекции С.М. Шевырева в Московском университете в 1844–1845 гг.) исследователь отдает предпочтение «сочувствующему, живому знанию перед знанием якобы безучастным, холодно-систематическим», частному перед общим, дробит широкое и безликое понятие «человечество» на конкретные живые народности. Тут большое значение приобретает, как уместно замечает Ю.В. Манн, развитие романтической категории «особенного» [7. С. 304]. С.П. Шевырев в книге резко критикует сторонников философской эстетики, обвиняя их в эстетизме, противопоставляет Россию Западу. Общеизвестно, что в те 40-е гг. XIX в. теорией «гниющего Запада» и «просыпающегося Востока» были вооружены славяно-

филы и ряд представителей «официальной народности» (М.П. Погодин, С.П. Шевырев), которых часто отождествляли. Г.В. Плеханов зачислял последних в славянофилы и называл журнал «Москвитянин» славянофильским органом [16. С. 96]. Сторонниками идеи «гниения Запада» выступали поэты В.Ф. Одоевский, Н.М. Языков и др.

Своему коллеге и наставнику (единый стандартный курс по истории русской словесности для университетов был разработан С.П. Шевыревым на рубеже 30–40-х гг. XIX в.) вторит и адъюнкт-профессор кафедры русской словесности Казанского университета В.А. Сбоев. Как реалист и антизападник, изучающий культуры народов Поволжья в диахронии (по историческим периодам) и обладающий собственным опытом многолетних наблюдений, он подвергает резкой критике очерк А.А. Фукс «Записки о чувашах» (1833, 1840) за обилие в нем «поэтических вымыслов», т.е. необъективных фактов [13. С. 76]. Как известно, в данную книгу вошли письма супруги-романтика и ответы на них супруга-классициста немецкого происхождения. Имея антизападные взгляды, В.А. Сбоев недолюбливал чету Фукс как за поверхностно-романтический стиль в творчестве казанской поэтессы, так и за скептицизм и сухую рациональность ученого «заморского» (немецкого) происхождения. Здесь В.А. Сбоев своей пристрастной критикой показал себя как непримиримый противник романтической эстетики и классицизма. В кругу его друзей и корреспондентов были М.П. Погодин, П.С. Савельев, А.И. Артемьев, известные как ученые-антизападники, а также синолог Н.Я. Бичурин (Иакинф), с которым он сблизился еще в годы учебы в Санкт-Петербургской духовной академии (1829–1833). Последнего в своей книге ученый упоминает с гордостью не только как знаменитого русского сиолога, но и как земляка, уроженца чувашского села Бичурино [13. С. 20]. Фамилия преподавателя Казанского университета занесена в список знакомых монаха Иакинфа с их адресами, она часто встречается в числе отправленных писем к иногородним корреспондентам.

Все эти научные разработки и идейные позиции В.А. Сбоева были восприняты и творчески переработаны его племянником в условиях новой действительности 1860–1870-х гг. Как известно, в 1860-е гг. в результате поражения Российской империи в Крымской войне 1854–1856 гг. и Польского восстания резко возрастает русское национальное сознание, а усиленное стремление к «внутренней» колонизации порождает политику скорейшей русификации колониальных «инородцев», прежде всего среди новокрещеных народов Поволжья. Постепенно правительство убеждается, что путь к их полной ассимиляции лежит через создание миссионерских школ с частичным использованием родного языка учеников. Так зарождается казанская школьная система, названная первоначально именами Н.И. Золотницкого и Н.И. Ильминского. Реакционная часть русского общества, прежде всего чиновники разного ранга и русские священники чувашских приходов, резко нападали на деятелей-приверженцев школы Золотницкого – Ильминского [12. С. 240–243]. В те годы поиск этнической идентичности «инородцев», забота о развитии их письменного языка и литературы причислялись к вредным идеям общероссийской политики и объявлялись как «идеи сепаратизма». Просветителей народов Поволжья недолюбливали и мусульмане Урало-Поволжья. В этих непростых условиях первому инспектору чувашских школ Казанского учебного округа (на данную должность Н.И. Золотницкий был назначен 28 января 1867 г., но по причине долгой болезни уволен с занимаемой должности 17 мая 1871 г. [9. С. 499]) удалось заложить основы чувашской сравнительной филологии и мифологии.

Самые первые этимологические объяснения Н.И. Золотницкого встречаются в работе «По поводу статьи о “Чуваши кнеге”» (1867), которые через одиннадцать лет (в статье «Лингвистическая заметка о названиях Булгар, Биляр и Морквашы», 1878) им вспоминаются как время первых шагов «в сравнительной лингвистике местных наречий» [9. С. 58]. В дальнейшие годы он с помощью сравнительной филологии весьма успешно реконструировал «смысл и обстановку старой веры» народов Поволжья [9. С. 29–30]. Яркий представитель отечественной сравнительной мифологии А.Н. Афанасьев аналогично полагал, что главнейший источник для объяснения мифических представлений заключается в языке [1. С. 26]. Ошибочное утверждение, что у А.Н. Афанасьева нет общего взгляда на явления и нет определенного метода, сам мифолог опроверг таким ёмким определением: «у нас есть и общий взгляд, и метод, основанные на древнейшей связи языка с развитием верований» [1. С. 14]. Наблюдая за происхождением мифов, за их исходным, первоначальным значением, писал ученый, «исследователь постоянно должен иметь в виду и их дальнейшую судьбу» [1. С. 24]. Путем выявления семантики лексем и мифов он стремился изучать корни русского мирозерцания, а также определять отдельные этапы эволюции национального самосознания [1. С. 10].

Подобные лингво(этно)культурологические изыскания были по душе и Н.И. Золотницкому, который, начиная с конца 1860-х гг., все больше и больше стал интересоваться проблемами сравнительной мифологии и этнографии в целом. К тому времени уже были изданы капитальные труды фольклористов-компаративистов А.Н. Афанасьева и Ф.И. Буслаева [3], а в Казанском университете успешно развивалось отечественное востоковедение. В данной высшей школе еще в 1807 г. была образована кафедра восточных языков, на основе которой в 1828 г. созданы две специализированные кафедры: турецко-татарской и арабо-персидской словесности. В последующие годы были открыты кафедры монгольского (1833), китайского (1837), калмыцкого (1846), армянского (1842) языков, а также кафедра санскритологии (1842).

В своих трудах Н.И. Золотницкий часто ссылается на сравнительные исследования отечественных тюркологов и монголоведов, прежде всего Л.З. Будагова, О.Н. Бётлинга и Н.И. Ильминского [9. С.163]. Из зарубежных исследователей он обращает внимание на труды основоположника современного сравнительного финно-угорского языкознания Й. Буденца и венгерского этимолога Армина Вамбери [9. С. 180, 502]. Научной литературой на венгерском языке чувашевед был знаком, скорее всего, через посредство венгерского ученого и путешественника Г. Балинта, который посетил Казань, как можно понять со слов Н.И. Золотницкого, до издания своего «Словаря», т.е. до 1875 г. Вот что писал он по этому поводу: «Слова венгерские вносились в Словарь в том виде, как собственноручно писал их для меня венгерский ученый путешественник от Пештской Академии Габриель Балинт» [9. С. 163–164]. Очевидно, и статьи Й. Буденца, опубликованные в ежегодном журнале на венгерском языке, для Н.И. Золотницкого были переведены вышеназванным путешественником из Венгрии. Именно он, будучи в Казани до 1875 г., мог договориться с Н.И. Золотницким об отправке его труда «Корневой чувашско-русский словарь» в Венгрию, прежде всего для себя, а также для этимолога А. Вамбери. Как известно, в труде А. Вамбери «A török-tatar nyelvek etimológiai szótára» (Этимологическом словаре тюрко-татарских языков) чувашский сопоставительный материал представлен по данной работе Н.И. Золотницкого [8. С. 10].

Далее следует остановиться на проблемах метода изучения мифологических систем поволжских народов, которые впервые разработаны, без сомнения можно утверждать, Н.И. Золотницким. В 70-е гг. XIX в. исследователь застал лишь окончательно разрушенную, сильно трансформированную «старую веру» чувашей и марийцев. Увидев все это, он, как настоящий ученый, выразил твердое убеждение многих прогрессивных людей своего времени: «Нужно спешить с исследованиями, чтобы хоть сколько-нибудь удержать в памяти физиономию этого вымирающего язычества» [9. С. 27]. Торопясь со сбором наличных материалов, по мнению Н.И. Золотницкого, «необходимо в то же время тщательно исправлять вкравшиеся в собранные уже материалы искажения, восстанавливать правильность мифологических названий и точность их значений», т.е. «необходимо по возможности научно реставрировать смысл и обстановку старой веры» [9. С. 27].

Самой главной целью мифолога является, как считал Н.И. Золотницкий, историко-хронологическая реконструкция религиозно-мифологической системы средневековых предков марийцев и других народов региона. Но для этого сначала следует критически изучать имеющуюся литературу об их традиционной религии, в первую очередь тщательно исправлять искажения, восстанавливать правильность (фонетический облик) многих мифонимов и их семантические ряды. Причинами подобных искажений были: 1) типографические и корректурные ошибки; 2) недостаточные лингвистические познания записывающих сообщения информаторов; 3) излишнее доверие к доброкачественности источников и капитальности познаний тех лиц, которые считаются «знатоками» языков этих народов. По мнению Н.И. Золотницкого, последние зачастую руководят исследователем и авторитетно навязывают ему свои субъективные толкования, до которых в самообольщении они «дошли своим умом». Но ученый, мало знакомый с языком и культурой народа, о котором он пишет, не подозревая ошибок в книге, которую он руководствуется, переписывает их к себе с буквальной точностью и этим вводит своих читателей и последователей в дальнейшие заблуждения [9. С. 27–28]. К числу очередных искажений Н.И. Золотницкий относит информацию «образованных инородцев»: «грамотные и особенно начитанные инородцы, относясь к языческим заблуждениям своих единоплеменников с понятным пренебрежением и не имея никакого понятия о значении научной правды, всегда склонны собственными соображениями восполнять пробелы мифологических фактов и самонадеянно выдавать свои объяснения за непреложную истину» [9. С. 29]. Лингвистические познания священников «инородческих» приходов, констатирует ученый, при самом обширном общем образовании, в данном деле остаются всегда односторонними и ограничиваются пределами живой речи, по этой причине такие познания в деле научного объяснения мифологических имен и терминов остаются решительно бессильными.

Другая, не менее важная задача мифолога – это воссоздание отдельных этапов взаимодействия контактировавших этносов в известных средневековых государственных образованиях региона (Хазарского каганата, Волжской Булгарии, Улуса Джучи), в рамках которых происходили диалог разных языков и культур, выделение общего и особенного в картинах мира. «Наиболее широкое развитие черемисская мифология получила в IX и X вв., – завершает Н.И. Золотницкий свою статью о мифологии марийцев, – в цветущий период торговых сношений народов, составляющих Болгарский Союз с народами

Багдадского халифата и при распространении в Булгаре и соседственных местах мухаммеданства так называемыми «сподвижниками пророка» и их последователями, на что указывают многие, перешедшие (через чувашский язык) в названия черемисских божеств персидские и арабские слова, каковы: *сандалик, пигамбар, тўня, кіамат, кўллў* или *кўлем, тэмем, шомем, хрш, нур* и мухаммеданское учение о пути в рай над адскою бездною» [9. С. 44]. Позднее выдвинутую Н.И. Золотницким теорию подтвердил и развил Н.И. Ашмарин, посвятив ей ряд фундаментальных научных работ [2. С. 175–330].

Представляя Н.И. Золотницкого как мифолога-компаративиста, здесь в качестве примера мы намерены привести те мифологические персонажи верхнего пространства, которые в сравниваемых ученым картинах мира (марийской и чувашской) имеют либо общие, либо особенные характеристики или свойства. Основным материалом для подобного анализа послужила его статья «Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис. Из лекций в Казанском миссионерском институте», которая была включена в Ученые записки Казанского университета за 1877 г. и в том же году издана отдельной брошюрой [9. С. 26–44]. Нами также использованы отдельные научные положения из «Приложений» к его труду «Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен» [9. С. 161–303].

Сравнительный анализ пантеона верхнего мира Н.И. Золотницкий начинает с самого главного Бога: его чувашское название *Тора / Тура / Тор*, а марийское – *Юма / Юмо* (орфография Н.И. Золотницкого и других исследователей здесь и далее сохранена). Ссылаясь на В.А. Сбоева, ученый подтверждает его вывод о том, что чувашский теоним принадлежит тюрко-монгольской языковой картине мира, а марийский термин является исконно финно-угорским названием [9. С. 185–186]. Хотя они звучат совершенно по-разному, но из общей картины выделяются тем, что оба не сохранили изначального значения («небо»). По этой причине последнюю семантику в чувашском и горномарийском языках получили слова со значением «облако»: чув. *пўльт* [по современной орфографии *пёлт*]), а горномарийское *поль* или *пйльгом* [9. С. 188]. Семантику «небо» в материальном значении в чувашском языке до XIX в. носила лексическая единица *кăвак* (ср.: *кăвак хуппи* «свод неба», *кăвак сутти* «свет неба», т.е. «зарев») [2. С. 296], но потом ее вытеснило, по мнению Н.И. Золотницкого, общетюркское *пёлт*. В лексике луговых марийцев, как можно понять из словаря В.М. Васильева и З.В. Учаева, в начале XX в. семантику «небо» имело слово *кава* [4. С. 59]. Но наличие в данном словаре другого словосочетания с тем же значением (*каваломыш*: *кава* «небо» + *помыш* «пазуха»), указывает на то, что первоначально *кава* означало не материальное небо, а являлся небесным мифологическим персонажем.

В своей статье Н.И. Золотницкий указал на следующую семантику данной марийской лексемы: *кявя-Кереметь* (в орфографии П.В. Знаменского) «лесной, наиболее чтимый Кереметь» [9. С. 35]. «Имя этого божества у черемис произносится различно, – пишет он далее, – у луговых – *Каба* и *Кава*, у горных – *Кăбă* и *Кăвă*. Но как странна судьба этого божества в толкованиях о нем разных исследователей! У одних оно значит в числе главных горных богов и называется *Юма*, а г. Знаменскому представили его в числе дольных кереметей» [9. С. 35].

Как пересказывает Н.И. Золотницкий объяснения А.А. Фукс в ее книге «Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии» (Казань, 1840), один луговой *карт* (жрец) не мог назвать этого бога по-русски, но сказал ей, что «*Каба-Юма* –

первый святой у Юмгы». Другой луговой же жрец (*тюле-гарт*) объяснил, что «Каба или Кава – ангел, пред Юмой стоящий» [9. С. 35]. В статье А.Н. Филимонова «О религии некрещеных черемис и вотяков Вятской губернии» (Вятские епархиальные ведомости. 1868. № 8, 11; 1869. № 7, 8, 21) написано, что «Кава-Юмо бережет ниву и дает все богатство вообще». В луговомарийском словаре А. Канцеровского ученому случилось прочесть, что «Кава – первый ангел бога жизни и пчелиная большая матка» [9. С. 35]. Там же в сноске он приводит слово *kava* из «Черемисского словаря» Й. Буденца (*Cseremis szótár Vocabularium čeremissicum. J. Budenz. Pest. 1866*), которое в переводе на венгерский и латинский языки означает «чрево, брюхо, живот» [9. С. 494].

На основе выделения ряда семантик и определения примерного ареала распространения их в Марийском крае, а также путем сравнения с чувашским вариантом данного божества (*Кебе*) Н.И. Золотницкий подводит читателя к выводу, что оно «управляет судьбами человеческого рода» [9. С. 35]. По его определению, интерпретирует он записанное в 1785 г. землемером Мильковичем предание, чувашский небесный дух *Пүлүх*, *Пүлүхси* (мар. *Пүлүкше*, *Пүрүкшă*) раздавал людям счастливые или несчастные жребии, богатство или скудость земных благ, а дух *Пигамбар* (мар. *Пигамбар*, *Пиамбар*) – душевные качества и пророческие видения знахарям. По мнению ученого, именно по этой причине в молитвословиях нередко произносятся так: *Ах Тора*, *ах пүлүх* «Ах Боже, ах податель» (чув.), *Кăбă пуэрша* (горномар.), *Кава пуюршо* (луговомар.) «Судьба подательница». На этом общем фоне выделяется мифология горных мари: там есть дополнительное отдельное божество *Вуйюма* (дословно «бог головы») примерно с таким же значением [9. С. 39].

Сегодня можно углубить этимологическую глубину и более или менее упорядочить иерархическую подчиненность вышеупомянутых персонажей. Еще Н.И. Ашмарин отмечал, что *Кава/Каба* в народных религиях марийцев и чувашей теснейшим образом связано с женщиной-матерью и татарским словом арабского происхождения *Кәзъбә* «Кааба» (у поволжских народов есть поговорка, что мать священна как *Каба/Кебе* [2. С. 242–243]). Но первоначально (до вхождения в диалог с исламом) данный мифологический персонаж, подобно древнетюркскому *Умай*, являлся супругой Бога-неба и покровителем рожденных детей. Тогда данный мифоним имел, скорее всего, булгаро-чувашский фонетический облик: *Кёле* «рубаха», «послед» или же *Кăвала* «пупок, пуповина» [11. С. 238–239], а в золотоордынский или же казанский периоды он обрел форму *Кэбэ* (написано по звучанию). Супруга чувашского *Турă* управляла «землей-водой» и отвечала за судьбу и здоровье детей. Слово *умай/ымай* в языках некоторых тюркских народов тоже означает «послед», «душа грудного ребенка» [11. С. 239]. Таким образом, названия жен Богов в мифологии тюркских народов (сибирских тюрков и чувашей), а также марийцев имеют следующие первичные семантики: «послед», «пупок», «материнское чрево» и «душа новорожденного». В марийской мифологии *Кава* тоже уподоблялась материнскому чреву, она являлась покровителем новорожденных детей (> маткой пчел). В чувашских текстах, записанных в XVIII в., имеются локальные варианты, объясняющие семантику данного термина (фактически их можно назвать эпитетами): *Сут санталăк суратанкă*, *Сут тёнче*, *Суратан* «Родившая светлый мир». Ученым хорошо известно, что семантически устаревшие мифонимы не вытеснялись новыми названиями, а, как правило, лишь сдвигались в более низшие ряды пантеона.

По иной модели сложился удмуртский мифологический персонаж *Кылдысин* < *кылдйсь* «создающий, творящий, оплодотворяющий» + *ин* «жена, женщина, свекровь, matka, самка» [6. С. 181]. По предположению В.Е. Владыкина, данный мифоним первоначально мог обозначать плодоносящую, творящую женскую силу. Позднее это божество превратилось в *Му-Кылчин* а «божество земли». Удмурты Кылдысину молились под березой, пригодность жертвы определяли именно через березовые ветки. Последнюю метаморфозу Кылдысина В.Е. Владыкин определяет как его слияние с верховным божеством Инмаром или даже как его замену, вытеснение последним: *Инмар* > *Кылчин* [6. С. 182]. Если развитие данного образа происходило действительно в такой последовательности, то его нужно считать особенностью эволюции удмуртской «богини». Марийское же мифотворчество пошло по пути вхождения в диалог с болгарской народной мифологией (*Кебе* > *Кава* как супруга *Юма / Юмо*), но к началу XX в. данный мифоним у луговых марийцев приобрел совершенно другую семантику и стал означать «материальное небо».

Между марийскими и чувашскими мифологическими персонажами Н.И. Золотницкий находит и другие параллели. Из них наиболее приближенным к Верховному богу персонажем является «бог здешнего мира» (лугово-марийский *Тўня-Юмо*, горномарийский – *Тўня-Юма*, *Тўнча-Юма* и *Сот-тўня-Юма*, чувашский – *Тўнчи-Тора*, *Сьут-тўнчи-Тора*) [9. С. 38]. В более ранней работе ученый полагал, что в марийской мифологии непосредственно за *Кого-Юма* следует *Сандалькам-кучэн-урдаша* «правитель вселенной» (лугово-мар.) [9. С. 506]. Через несколько лет он уточняет, что последний мифоним, а также *Мер-юмо*, *кого-мер-юмо* у вятских марийцев по значению полностью соответствует чувашскому *Тўнчи-тора* [9. С. 38]. Вариативность названия марийского персонажа он объясняет сильным воздействием христианства.

Есть основание полагать, что первичная семантика данного мифонима раньше была несколько ближе к понятию «праматерь». Если *Кебе* являлась матерью всего живого на земле и под землю, то «Мать *сут тёнче*» уподоблялась праматери вселенной, космоса. Не случайно в записях Н.И. Ашмарина встречается подобный мифоним: *Пётём тёнчене суратнă ама* «Праматерь, породившая весь мир» [2. С. 235]. Не она ли упомянута в армянской хронике М. Каланкатуации о северокавказских хазар (685 г.) под именем *Куар* «божество молнии (огня)» [11. С. 238] (огуро-болгарское *kōōr > чувашское *kōjūr > *kāvar* «горящие уголья» [10. С.142])? В древности именно молния считалась порождающей «горящие уголья», т.е. пожары (чувашское *вут-кăвар*). По представлению чувашей, в домашнем очаге обитала *Вут ама* «Мать огня» (сравните марийское *тул ава юмо/толя-кого-юма* в том же значении [9. С. 41]), которая оберегала родовое имущество от огня чужих родов.

На первоначальную семантику мифонимов *Пўлѣхсѣ* (мар. *Пўлѣхше/Пўрѣхшă*, *Пўрышо*) и *Пихампар* (мар. *Пигамбар*, *Пиамбар/Пиямбар*) указывают их этимологии. Н.И. Золотницкий считал, что происхождение первого мифонима марийцев следует связать с чувашским глаголом *пўл-* «разделять» > *пўлѣх* «разделитель» [9. С. 41]. Н.И. Ашмарин писал: «... не означает ли первоначально слово *пўлѣх* удела в смысле владений тех подчиненных болгарских ханов, рассказы о которых мы встречаем у Ибн Фадлана, откуда путем метонимии это слово было перенесено на самого феодала и потом перешло в область народных верований наряду с другими наименованиями этого рода» [2. С. 182–186]. Первоначально *пўлѣхсѣ* имело значение «человек, наде-

ляющий земельными угодьями», оно идентично термину *Ѕёрти патша* «Наместник *Турă* на земле» [11. С. 239]. В пантеоне чувашских богов Мильковича *Ѕёрти патша* стоит сразу после родителей *Турă*, а словосочетание *Турă-Пӱлӗх(сь)* указывает на примерную равнозначность этих двух теонимов (позднее изменение). Этимологию *Пихампар* Н.И. Золотницкий выводит из персидского языка: *пейгам* «весть» и *бӱрден* «нести», семантика которого впоследствии сильно трансформировалась. В чувашской мифологии второй половины XIX в. он имел значение «покровитель и защитник домашнего скота от волков», а у луговых и вятских марийцев – «помощник жреца (*карта*)», «великий пророк», «помощник верховного бога» [9. С. 41]. Следовательно, семантику данного названия в обеих мифологических системах следует отнести к поздно образовавшимся особенностям.

Итак, основные мифологические персонажи верхнего мира марийцев и чувашей имели такую иерархию: 1. *Турă/Юмо* «Верховный бог». 2. *Келе/Кава* «супруга чувашского *Турă*, управляет “землей-водой” и отвечает за судьбу и здоровье детей, покровитель детей». 3. *Тёнче суратан* (марийский персонаж имеет много вариантов названия) «Праматерь, породившая весь мир, Вселенную». 4. *Пӱлӗхсьӗ/Пӱлӱкше/Пӱрӱкшӗ, Пӱрышо* «Наместник Бога на земле». 5. *Пихампар / Пиямбар* «помощник Бога, управляющий животным миром на земле». В результате соприкосновения с мировыми религиями, прежде всего с христианством, их первичные семантики сместились в сторону более узкого распределения обязанностей. Например, персонаж, управляющий земным и водным (средним) пространством, со временем расщепился, следует полагать, на ряд узко специализировавшиеся божества. На такую особенность указывали как Н.И. Золотницкий, так и его предшественник В.А. Сбоев [13. С. 79].

В конце статьи еще раз следует подчеркнуть, что В.А. Сбоев и Н.И. Золотницкий являются первыми в Чувашском крае крупными мифологами-компаративистами, исследования которых не утратили своего значения до настоящего времени.

Список сокращений названий языков

горномар. – горный диалект марийского языка;
луговомар. – луговой диалект марийского языка;
мар. – марийский;
чув. – чувашский.

Литература

1. *Афанасьев А.Н.* Древо жизни: Изб. статьи / Подготовка текста и коммент. Ю.М. Медведева, вступит. статья Б.П. Кирдана. М.: Современник, 1983. 464 с.
2. *Ашмарин Н.И.* Чувашская народная словесность: Исследования. Автобиография, воспоминания. Письма / сост. В.Г. Родионов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 430 с.
3. *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. Русская народная поэзия. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1861. 643 с.
4. *Васильев В.М., Учаев З.В.* Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2003. 296 с.
5. *Вишнеевский В.П.* Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии. Казань: Тип Казан. ун-та, 1836. 248 с.
6. *Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
7. Возникновение русской науки о литературе: коллективная монография. М.: Наука, 1975. 464 с.
8. *Дмитриева Ю., Адягаша К.* Hungaro-tschuwasschica. Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. 240 с.

9. Золотницкий Н.И. Изб. труды: статьи, лингвистические исследования, словари, письма, отчеты, разные документы / сост. В.Г. Родионов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 528 с.

10. Лигети Л. Долгие гласные в тюркских языках // Исследования венгерских ученых по чувашскому языку: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 133–143.

11. Родионов В.Г. Проблемы реконструкции древнечувашской мифологической модели мира // Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 8 октября 2015 г.) / ЧГИГН. Чебоксары, 2016. С. 236–244.

12. Родионов В.Г. Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике / ЧГИГН. Чебоксары, 2017. 324 с.

13. Сбоев В.А. Заметки о чувашах. Исследования об инородцах Казанской губернии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 142 с.

14. Топорков А.Л. Вклад славянских филологов XIX века в разработку теории мифа // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов: доклады рос. делегации XII Междунар. съезда славистов (Краков, 1998). М.: Наследие, 1998. С. 382–395.

15. Федотов М.Р. Исследователи чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 84 с.

16. Янковский Ю. Патриархально-дворянская утопия. М.: Худ. лит., 1981. 373 с.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vitrod1@yandex.ru).

V. RODIONOV

VASILY SBOEV AND NIKOLAI ZOLOTNITSKY AS MYTHOLOGISTS-COMPARATIVISTS

Key words: *general and special, world-picture, hierarchy of gods, Volga region peoples, comparative mythology.*

Adjunct Professor of the Kazan University V.A. Sboev (1810–1855) successfully reconstructed the hierarchy of the Chuvash deities of the upper world; in a comparative aspect he studied a number of characters in the mythology of the Volga region peoples. N.I. Zolotnitsky (1829–1880) was first compared the Pantheon of Mari and Chuvash mythological characters. As the scientist considered, the main goal of the mythologist is the historical and chronological reconstruction of traditional religious and mythological systems of the Volga-Ural region peoples. Studies of the above-mentioned scientists show that historical changes and contact connections formed both general and special in the mythological world-picture of the Volga region peoples. V.A. Sboev allowed the emergence of the Chuvash religion on the basis of the opposition of good and evil principles (Zoroastrism) in the era of the Khazar Khaganate. N.I. Zolotnitsky believed that the Bulgar and Mari mythological parallels were formed at the end of the first millennium AD. According to scientists, the main mythological characters of the upper world of Mari and Chuvash peoples in the Middle Ages had the following hierarchy: 1. Tura / Humo «Supreme God». 2. Kepe / Kava «the Wife of the Chuvash Tura, who controls the «land-water» and is responsible for the fate and health of children, the patron of children.» 3. Tenche curatan (Mari character has many variants of the name) «Foremother who gave birth to the whole world, the Universe.» 4. Pylekhce / Pylykshе / Pyryksha, Pырyshо «Vicar of God on the Earth.» 5. Pikhampar / Piyambar «God's assistant, who controls animal world on the Earth.» As a result of close contact with the world religions, especially Christianity, their primary semantics have shifted towards a narrower distribution of responsibilities. The character, which controls the earth and water (middle) space, eventually split into a number of narrowly specialized deities. This feature was pointed out by both N.I. Zolotnitsky and his predecessor V.A. Sboev. Their works form the basis of the Chuvash comparative mythology of the second half of the XX century and undoubtedly remain valuable material for modern researchers engaged in the reconstruction of mythological systems of the Ural and Volga region peoples.

References

1. Afanas'ev A.N. *Drevo zhizni: Izb. stat'i* [The Tree of Life: Selected Articles]. Moscow, Sovremennik Publ., 1983, 464 p.

2. Ashmarin N.I. *Chuvashskaya narodnaya slovesnost': Issledovaniya. Avtobiografiya, vospominaniya. Pis'ma* [Chuvash folk literature: Research. Autobiography, memories. Letters]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2003, 430 p.

3. Buslaev F.I. *Istoricheskie ocherki russkoi narodnoi slovesnosti i iskusstva. T. 1. Russkaya narodnaya poeziya* [Essays of Russian folk literature and art. Vol. 1. Russian folk poetry]. St. Petersburg, Obshchestvennaya pol'za Partnership Publ., 1861, 643 p.
4. Vasil'ev V.M., Uchaev Z.V. *Mariisko-russkii slovar'* [Mari-Russian dictionary]. Yoshkar-Ola, Mari El Publ. House, 2003, 296 p.
5. Vishnevskii V.P. *Nachertanie pravil chuvashskogo yazyka i slovar', sostavlennoye dlya dukhovnykh uchilishch Kazanskoj eparkhii* [An outline of the rules of the Chuvash language and a dictionary compiled for the theological schools of the Kazan diocese]. Kazan, Kazan University Publ., 1836, 248 p.
6. Vladykin V. E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious and mythological picture of the world of Udmurts]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1994, 384 p.
7. *Vozniknovenie russkoi nauki o literature: kolektivnaya monografiya* [The emergence of Russian science of literature: a collect. monograph]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 464 p.
8. Dmitrieva Yu., Adyagashi K. *Hungaro-tschuwaschica. Annotirovannyi bibliograficheskii ukazatel' issledovaniy vengerskikh uchenykh XIX–XX vv.* [Hungarian Chuvash studies. Annotated bibliographic index of research by Hungarian scholars of the 19th – 20th centuries]. Cheboksary, 2001, 240 p.
9. Zolotnitskii N.I. *Izb. trudy: stat'i, lingvisticheskie issledovaniya, slovari, pis'ma, otchety, raznye dokumenty* [Selected works: articles, linguistic research, dictionaries, letters, reports, various documents]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2007, 528 p.
10. Ligeti L. *Dolgie glasnye v tyurkskikh yazykakh* [Long vowels in the Turkic languages] *Issledovaniya vengerskikh uchenykh po chuvashskomu yazyku: sb. statei* [Studies of Hungarian scholars in the Chuvash language: Collect. papers]. Cheboksary, 1985, pp. 133–143.
11. Rodionov V.G. *Problemy rekonstruktsii drevnechuvashskoi mifologicheskoi modeli mira* [Problems of reconstruction of the ancient Chuvash mythological model of the world] *Mifologiya chuvashei: istoki, evolyutsiya i kul'turnye vzaimosvyazi: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Chuvash mythology: origins, evolution and cultural relationships: materials of the Interregional Scientific and Practical Conference]. Cheboksary, 2016, pp. 236–244.
12. Rodionov V.G. *Chuvashskii etnos: issledovaniya po etnologii i mifopoetike* [Chuvash ethnos: research on ethnology and mythopoeitics]. Cheboksary, 2017, 324 p.
13. Sboev V.A. *Zametki o chuvashakh. Issledovaniya ob inorodtsakh Kazanskoj gubernii* [Notes on the Chuvash. Research on the foreigners of the Kazan province]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2004, 142 p.
14. Toporkov A.L. *Vklad slavyanskikh filologov XIX veka v razrabotku teorii mifa* [The contribution of the Slavic philologists of the XIX century in the development of the theory of myth] *Slavyanskije literatury. Kul'tura i fol'klor slavyanskikh narodov: XII Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Doklady Rossijskoj delegatsii* [Slavic literature. Culture and folklore of the Slavic peoples: XII International Congress of Slavists. Reports of the Russian delegation]. Moscow, Nasledie Publ., 1998, pp. 382–395.
15. Fedotov M.R. *Issledovateli chuvashskogo yazyka* [Researchers of the Chuvash language]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1987, 84 p.
16. Yankovskii Yu. *Patriarkhal'no-dvoryanskaya utopiya* [The patriarchal nobility utopia]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981, 373 p.

RODIONOV VITALIY – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chuvash Philology and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vitrod1@yandex.ru).

Формат цитирования: Родионов В.Г. Василий Сбоев и Николай Золотницкий как мифологи-компаративисты // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 148–159.

УДК 93/94
ББК 63.5

А.К. САЛМИН

ПЕРВОИСТОЧНИКИ О ЧУВАШАХ В ФОНДАХ АРХИВОВ И МУЗЕЕВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Ключевые слова: архивы, музеи, первоисточники, рукописи, история, этнография.

Статья представляет собой авторский проект подготовки рукописи для последующей публикации в книжном и электронном формате «Свод первоисточников о чувашах: фонды архивов и музеев Санкт-Петербурга» (≈ 30 а.л. + иллюстрации), который включит в себя архивные документы на русском, чувашском, немецком и латинском языках по истории, этнографии и культуре чувашей, каталог музейных чувашских коллекций Санкт-Петербурга, научный комментарий, изображения выборочных музейных предметов и архивных иллюстративных документов. В сборнике будут отражены три группы источников: текстовые документы, иллюстративные документы (фотографии, карты, рисунки и т.д.), предметы. Временной диапазон источников – XVIII–XX вв.

Актуальность предлагаемого проекта обусловлена обширностью и разрозненностью источников о чувашах по фондам многочисленных архивных и музейных учреждений. Проект включает сбор и систематизацию сведений из основных музеев и архивов Санкт-Петербурга, в числе которых – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Российский этнографический музей, Российский государственный исторический архив, Архив Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Архив Института истории материальной культуры РАН, Архив Института восточных рукописей РАН, Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН, Архив Русского географического общества, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Архив Государственного музея истории религии. Подобного рода свод подготавливается впервые и удовлетворяет насущную потребность создания новых информационных ресурсов по материалам архивных и музейных фондов. Научно выверенная публикация архивных и музейных первоисточников в их аутентичном виде носит фундаментальный характер, является более эффективной и полезной, чем написание монографии на основе комплекса выявленного материала. Только в этом случае вместо интерпретационных выводов отдельных ученых каждый исследователь получит в свое распоряжение первичный историко-этнографический материал и возможность построения самостоятельной научной теории.

Целью обозначенного проекта является проведение изысканий доступных источников о чувашах (по этнографии, истории, религии, фольклору, языку, археологии, антропологии, искусству, просвещению, земледелию, статистике, цензуре и т.д.) в фондах архивов и музеев, расположенных в г. Санкт-Петербург. Актуальность работы продиктована отсутствием аналогичной работы и необходимостью обеспечения научных, архивных и музейных работников наиболее полным каталогом-описанием жизни и быта чувашей. Острую нужду в таком каталоге особенно ощущают исследователи, проживающие вне Санкт-Петербурга, которые из-за материальных трудностей не могут часто бывать и долго находиться в северной столице. Тем более, что, даже зная номер фонда и название дела, часто невозможно предположить наличие нужного материала в обследуемом томе, пока не ознакомишься с ним полностью. К тому же ни один из архивов г. Санкт-Петербург не имеет специального каталога, где можно было бы получить исчерпывающую информацию о чувашах, см., например [2]. Попытки составления этнических и региональных каталогов по музеям и архивам Санкт-Петербурга были. Однако ни один из них не имеет прямого отношения к разрабатываемой теме. Наиболее близким можно назвать «Каталог-указатель (краткое описание коллекций отдела

этнографии народов Поволжья и Приуралья Государственного музея этнографии народов СССР)» [1]. Неполные сведения о чувашах по архиву Русского географического общества встречаются в издании Д.К. Зеленина «Описание рукописей Ученого архива Русского Географического общества» [3]. Определенный задел по теме имеется у автора [5–9]. В МАЭ РАН успешно функционирует издательская серия «Кунсткамера – архив». Здесь публикуются оставшиеся после авторов рукописные труды сотрудников. Таким образом увидели свет монографии африканистов Ю.К. Поплинского и В.М. Мисюгина, кавказоведа Л.И. Лаврова, сибироведов Е.Д. Прокофьевой и Н.П. Дыренковой, историка науки А.М. Решетова. Положительный опыт имеет Институт этнологии и антропологии РАН. В Архиве этого института оказалось огромное число фотоматериалов. Учитывая большую научную ценность архивных материалов, академик РАН В.А. Тишков получил грант от Фонда Форда на модернизацию и создание электронного фотоархива института. Этот проект сейчас завершается, его результаты приносят значимые открытия.

В случае исполнения представляемого проекта научные работники со всех регионов России и мира могут, не выезжая на место, заказать копии нужных дел. Помимо чувашей, в названиях дел, вошедших в настоящий каталог, встречаются сведения о мордве, марийцах, татарах и удмуртах.

Автором начиная с 1979 г. обследуется большинство архивов г. Санкт-Петербург. Настоящий каталог-описание включает архивные источники и музейные коллекции следующих учреждений: архива Российского этнографического музея, Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамеры) РАН, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН, Института истории материальной культуры РАН, Архива Института восточных рукописей РАН, Института истории РАН, Российского государственного исторического архива, архива Русского географического общества, отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербург и Центрального государственного архива кино-, фото-, фонодокументов. Помимо составления каталога рукописей ставится цель описания коллекций МАЭ РАН и Российского этнографического музея, содержащих предметы быта, религии и этнографии чувашей. Как видим, в каталоге будут отражены три типа источников: рукописи, предметы и фотографии.

Как правило, каталог составляется автором *de visu*. Диапазон временно-го охвата – 300 лет: с XVIII по XX в. В каталоге отражены фонд, опись, номер дела, содержание рукописи, карты, предметы или фотографии, год фиксации источника, количество листов в деле. Иногда дата фиксации рукописи или предмета определена автором, в таких случаях год указывается в квадратных скобках. В случаях, когда название дела слишком длинное, дается только его начало, а вместо продолжения ставится многоточие. Все приводимые выписки, аннотации, изложение краткого содержания и комментарии даются сразу же после описания единицы хранения в квадратных скобках. В некоторых случаях автор-составитель счел нужным давать тексты почти полностью. В таких случаях выписки являются точными копиями оригиналов. Только в исключительных случаях явные орфографические нюансы даются в соответствии с современными грамматическими правилами (например, «заблаговременно», «не вступать» вместо «за благовременно», «невступать»). В выписках листы указываются в круглых скобках. Каталог-описание снабжен также образцами копий рукописей и фотографий.

Огромную ценность «Каталога-описания» представляют описи, составленные по итогам антропологических экспедиций в Чувашскую АССР. Например, коллекция, поступившая в 1927 г. от Государственной академии истории материальной культуры в МАЭ РАН в дар. Вещи – из раскопок П.П. Ефименко в 1926–1927 гг. Местность – ЧАССР, могильники Абашевской культуры, степной культуры эпохи бронзы, IV–VI вв. н.э. и чувашские могильники XVII–XVIII вв. Состав коллекции – неполные костяки с черепами и без черепов, отдельные черепа и кости. Из отчета проф. П.П. Ефименко видно, что некоторые городища, лежавшие на пути маршрута экспедиции, почти не обнаружили следов жилья. Находки на них, по признанию руководителя экспедиции, были при самой систематической разведке всегда скудны и случайны. В большинстве случаев они представляли собой обломки глиняной посуды грубой формовки и обжига, не имеющей орнаментов, а также монеты XVIII и XIX вв. Нахождение последних П.П. Ефименко связывал с *киреметищем*, некогда существовавшим на этих городищах. Городища этого типа встречаются нередко в самых глухих, лесистых, недоступных местах по ручьям и мелким притокам более крупных рек края. По мнению П.П. Ефименко, они являлись временными убежищами на случай военной опасности и оставлены оседлым чувашским населением в эпоху до продвижения русских в Поволжье, т.е. до XVI в. Выяснение времени появления и распространения городищ этого типа тесно связано с вопросом о расселении чувашского народа. К сожалению, коллекция до сих пор не изучена.

В редких случаях имеются публикации приводимых архивных оригиналов. Для примера возьмем дневник И.И. Лепёхина, хранящийся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. В оригинале написано: «От деревни Якушкиной ехали мы до чувашской деревни Малыклы Новая, которая от Якушкиной отстоит восьми верстами... По приезде нашего обоза отправились мы далее, и около половины дня приехали в чувашскую деревню Салаван, которая от Сентемира отстоит 10 верст» [10. Л. 51, 53]. В книге И.И. Лепёхина: «От деревни Якушкиной ехали мы до Чувашской деревни Малыклы новой, которая от Якушкиной отстоит в 8 верстах... При обеде приехал наш обоз, и мы поблагодарив хозяина за угощение отправились в Чувашскую деревню Салаван, отстоящую в 10 верстах» [4. С. 121, 129]. Таким образом, в книге помимо нюансов опущена информация о деревне Сентемир на одноименной речке, что в Ставропольском уезде Симбирской губернии. Конечно, в соответствии с изучаемой темой из источника взяты только эпизоды, касающиеся чувашей.

Каталог-описание содержит оригинальные источники по истории чувашей в широком смысле. Здесь – сведения о путешественнике Д.Г. Мессершмидте, академике П.С. Палласе, архитекторе П.Е. Егорове, сиологе Н.Я. Бичурине, тюркологе – исследователе чувашского языка академике РАН В.В. Радлове, просветителе И.Я. Яковлеве, археологе и антропологе П.П. Ефименко и о многих замечательных личностях.

Можно было бы на основе комплекса выявленного, скопированного и конспектированного материала написать монографию. Но автор статьи считает, что публикация архивных первоисточников в таком виде, как есть – намного эффективнее и полезнее. Ведь монография – это мнение отдельного исследователя, а на основе публикаций архивных первоисточников каждый исследователь может высказать свою точку зрения.

Естественно, первоисточники, которые будут приводиться в проекте, говорят сами за себя. Так, в начале 1941 г. И.А. Анисимов-Патмар из д. Яманакки ЧАССР присылает в Институт этнографии счетные бирки, предназначенные для сбора податей. От имени Института собирателю ответил Д.К. Зеленин. В частности, в письме Д.К. Зеленин отметил: «Все, что касается культуры чувашского народа в его прошлом и настоящем, все это чрезвычайно интересно наш Институт» [11. Л. 23]. А Т.С. Пассек и Б.А. Латынин из экспедиции по Чувашии докладывали Н.Я. Марру: «Каждое новое место, особенно деревеньки поглуше, дает бесконечное количество интереснейшего материала. Чувашей в целом, со всей обстановкой, в которой они живут, нужно было бы поместить в Музей, и хранить за стеклом. Под слабым налетом современного и недавнего прошлого, они живут своей, глубоко архаической, жизнью. Не знаем, ходит ли центральный исполком, но волостная и по сей день ходит к Керемети. Думаем, что после поездки нам в работе над Поволжьем, многое будет яснее и легче» [12. Л. 20б.]. Действительно, так. Например, при анализе тех или иных аспектов истории и этнографии народа исследователи стараются следовать первоисточникам и оригинальным мыслям, высказанным предшественниками. В конце концов, цитирование – это обращение к оригиналу, тем более, если это – первоисточник.

В качестве образца предлагаются небольшие выписки из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1917 г.). Д. 30 – Комиссия по исследованию племенного состава населения России: Т. II. 1917–1920 гг. – 410 л.

«Н. Бобровников:

Чуваши проживают в 27 уездах, причем в 3 составляют большинство населения...

Но одно из этих племен (чувашей, черемисов и вотяков. – А.С.) не имеет прочно установившихся признаков в отношении языка и вероисповедания не только на пространстве всей территории, занятой племенем, но часто даже в пределах одного уезда. Все эти племена находятся в период очень оживленной метизации между собою и с русскими, которые живут во всех без исключения уездах в значительном числе. Слияние происходит в области вероисповеданий и языка. Переводческой комиссией давно установлено, что при развивающихся отношениях с татарами и русскими, чисто финские или тюрко-финские племена довольно быстро меняют свой язык на татарский; труднее и медленнее усваивают язык русский... В Приволжском крае есть значительные районы, где живут “новые” татары и башкиры из чуваш, черемис, вотяков; есть районы, где живут башкиры, мещеряки, тептяри, еще не вполне утратившие, под влиянием татар, свои языковые особенности» [Л. 178].

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2247 – [Каталоги всем вещам и книгам, которые на пожаре 5 декабря 1747 г. в Кунсткамере сгорели. 1748 г.]. – 120 л.

«В Канцелярию Академии наук

Репорт.

По силе учиненного в Канцелярии Академии наук определения от 11 декабря прошлого 1747 году велено из всех Академических департаментов, и в том числе от Библиотеки и Кунсткамеры в наискорейшем времени подать репорты, что наших вещей в приключившейся того декабря 5 числа

в Академических палатах пожаре утратилось, и что налицо находится. Того ради при сем прилагаю обстоятельную ведомость как о книгах, так и о вещах, которые в Библиотеке и Кунсткамере сгорели, утратились и повреждены, выключая минеральной и раковинной кабинеты, которые при выносе весьма перемешаны, и для того как к разбору, так и к точному показанию в них утраты не малого времени и труда требуют. При сем же прилагаю и старые каталоги всем книгам и вещам, которые до помянутого пожара в Библиотеке и Кунсткамере находились, причем подчеркнутые красными чернилами нумеры и прописки [Л. 1] теми же чернилами на поле значат вещи, кои сгорели и утратились, а зелеными вещи, которые повреждены и изломаны. И таким образом Канцелярия Академии наук как из обстоятельной моей ведомости, так и по старым каталогам всю приключившуюся Кунсткамере и Библиотеке Ея Императорского Величества утрату, и что после пожара на лицо осталось точно усмотреть может.

[Собственноручно:] Ассессор и унтер-библиотекарь Иван Тауберт.

Июля дня 1748 году. [Л. 1об.]

Реестр

всяким азиатским и китайским и индейским вещам також платье уборам оружие идолам и протчему от восточных и северных народов, что во время бывшего декабря 5 числа 1747 году в академических палатах пожара в Кунсткамере сгорело... [Л. 66]

Шкап IX

16. Чулки татарские...

Шкап X

53. Платье бабье мордовские

54. Кафтан брацких татар жолтой вышитый синею и красною шерстью

55. Платье черемисина бабье холстинное красным шолком шитое

56. Кафтан татарской суконный с узорами синими, зеленым и красным

57. Татарский армяк китайскою подложен

58-62. Фаты черемисские, мордовские и чувашские [неразборчиво] называемые

63-66. Четыре платка разных татарских народов

67. Портки черемисские холщовые

68. Чулки татарские

69. Пояс татарской [неразборчиво] называемой

70. Такой же разноцветным шолком вышитой

71. Пояс татарской шерстяной

72. Пояс красной суконной, на котором травы свинцом вышиты [Л. 67об.]

73. Кичка лопарская из птичьих перьев

74. Запьястье лопарское с разноцветными суконными брыжами из кожи

75. Шапка, какую носят повары турецкого салтана

76. Шапка турецких дервишов [неразборчиво]

79. Серги с жестяными бляшками...

87. Убор головной мордовских жен тонкими свинцовыми бляшками и бисером украшенной...

Шкап XI ... [Л. 68]

100. Синяя чувашская шапка с серебряною маковскою... [Л. 68об.]

III. Идолы, статуи и другие подобные фигуры

Шкап XIV

4. Ящичек, в котором стоят два идола деревянные лоскутьями холстиными обвитые с прорезною крышкою, сквозь которую видны головы оных идолов

7. Идол из разноцветных лоскутков, сшитой, к которому пришит жгут наподобие змия из шелковой материи мишурую вышит... [Л. 70]

15. Идол ис пестреды сшитой [Л. 70об.]

Шкап XXII

65. Семь кусков каменных разноцветных вырыты на кладбище в разоренном месте в Булгарии [Л. 85]

Из прибавочных по напечатании каталога

В шкапе X

145. Десять татарских скатертей [Л. 98]

146. Головной убор мордовских женщин с бисером с змеиными головками с шелехами с медными колокольчиками и с пронисками [Л. 98 об.]».

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 106. Д. 153 – Канцелярия и Комиссия АН: Доношение из Ставропольской канцелярии. Географические известия по городу Ставрополю и его уезду. 1764 г. – 11 л.

«В Ставропольском уезде (Симбирской губернии. – А.С.) жители находятся 1) дворцовые и государственные [Л. 10] ясашные и помещиковые русские крестьяне 2) из мордвы... чуваш новокрещен и оставшие вне... мордва и чуваша 3) мухамедана государственные ясашные и приписные к адмиралтейству служилые татары и чуваша 4) вступившие во святое крещение низовья во... приходящиеся в подданстве Ея Императорского Величества... 5) ...и святое крещение воспринявшие персиане, кызылбаше, армяне, бухарцы, трухменцы и прочие... и все означенных званен иноверец в православном закон вступа... в разные годы кому накои случаи говорил... время из оставшихся в идолопоклонстве мордву и чуваша именованя своего исчисления времени не знает, а в год двенадцать месяцев считает в месяце слагает четыре... происхождение свое читает... уездов назад... лет... Христа за бога не признавает... [Л. 10об.] как видно много богов мнят ибо... держатся того что де предки их так чинили и будто коему народу язык... Как в землю тело зароет то поставя на том месте столб... пиво и мед льет а хлеб и мясо оставляет на могиле. По прошествии же года...

Подписи: М...анна... Малахов

Иван Саблуков Козма...» [Л. 11].

СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 1 (1921–1929). Д. 23 – Яфетический институт АН СССР: Отчет о чувашской экспедиции и др. 1926 г. – 109 л.

«Академия наук СССР

Яфетический институт

В Академию наук СССР

5 мая 1926 г.

№ 29

На экспедиции ЯИ в Чувашскую Республику ассигновано Академией 1400 р. В виду того, что в мае месяце предположено начало работ Института по комплексному лингвистическо-антропологическому исследованию чуваш, прошу выписать на мое имя аванс на расходы по экспедиции в сумме

500 р. В начале мая на место работ выезжает антропологический отряд экспедиции под общим руководством Б.Н. Вишневецкого, в составе науч. сотр. II кат. МАЭ Григ. Иван. Петрова и студента-антрополога Григ. Дмитр. Семенова (из чувашей), причем Г.И. Петров имеет дополнительное особое этнографическое поручение от МАЭ и по вотнякам. По языку в первую очередь выедут на работы 3 чуваша-аспиранта ЯИ тт. Золотов, Матвеев и Тимофеев.

Директор Института Н. Марр [Л. 27].

Академия наук СССР

Яфетический институт

7 мая 1926

№ 31

В Академию наук СССР

Прошу выдать командировочное удостоверение от Академии ниже-следующим людям, выезжающим к месту работ организованной ЯИ экспедиции в Чувашской Республике: ...

4) аспиранту ЯИ Фед. Тим. Тимофееву в Чувашск. Респ., сроком на 3 мес. с 15.V по 15.VIII и

5) аспиранту ЯИ Матв. Тимоф. Матвееву в Чувашск. Респ. на тот же срок, обоим для лингвистических [Л. 29] работ

6) аспиранту ЯИ Золотову в Чувашск. Республику на тот же срок для собирания материалов по фольклору и языку.

Директор Института академик

(подп. Н. Марр) [Л. 29об.].

Академия наук СССР

Яфетический институт

12 июня 1926 г.

№ 41

В КЭ

Прошу выдать авансы на работы по экспедиции в Среднем Поволжье, организованной ЯИ, следующим лицам:

1) Николаю Яковлевичу Золотову (п/о Нурусово Чувашск. Респ., Аликовская вол., дер. Синерь) – 200 р.

2) Тимофееву Матвеевичу Матвееву (ст. Канаш, Чувашск. Респ. пед-техникум) – 200 р.

3) Федору Тимофеевичу Тимофееву (п/о Шуматово, Чувашск. Респ.) – 200 р.

4) Григорию Ивановичу Петрову (Чебоксары, Наркомпрос Чувашской Республики) – 200 р. ...

Академик (Н. Марр) [Л. 47].

Отчет по Чувашской экспедиции ЯИ летом 1926 года

В части лингвистической выполнение программы было возложено на аспирантов ЯИ Т.М. Матвеева, Ф.Т. Тимофеева и Н.Я. Золотова, командированных в Институт еще в минувшем академическом году Наркомпросом Чувобласти и получивших возможность в течение года углубить свои знания по турецким языкам и ознакомиться с общими началами яфетидологии в части палеонтологии речи» [Л. 86].

Таким образом, в фондах архивов и музеев Санкт-Петербурга содержатся ценнейшие источники, проливающие свет на историю, этнографию и дру-

гие аспекты жизни чувашского народа. В этой статье представлены лишь некоторые образцы из филиала Архива РАН, в то время как многие материалы еще не стали объектом научных изысканий исследователей.

Литература

1. Авижанская С.А., Браун М.А., Крюкова Т.А. Каталог-указатель (краткое описание коллекций отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья Государственного музея этнографии народов СССР) // Проблемы совершенствования экспозиций по истории советского общества: сб. М.: [Б.и.], 1975. С. 210–220.
2. Архивы России: Москва и Санкт-Петербург. М.: Археографический центр, 1997. 1070 с.
3. Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 2. Пг.: ИРГО, 1915. IV, 485–988 с.
4. Лелехин И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб.: Имп. АН, 1771. IV, 538 с., 23 табл.
5. Салмин А.К. Свадебные платки во времени и пространстве // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. № 3. С. 106–118.
6. Салмин А.К. Рубаха № 766-1 из фондов МАЭ РАН и гравюры XVIII – XIX веков // Центр и периферия. 2018. № 4. С. 56–59.
7. Салмин А.К. Экспедиция И.И. Лепёхина в Средневожжский регион // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 3. С. 116–122.
8. Салмин А.К. И.Г. Гмелин и его роль во Второй Камчатской экспедиции на территории Казанской губернии // Былые годы: Российский исторический журнал. 2019. Т. 51, № 1. С. 55–63.
9. Салмин А.К. Вклад И.И. Георги в изучение традиций чувашей // Вестник Чувашского университета. 2019. № 2. С. 146–152.
10. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – СПбФ АРАН). Ф. 3. Оп. 30. Д. 4 – Дневник Ив. Ив. Лепёхина с записью его наблюдений по экспедиции 1768–1772 г. 1768–1769 гг. 175 л.
11. СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 6 – МАЭ: Отдел Европы. 76 л.
12. СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. В-732 – Марр Н.Я. Письма от Т.С. Пассек. 1925–1931 гг. 4 л.

САЛМИН АНТОН КИРИЛЛОВИЧ – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, Санкт-Петербург (antsalmin@mail.ru).

A. SALMIN

PRIMARY SOURCE MATERIALS ON THE CHUVASH IN THE FUNDS OF ARCHIVES AND MUSEUMS OF ST. PETERSBURG

Key words: *archives, museums, source materials, manuscripts, history, ethnography.*

The article presents the author's project of preparation of a manuscript for further publication in a book and electronic formats "The summary of primary source materials on the Chuvash: funds of archives and museums of St. Petersburg" (≈ 30 authors sheets + illustrations) which will include archival records in the Russian, Chuvash, German, and Latin languages on the history, ethnography, and culture of the Chuvash, a catalogue of Chuvash museum collections of St. Petersburg, a scholarly commentary, images of selected museum items and archival illustrative documents. The collection will include three groups of sources: textual documents, illustrative documents (photos, maps, illustrations, and etc...), and artefacts. The time period of the sources: from the 18th to the 20th century.

The relevance of the proposed project is based on the extensiveness and oddness of the sources of information on the Chuvash in the funds of numerous archival and museum institutions. The project includes collection and systematization of information obtained from the main museums and archives of St. Petersburg, including the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, the Russian Museum of Ethnography, the Russian State Historical Archive, the Archive of the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, the Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, the Archive of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, the Scientific and Histori-

cal Archive of the Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, the Archive of the Russian Geographical Society, the Manuscripts Department of the National Library of Russia, the Archive of the State Museum of History of Religion. Such type of summary is prepared for the first time and will respond to the critical need in creation of new information resources based on the materials of archival and museum funds. The scientifically validated publication of archival and museum primary sources in the authentic form is more fundamental, effective and useful than writing of a monograph on the basis of a set of the materials found. In this case only, instead of interpretational conclusions of certain scientists, each researcher will come into possession of primary historical and ethnographic materials and become able to construct an independent scientific theory.

References

1. Avizhanskaya S.A., Braun M.A., Kryukova T.A. *Katalog-ukazatel' (kratkoye opisaniye kollektzii otdela etnografii narodov Povolzh'ya i Priural'ya Gosudarstvennogo muzeya etnografii narodov SSSR)* [Catalogue-pointer (short description of the collections of the ethnography department of the Volga and the Ural peoples of the State museum of ethnography of the peoples of the USSR)]. In: *Problemy sovershenstvovaniya ekspozitsii po istorii sovetskogo obshchestva* [Problems of improving exhibitions on the history of Soviet society]. Moscow, 1975, pp. 210–220.
2. *Arkhiy Rossi: Moskva i Sankt-Peterburg* [Russian Archives: Moscow and St. Petersburg]. Moscow, Arkheograficheskii tsentr Publ., 1997, 1070 p.
3. Zelenin D.K. *Opisaniye rukopisei uchenogo arkhiva Imperatorskogo Russkogo gheograficheskogo obshchestva* [Description of manuscripts of the scientific archive of the Imperial Russian Geographical Society]. Petrograd, 1915, iss. 2, pp. 485–988.
4. Lepekhin I. *Dnevnyye zapiski puteshestviya po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva v 1768 i 1769 godu* [Day notes of travel to different provinces of the Russian state in 1768 and 1769]. St. Petersburg, 1771, IV, 538 p.
5. Salmin A.K. *Svadebnyye platki vo vremeni i prostranstve* [Wedding headscarves in time and space]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 2017, no. 3, pp. 106–118.
6. Salmin A.K. *Rubakha N 766-1 iz fondov MAE RAN i gravury XVIII – XIX vekov* [Shirt a no. 766-1 of the MAE RAS foundations and engravings from the 18th and 19th centuries]. *Tsentri i periferiya*, 2018, no. 4, pp. 56–59.
7. Salmin A.K. *Ekspeditsiya I.I. Lepyokhina v Srednevolzhskii region* [Expedition of I.I. Lepyohin to the Middle Volga region]. *Arkheologhiya, etnografiya i antropologhiya Evrazii*, 2019, no. 3, pp. 116–122.
8. Salmin A.K. *I.G. Gmelin i yego rol' vo Vtoroi Kamchatskoi ekspeditsii na territorii Kazanskoi gubernii* [I.G. Gmelin and his role in the Second Kamchatka Expedition in the Kazan province]. *Bylyye gody: Rossiiskii istoricheskii zhurnal*, 2019, vol. 51, no. 1, pp. 55–63.
9. Salmin A.K. *Vklad I.I. Gheorgi v izucheniye traditsii chuvashei* [I.I. Georgi's contribution to the study of Chuvash traditions]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2019, no. 2, pp. 146–152.
10. *Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk. F. 3. Op. 30. D. 4 – Dnevnik Iv.Iv. Lepyokhina s zapis'yu yego nablyudenii po ekspeditsii 1768–1772 g. 1768–1769 gg.* [The Archive of the Russian Academy of Sciences St. Petersburg Branch. Archiv 3. Anagraph 30. Document 4 – Diary of I.I. Lepyohin with a record of his observations on the expedition 1768–1772].
11. *Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk. F. 142. Op. 1(1941). D. 6 – MAE: Otdel Yevropy* [The Archive of the Russian Academy of Sciences St. Petersburg Branch. Archiv 142. Anagraph 1 (1941). Document 6 – MAE RAS. Department of Europe].
12. *Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk. F. 800. Op. 3. D. V-732 – Marr N.Ya. Pis'ma ot T.S. Passek. 1925–1931 gg.* [The Archive of the Russian Academy of Sciences St. Petersburg Branch. Archiv 800. Anagraph 3. Document V-732 – Marr N.Y. Letters from T.S. Passek. 1925–1931].

SALMIN ANTON – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Russia, Saint-Petersburg (antsalmin@mail.ru).

Формат цитирования: Салмин А.К. Первоисточники о чувашах в фондах архивов и музеев Санкт-Петербурга // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 160–168.

УДК 314.044 (=811.512.111)(470.57)

ББК 60.7:63.5 (2 РосБаш)

Ф.Г. САФИН, Э.А. МУХТАСАРОВА, А.И. ХАЛИУЛИНА

РАЗВИТИЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА В СФЕРЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БАШКОРТОСТАНЕ

Ключевые слова: чувашское население, Башкортостан, школьное образование, изучение языков, этническая группа, родной язык, чувашский язык.

В статье на основе архивных материалов предпринята попытка раскрыть этноязыковые проблемы чувашского населения в Республике Башкортостан в сфере школьного образования в XX – в начале XXI в. Еще в начале 1920-х гг. в республике, несмотря на отсутствие подготовленных педагогических кадров и ограниченный характер обеспечения учебниками и учебно-методическими пособиями, были открыты школы с чувашским языком обучения. С середины 1930-х гг. в языковой политике государства был взят курс на улучшение изучения русского языка в национальных республиках. Эти новшества коснулись также и чувашских школ Башкортостана. Несмотря на это, нерусские народы имели возможность обучаться на своем родном языке. Начиная с 1970-х гг. происходит коренной перелом в языковой политике в целом по стране, в результате которого национальные школы с родным языком обучения переводились на преподавание на русском языке. Данная тенденция не обошла и Республику Башкортостан, в которой более тысяч школ, в том числе и чувашских, были переведены на русский язык обучения. В постсоветский период данная тенденция сохранилась, но при этом родные национальные языки изучались как предмет. За эти годы заметно сократилось количество школ и численность учащихся, обучающихся на чувашском языке. Одной из причин этого является, видимо, то, что из года в год идет процесс постепенного сокращения численности чувашей и доли признания ими языка материнского этноса в качестве родного. Всероссийская перепись 2010 г. показала сокращение численности чувашского населения в республике на 10 тыс. человек по сравнению с предыдущим показателем за 2002 г. Доля учащихся с родным чувашским языком снизилась до 76,5%, что является одним из низких показателей среди нерусских народов республики.

Еще в начале становления советской власти в Республике Башкортостан функционировали школы с чувашским языком обучения. При этом доля чувашских школ соответствовала удельному весу данной этнической группы в структуре населения республики. В 1923/24 учебном году (далее – уч. год) в республике насчитывалось 65 чувашских школ I ступени (т.е. начальных школ). Из них в Стерлитамакском кантоне были расположены – 29, в Белебеевском – 25, в Уфимском – 7 и в Зилаирском – 4 школы [9. Д. 738. Л. 77]. В них обучалось 3063 учащихся чувашской национальности. Почти половина из них – 1421 – приходилась на Белебеевский кантон (46,4%), в котором, по данным 1926 г., проживало 40 781 человек чувашской национальности при их удельном весе 7,3%. В Стерлитамакском кантоне обучалось – 995, Уфимском – 481, Зилаирском – 166 учащихся чувашской национальности. Школ II ступени (т.е. средних), в которых обучение осуществлялось на чувашском языке, в республике были единицы: в Белебеевском и Уфимском по одной школе. В них обучался всего 171 ученик чувашской национальности [9. Д. 738. Л. 27, 78], что фактически свидетельствовало о довольно низком охвате учебой детей школьного возраста.

Для сравнения отметим, что в 1923/24 уч. году башкирских школ I ступени в республике насчитывалось 496 (26,7%), татарских – 422 (22,7%), русских – 721 (39,0%), чувашских – 65 (3,5%), марийских – 57 (3,1%), мордовских – 17, удмуртских – 13, немецких – 10 и т.д. Учащихся башкир насчитывалось 23 465 человек, татар – 25 359, русских – 41 958. В то же время доля учащихся, охваченных учебой, у разных народов сильно различалась. Наибольшей

долей учебы были охвачены дети татарской (59,9%) и башкирской (32,8%) национальностей [6. Д. 151. Л. 97а].

В наименьшей степени школьным обучением были охвачены дети из «национальных меньшинств», в том числе и чувашского, общая доля которых не превышала более одной трети детей данной национальности. Для сравнения отметим, что охват учебой русских детей был еще меньше, всего лишь 29,6%, занимая лишь 6-е место [14. С. 204].

В последующие годы постепенно увеличился охват обучением детей у чувашей и марийцев, достигая, соответственно, 42,6% и 39,9%. В разных кантонах показатели среди отдельных национальностей выглядели по-разному. Так, в Стерлитамакском кантоне среди татарских детей в школах обучалось 38%, среди русских и башкирских – по 32%, среди чувашских – 25%, среди мордовских – только 15%. Также наблюдались гендерные диспропорции среди учащихся. Например, в Бегеняш-Абукуновской волости Стерлитамакского кантона в чувашских школах из 350 учеников девочек было всего 27(7,5%), в мордовских из 145 учеников – 3 девочки (2%), в башкирских из 92 ученика – 32 девочки (больше 30%), в русских из 32 учеников 14 девочек (45%). Эти цифры свидетельствовали о недостаточной работе местных органов власти по улучшению организации учебы в системе школьного образования среди ряда национальностей, проживающих в республике [5. Д. 41. Л. 115].

Наряду с открытием школ и организацией учебного процесса важное место занимало обеспечение учебниками и учебно-методическими пособиями на национальных языках. При этом неудовлетворительно были обеспечены учебниками те национальные школы, которые получали эти пособия из других республик. В ряде школ группы учащихся по 30–40 человек пользовались одной книгой. Учебники и учебные пособия для чувашских, татарских, марийских, удмуртских и мордовских школ получали из одноименных национальных республик. В свою очередь, эти республики не могли удовлетворять потребности издавать учебники на национальных языках в своих регионах из-за ограниченной возможности типографий. Поэтому нехватка учебников не только в 1920-гг., но и в конце 1930-х гг. ощущалась постоянно. Например, в телеграмме управляющего Чувашским государственным издательством (Чувашгиз) от 28 августа 1938 г. в Башкирский обком партии сообщалось, что Чувашгизом на указанное в телеграмме время всего выпущено 10 учебников. Из них семь учебников отгружены раньше, три – во второй половине августа. Чувашский букварь предполагалось отгрузить 5 сентября. Одновременно сообщалось, что ввиду ограниченности тиража учебники будут высылаться в меньшем количестве против заказов торгующих организаций [7. Д. 635. Л. 63; 12. С. 229].

Немаловажной проблемой в контексте организации школьного обучения в республике являлась подготовка национальных кадров, умеющих преподавать на языке национальных меньшинств. Подготовка кадров для национальных школ практически надо было начинать с нуля. В 1924/25 уч. году для работы в чувашских школах не хватало 233 учителей, для русских – 2446, башкирских – 3447, татарских – 542, мордовских – 171 [2. С. 50]. С целью увеличения подготовки учителей, преподающих на национальных языках, в республике необходимо было дополнительно открыть новые техникумы и краткосрочные педаго-

гические курсы. Наряду с этим в ряде районов и школ по причине отсутствия подготовленных учителей и нехватки учебных и учебно-методических пособий наблюдалось преподавание предметов на русском языке, в том числе и в чувашских школах.

С другой стороны, общие требования по улучшению преподавания русского языка на повестку дня, в свою очередь, поставили вопрос о необходимости подготовки и издания учебников и учебно-методических пособий по русскому языку для национальных школ республики.

Неблагоприятно складывалась ситуация не только с изданием учебников и учебно-методических пособий, но и с выпуском газет и журналов на чувашском языке. Начавшуюся издаваться в 1921 г. республиканскую газету на чувашском языке «Херле Урал» из-за отсутствия подписчиков с 1 января 1922 г. пришлось закрыть [3. С. 34].

Если в 1920-е гг. в основе языковой политики партии и правительства было проведение идей советской власти на местах на языке «национальных меньшинств», то в 1930-е гг. упор делался на улучшение изучения русского языка в национальных республиках.

Особенностью языковой политики в конце 1930-х гг. не только в Башкирии, но и по стране в целом стала ликвидация ряда национальных школ, «вредных для советской системы образования и воспитания», которая осуществлялась согласно решению Оргбюро ЦК ВКП(б) от 1 декабря 1937 г. Все эти школы были переведены в разряд обычных школ советского типа [12. Д. 5. Л. 1; 14. С. 238].

Другим немаловажным фактором, способствующим улучшению преподавания русского языка в школах республики, явилось постановление партии и правительства «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», принятое 13 марта 1938 г. [13. Д. 863. Л. 176–178].

Согласно постановлению, обязательное изучение русского языка как предмета вводилось с 1 сентября 1938 г. в нерусских школах национальных республик и областей начиная со II класса начальных школ и с III класса во всех неполных средних и средних школах.

Однако, как показывают архивные документы, Башнаркомпрос слабо занимался вопросами улучшения преподавания русского языка в нерусских школах, методические письма-указания по школам не отправлялись, специальных совещаний не проводились. В связи с этим в газете «Правда» – органе ЦК ВКП(б) – за 20 марта 1938 г. появилась статья «Гнилая позиция Башнаркомпроса», в которой была подвергнута критике деятельность наркома просвещения в деле преподавания русского языка в нерусских школах [11].

По горячим следам последовало постановление Бюро Башкирского обкома ВКП(б), в котором Наркомпросу указывалось в срочном порядке обеспечить программами по русскому языку все нерусские школы, в том числе и чувашские [7. Д. 85. Л. 38–40].

Исходя из этого, в 1938 г. торговые организации Башкирии дали заявку на русские стабильные учебники для чувашских, татарских, марийских, удмуртских и мордовских школ на 12 названий [7. Д. 623. Л. 210–214]. На 1 июля 1938 г. Башкирией в счет заявки не было получено ни одного из заказанных учебников, в том числе и на чувашском языке. Такое положение с завозом русских стабильных учебников для чувашских школ ставило под

угрозу срыва выполнение решения партии и правительства по улучшению изучения русского языка в нерусских школах. Не выполнялись национальными республиками заявки и на учебники по другим дисциплинам. Например, по чувашским начальным и средним школам заявка на указанный год составляла 53 названия. Несмотря на это, на 1 июля не было получено ни одного из учебников. Такая же ситуация была с учебниками для марийских и удмуртских школ. Для татарских школ из 57 названий учебников было получено всего – 7, для мордовских из 54 всего – 4. Башкирский обком ВКП(б) просил партийные комитеты указанных республик обязать торгующие организации обеспечить выполнение заявок по учебникам для национальных школ наравне со своими районами и школами и к установленному правительством сроку [7. Д. 623. Л. 210–214].

В условиях военного и послевоенного времени обучение в национальных школах республики велось на родном языке местного населения. Такая практика обучения на родном языке в Башкирии продолжалась до начала 1970-х гг. Практически все учащиеся нерусских национальностей обучались по программе, согласно которой все предметы изучались на родном языке, при этом объем сетки-часов на изучение русского языка был увеличен, что позволяло учащимся нерусской национальности овладевать основами русского языка. Недельная нагрузка русского языка с V по VIII классы составляла 6 часов, а русской литературы – 3 часа.

Начиная с середины 1970-х гг. в стране основной вектор языковой политики, особенно в союзных и автономных республиках, был направлен на дальнейшее улучшение изучения русского языка.

Один из первых документов в этом направлении в Башкирии был принят еще 3 октября 1972 г., согласно которому были определены «меры по дальнейшему улучшению преподавания русского языка в сельских школах республики, так как учащиеся сельских школ слабо владели русским языком» [8. Д. 92. Л. 27–28].

Процесс улучшения преподавания русского языка постепенно привел к переводу практически всех национальных школ на русский язык обучения, в том числе и чувашских. Эта политика в скором времени привела к такой системе, которая называлась единой программой для национальных школ РСФСР, согласно которой в национальных школах обучение велось на русском языке, а родной язык изучался как предмет. При этом в начальных классах все же осталось обучение на родном языке, поскольку в то время дети, проживающие в однонациональном моноязычном сельском поселении, как правило, не владели русским языком [15. С. 96].

Как видно из табл. 1, за эти годы количество национальных школ с родным языком обучения заметно сократилось, за исключением башкирских. Если количество чувашских школ в 1970/71 уч. году составляло 84 единицы, то в 1978/79 уч. году оно сократилось до 29, т.е. в 2,9 раза, при резком уменьшении численности учащихся, обучавшихся на чувашском языке. Численность детей, обучавшихся на чувашском языке, за этот период уменьшилась более чем в 5 раз. За эти годы также заметно сократилась численность детей, обучавшихся на других национальных языках (см. табл. 2). Правда, в период перестройки, к 1988/89 уч. году в ходе возрождения и развития национальных языков, количество чувашских школ было восстановлено, но чувашский язык в них изучался только в качестве предмета.

Таблица 1

**Количество школ в Башкирии по языкам обучения в 1970–1989 гг.
[1. Д. 4883, 6208, 6358]**

Язык обучения	Учебный год							
	1970/71			1978/79		1988/89		
	школ		% от национальных	школ		школ		% от национальных
	абс.	%		абс.	%	абс.	%	
Чувашский	84	2,2	3,9	29	2,2	83	2,5	4,5
Башкирский	759	19,5	35,3	624	46,6	1 215	36,4	65,7
Марийский	125	3,2	5,8	70	5,2	32	1,0	1,7
Мордовский	4	0,1	0,2	–	–	–	0	–
Татарский	1 150	29,5	53,5	595	44,5	457	13,7	24,7
Удмуртский	27	0,7	1,3	20	1,5	62	1,8	3,4
Национальные	2 149	55,2	100	1 338	100	1 849	55,2	100
Русский	1 747	44,8				1 491	44,6	
Всего	3 896	100				3 340	100	

Таблица 2

**Численность учащихся в школах Башкирии по языкам обучения
[1. Д. 4883, 6208, 6358]**

Язык обучения	Учебный год									
	1970/71		1972/73		1978/79		1982/83		1988/89	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Чувашский	17 849	2,0	13 875	1,6	3 161	0,5	1 711	0,3	2 022	0,4
Башкирский	101 256	11,7	97 924	11,5	74 103	11,2	64 649	11,5	43 933	8,2
Марийский	15 176	1,7	13 794	1,6	5 401	0,8	4 783	0,8	3 390	0,6
Мордовский	614	0,1	–	0	–	0	–	0	–	0
Татарский	174 301	20,1	154 719	18,2	80 041	12,1	31 396	5,6	19 496	3,6
Русский	554 968	63,9	564 768	66,5	496 858	75,1	456 115	80,9	468 395	87,1
Удмуртский	4 126	0,5	3 666	0,4	1 588	0,2	1 276	0,2	614	0,1
Итого	868 290		848 746		661 352		563 930		537 850	

В рассматриваемый период в развитии чувашских школ республики проявился ряд тенденций, связанных, прежде всего, с сокращением количества школ, в которых обучение шло на родном языке. С переходом на русский язык обучения практически прекратилось обучение на родном чувашском языке. Правда, к 1988/89 уч. году количество чувашских школ восстановилось, но при этом численность учащихся с чувашским языком обучения продолжала сокращаться. Общая численность учащихся с чувашским языком обучения с 1970/71 по 1982/83 уч. годы сократилась в 10,4 раза (см. табл. 2). В ряде районов (Иглинском, Гафурийском, Ермекеевском) с компактным расселением чувашского населения, в которых функционировали чувашские школы, вообще было прекращено обучение на чувашском языке. Все они перешли на русский язык обучения (см. табл. 3) [15. С. 96].

Заметное сокращение количества школ с чувашским языком обучения также наблюдалось в Ишимбайском, Давлекановском, Альшеевском и Кумертауском районах. Обучение на чувашском языке в школах этих районов осталось только в начальных классах.

В ряде районов, как, например, в Аургазинском, в котором одна из высоких долей детей чувашской национальности, сокращение численности учащихся с чувашским языком достигло минимума. Если в 1972/73 уч. году доля учащихся,

обучавшихся на чувашском языке, составила 30,6%, то в 1978/79 уч. году она сократилась до 5,9%, т.е. почти на 25%. В 1984/85 уч. году этот показатель вновь увеличился до 25,1% и к 1988/89 гг. сократился до 3,8% (см. табл. 3).

Таблица 3

Численность учащихся с чувашским языком обучения
[1. Д. 4883, 6208, 6358]

Районы	Учебный год							
	1972/73		1978/79		1984/85		1988/89	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Аургазинский	4 803	30,6	760	5,9	2 085	25,1	260	3,8
Бижбулякский	3 854	38,2	468	6,1	443	8,2	н/с	–
Кармаскалинский	881	5,8	314	2,8	194	2,5	245	3,5
Федоровский	618	8,7	183	3,6	59	1,7	71	2,3
Стерлитамакский	520	4,9	19	0,3	230	4,6	175	3,3
Чекмагушевский	471	3,7	11	0,1	291	4,8	50	1,1
Белебеевский	453	7,1	244	5,8	300	11,3	423	18,2
Иглинский	388	2,9	367	4,3	0	–	0	–
Шаранский	316	3,5	68	1,0	202	4,3	61	1,5
Ишимбайский	302	2,5	178	2,0	45	0,9	64	1,6
Кумертауский	292	3,4	110	1,8	36	0,4	45	1,3
Альшеевский	278	2,2	156	1,7	48	0,8	27	0,5
Давлекановский	271	2,4	149	1,7	127	2,1	147	2,5
Ермекеевский	251	3,8	–	1,9	2	0,06	0	–
Гафурийский	203	1,4	40	0,4	0	–	0	–

За эти годы численность учащихся с чувашским языком обучения снизилась в Федоровском районе в 9 раз, в Чекмагушевском и в Альшеевском – 10, а в Аургазинском – 19 раз.

В целом по республике общая доля учащихся, обучавшихся на русском языке, составила немногим менее 90% [17].

Начавшееся возрождение национальных языков и возобновление обучения на родных языках нерусских народов в 1990-е гг. незаметно обошли чувашские школы в Башкортостане. Количество чувашских школ и численность в них учащихся в 1990-е гг. заметно уменьшились. Одна из причин такого уменьшения численности учащихся с чувашским языком обучения, видимо, кроется в значительной урбанизации чувашского населения в 1990-е гг. Как известно, возможностей обучения и изучения на родном языке в условиях городов Башкортостана в эти годы особо не было. Во-вторых, даже в столице Чувашии в г. Чебоксары, как показал анализ, школ с обучением на чувашском языке не имелось. В них родной язык для чувашских детей преподавался только как предмет. В-третьих, чувашские школы в Башкирии ощущали нехватку учебников по чувашскому языку и литературе, которые выпускались в типографиях одноименной республики. В условиях разрыва прежних связей обеспечение учебными и учебно-методическими пособиями школ Башкирии на чувашском языке (и не только) заметно ухудшилось. Хотя, согласно новой Конституции Российской Федерации (1993 г.)¹ и Закону о языках народов РФ², всем гражданам страны предоставлялось право обучения на родном языке, и

¹ Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru>.

² О языках народов Российской Федерации: Фед. закон от 25.10.1991 г. № 1807-1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

государство обеспечивало гражданам условия для изучения и преподавания родного языка и других языков народов России (Ч. 2. Ст. 10).

С 1997 по 2009 г. (за 12 лет) численность детей чувашской национальности сократилась на 7308 человек. За этот период количество учащихся с обучением на чувашском языке сократилось почти в 2 раза. Из общей численности учащихся на родном языке обучалось всего 8% детей чувашской национальности. При этом в школах, прежде всего в сельских, несмотря на сокращение общего количества учащихся, которое более заметно начало проявляться с 2006 г., доля изучавших родной язык заметно выросла и в 2009/10 уч. году составила более половины (50,3%) всех школьников чувашской национальности.

В республике в 1998/99 уч. году из 20 тыс. учеников чувашской национальности на родном языке обучались 963, т.е. 4,6%, а чувашский язык как предмет изучали в 88 школах немногим более 8 тыс. детей, что составляла 39% от числа учащихся данной национальности (табл. 4).

Таблица 4

Численность учащихся в Башкортостане по языкам обучения
[1. Д. 4883, 6208, 6358]

Язык обучения	Учебный год									
	1992/93		1994/95		1995/96		1997/98		1998/99	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Чувашский	1 630	0,3	1 502	7,9	1 573	7,9	1 781	8,9	963	4,6
Башкирский	50 549	35,0	59 213	38,3	63 594	39,1	68 219	39,5	68 380	39,3
Марийский	4 871	0,8	5 141	26,4	5 647	28,2	5 512	26,4	5 337	25,2
Мордовский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Татарский	23 284	13,4	25 125	12,5	22 936	11,1	25 890	11,9	23 849	10,9
Удмуртский	714	0,1	852	22,4	877	20,7	870	18,8	590	13,0

Чувашский язык изучали в 20 школах Аургазинского, в 8 – Бижбулякского, в 5 – Гафурийского и Шаранского, в 4 – Кармаскалинского районов. В таких городах, как Белебей, Мелеуз, Стерлитамак, в ряде школ было организовано изучение чувашского языка в качестве предмета [4, 18]. Несмотря на значительную долю чувашского населения в этнической структуре районов, охват в них учащихся, изучающих родной чувашский язык, остается не всегда сопоставимым (см. табл. 5). Например, если в ряде районов со значительной численностью учащихся чувашской национальности охват детей, изучающих чувашский язык, превышал более 90% (Аургазинский), то в других – данный показатель составлял около половины (Белебеевский, Кармаскалинский) (см. табл. 5). В ряде городов (Белебей – 27%, Кумертау – 9,5%) также наблюдалась аналогичная тенденция.

Вместе с тем, как показывает анализ охвата учащихся разных национальностей обучением и изучением родных языков, ситуация складывается не в пользу носителей чувашского языка. Например, в 1997/98 уч. году практически при равной численности учащихся чувашской и марийской национальностей в республике численность учащихся, обучавшихся на чувашском языке, была в 3,1 раза меньше, чем на марийском (см. табл. 6). Данная тенденция, видимо, объясняется тем, что марийское население расселено компактно больше в сельской местности, тогда как чувашаи – дисперсно, и значительная часть их проживает в городах, где возможности организовать изучение чувашского языка ограничены. Но при этом все дети чувашской национальности, как и другие

учащиеся, независимо от этнической принадлежности, вынуждены изучать башкирский язык, так как внесенные в 2005 г. изменения в Закон Республики Башкортостан «Об образовании» обязывали обязательное изучение башкирского языка как государственного во всех общеобразовательных учреждениях и в учреждениях начального, среднего профессионального образования¹. В этой связи следует заметить, что если немногим более половины учащихся изучают родной чувашский, то башкирский как государственный изучают все учащиеся чувашской национальности.

Таблица 5

Численность и доля учащихся, обучающихся и изучающих чувашский язык в Башкортостане [18]

Районы	Учебный год													
	2006/07						2009/10							
	всего учащихся	обучаются		изучают		всего изучают чув. яз.		всего учащихся	обучаются		изучают		всего изучают чув. яз.	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%		абс.	%	абс.	%	абс.	%
Альшеевский	89	26	29,2	2	2,2	29	31,4	64	20	31,2	0		20	31,2
Аургазинский	1804	19	1,0	1800	99,7	1819	100,7	1612	19	1,2	1536	95,3	1555	96,5
Белебеевский	821	105	12,8	335	41,0	440	53,8	757	84	11,1	338	44,6	422	55,7
Бижбулякский	1567	42	2,6	1374	87,6	1416	90,2	1302	59	4,5	1088	83,6	1147	88,1
Гафурийский	460	н/св.		310	67,4	310	67,4	376	0	0	235	62,5	235	62,5
Давлекановский	242	120	49,5	61	25,2	181	74,7	227	125	55,1	51	22,5	176	77,6
Ермекеевский	361	н/св.		313	86,7	313	86,7	321	0	0	290	90,3	290	90,3
Иглинский	239	н/св.		101	42,3	101	42,3	214	0		163	76,2	163	76,2
Ишимбайский	182	43	23,6	107	58,8	150	82,4	178	44	24,7	101	56,7	145	81,4
Кармаскалинский	730	176	24,1	412	56,4	588	80,5	663	172	25,9	358	54,0	530	79,9
Куюргазинский	271	18	6,6	65	24,0	83	30,6	209	9	4,3	102	48,8	111	53,1
Стерлитамакский	727	144	19,8	116	10,0	260	29,8	642	116	18,1	91	14,2	207	32,3
Федоровский	449	73	16,2	181	40,3	254	56,5	294	70	23,8	157	53,4	227	77,2
Чекмагушевский	180	59	32,8	121	67,2	180	100,0	161	46	28,6	80	49,7	126	78,3
Шаранский	389	н/св.		246	63,2	246	63,2	352	0		177	50,3	177	50,3

Таблица 6

Численность и доля учащихся, обучающихся и изучающих родной язык в Башкортостане (1997–2009 гг.) [18]

Учебный год	Национальность обучающихся	Всего учащихся	Обучаются на родном языке		Изучают родной язык как предмет		Всего изучают родной язык	
			абс.	%	абс.	%	абс.	%
1997/98	чуваша	20 077	1 781	8,9	6 937	34,5	8 718	43,5
	марийцы	20 904	5 512	26,4	6 386	30,5	11 898	56,9
	удмурты	4 628	870	18,8	1 806	39,0	2 676	57,8
2001/02	чуваша	19 442	967	5,0	8 543	44,0	9 510	48,9
	марийцы	20 104	4 885	24,3	7 523	37,4	12 408	61,7
	удмурты	4 338	351	8,0	2 320	53,5	2 671	61,6
2006/07	чуваша	14 291	852	6,0	6 931	48,5	7 783	54,5
	марийцы	15 418	3 338	21,7	6 359	41,2	9 697	62,9
	удмурты	3 281	306	9,3	1 807	55,1	2 113	64,4
2009/10	чуваша	12 769	921	7,7	6 107	50,3	6 894	58,0
	марийцы	13 976	2 809	20,7	6 321	46,6	9 210	67,3
	удмурты	2 879	248	8,6	1 576	54,7	1 824	63,3

¹ Об образовании в Республике Башкортостан: закон Республики Башкортостан от 01.07.2013 г. № 696-з (с изм. на 10.07.2019 года). Уфа, 2019.

В 2000-е гг. изучению чувашского языка стали уделять внимание и в городах республики. В городе Кумертау более 20 учеников в 2009/10 уч. году обучались на родном чувашском языке. В таких городах, как Белебей и Стерлитамак, в которых численность детей чувашской национальности превышала одну тысячу, было организовано изучение чувашского языка как родного. В 2009/10 уч. году данный показатель достигал в г. Белебей – 64,2%, в г. Стерлитамак – 13,7% (см. более подробно [4]). Вместе с тем, если в 1999/00 уч. году в г. Мелеуз в 5 школах 520 учащихся изучали родной чувашский язык как предмет, то спустя 10 лет, т.е. к 2009/10 уч. году изучение чувашского языка совсем прекратилось [4]. Аналогичная тенденция также наблюдалась в школах г. Салават и Ишимбай.

Таким образом, в 2009/10 уч. году по республике обучались на чувашском языке всего 6,2%, изучали – 47,8% учащихся, тогда как 100% школьников – чувашей по национальности – изучали башкирский язык как государственный.

В 2009/10 уч. году в Республике Башкортостан чувашский язык в качестве предмета изучали в 93 школах 6107 учащихся, что составило 50,3% от всех школьников чувашской национальности [10. С. 7].

В 2017/18 уч. году в общеобразовательных учреждениях республики обучалось 9104 учеников чувашской национальности, что на 260 человек было меньше, чем в предыдущем учебном году. На родном чувашском языке обучались в 11 школах 318 учеников, или 3,5% от всех детей чувашской национальности. Чувашский язык в качестве родного изучали в 67 школах 3658 учеников, что составило 40,2%. Таким образом, общая численность учащихся, изучавших чувашский язык как предмет и обучавшихся на нем, составила 3976 учеников, т.е. всего 43,7% от общего числа чувашских учеников. Таким образом, за прошедшие 8 лет количество школ с обучением на чувашском языке с 27 сократилось до 11, а с изучением чувашского языка – с 93 до 67.

В Белебеевском, одном из самых многочисленных районов с чувашским населением, в 2012/13 уч. году доля учащихся с обучением и изучением чувашского языка составила 75,9%. К 2017/18 уч. году в данном районе обучение на чувашском языке вообще прекратилось, а общая доля изучающих чувашский язык упала до 19,7%. Такая тенденция резкого снижения изучения чувашского языка также отмечена в Стерлибашевском – 12,2%, Альшеевском – 12,8% и в ряде других районов (см. табл. 7).

А в ряде районов, наоборот, численность учащихся, изучающих чувашский язык, превзошла общее количество детей чувашской национальности. Например, в Зилаирском районе в 2012/13 уч. году обучалось 57 учащихся чувашской национальности. По данным МО РБ, чувашский язык изучал 71 ученик, что составило 124,6% от общей численности учащихся чувашской национальности [18]. Помимо чувашских детей в школе обучались ученики других национальностей, которые также изучали чувашский язык. Такая практика изучения языка преобладающего населения в сельской местности была довольно распространенным явлением в районах республики со смешанным населением. Аналогичная картина наблюдалась в 2006/07 уч. году в Аургазинском районе (см. табл. 5).

Несмотря на значительную численность учащихся чувашской национальности в ряде районов, обучение на родном языке материнского этноса в 2017/18 уч. году осталось только в трех районах – Альшеевском, Давлекановском и Федоровском. Хотя, в 2012/13 уч. году обучение на чувашском языке велось в школах 11 районов (см. табл. 7).

Таблица 7

Численность и доля учащихся, обучающихся
и изучающих чувашский язык в Башкортостане [18]

Районы	Учебный год													
	2012/13						2017/18							
	всего уча-щихся	обу-чаются		изучают		всего изучают чув. язык	всего уча-щихся	обу-чаются		изучают		всего изучают чув. язык		
		абс.	%	абс.	%			абс.	%	абс.	%			
Альшеевский	29	8	27,6	0	0	8	27,6	39	5	12,8	0	0	5	12,8
Архангельский	38	0	0	18	47,4	18	47,4	28	0		0		0	
Аургазинский	1 329	77	5,8	1252	94,2	1329	100	1198	0		958	79,9	958	79,9
Бакалинский	103	0	0	35	34,0	35	34,0	55	0		19	34,5	19	34,5
Белебеевский	1 101	193	17,5	643	58,4	836	75,9	1080	0		213	19,7	213	19,7
Бижбулякский	1 067	138	12,9	828	77,6	966	90,5	826	0		691	83,6	691	83,6
Гафурийский	323	14	4,3	156	48,3	170	52,6	282	0		72	25,5	72	25,5
Давлекановский	207	145	70,0	23	11,1	168	81,1	158	93	58,8	21	13,3	114	72,1
Ермекеевский	282	0	0	254	90,1	254	90,1	234	0		187	79,9	187	79,9
Иглинский	192	0	0	156	81,2	156	81,2	211	0		170	80,6	170	80,6
Ишимбайский	195	30	15,4	56	28,7	86	44,1	154	0		70	45,4	70	45,4
Кармаскалинский	616	135	21,9	320	51,9	455	73,8	568	0		366	64,4	366	64,4
Кюргазинский	149	14	9,4	92	61,7	106	71,1	154	0		58	37,7	58	37,7
Мелеузовский	236	0	0	0	0	0	0	209	0		0		0	
Миякинский	307	0		278	90,5	278	90,5	288	0		241	83,7	241	83,7
Стерлибашевский	62	0		38	61,2	38	61,2	49	0		6	12,2	6	12,2
Стерлитамакский	532	109	20,5	38	7,1	147	27,6	436	0		136	31,2	136	31,2
Туймазинский	192	0		0		0								0
Федоровский	248	107	43,1	122	49,2	229	92,3	250	57	22,8	91	36,4	148	59,2
Чекмагушевский	139	0		127	91,4	127	91,4	89	0		82	92,1	82	92,1
Шаранский	289	0		111	38,4	111	38,4	260	0		126	48,5	126	48,5
г. Уфа	530	0		7	1,3	7	1,3	533	0		0		0	
г. Стерлитамак	1 252	0		122	9,7	122	9,7	1164	0		13	1,1	13	1,1
Итого	10 273	970	9,4	4747	46,2	5717	55,6	9406	155	1,6	3520	37,5	3675	39,1

Одной из причин сокращения обучения на родном чувашском языке, как показал анализ обеспеченности учебными и учебно-методическими пособиями чувашских школ республики, является отсутствие учебников на чувашском языке, например, в г. Стерлитамак, в котором, по данным 2017/18 уч. года, зафиксировано второе место по численности учащихся чувашской национальности – 1164 человека. За последние 10 лет отделом Стерлитамакского горОНО не получено ни одного учебника из Чувашской Республики. Аналогичная ситуация сложилась в одноименном районе. В этих городских и муниципальных районах постепенно прекратили обучение на чувашском языке при очень низкой доле изучающих чувашский язык как родной. Самый высокий показатель обучающихся на родном чувашском языке отмечен в Давлекановском районе (58,8%). Если в Ново-Янбековской школе дети чувашской национальности изучают родной язык как предмет, то в Чююнчи-Николаевской общеобразовательной школе ведется обучение на родном чувашском языке. За указанный период рядом районов (вернее – отделов РОНО. – курсив наш. – Авт.) республики – Аургазинском, Давлекановском, Гафурийском, Иглинском, Мелеузовском, Миякинском, Шаранском, в которых обучается большая доля учащихся чувашской национальности, не было закуплено ни одного учебника. В то же время в Ермекеевском районе в 2010 г. было закуплено 90 экземпляров, в 2018 г. 16 экземпляров учебных пособий из Чувашского

книжного издательства. Большое внимание обеспечению учебными пособиями уделяется в Бижбулякском районе, в котором из 826 учащихся 83,6% детей изучают чувашский язык как родной. В 2018 г. из Чувашии было закуплено 308 экземпляров учебников, в том числе: «Чувашский букварь для 1 класса» (автор – Т.В. Артемьева) – 57 экземпляров, «Чувашский язык для 2 класса» (автор – Т.В. Артемьева) – 35 экземпляров, «Чувашская литература для 6 класса» (автор – Н.Г. Иванова) – 53 экземпляра и т.д. Несмотря на незначительную численность учащихся чувашской национальности, в ряде районов систематически закупаются учебники и учебные пособия на чувашском языке из Чувашии. Например, в Чекомагушевском районе в 2017/18 уч. году всего обучалось 89 детей чувашской национальности. Несмотря на это, отделом образования данного района в 2010 г. было закуплено 54 экземпляра учебных пособий, в 2015 г. – 50 экземпляров. Относительно благополучно обстоят дела по обеспечению учебниками на чувашском языке в Белебеевском (в 2015 г. – 107, в 2016 г. – 105 экземпляров), Кармаскалинском (в 2010 г. – 79, в 2014 г. – 25, в 2018 г. – 57 экземпляров) и Кююргазинском (в 2018 г. 20 экземпляров для всех классов) районах.

Одна из основных проблем в изучении родного чувашского языка – подготовка учителей чувашского языка и литературы – в Башкортостане имеет целостную систему. Учителей начальных классов для чувашских школ готовили еще в советское время в Белебеевском педагогическом техникуме. В начале 1990-х гг. в Стерлитамакском педагогическом институте (ныне Стерлитамакский филиал Башгосуниверситета) был открыт прием студентов по специальности «чувашский язык и литература». Ежегодно из этого вуза выпускаются 15-18 специалистов с высшим образованием для чувашских школ республики.

В 1999/2000 уч. году в школах республики работало 133 учителя чувашского языка и литературы, из них 94 – имели высшее педагогическое образование.

В 2017/18 уч. году в связи с оптимизацией школьного образования в республике работало 70 учителей чувашского языка и литературы. Из них 66 учителей, т.е. 94,3% имели высшее образование, 54 учителя (77,1%) имели соответствующее филологическое образование, 12 (17,1%) были неспециалисты, 4 – со средним специальным педагогическим образованием. Качественный состав учителей чувашского языка и литературы свидетельствует о высоком уровне педагогов в данной сфере. Среди учителей чувашского языка 25 человек имеют высшую категорию, 40 – первую, 20 учителей республики имеют звание «Заслуженный учитель РБ», «Заслуженный учитель РФ», «Отличник образования РБ» и т.д.

В 54 школах республики оснащены кабинеты чувашского языка и литературы.

В Стерлитамакском филиале Башкирского госуниверситета (ранее СГПИ) за последние двадцать лет было подготовлено более 300 специалистов по чувашскому языку и литературе. Ежегодно кафедра выпускала от 15–20 специалистов.

На кафедре работают преподаватели, имеющие ученую степень по чувашской филологии. Кафедра поддерживает тесные научные контакты с кафедрами Чувашского государственного университета (ЧГУ), Чувашского государственного педагогического университета (ЧГПУ), Чувашского государ-

ственного института гуманитарных наук (ЧГИГН), Чувашского республиканского института образования (ЧРИО). Для проведения лекционных занятий в университет часто приезжают ведущие специалисты в области чувашской филологии: Н.И. Егоров, Л.П. Сергеев, В.Г. Родионов, А.В. Кузнецов, Г.А. Ермакова, В.П. Никитин, К.Д. Кириллов (г. Чебоксары) и др. Вот уже около двадцати лет специалисты кафедры оказывают научно-методическую помощь в повышении квалификации учителей чувашского языка и литературы [19].

Кафедра чувашской и татарской филологии постоянно проводит культурно-массовые, воспитательные мероприятия для удовлетворения духовных потребностей чувашского населения Республики Башкортостан. Это фестивали, конкурсы выразительного чтения, встречи с поэтами и писателями, презентации книг, литературные гостиные, библионочи, конференции. На все мероприятия привлекаются учителя и ученики школ. В последние годы научно-педагогический коллектив кафедры с участием студентов выиграл внутривузовские и российский гранты на научные исследования по изучению чувашских диалектов, фольклора. В рамках Республиканского фестиваля «Живая старина народов Башкортостана» издали несколько учебных пособий и учебно-методических материалов. В 2015–2017 гг. преподаватели, магистранты и студенты изучали фольклор, культуру, диалектологические особенности чувашей Альшеевского, Стерлитамакского, Шаранского, Бакалинского, Ишимбайского, Федоровского, Бижбулякского, Еркееевского, Белебеевского, Аургазинского, Миякинского районов РБ в рамках гранта РФФИ. Всего в рамках гранта опубликовано более 100 научных работ. Окончательным результатом этого исследования будет издание «Фольклорно-диалектологического атласа чувашей Республики Башкортостан».

Несмотря на принятые меры, количество школ и численность в них учащихся с чувашским языком сохраняют тенденцию к сокращению, что связано с этнодемографическими и этносоциальными изменениями [16. С. 163], которые негативно отражаются на общем развитии чувашского населения в Башкортостане. За пять лет (с 2012 по 2017 г.) общий охват учащихся чувашской национальности обучением и изучением чувашского языка уменьшился с 5717 человек (55,6%) до 3675 (39,1%). Также заметно снизилась численность учащихся с обучением на родном чувашском языке – с 970 (9,4%) до 155 (1,6%), т.е. в 6,2 раза. Указанные цифры отнюдь не гарантируют оптимистических прогнозов развития чувашского школьного образования в Республике Башкортостан. Поэтому всем заинтересованным сторонам с участием специалистов из одноименной республики, видимо, стоило бы разработать меры по сохранению и развитию чувашского языка в Башкортостане.

Литература

1. Архив Министерства образования Республики Башкортостан. Ф. 798. Оп. 9.
2. Абзанов Ш. К вопросу о народном образовании в Башкирии. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: Башк. педагог. ин-т, 1935. 68 с.
3. Ахунзянов Т.И. Печать Советской Башкирии. Кн. 1. Уфа. Башк. кн. изд-во, 1967.
4. Горбачев А.А. Языковая политика в Башкортостане в сфере школьного образования (1970–2010 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Уфа. 2012. 250 с.
5. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 3.
6. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 4.
7. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 18.
8. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 185.
9. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 798. Оп. 1.

10. Основные показатели деятельности системы образования Республики Башкортостан. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2000. 65 с.
11. Правда. 1938. 20 марта.
12. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 89. Оп. 62.
13. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 114.
14. Сафин Ф.Г. Этнополитическое развитие Башкортостана в XX веке: социолингвистический аспект. Казань: Магариф, 2004. 543 с.
15. Сафин Ф.Г. Этноязыковые процессы в Башкортостане в XX столетии / отв. ред. М.Н. Губогло. М.: ЦИМО, 2000. 292 с.
16. Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиулина А.И. Этнодемографические и этноязыковые проблемы чувашского населения Башкортостана // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4. С. 152–164.
17. Советская Россия. 1989. 22 авг.
18. Текущий архив Министерства образования Республики Башкортостан. Отдел национального образования. Отчеты за 1997/98, 1998/99, 2001/02, 2006/07, 2009/10, 2012/13, 2017/18 уч. г.
19. Текущий архив Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.

САФИН ФАИЛЬ ГАБДУЛЛОВИЧ – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела этнополитологии, Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева – ОСП ФГБНУ Уфимского федерального исследовательского центра РАН; профессор кафедры философии, истории и социального инжиниринга, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Россия, Уфа (failsafin@mail.ru).

МУХТАСАРОВА ЭЛЬВИРА АНВАРОВНА – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук, Уфимский государственный нефтяной технический университет, филиал в г. Октябрьский, Россия, Октябрьский (mux.elvira@yandex.ru).

ХАЛИУЛИНА АЙГУЛЬ ИЛЬЯСОВНА – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнополитологии, Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева – ОСП ФГБНУ Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Россия, Уфа (aygul_kamila@mail.ru).

F. SAFIN, E. MUHTASAROVA, A. KHALIULINA
DEVELOPMENT OF THE CHUVASH LANGUAGE
IN THE SCHOOL EDUCATION IN BASHKORTOSTAN

Key words: *Chuvash population, Bashkortostan, school education, language learning, ethnic group, native language, Chuvash language.*

The article on the basis of archival materials attempts to reveal the ethnolinguistic problems of the Chuvash population in the Republic of Bashkortostan in the field of school education in the 20th – early 21st centuries. In the early 1920s, in the country, despite the lack of trained teaching staff and the limited nature of providing textbooks schools were opened with the Chuvash language of instruction. Since the mid-1930s, the state's language policy has been aimed at improving the study of the Russian language in the national republics. These innovations also affected the Chuvash schools of Bashkortostan. Despite this, non-Russian peoples had the opportunity to study in their native language. Since the 1970s, there has been a fundamental change in language policy in the whole country, as a result of which national schools with the native language of instruction were translated into Russian. This trend has not bypassed the Republic of Bashkortostan, where more than a thousand schools, including Chuvash, were translated into Russian. In the post-Soviet period, this trend continued, but the native national languages were studied as a subject. Over the years, schools and the number of students studying in the Chuvash language have significantly decreased. One of the reasons for this decline, apparently, is that from the census to the census there is a process of gradual reduction in the number of Chuvash and the share of their recognition as a mother tongue – the language of the mother ethnic group. The all-Russian census of 2010 showed a significant reduction in the number of Chuvash population in the Republic by 10 thousand people compared to the previous census of 2002. The share with the native Chuvash language decreased to 76,5%, which is one of the low rates among non-Russian peoples of the Republic.

References

1. *Arkhiv Ministerstva obrazovaniya Respubliki Bashkortostan. Fond 798. Opis' 9* [Archive of the Ministry of Education of the Republic of Bashkortostan. Archives 798. Anagraph 9].
2. Abzanov Sh. *K voprosu o narodnom obrazovanii v Bashkirii* [To the question of public education in Bashkiria]. 2-e izd., Ufa, Bashk. pedagog. in-t Publ., 1935, 68 p.
3. Akhunzyanov T.I. *Pechat' Sovetskoi Bashkirii* [Seal of Soviet Bashkiria]. Ufa, Bashkir Publishing House, 1967, book 1.
4. Gorbachev A.A. *Yazykovaya politika v Bashkortostane v sfere shkol'nogo obrazovaniya (1970–2010 gg.): dis. ... kand. ist. nauk.* [Language policy in Bashkortostan in the field of school education (1970–2010). Cand. Diss]. Ufa, 2012, 250 p.
5. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan. Fond 122. Opis' 3* [The National Archives of the Republic of Bashkortostan. Archives 122. Anagraph 3].
6. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan. Fond 122. Opis' 4* [The National Archives of the Republic of Bashkortostan. Archives 122. Anagraph 4].
7. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan. Fond 122. Opis' 18* [The National Archives of the Republic of Bashkortostan. Archives 122. Anagraph 18].
8. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan. Fond 122. Opis' 185* [The National Archives of the Republic of Bashkortostan. Archives 122. Anagraph 185].
9. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan. Fond 798. Opis' 1* [The National Archives of the Republic of Bashkortostan. Archives 798. Anagraph 1].
10. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti sistemy obrazovaniya Respubliki Bashkortostan* [Main indicators of the education system of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, DizainPoligrafServis Publ., 2000, 65 p.
11. *Pravda*, 1938, March 20.
12. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii. Fond 89. Opis' 62* [Russian State Archive of Modern History. Archives 89. Anagraph 62].
13. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. Fond 17. Opis' 114* [Russian State Archive of Social and Political History. Archives 17. Anagraph 114].
14. Safin F.G. *Etnopoliticheskoe razvitiye Bashkortostana v XX veke: sotsiolingvisticheskii aspekt* [The ethnopolitical development of Bashkortostan in the 20th century: the sociolinguistic aspect]. Kazan, Magarif Publ., 2004, 543 p.
15. Safin F.G. *Etnoyazykovye protsessy v Bashkortostane v XX stoletii* [Ethno-linguistic processes in Bashkortostan in the XX century]. Moscow, CIMO Publ., 2000, 292 p.
16. Safin F.G., Mukhtasarova E.A., Khaliulina A.I. *Etnodemograficheskie etnoyazykovye problemy chuvashskogo naseleniya Bashkortostana* [Ethno-demographic and ethno-linguistic problems of the Chuvash population of Bashkortostan]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2018, no. 4, pp. 152–164.
17. *Sovetskaya Rossiya*, 1989, Aug. 22.
18. *Tekushchii arkhiv Ministerstva obrazovaniya Respubliki Bashkortostan* [The current archive of the Ministry of Education of the Republic of Bashkortostan. Reports for 1997/98, 1998/99, 2001/02, 2006/07, 2009/10, 2012/13, 2017/18 school years].
19. *Tekushchii arkhiv Sterlitamakskogo filial' Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [The current archive of the Sterlitamak branch of the Bashkir State University].

SAFIN FAIL – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Scientific Employee of Ethnopolitology Department, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, IES UFRC RAS; Professor, Department of Philosophy, History and Social Engineering, Ufa State Oil Technical University, Russia, Ufa (failsafin@mail.ru).

MUHTASAROVA ELVIRA – Candidate of Historical Sciences, Head of Humanities and Social and Economic Sciences Department, Ufa State Oil Technical University, Branch in the Oktyabrsky city, Russia, Oktyabrsky (mux.elvira@yandex.ru).

KHALIULINA AIGUL – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Ethnopolitology Department, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, IES UFRC RAS, Russia, Ufa (aygul_kamila@mail.ru).

Формат цитирования: Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиуллина А.И. Развитие чувашского языка в сфере школьного образования в Башкортостане // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 169–182.

УДК 94(470)»192/193»:347.6
ББК ТЗ(2)61- 33+Х404.5-1(2)6

И.Ю. СЕМЕНОВА

ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В 20–40-е ГОДЫ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ И СОБЫТИЙ)

Ключевые слова: охрана детства властью Советов, охрана материнства в советском государстве, права роженицы, гражданский брак, подпольный и легальный аборт, охрана прав брошенных и обездоленных детей, строительство детских домов и приютов, детская социальная инспекция, борьба с беспризорностью и безнадзорностью, Всероссийский конгресс по защите детства, детские колонии, комиссии для несовершеннолетних.

Тема охраны материнства и детства в годы советской власти (20–40-е гг. XX в.) не является широко изученной, хотя имеет давнюю историю. В данной статье автором предприняты усилия оценить законоположения ключевых документов и событий в данной сфере жизни общества в указанных исторических рамках. Выбранный для изучения исторический период не случаен; хотя он сформировался под влиянием пролетарской идеологии, все же явно свидетельствует о поиске путей решения проблем материнства и детства в сложные послереволюционные годы. По результатам исторического обзора законодательных актов и событий можно утверждать, что советская власть нормативным путем пыталась улучшить положение женщин (введение декретного отпуска по беременности и родам, перерывов на кормление во время рабочего дня, помощь роженицам, запрет на аборт по социальным, а не по медицинским критериям и т.д.) и детей (узаконение детей от лиц, не состоящих в браке между собой, или от лиц, чей брак был признан недействительным; установление отцовства через суд; решение вопросов предоставления содержания своим детям; восстановление усыновления; строительство детских домов и приютов для брошенных детей и детей красноармейцев; борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью и т.д.). Создание властью Советов таких государственных учреждений, как комиссии для несовершеннолетних, детских социальных инспекций и иных, свидетельствует о продуманной модели социальной защиты материнства и детства. Дальнейшие исследования в данном направлении необходимы для формирования более целостной исторической картины жизни советской семьи в послереволюционной России.

Издревле вопросам охраны материнства и детства уделяется пристальное внимание, что обусловлено их значимостью в воспроизводстве человеческого рода. Исследователи обычно затрагивают определенную сферу семейных взаимоотношений (Е.Н. Афанасова [1], Е.А. Бендер [2], М.И. Гедько [4], И.А. Егорькова [5], Е.В. Колганова [6], Г.И. Саксельцев [9], Н.В. Семина [10], М.Н.Трефилова [25] и др.); в данной работе предпринята попытка оценить законоположения по охране материнства и детства в годы советской власти (исторические уроки 20–40-х гг. XX в.).

После революционных преобразований 1917 года советская власть пыталась сферу брака и семьи максимально отделить от церкви, в связи с чем все принимаемые в дальнейшем законодательные акты были достаточно прогрессивными и демократическими. Действовавшие ранее канонические нормы утрачивают свое значение, хотя в повседневной жизни жителей послереволюционной России переход от религиозных канонов и догматов к узаконениям в сфере брака и семьи проходит сложно.

18 декабря 1917 г. был принят Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», содержащий правила о регистрации брака только в органах записи актов гражданского состояния; указанное положение наложило запрет на церковные брачные союзы (которые, однако, «допускались наряду с гражданским и считались частным делом

брачующихся» [13]). Допускалась возможность прекращения брака как в административном порядке при обоюдном согласии супругов, так и в судебном, но, как правило, с обязательным разрешением вопросов о дальнейшей судьбе детей, включая их содержание и воспитание. Исследователями справедливо отмечено, что «советская власть с первых же дней своего существования начала проявлять заботу о детях» [7. С. 98]. Указанные положения, несомненно, свидетельствовали об охранительной политике советского государства в сфере детства и защиты материнства. Содержащееся в документе законоположения об уравнивании в правах детей как рожденных в браке, так и внебрачных, а также закрепление правовой возможности установления отцовства через суд [13] отражали прогрессивную деятельность советской власти по защите прав матери, отражали заботу о будущем ребенка.

Принятый 19 декабря 1917 г. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О расторжении брака» [14] полностью упразднял процедуру церковного бракоразводного процесса, предоставив возможность прекращения супружеских отношений путем подачи заявления в орган ЗАГС (при сохранении судебного порядка). Власть Советов принимала меры по защите материнства и детства, что видно из закрепления узаконений о предоставлении алиментов как в отношении детей, так и нетрудоспособной супруги, но не мужа; также в личной неимущественной сфере появилась возможность выбора добрачной фамилии и установления фамилии детей (в случае «спора вопрос решался судьей местного гражданского суда») [14]. Указанные вопросы не были привязаны «к вероисповедному культу» жены, что свидетельствовало о прогрессивной политике нашей страны в вопросах вероисповедания и веротерпимости. Бракоразводная практика советской России стала реформаторской; в дальнейшем она – предмет обсуждений представителей различных политических, общественных и профессиональных кругов во всем мире.

С принятием 31 октября 1918 г. Декрета СНК РСФСР «Положение о социальном обеспечении трудящихся» [23] резко меняется положение беременной женщины, а также роженицы, кормящей грудью. Советское государство впервые в истории страны вводит декретный отпуск на 112 дней и выплату пособия в связи с рождением ребенка; особые защитные гарантии трудящейся матери («способия до 8 недель при занятии физическим трудом, остальным – до 6 недель в размере пособий по временной потере трудоспособности; сокращенный рабочий день кормящим матерям» [23]). Эти узаконения серьезным образом изменили жизнь советской женщины-матери, что отражает внимательное и бережное отношение власти Советов к институтам материнства и детства в указанный исторический период.

Действие рассматриваемого документа распространялось и на случаи оказания «всех видов врачебной, лекарственной и т.п. помощи, в также родовспоможения нуждающимся в них лицам» [23]. Отдел социального обеспечения и охраны труда Народного комиссариата труда являлся центральным руководящим органом проводимой советской властью государственной социальной политики. Меры и мероприятия, реализуемые повсеместно на территории Советов, касались не только выплат пособий в случаях временной утраты трудоспособности, но и пенсий при постоянной утрате трудоспособности (особая защита «при установлении необходимости ухода вследствие полной беспомощности»); отдельное внимание уделено выплате пособий по факту безработицы, который должен быть задокументирован в местном подотделе распределения рабочей силы – отделе труда – и распространялся на «безработных, не имеющих средств

к существованию и лишившихся заработка по случаю закрытия предприятия или за сокращением штата» [23]. Однако Кодекс законов о труде РСФСР (1918) [15] устанавливал «запрет на государственную поддержку в виде пособия по безработице для трудящихся, уволенных за недобросовестное или небрежное отношение к своим обязанностям», а также «безработным, отказавшимся занять предлагаемое место за плату, установленную тарифами соответствующих профессиональных союзов и утвержденную Народным комиссариатом труда, или оставившим без уважительных причин работу» [23]. Отдельно закреплялась помощь натурой в виде «натурального довольствия», выдаваемая «при временной утрате трудоспособности, материнстве и безработице» [23]. Местным подотделам социального обеспечения и охраны труда было рекомендовано «взамен выдачи денежных пенсий, помещать пенсионеров в инвалидные дома» [23], что, несомненно, можно оценивать как государственную работу по заботе о здоровье и жизнеобеспечении утративших постоянную трудоспособность жителей страны. Гарантии по социальному обеспечению трудящихся были закреплены и выдачей пособия на погребение «хоронившим лицам в размере 30-кратного минимального пособия», а в случае отсутствия таковых определялись функции местных подотделов социального обеспечения и охраны труда «по погребению умерших и сжиганию трупов» [23]. Законоположения Декрета 1918 г. детально определяли источники образования финансовой системы социального обеспечения, порядок уплаты ежемесячных страховых взносов, ответственность лиц, подлежащих обеспечению (с оговоркой «о допущении беременных лиц и рожениц к работам предприятия с установлением штрафов от 1000 до 3000 руб. или лишению свободы от 1 до 3 месяцев, при повторных случаях – штрафу от 3000 до 10 000 руб. или лишению свободы от 6 месяцев до 1 года») [23]. Эти правила, просуществовавшие вплоть до 1923 г., снова свидетельствуют о повышенной охране материнства и детства в годы советской власти.

Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР 1918 г. [15] продолжает и закрепляет проводимую советской властью политику по охране материнства и детства, развивая положения декретов СНК РСФСР от 1917 г. Правила Кодекса о брачном праве устанавливают только гражданскую (светскую) форму брака, запрещая его «совершение по религиозным обрядам и при содействии духовных лиц» [15], за исключением зарегистрированных до 20 декабря 1917 г. Забота о будущем здоровом потомстве брачующихся прослеживается в запрете на вступление в брак родственников по прямой восходящей и нисходящей линии, полнородных и неполнородных братьев и сестер. Прогрессивно узаконение о возможном «разноверии лиц, желающих вступить в брак»; закреплении возможности создания брачного союза «лицам, давшим обет безбрачия», «монахам и состоящим в иерейском или диаконском сане» [15]; положения документа еще раз подтверждают политику советской власти отделения государства от церкви. Вопросы о недействительности браков рассматриваются местными судами, что позволяет предполагать разрешение всех вопросов о защите детей, рожденных в таких браках.

Узаконение о детях основано на положении о том, что «никакого различия между родством внебрачным и брачным не устанавливается» [15], не имеет значения порядок установления отцовства. Кодекс прямо устанавливал приоритет интересов детей: «при отсутствии записи о родителях, неправомерности или неполноте ее, заинтересованным лицам предоставляется право доказывать отцовство и материнство судебным порядком»; «занесение записи об отцовстве зачатых детей в соответствующую книгу должно проис-

ходить немедленно по поступлении заявления» [15]. Достаточно важным достижением Кодекса 1918 г. в области защиты детства являются узаконения об обязывании «родительские права осуществлять совместно» и «исключительно в интересах детей и при неправомерном осуществлении родительских прав суду предоставляется право лишить родителей этих прав» [20].

Забота о материнстве явно прослеживается из узаконения о равенстве личных (право выбора общей фамилии при заключении брака, включая возможность соединенной фамилии; возврата к добрачной при расторжении брака; отсутствие обязанности следовать за супругом при перемене места жительства) и имущественных прав мужа и жены (при разделенности имущества супругов наличие права вступать в имущественно-договорные отношения); из обязанности супругов материально поддерживать друг друга, несмотря на длительность брачного союза («нуждающийся (т.е. не имеющий прожиточного минимума и нетрудоспособный) супруг имеет право на получение содержания от другого супруга, если последний в состоянии оказывать ему поддержку»); причем законодатель оговаривает, что «в случае нежелания одного из супругов выдавать содержание другому нуждающемуся и нетрудоспособному супругу, последнему предоставляется право обращаться в отдел социального обеспечения при губернском совете депутатов по месту жительства супруга – ответчика с заявлением о принуждении супруга к выдаче содержания» [15]. Это положение особо актуально, так как в послевоенные годы многие женщины в крестьянских семьях занимались бытом и ведением домашнего хозяйства.

Из-за сложнейшей социально-экономической обстановки в стране в постреволюционное время, голода и нищеты, разгула беспризорности и безнадзорности, повышенной детской смертности «с целью облегчения материально-положения трудящихся, в первую очередь, фабрично-заводских рабочих неземледельческих местностей» и улучшения детского питания Декретом СНК РСФСР «О бесплатном детском питании» от 17 мая 1919 г. была предусмотрена «выдача местными продовольственными органами предметов питания детям до 14 лет как из продовольственных лавок, так и из общественных столовых по карточкам» [16]. Такой серьезный шаг по защите детства еще раз доказывает повышенную заботу власти Советов о будущем поколении страны.

Несмотря на разгар гражданской войны, советская власть Декретом СНК РСФСР «Об увеличении денежного пособия семьям красноармейцев» от 27 мая 1919 г. закрепляет материальное обеспечение «семей красноармейцев, призванных и добровольно вступивших в ряды Красной Армии, в размере 60 руб. с тем, что при наличии одного нетрудоспособного члена семьи пособие выдается в существующем размере 100 руб., при наличии двух нетрудоспособных членов семьи в размере – 120 руб., трех – 180 руб., четырех – 240 руб. и пяти – 300 руб.» [21]. Выдача пособий ближайшим подотделом пайка комиссариата социального обеспечения была предназначена «состоящим действительно на иждивении призванного и с его призывом оказавшимся материально необеспеченными» (по замыслу документа речь шла об отце, достигшем 55 лет, матери 50-летнего возраста, жене при ребенке до 10 лет, детях до 16-летнего возраста) [21].

Постановление СТО РСФСР от 21 августа 1919 г. «Об обеспечении продовольствием семейств красноармейцев» «в целях обеспечения семейств красноармейцев, находящихся как в действующей армии, так и в тыловых частях, и облегчения их продовольственной нужды» предоставило право на дополнительный продовольственный паек по продовольственным карточкам

«Красной Звезды» [22]. Эти меры частично позволили облегчить выживание семей в тяжелейший период истории нашей страны.

Решение продовольственных проблем дополнялось иными нерешенными проблемами. Власть Советов в условиях гражданской войны искала пути выхода из сложившейся обстановки. Так, в Москве на Всероссийском Конгрессе по защите детства (1919) были обсуждены острейшие проблемы общества, в частности младенческая и детская смертность, разгул детской беспризорности и безнадзорности, реалии детской преступности, проблемы воспитания и образованности и иные. Результатом работы с учетом тяжелых условий жизни в стране и лежащей на революционной власти обязанности «оберечь в опасное переходное время подрастающее поколение» стало создание Совета охраны и защиты детей при Наркомпросе (Декрет СНК РСФСР от 4 февраля 1919 г. «Об учреждении Совета Защиты Детей» [11], в функции которого входили борьба с детской беспризорностью, образование детских домов и колоний. Позднее в 1921 г. созданная Детская комиссия при ВЧК объединила работу всех существующих ведомств в борьбе с детской беспризорностью и преступностью.

Решение проблем защиты детства было закреплено и в узаконениях Декрета СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних», который установил, что «все дела о несовершеннолетних обоего пола до 17 лет, замеченных в общественно опасных деяниях, подлежат ведению комиссий о несовершеннолетних» [12]. Таким образом, правонарушения и преступления малолетних не рассматривались судами, что позволяло не назначать строгие меры наказаний. Указанные государственные учреждения оказывали помощь трудным подросткам в рамках социальной реабилитации (налаживалась работа детских домов, колоний, приемников-распределителей, трудовых коммун).

Достижением власти Советов явилось и создание детской социальной инспекции как государственного органа «борьбы с детской беспризорностью, нищенством, проституцией, спекуляцией, правонарушениями», а также «с эксплуатацией детей и дурным с ними обращением в ремесленных, кустарных, фабричных и иных предприятиях и учреждениях, в семье» (Декрет СНК РСФСР от 23 сентября 1921 г. «О детской социальной инспекции») [24]. Узаконения документа определили требования к детским социальным инспекторам, закрепив их повышенный социально-правовой статус («не моложе 21 года, не находящиеся под судом или следствием, не ограниченные в правах по суду, с достаточным общим развитием и образованием, по возможности прошедшие курсы по подготовке вспомогательного педагогического персонала с особой программой, выработанной Народным комиссариатом просвещения при участии Народного комиссариата здравоохранения (курсы братьев и сестер социальной помощи), или имеющие соответственный педагогический стаж») [24]. Братья и сестры социальной помощи должны были дежурить в публичных местах, посещать трудовые мастерские, различные детские учреждения, а также семьи, где существует угроза злоупотребления родительской или опекунской властью; могли задерживать, доставлять и препровождать несовершеннолетних в детские распределительные пункты, а также производить их допрос в данных пунктах при помощи общей милиции. Исследователи отмечают, что «одной из важнейших задач, решавшихся Советским государством с первых лет его существования, была борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью как сложнейшим социальным явлением [7. С. 98]. Органы советской власти пытались справляться с поставленной задачей «урегулированием борьбы с детской беспризорностью и обеспечением правильного бесперебойного выпуска из детских домов подростков, достигших рабочего воз-

раста, на производство и облегчения выпуска части детей путем передачи их на воспитание в крестьянские семьи» [8. С. 11].

Охрана материнства и детства проявляется и в последующей законодательной работе Советов. Рабоче-крестьянское правительство, проявляя озабоченность здоровьем женщин, решившихся на искусственное прерывание беременности (действовавшие ранее религиозные каноны запрещали прерывать деторождение), принимает узаконение в виде постановления Народного комиссариата здравоохранения и Народного комиссариата юстиции РСФСР от 16 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщин» [19], позволившее женщинам в бесплатном порядке в специальных лечебных учреждениях делать легальные медицинские аборт. Указанные меры были продиктованы огромным количеством подпольных абортов, в результате которых у женщин возникали заражения; летальные исходы также не были редкостью. Советское государство осознало насущную потребность урегулирования данной проблемы законодательным путем, так как налицо были растущая смертность матерей, угроза воспроизводству населения. Аборты стали разрешены «бесплатно в обстановке советских больниц, где обеспечивалась под контролем врачей их максимальная безвредность» [19]. Производство данной операции стало разрешено только врачу, а «виновные в производстве этой операции акушерка или бабка лишались права практики и предавались народному суду»; также «врач, произведший операцию плодизгнания в порядке частной практики с корыстной целью, передавался суду» [19]. Указанные законоположения, несомненно, были прогрессивными и свидетельствовали о повышенной заботе советской власти о матерях и их потомстве.

Дальнейшая политика власти Советов по охране материнства и детства в условиях нового революционного быта продолжается принятием Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР (КЗоБСО РСФСР) от 19 ноября 1926 г. [18]. Новшеством документа явилось законодательное уравнение фактических брачных отношений с зарегистрированными в органах записи актов гражданского состояния «для обеспечения интересов матери и особенно детей, уравнения супругов в имущественном отношении и в отношении воспитания детей» [18]. Для понимания таких фактических сожителств были закреплены основания «фактической обстановки жизни»; одним из требований было «совместное воспитание детей» [18]. Отличительной особенностью документа стал переход от раздельности имущества супругов к общности, что по сути отражает содержание супружеской жизни и в случае развода гарантирует имущественное содержание детей («дети, родители которых не состоят в браке, пользуются одинаковыми правами с детьми, родившимися от лиц, состоящих в браке») [18].

Узаконения КЗоБСО РСФСР, свидетельствующие о повышенной охране детства и младенчества, проявились в возможности подачи заявления о добровольном установлении отцовства в период беременности женщины или после рождения ребенка в местный орган записей актов гражданского состояния; также в положениях, согласно которым установленное судом лицо в качестве отца ребенка обязано будет «участвовать в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка, а равно и матери ребенка в течение ее беременности и шестимесячного срока после родов») [18]. Также Кодекс предусматривал узаконения об алиментах не только родителям и детям, но и братьям и сестрам, нуждающимся в помощи.

Положения документа, явно отражающие заботу законодателя по защите детства, закреплены в статьях, устанавливающих, что «родительские права осуществляются исключительно в интересах детей, и при неправомерном их

осуществлении суду предоставляется лишать родителей их прав») [18]. КЗоБСО РСФСР закреплял узаконения об усыновлении и опеке, что было важным направлением в борьбе с возросшей детской беспризорностью и безнадзорностью, бедностью, нищетой и количеством брошенных детей.

После завершения Гражданской войны и голода в Поволжье 1921–1922 гг. советское государство было озабочено проблемами рождаемости, что повлекло за собой принятие Постановления ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 г «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» [17], введшего на законодательном уровне запрет на производство аборт в медицинских организациях. В введении к документу разъяснено, что «уничтожение капиталистической эксплуатации в СССР, рост материального благосостояния и гигантский рост политического и культурного уровня трудящихся позволяют поставить вопрос о пересмотре постановления НКЗ и НКЮ от 18 ноября 1920 г.» [19]. Далее в документе детально раскрывается позиция власти Советов по охране и защите материнства и детства, заботе о здоровье женщины-гражданки, указывается на вредность аборт как социального зла; устанавливается уголовное наказание для медицинского работника за незаконный аборт, а также общественное порицание (при повторном деянии – штраф 300 руб.) для решившейся на операцию женщине. Данная ситуация просуществовала вплоть до 1955 г., когда женщине вновь было предоставлено право решать быть ли ей матерью (указом Президиума Верховного Совета ССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения аборт» было установлено, «что проводимые Советским государством мероприятия по поощрению материнства и охране детства и непрерывный рост сознательности и культурности женщин, позволяют отказаться от запрещения аборт в законодательном порядке») [3].

Таким образом, проведенное исследование доказало эффективность законодательных актов, ряда мер и мероприятий, принимаемых советской властью в 20–40-е гг. XX в., позволивших в сложнейший исторический период жизни нашей страны, обусловленный разгаром гражданской войны, голодом в Поволжье, нищетой, разгулом детской и подростковой преступности, беспризорности и безнадзорности, проводить государственную политику по охране материнства и детства.

Литература

1. *Афанасова Е.Н.* История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920 – 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007. 228 с.
2. *Бендер Е. А.* Борьба с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в РСФСР в 1920–1930-е гг. (на материалах Ленинграда и Ленинградской области): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 187 с.
3. Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 22. Ст. 425.
4. *Гедько М. И.* Государственная социальная политика в отношении детей: Опыт и уроки 1920-х гг. На материалах Москвы и Московской губернии: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 201 с.
5. *Егорькова И. А.* Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в 1918–1935-х гг.: по материалам Нижегородского края: дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2011. 272 с.
6. *Колганова Е.В.* Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – начале XX: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 284 с.
7. *Минеева Е.К., Морозов В.А., Янцева А.С.* Пути преодоления детской беспризорности в советской России в 1920–1930-е гг. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. 2012. № 2(74). С. 97–101.

8. Минеева Е.К., Дмитриев А.Е. Цивильский детский городок имени В.И. Ленина как неформальный центр системы детских учреждений опеки в Чувашской АССР // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 9–13.

9. Саксельцев Г.И. Эволюция крестьянской семьи в российской истории конца XVII–XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 310 с.

10. Семина Н.В. Борьба с детской беспризорностью в 1920–1940-е гг. в России (на примере Пензенского района): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. 283 с.

11. Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 3. Ст. 32.

12. Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 16. Ст. 227.

13. Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160.

14. Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152.

15. Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818.

16. Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 20. Ст. 238.

17. Собрание законодательства СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

18. Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

19. Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 90. Ст. 471.

20. Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 89. Ст. 906.

21. Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 21. Ст. 262.

22. Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 42. Ст. 403.

23. Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 905. П. 51–53.

24. Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 66. Ст. 506.

25. Трефилова М.Н. Трансформация брачно-семейных отношений жителей городов Верхней Волги в конце 1890-х – 1927 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2013. 215 с.

СЕМЕНОВА ИННА ЮРЬЕВНА – аспирантка кафедры отечественной истории; старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (iysemenova@mail.ru).

I. SEMENOVA

MATERNITY AND CHILD WELFARE IN THE 20–40s OF THE 20th CENTURY (ON THE MATERIAL OF LEGISLATIVE ACTS AND EVENTS)

Key words: protection of childhood by the Soviet rule, maternity welfare in the Soviet state, the rights of a maternity patient, civil marriage, backstreet and legal abortion, protection of abandoned and destitute children's rights, building orphanages and shelters, children's social Inspectorate, the fight against homelessness and neglect, All-Russian Congress on childhood protection, juvenile prisons, Commissions for minors.

The theme of maternal and child welfare in the Soviet era (20–40-ies of the 20th century) is not widely studied, although it has a long history. In this article, the author makes efforts to assess the legal provisions of key documents and events in this area of public life in the specified historical framework. The historical period chosen for the study is not accidental; although it was formed under the influence of proletarian ideology, it clearly testifies to the search for the ways to solve the problems of motherhood and childhood in the difficult post-revolutionary years. According to the results of the historical review which covered legislation and events it can be stated that the Soviet government by prescriptive legislation tried to improve the status of women (introduction of maternity leave, breaks for feeding during the working day, assistance to maternity patients, prohibition of abortions for social rather than medical criteria, etc.) and children (legalization of children born from non-married persons, and in invalid marriages; establishing paternity proof through the courts; solving the issues of providing maintenance for their children; recovery of adoption; construction of orphanages and shelters for abandoned children and children of Red Army soldiers; the struggle against child homelessness and neglect, etc.). Establishment of such state institutions as Commissions for minors, children's social inspections and others by the Soviet rule testifies to a well-thought-out model of motherhood and childhood social protection. Further research in this direction is necessary to form a more integral historical picture of the life of a Soviet family in post-revolutionary Russia.

References

1. Afanasova E.N. *Istoriya detskoj besprizornosti v Irkutskoi oblasti i Krasnoyarskom krae v 1920–1930-kh g.g.: dis. ... kand. ist. nauk* [The history of child homelessness in the Irkutsk region and Krasnoyarsk region in the 1920s–1930s.: Cand. Diss.]. Irkutsk, 2007, 228 p.

2. Bender E. A. *Bor'ba s besprizornost'yu i beznadzornost'yu nesovershennoletnikh v RSFSR v 1920-1930-e gg. (na materialakh Leningrada i Leningradskoi oblasti): dis. ... kand. ist. nauk* [Fight against homelessness and neglect of minors in the RSFSR in the 1920s–1930s based on the materials of Leningrad and Leningrad region: Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2015, 187 p.
3. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR], 1955, no. 22, Article 425.
4. Ged'ko M.I. *Gosudarstvennaya sotsial'naya politika v otnoshenii detei: Opyt i uroki 1920-h godov. Na materialakh Moskvy i Moskovsko igubernii: dis. ... kand. ist. nauk* [State social policy for children: experiences and lessons from the 1920s. On materials of Moscow and Moscow province: Cand. Diss.]. Moscow, 1999, 201 p.
5. Egor'kova I.A. *Bor'ba s detskoj besprizornost'yu i beznadzornost'yu v 1918–1935 gg.: po materialam Nizhegorodskogo okraya: dis. ... kand. ist. nauk* [Fight against child homelessness and neglect in 1918–1935: based on the materials of the Nizhny Novgorod region: Cand. Diss.]. Vladimir, 2011, 272 p.
6. Kolganova E.V. *Zarozhdenie sistemy okhrany materinstva i mladenchestva v Rossii v kontse XIX – nachale XX: dis. ... kand. ist. nauk* [The origin of the system of protection of motherhood and infancy in Russia in the late XIX-early XX: Cand. Diss.]. Moscow, 2012, 284 p.
7. Mineeva E.K., Morozov V.A., Yantseva A.S. *Puti preodoleniya detskoj besprizornosti v sovetskoj Rossii v 1920–1930-e gody* [Ways to overcome child neglect in Soviet Russia in the 1920s – 1930s]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012, no. 2(74), pp. 97–101.
8. Mineeva E.K., Dmitriev A.E. *Tsivil'skii detskii gorodok imeni V.I. Lenina kak neformal'nyit sentr sistemy detskikh uchrezhdenii opeki v Chuvashskoi ASSR* [Tsivilsky children's town named after Lenin as an informal center of the system of child care institutions in the Chuvash ASSR]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 1, pp. 9–13.
9. Saksel'tsev G.I. *Evolutsiya krest'yanskoi sem'i v rossiiskoi istorii kontsa XVII–XX vekov: dis. ... kand. ist. nauk* [Evolution of peasant family in the Russian history of the late 17th–20th centuries: Cand. Diss.]. Tomsk, 2013, 310 p.
10. Semina N.V. *Bor'ba s detskoj besprizornost'yu v 1920–1940-e gg. v Rossii (na primere Penzenskogo raiona): diss. ... kand. ist. nauk* [Fight against child homelessness in the 1920s–1940s in Russia on the example of the Penza region: Cand. Diss.]. Penza, 2007, 283 p.
11. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1919, no. 3, Article 32.
12. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1918, no. 16, Article 227.
13. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1917, no. 11, Article 160.
14. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1917, no. 10, Article 152.
15. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1918, no. 76-77, Article 818.
16. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1919, no. 20, Article 238.
17. *Sobranie zakonodatel'stva SSSR* [Collection of USSR legislation], 1936, no. 34, Article 309.
18. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1926, no. 82, Article 612.
19. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1920, no. 90, Article 471.
20. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1918, no. 89, Article 906.
21. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1919, no. 21, Article 262.
22. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1919, no. 42, Article 403.
23. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1918, no. 76-77, Article 905.
24. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1921, no. 66, Article 506.
25. Trefilova M.N. *Transformatsiya brachno-semeinykh otnoshenii zhitelei gorodov Verkhnei Volgi v kontse 1890-kh – 1927 g.: dis. ... kand. ist. nauk* [Transformation of marriage and family relations of residents of the Upper Volga in the late 1890s – 1927: Cand. Diss.]. Ivanovo, 2013, 215 p.

SEMENOVA INNA – Post-Graduate Student of the Russian History Department; Senior Teacher of Civil Legal Disciplines Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (iysemenova@mail.ru).

Формат цитирования: Семенова И.Ю. Охрана материнства и детства в 20–40-е годы XX века (на материалах законодательных актов и событий) // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 183–191.

УДК 94(470)»1919/1935»:316.344.273.6

ББК ТЗ(2)61-284.1

И.Ю. СЕМЕНОВА

РАБОТА ВСЕРОССИЙСКИХ СЪЕЗДОВ ДЕЯТЕЛЕЙ ПО ОХРАНЕ ДЕТСТВА И ЯЧЕЕК ОБЩЕСТВА «ДРУГ ДЕТЕЙ» ПО УКРЕПЛЕНИЮ И ОХРАНЕ СЕМЬИ В МОЛОДОМ СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Ключевые слова: Первый Всероссийский съезд деятелей по охране детства (1919), Второй Всероссийский съезд деятелей по охране детства (1924), Третий Всероссийский съезд деятелей по охране детства (1930), Детский фонд имени В.И. Ленина, Всероссийское общество «Друг детей» (1924–1935), Первый Всероссийский Съезд деятелей по борьбе с детской дефективностью, беспризорностью и преступностью (1920), Всероссийская конференция по борьбе с детской дефективностью (1921), охрана семьи и социальный кризис в первые годы советской власти, ликвидация беспризорности и безнадзорности, бродажничество детей, общества по воспитанию брошенных детей и подростков, общества в борьбе за всеобуч, трудовые коммуны, трудовая общественно полезная деятельность детей и подростков, организация яслей и детских садов, Женотдел РКП(б).

Тема укрепления и охраны семьи в молодом советском государстве не является широко изученной, хотя в этом испытывается острая потребность. Выбранный для исследования период не случаен; он помогает выявить проводимую государственную политику в отношении советской семьи в рассматриваемых исторических рамках. В данной статье автор пытается оценить результаты работы Всероссийских съездов деятелей по охране детства (1919, 1924, 1930) и обозначить их влияние на последующее решение проблем младенчества, детства, материнства в Советской России. Автором акцентировано внимание на работе ячеек Всероссийского общества «Друг детей» во всех уголках страны и их положительных результатах по организации помощи детям и подросткам, улучшению их жизнеобеспечения и культурного развития. Отдельное внимание уделено работе Детского фонда имени В.И. Ленина, созданного в 1924 г. для оказания помощи беспризорным и брошенным детям. Накопленный опыт работы и проводимые масштабные мероприятия по укреплению семьи позволили властям Советов смягчить острые социальные последствия, образованные в результате революции 1917 года, Первой мировой и Гражданской войн, голода в Поволжье в 1921–1922 гг. Начиная с 20-х гг. XX в. власть Советов объявила о поголовной вовлеченности трудящихся женщин в строительство социалистического общества (работа Женотдела РКП(б) и женсекторов по агитации и пропаганде), к середине 30-х гг. было заявлено о ликвидации беспризорности. Исследование работы различных общественных организаций по организации помощи и поддержки семьи, женских движений во благо укрепления семьи в первые годы советской власти позволит оценить систему взаимодействия семьи и молодого советского государства и последующую государственную семейную политику.

Различные стороны жизнедеятельности семьи в любую историческую эпоху являются объектом исследования многих наук. Ими интересуются политологи, социологи, экономисты, медики, психологи, правоведы и историки. В историческом плане особое внимание ученых уделяется причинам и условиям, повлиявшим на формирование и развитие семьи, семейных ценностей и устоев, быта и уклада семейной жизни, и иным вопросам, которые позволяют оценить семью как ячейку общества на указанном этапе развития человеческой цивилизации. Обычно исследователи рассматривают определенную сферу семейных взаимоотношений (Е.Н. Афанасова [1], Е.А. Бендер [2], М.И. Гедько [3], И.А. Егорькова [4], Е.В. Колганова [5], Г.И. Саксельцев [8], Н.В. Семина [9], М.Н.Трефилова [23] и др.); данная работа имеет целью рас-

смотреть взаимодействие семьи и советского государства через работу съездов и общественных организаций в первые годы власти Советов. Такое исследование, на наш взгляд, позволит оценить их положительное влияние на проводимую в стране государственную политику по борьбе с беспризорностью и бездомностью; выявить социальные инструменты, применяемые правительством большевиков по укреплению семьи, защите и поддержке младенчества и материнства.

События Октябрьской революции 1917 года, Первой мировой и Гражданской войн, голода в Поволжье 1921–1922 гг. вызвали хозяйственную разруху, нищету, разгул детской и подростковой преступности, огромные масштабы беспризорности и безнадзорности, увеличение числа детей-сирот и брошенных детей, деформацию семейных ценностей и устоев и иные социально-негативные проблемы. Их решение в первоочередном порядке стало задачей молодой советской власти, которые она начала стремительно реализовывать. Видные партийные деятели и широкая общественность были озабочены в первую очередь заботой о детях (В.И. Ленин, Н.К. Крупская, Ф.Э. Дзержинский, А.В. Луначарский, А.С. Макаренко, А.М. Горький, П.П. Блонский, М.И. Калинин и др.).

2–8 февраля 1919 г. в Москве состоялся Первый Всероссийский съезд деятелей по охране детства, созданный по инициативе Народного комиссариата социального обеспечения. Исследователями верно отмечено, что «советская власть с первых же дней своего существования начала проявлять заботу о детях» [6. С. 98]. Открывая работу съезда, обращаясь с приветственным словом к собравшимся, Народный Комиссар соцобеспечения А.Н. Винокуров обозначил его цель – «обменяться мнениями, поделиться опытом и выработать наилучший план социалистической охраны детей». Во исполнение обозначенной цели делегатами (около 300 участников) обсуждались задачи первостепенной важности по всем направлениям защиты и охраны детства, в том числе особое внимание было уделено неотложным мерам по спасению детей, а также функционированию детских домов и приютов как основе воспитания подрастающего поколения в духе идей коммунизма.

Во исполнение резолюций Съезда по инициативе председателя СНК В.И. Ленина был создан Государственный Совет защиты детей (Декрет СНК от 4 февраля 1919 г. «Об учреждении Совета защиты детей») [18]. В документе отмечалась «необходимость снабжения детей пищей, одеждой, помещением, топливом, медицинской помощью» [18], что свидетельствовало об озабоченности правительства большевиков изысканием средств для надлежащего жизнеобеспечения воспитанников детских домов совместными усилиями представителей различных ведомств (Народного комиссариата социального обеспечения, Народного комиссариата просвещения, Народного комиссариата здравоохранения, продовольствия, труда [18]).

Резолюция Съезда предусматривала и ликбез. Большая часть населения страны была неграмотной или малограмотной, в связи с чем принятым Декретом ВЦИК и СНК от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности» «все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке по желанию» [10]. Принятие данного исторического для нашей страны документа позитивно отразилось на всех сторонах жизни рабоче-крестьянской семьи. Декрет устанавливал сроки ликвидации безграмотности (они определялись гу-

бернскими и городскими Советами депутатов для данной местности), а также предусматривал «уголовную ответственность для уклоняющихся от установленной повинности и препятствующих неграмотным посещать школы» [8]. Выполнение указанной повинности было возложено на Народный комиссариат просвещения, который в сложнейшей послевоенной обстановке практически поголовной неграмотности (по данным переписи населения 1897 г. в России грамотное население составляло лишь 24%) приступил к ее исполнению. Учиться грамоте надлежало ежедневно, «рабочий день сокращался на два часа с сохранением заработной платы» [10]. Уже к 1920 г. при Наркомпросе была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по ликвидации неграмотности и малограмотности, имевшая ячейки на местах. ВЧК ликбез вел обучение всего взрослого населения страны. Указанная повинность дала ошеломляющий эффект, так как данные переписи населения 1939 г. свидетельствовали о том, что уровень грамотного населения превысил 80%. Наркомпрос последовательно привлекал к обучению грамоте все общественные организации под лозунгом «Грамотный обучи неграмотного», и здесь нельзя не отметить активную работу делегатов Женотдела по просвещению трудящегося населения в рамках исполнения трудовой повинности. Созданное и по его инициативе, в том числе, добровольное общество «Долой неграмотность» и его ячейки во всех местностях и организациях (Чувашское отделение – март, 1924 г.) позволили ускорить решение проблемы ликбеза.

Агитация и пропаганда стали мощными ресурсами власти Советов в борьбе за светлое коммунистическое будущее в первое десятилетие своего существования. Нормативное обеспечение для их реализации было заложено принятием постановления Президиума ВЦИК РСФСР «Об организации Отдела Советской Пропаганды» от 5 декабря 1918 г. [15], Декретом ВЦИК и СНК РСФСР «О Главном политико-просветительском комитете Республики (Главполитпросвете)» от 12 ноября 1920 г. [16] и иными законоположениями. Агитационно-просветительская деятельность Отдела при ЦК и местных комитетах РКП (б)/ВКП (б) по работе среди женщин (Женотдела), созданного в 1919 году по инициативе ЦК РКП (б), активно оказывала влияние на институт семьи в первые годы советской власти. Огромным достижением в работе данной общественной организации стало инициирование ею принятия большого массива узаконений в сфере брачного, семейного и опекунского права, уравнивающих в правах женщин и мужчин. Советская власть ставила перед собой задачу вовлечения каждой трудящейся женщины в строительство нового социалистического общества. Результатом работы женотделов явилось желание любой деятельной крестьянки, работницы фабрики или обычной домохозяйки приложить все свои силы для строительства «государства светлого коммунизма». Женотделы помогали социализации быта и уклада семейной жизни трудящихся женщин; инициировали строительство детских приютов, детских городков, трудовых коммун, ночлежек для беспризорных детей, школьных столовых, детских садов и яслей; помогали едой и жильем семьям красноармейцев, а также их женам и вдовам.

Нельзя не отметить и огромное историческое значение работы Первого Всероссийского съезда деятелей по борьбе с детской дефективностью, беспризорностью и преступностью (24 июня – 2 июля 1920 г., Москва), делегатами которого стали 250 человек врачебно-педагогической общественности

страны и 300 гостей (из приглашенных А.С. Грибоедов, А.М. Горький и др.). Насыщенная работа съезда (заслушано 83 доклада) своей первостепенной задачей государственной важности видела «определение новых перспектив в развитии помощи дефективным детям и в борьбе с беспризорностью». Программа съезда предусматривала разноплановую работу в борьбе с указанными социально-негативными явлениями, так как считалось, что именно дефективность является первопричиной, социальным злом, которое следует искоренить (изыскивались причины дефективности и определялись меры борьбы с ней, решились вопросы всеобщего обучения умственно отсталых детей, создания для них специализированных детских домов и интернатов, был сделан акцент на подготовку педагогических кадров-дефектологов и иное). Уже через год возникла насущная потребность в обсуждении новых проблем, волновавших широкую общественность страны, что привело к проведению Всероссийской конференции по борьбе с детской дефективностью (30 сентября – 8 октября 1921 г., Москва). Здесь были подняты не менее насущные проблемы (открытие специализированных лечебных и учебных заведений для умственно отсталых детей различного типа и вида, трудовое воспитание и вовлечение их в общественно полезную деятельность, подготовка специалистов-дефектологов в государственном масштабе, ведение научной работы в области дефектологии с изданием специальной учебной литературы, брошюр и иное). Руководящей партией работе конференции была дана высокая оценка; деятельность ее серьезным образом повлияла на отношение государства к социальным проблемам общества.

Деятельность Второго Всероссийского съезда деятелей по охране детства (1924) была не менее активной и результативной. Помимо решения насущных проблем по охране младенчества и материнства, охране семьи особо пристальное внимание делегатов съезда было обращено на организацию трудового общественно-политического воспитания детей и подростков. Итогом обсуждения стало принятие мер по улучшению работы государственных воспитательных учреждений для детей, лишившихся родителей или потерявших связь с ними, детей одиноких матерей, а также детей, нуждающихся в помощи и защите государства вследствие объективных причин, закрепленных в узаконениях ВЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по подготовке воспитанников детских домов к трудовой общественно полезной деятельности» (1925) [11]. Также результаты работы съезда заложили основы для принятия Постановления ЦИК и СНК СССР от 5 апреля 1926 г. «О порядке и условиях передачи воспитанников в крестьянские семьи для подготовки к сельскохозяйственному труду» [13], Постановления ЦИК и СНК СССР от 6 февраля 1928 г. «О передаче воспитанников детских домов в крестьянские семьи» [14], Постановления ЦИК и СНК СССР от 28 мая 1928 г. «О порядке и условиях передачи воспитанников детских домов и других несовершеннолетних трудящихся в городах и рабочих поселках» [17]. Данные документы определяли договорной процесс и все условия передачи воспитанников детских домов в руки трудящихся опекунов с целью их надлежащего обеспечения и содержания. Советская власть искала различные варианты жизнеустройства детей-сирот и брошенных детей и подростков, пыталась бороться «с детской беспризорностью и путем обеспечения правильного бесперебойного выпуска из детских домов подростков, достигших рабочего возраста, на производство

и облегчения выпуска части детей путем передачи их на воспитание в крестьянские семьи» [7. С.11].

Доказательством озабоченности власти Советов проблемами детства стало и принятие Постановления II Съездом Советов СССР от 26 января 1924 г. «О создании специального фонда имени В.И. Ленина при ЦИК СССР для организации помощи беспризорным детям» с размером общесоюзного фонда в 100 млн руб. [19]. Документ предусматривал разноплановую систему мер и мероприятий для осуществления различной помощи, которая преимущественно должна была оказываться «жертвам гражданской войны и голода» [19]. Фонд начал свою активную деятельность во всех уголках страны под контролем детской комиссии при ВЦИК СССР под руководством Ф.Э. Дзержинского, основной функцией которой являлось улучшение жизни детей и их социального положения.

Не менее важным по значимости для решения социальных проблем детства стало принятие по итогам работы Съезда 13 августа 1926 г. Постановления ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью»; в дальнейшем на его основе был разработан план борьбы с данным социальным злом [12]. Исследователи отмечают, что «одной из важнейших задач, решавшихся Советским государством с первых лет его существования, была борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью как сложнейшим социальным явлением» [6. С. 98]. Указанным документом расширялись возможности улучшения и расширения трудовой подготовки детей в детских домах и приютах, подростков в трудовых коммун, на хозяйственных и промышленных предприятиях. Все местные органы власти по указанию ЦИК должны были содействовать привлечению молодежи к исполнению трудовой повинности, способствовать ликвидации безнадзорности и бродяжничества детей. Помощь в решении данного вопроса оказывал комсомол, органы правопорядка, профсоюзы, женское движение и работа ряда общественных организаций.

Работа Съезда сподвигла небезучастную общественность страны на создание общественной организации, имеющей одну цель – помощь детям и охрану их интересов. Основа для появления Всероссийского общества «Друг детей» (ОДД) для помощи детям-сиротам и брошенным детям была заложена Н.К. Крупской в 1924 г., когда она выступила инициатором его создания. На местах были образованы отделения общества под руководством детских комиссий при ВЦИК, именуемые «обществами друзей беспризорного ребенка». Такие общества, созданные практически в каждом регионе РСФСР к 1926 г., имеющие свои опознавательные знаки отличия «Общество друзей беспризорного ребенка», ставили перед собой цели постоянной вербовки новых друзей для реализации своей миссии (в членском билете в памятке члену общества было рекомендовано «в период трех месяцев членства завербовать десять новых членов вне своего предприятия», а при вербовке 20-25 человек выплачивалась премия и член общества удостоивался особого жетона»). Агитационно-пропагандисткая деятельность общества имела патриотический характер. Работа по организации быта, жизнеустройства в дома-интернаты и приемные семьи, вовлечению в общественно полезную деятельность беспризорных детей носила массовый характер. До 1930 года в основном решались насущные бытовые проблемы беспризорных детей

(обеспечение их койко-местом в доме-приюте, детском городке; снабжение одеждой и обувью по временам года; организация горячего питания и лечебный контроль за состоянием здоровья). В дальнейшем постановлением ЦК ВКП (б) от 21 мая 1930 г. «О создании массовой пролетарской общественной организации вокруг практических задач коммунистического воспитания» [20] и постановлением ВЦИК и СНК СССР от 30 ноября 1930 г. об объединении местных организаций общества «Друг детей» во Всероссийское общество «Друг детей» [21] были заложены основы сильной и мощной общественной организации помощи детям, охватывающей территорию всей страны. Во всех республиках Советского Союза были учреждены отделения ОДД, устав которого предусматривал возможность каждого быть его членом. Членство подразумевало ежемесячную уплату членского взноса (от 5 до 25 копеек), возможность стать обладателем красной книжечки (членский билет № 1 был выдан 5 декабря 1923 г. В.И. Ленину с указанием на право носить почетное звание «Друг детей») и нагрудного значка с наименованием общества. Общество издавало ежемесячный журнал до 1933 г., в котором красочно и с учетом примеров по разным регионам освещалась работа ОДД (печатались фотографии беспризорников, работающие вместе с трудящимися в полях и в производственных мастерских; освещался их культурный и спортивный досуг; занятия по обучению грамоте, политпросвещению и иное).

Общество «Друг детей» (1924–1935) работало во всех направлениях по защите и охране детства под лозунгом «Все на помощь детям»: борьба за всеобщее чтение лекций в пунктах ликвидации безграмотности, бесед с трудовым народом по ликбезу, работа в школах-шестилетках по обучению грамоте и школах повышенного типа, а также в школах крестьянской молодежи; помощь в материально-техническом и ресурсном обеспечении работы школ, содействие им в учебно-методической и воспитательной работе; создание яслей и детских садов в помощь трудящимся в выполнении их родительской функции; нравственное и культурное просвещение детей и подростков; работа с детьми с дефектами во взаимодействии с дефектологами и делегатками женотделов; педагогическая пропаганда среди подростков и взрослого населения в духе коммунизма через патриотизм; контроль за работой воспитательных учреждений для детей-сирот, трудных подростков и иное. К середине 1930-х гг. советская власть практически справилась с задачей ликвидации беспризорности и бездомности детей и подростков (закреплено в СНК и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» [22]), в связи с чем работа отделений Общества свертывалась и к 1935 г. они распались. В результате проведенной крупномасштабной работы число беспризорных детей резко сократилось (в 1923 г. насчитывалось около 4000 детских воспитательных учреждений различных типов и видов с численностью воспитанников более 250 тыс. человек, то к 1928 г. уже чуть более 1900 с числом воспитанников около 160 тыс.).

Работа Третьего Всероссийского съезда по охране детства (1930) была не менее плодотворной. Снова затрагивались вопросы улучшения жизнеобеспечения семьи, быта и уклада семейной жизни, особенно защиты младенчества и материнства через систему социального обеспечения и социальной помощи. В решении съезда было указано на необходимость прикрепления каждого детского дома к промышленному городскому производству или к

колхозу либо в деревне и на селе с целью улучшения трудовой подготовки воспитанников. К решению поставленных на съезде задач привлекались все общественные организации и трудовые коллективы (профсоюзы, комсомол, пионерские и иные общественные организации), милиция, уголовный розыск и иные органы правопорядка.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что советская власть в первые годы своего существования, несмотря на тяжелейшую социально-экономическую ситуацию, все же пыталась и смогла в определенной мере достойно решить острые проблемы по укреплению семьи, охране и защите детства и материнства, опираясь на работу партийных органов, общественных организаций и органов правопорядка. Именно общественные организации, в частности региональные ячейки Всероссийского общества «Друг детей», на наш взгляд, сыграли немаловажную роль в решении проблем борьбы с беспризорностью, безнадзорностью, бездомностью, безграмотностью и малограмотностью, культурной отсталостью, детской и подростковой преступностью, преодолением нищеты и бедности в молодом советском государстве.

Литература

1. *Афанасова Е.Н.* История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920 – 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007. 228 с.
2. *Бендер Е. А.* Борьба с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в РСФСР в 1920–1930-е гг. (на материалах Ленинграда и Ленинградской области): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 187 с.
3. *Гедько М. И.* Государственная социальная политика в отношении детей: Опыт и уроки 1920-х гг. На материалах Москвы и Московской губернии: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 201 с.
4. *Егорькова И. А.* Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в 1918–1935-х гг.: по материалам Нижегородского края: дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2011. 272 с.
5. *Колганова Е.В.* Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – начале XX: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 284 с.
6. *Минеева Е.К., Морозов В.А., Янцева А.С.* Пути преодоления детской беспризорности в советской России в 1920–1930-е гг. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. 2012. № 2(74). С. 97–101.
7. *Минеева Е. К., Дмитриев А.Е.* Цивильский детский городок имени В.И. Ленина как неформальный центр системы детских учреждений опеки в Чувашской АССР // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 9–13.
8. *Саксельцев Г.И.* Эволюция крестьянской семьи в российской истории конца XVII–XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 310 с.
9. *Семина Н.В.* Борьба с детской беспризорностью в 1920–1940-е гг. в России (на примере Пензенского района): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. 283 с.
10. *Собрание узаконений РСФСР.* 1919. № 67. Ст. 592.
11. *Собрание узаконений РСФСР.* 1925. № 23. Ст. 304.
12. *Собрание узаконений РСФСР.* 1926. № 56. Ст. 407.
13. *Собрание узаконений РСФСР.* 1926. № 21. Ст. 168.
14. *Собрание узаконений РСФСР.* 1928. № 27. Ст. 196.
15. *Собрание узаконений РСФСР.* 1918. № 90. Ст. 923.
16. *Собрание узаконений РСФСР.* 1920. № 91. Ст. 475.
17. *Собрание узаконений РСФСР.* 1928. № 64. Ст. 462.
18. *Собрание узаконений РСФСР.* 1919. № 3. Ст. 32.
19. *Собрание узаконений РСФСР.* 1924. № 2. Ст. 20.
20. *Собрание узаконений РСФСР.* 1930. № 57. Ст. 685.
21. *Собрание узаконений РСФСР.* 1930. № 55. Ст. 246.
22. *Собрание законодательства СССР.* 1935. № 32. Ст. 252.
23. *Трефилова М.Н.* Трансформация брачно-семейных отношений жителей городов Верхней Волги в конце 1890-х – 1927 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Ивановский гос. ун-т. Иваново, 2013. 215 с.

СЕМЕНОВА ИННА ЮРЬЕВНА – аспирантка кафедры отечественной истории; старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (iysemenova@mail.ru).

I. SEMENOVA

THE WORK OF ALL-RUSSIAN CONGRESSES OF LEADERS FOR CHILD WELFARE AND MEMBERS OF THE SOCIETY "FRIEND OF CHILDREN" TO STRENGTHEN AND PROTECT THE FAMILY IN THE YOUNG SOVIET STATE

Key words: *The first nationwide Congress of leaders for child welfare (1919), the Second nationwide Congress of agents for child welfare (1924), the Third nationwide Congress of agents for child welfare (1930), Children's Foundation named after V.I. Lenin, All-Russian society "Friend of children" (1924–1935), the First nationwide Congress of leaders for the fight against child defectiveness, homelessness and child criminality (1920), All-Russian conference on the fight against child defectiveness (1921), protection of the family and social crisis in the first years of the Soviet power, eradication of homelessness and child neglect, homelessness of children, societies for educating abandoned children and adolescents, societies in the struggle for universal education, labor communes, labour and socially beneficial activities of children and adolescents, organization of nurseries and kindergartens, the women's departments of the RCP(b).*

The topic of strengthening and protecting the family in the young Soviet state is not widely studied, although there is an urgent need for it. The period chosen for the study is not accidental; it helps to identify the ongoing state policy towards the Soviet family in the historical framework under consideration. In this article, the author tries to assess the results of nationwide congresses of child welfare leaders (1919, 1924, 1930) and to identify their impact on subsequent solving the problems of infancy, childhood, motherhood in the Soviet Russia. The author focuses on functioning of units being part of the all-Russian society "Friend of children" in all parts of the country and their positive results in organizing assistance to children and adolescents, improving their life sustaining and cultural development. Special attention is paid to functioning of V.I. Lenin Children's Foundation, established in 1924 to help homeless and abandoned children. Accumulated experience and large-scale measures to strengthen the family allowed the Soviet authorities to mitigate acute social consequences resulting from the revolution of 1917, the First world and Civil wars, famine in the Volga region in 1921–1922. Beginning with the 20s of the 20th century the Soviet power announced a universal involvement of working women in construction of the socialist society (the work of the Women's Department of the RCP (b) and the women's sectors for agitation and propaganda), by the mid-30s it was stated that homelessness was eradicated. The study of various public organizations' functioning to assist and support the family, women's movements for the benefit of strengthening families in the first years of the Soviet power will make it possible for us to evaluate the interaction between the family and the young Soviet state and subsequent state family policy.

References

1. Afanasova E.N. *Istoriya detskoj besprizornosti v Irkutskoi oblasti i Krasnoyarskom krae v 1920–1930-kh g.g.: dis. ... kand. ist. nauk* [The history of child homelessness in the Irkutsk region and Krasnoyarsk region in the 1920s–1930s.: Cand. Diss.]. Irkutsk, 2007, 228 p.
2. Bender E.A. *Bor'ba s besprizornost'yu i beznadzornost'yu nesovershennoletnikh v RSFSR v 1920–1930-e gg. (na materialakh Leningrada i Leningradskoi oblasti): dis. ... kand. ist. nauk* [Fight against homelessness and neglect of minors in the RSFSR in the 1920s–1930s based on the materials of Leningrad and Leningrad region: Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2015, 187 p.
3. Ged'ko M.I. *Gosudarstvennaya sotsial'naya politika v otnoshenii detei: Opyt i uroki 1920-h godov. Na materialakh Moskvy i Moskovsko igubernii: dis. ... kand. ist. nauk* [State social policy for children: experiences and lessons from the 1920s. On materials of Moscow and Moscow province: Cand. Diss.]. Moscow, 1999, 201 p.
4. Egor'kova I.A. *Bor'ba s detskoj besprizornost'yu i beznadzornost'yu v 1918–1935 gg.: po materialam Nizhegorodskogo okraya: dis. ... kand. ist. nauk* [Fight against child homelessness and neglect in 1918–1935: based on the materials of the Nizhny Novgorod region: Cand. Diss.]. Vladimir, 2011, 272 p.
5. Kolganova E.V. *Zarozhdenie sistemy okhrany materinstva i mladenchestva v Rossii v kontse XIX – nachale XX: dis. ... kand. ist. nauk* [The origin of the system of protection of motherhood and infancy in Russia in the late XIX-early XX: Cand. Diss.]. Moscow, 2012. 284 p.

6. Mineeva E.K., Morozov V.A., Yantseva A.S. *Puti preodoleniya detskoj besprizornosti v sovet-skoi Rossii v 1920–1930-e gody* [Ways to overcome child neglect in Soviet Russia in the 1920s – 1930s]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012, no. 2(74), pp. 97–101.
7. Mineeva E.K., Dmitriev A.E. *Tsivil'skii detskii gorodok imeni V.I. Lenina kak neformal'nyit sentr sistemy detskikh uchrezhdenii opeki v Chuvashskoi ASSR* [Tsivilsky children's town named after Lenin as an informal center of the system of child care institutions in the Chuvash ASSR]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 1, pp. 9–13.
8. Saksel'tsev G.I. *Evolutsiya krest'yanskoi sem'i v rossiiskoi istorii kontsa XVII–XX vekov: dis. ... kand. ist. nauk* [Evolution of peasant family in the Russian history of the late 17th–20th centuries: Cand. Diss.]. Tomsk, 2013, 310 p.
9. Semina N.V. *Bor'ba s detskoj besprizornost'yu v 1920–1940-e gg. v Rossii (na primere Penzenskogo raiona): diss. ... kand. ist. nauk* [Fight against child homelessness in the 1920s–1940s in Russia on the example of the Penza region: Cand. Diss.]. Penza, 2007, 283 p.
10. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1919, no. 67, Article 592.
11. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1925, no. 23, Article 304.
12. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1926, no. 56, Article 407.
13. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1926, no. 21, Article 168.
14. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1928, no. 27, Article 196.
15. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1918, no. 90, Article 923.
16. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1920, no. 91, Article 475.
17. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1928, no. 64, Article 462.
18. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1919, no. 3, Article 32.
19. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1924, no. 2, Article 20.
20. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1930, no. 57, Article 685.
21. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1930, no. 55, Article 246.
22. *Sobranie zakonodatel'stva SSSR* [Collection of USSR legislation], 1935, no. 32, Article 252.
23. Trefilova M.N. *Transformatsiya brachno-semeinykh otnoshenii zhitelei gorodov Verkhnei Volgi v kontse 1890-kh – 1927 g.: dis. ... kand. ist. nauk* [Transformation of marriage and family relations of residents of the Upper Volga in the late 1890s – 1927: Cand. Diss.]. Ivanovo, 2013, 215 p.

SEMENOVA INNA – Post-Graduate Student of the Russian History Department; Senior Teacher of Civil Legal Disciplines Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (iysemenova@mail.ru).

Формат цитирования: Семенова И.Ю. Работа Всероссийских съездов деятелей по охране детства и ячеек общества «Друг детей» по укреплению и охране семьи в молодом Советском государстве // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 192–200.

УДК 94 (03.29)+372.878+78.07,08+782+784+930.85+7.071
ББК 63.3(2)+85.313(2)+85.314+87.3(2)

Д.Н. СЕМКИН

ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Н.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: история отечественной культуры, история вокального искусства, опера, романсы, русская вокальная школа, русские композиторы, оперные певцы.

Актуальность тематики, затронутой в статье, обусловлена необходимостью сохранения и развития русского музыкального наследия в связи с юбилеем одного из титанов русской музыки композитора, дирижёра, педагога, общественного деятеля Н.А. Римского-Корсакова. Целью работы являлась реальная всесторонняя оценка уникального вклада композитора в развитие отечественной культуры. Статья подобной тематики публикуется впервые, в частности, проведен анализ многогранной деятельности композитора, в статье впервые отражен вокально-исполнительский и вокально-технический анализ выдающихся произведений автора, изучены основные стилистические черты вокального наследия Н.А. Римского-Корсакова, впервые сформулирован вокальный стиль, выработанный композитором, приведены его характерные особенности. Деятельность Римского-Корсакова рассматривается и с позиций роли и места русской интеллигенции в истории Отечества. Обобщены и систематизированы основные события, факты творческой биографии Н.А. Римского-Корсакова в контексте уникальности вклада в развитие вокальной, музыкальной и общественной культуры российского общества. В качестве выводов систематизированы основания, подтверждающие выдающуюся роль Н.А. Римского-Корсакова в истории отечественной культуры.

В 2019 г. исполнилось сто семьдесят пять лет со дня рождения выдающегося русского композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова (1844–1908). Это, без сомнения, отличный повод для современного взгляда на масштаб личности Н.А. Римского-Корсакова – не только композитора, а педагога, дирижёра и общественного деятеля, выдающегося многогранного человека.

Сегодня, как нам кажется, диапазон многогранного творческого наследия Н.А. Римского-Корсакова в сравнении, скажем, с П.И. Чайковским, М.П. Мусоргским или С.В. Рахманиновым в мире недооценен. Не умаляя ни в коей мере гениальность указанных персоналий, предположим, что одним из оснований для этой недооценки явилась исключительно крепкая связь творчества композитора с исконно русской культурой, в том числе и с русской музыкальной культурой.

Нельзя, по нашему мнению, не согласиться с М. Якубовым: «Образцово-показательный классик обречен сделаться чем-то усредненным, не выдающимся. Так и случилось с Римским-Корсаковым... среди корифеев золотого века русской музыки Римский-Корсаков, без преувеличения, наименее понятый и, стало быть, не до конца оцененный. Наследие этого творца, несравненного по глубине связей с древнейшими пластами народного мирозерцания и исключительного по национальному своеобразию не только языка и стиля, но и всей художественно-философской концепции, заслуживает непредвзятого и пристального взгляда» [7. С. 438–439].

Выдающийся музыкальный критик В. Стасов писал: «Ни его талант, ни его энергия, ни беспредельное доброжелательство к ученикам и товарищам никогда не слабели. Славная жизнь и глубоко национальная деятельность такого человека должны составлять нашу гордость и радость... Много ли можно указать во всей истории музыки таких высоких натур, таких великих художников и таких необычайных людей, как Римский-Корсаков?» [6].

Николай Андреевич родился 18 марта 1844 г. в Тихвине в семье интеллигентной – отец Андрей Петрович был из дворянского рода, мать Софья Васильевна получила хорошее образование, в том числе и музыкальное. Музыка в семье любили и были рады, когда у Николая проявились отличные музыкальные способности – музыкальная память и абсолютный слух. В 11 лет была попытка и собственного сочинения музыки. Однако композитор вспоминает, что «сделаться же музыкантом я никогда не мечтал, учился музыке не особенно прилежно, и меня пленяла мысль быть моряком» [2. С. 17].

По семейной традиции Николаю предстояла морская служба. В 12 лет он был определен в Морской кадетский корпус. Учился усердно и ровно. Но с того же года стал брать уроки музыки у музыканта оркестра Александрейского театра. С 1858 г. он стал учиться у известного пианиста Ф. Канилле и совершать первые опыты сочинительства. Именно Канилле познакомил Николая с М. Балакиревым, М. Мусоргским и Ц. Кюи, и, подружившись в ними, Николай примкнул к дружескому кружку композиторов, который позже В. Стасов назвал «Могучей кучкой». Таким образом, с 17 лет музыка стала заполнять всю жизнь кадета.

Так или иначе учёба в Морском кадетском корпусе способствовала как развитию интеллектуальных качеств Николая, так и становлению характера. Еще долго Н. Римский-Корсаков состоял на флотской службе, совершил трёхлетнее кругосветное путешествие, с 1865 г. был на береговой службе и стал теснее общаться с музыкальными кругами.

Отметим, что это далеко не единственный исторический пример сочетания и гармоничного существования в личности, казалось бы, совершенно разных способностей и качеств. По нашему мнению, именно развитие «инженерного» мышления юноши в определенной части положительным образом сказалось на становлении его композиторского творчества.

В истории нашей страны, включая период XX в., мы можем найти ряд примеров сочетания в выдающихся личностях разных «начал». Например, выдающиеся певцы: народная артистка СССР И.К. Архипова (1925–2010) перед потрясающей вокальной карьерой с отличием окончила архитектурный институт, народный артист СССР А.П. Иванов (1904–1982) по первой специальности около шести лет преподавал математику и физику. Грамотное отношение к своему делу, развитое межпредметное мышление, настоящий интеллектуальный подход к материалу всегда будут отличать таких людей, именно эти качества позволяют им вносить еще более весомый вклад в развитие отечественной культуры.

Первая симфония Н.А. Римского-Корсакова 1865 г. имела успех и уже в ней проявились русский характер и песенный тематизм. В 1866 г. он сочиняет первый романс. Первая же опера «Псковитянка» была завершена в 1872 г. (и имела редакции 1878 г. и 1892 г.). Именно оперное творчество и станет главной «глыбой» в наследии композитора.

Надо подчеркнуть, что молодой композитор много работал над совершенствованием своей профессиональной техники, которую считал недостаточной. Безусловно, и в этом мы видим пример огромного трудолюбия.

К тому времени к «Могучей кучке» присоединились А.П. Бородин и А.С. Даргомыжский. И именно молодой Римский-Корсаков уже помогает А. Даргомыжскому в оркестровке оперы «Каменный гость». Такая помощь будет характерна для Римского-Корсакова. История не знает много примеров такой поддержки одним выдающимся композитором творений других талантливых и выдающихся авторов – своего рода уникальность дарования и личности Николая Андреевича.

О редком бескорыстии и самокритичности композитора говорят следующие его слова, связанные с его редакцией оперы М. Мусоргского «Борис Годунов»: «...дав новую обработку «Бориса», я не уничтожил первоначального вида, я не закрасил навсегда старые фрески. Если когда-нибудь придут к тому, что оригинал лучше, ценнее моей обработки, то обработку мою бросят и будут давать «Бориса» по оригинальной партитуре» [2. С. 424].

Педагогический талант Н.А. Римского-Корсакова проявляется всё активнее, уже в 1871 г., т.е. в довольно молодом возрасте, он становится профессором Петербургской консерватории, директором Бесплатной музыкальной школы (1874–1881 гг.). С 1874 г. он начинает активно дирижировать симфоническими концертами.

Примерно в сорок лет он вступает, можно сказать, в главный период своего творчества – всё ярче начинает проявляться его особый талант оперного композитора.

Через свое творчество Римский-Корсаков несёт заложенные «Могучей кучкой» яркие национальные черты гармонической стилистики русской музыки и как никто другой гениально развивает их. С одной стороны, это усиление и заострение русского национального своеобразия гармонии, с другой – подчёркивание роли гармонических особенностей в создании конкретных музыкальных образов. В полной мере это проявляется почти во всех 15 операх Римского-Корсакова.

Второй оперой стала «Майская ночь» (1880). В ней уже в полной мере проявился гениальный дар мелодиста Н. Римского-Корсакова. Партия Левко, по праву, является одной из самых красивых теноровых партий не только русской оперной литературы, но и мировой сокровищницы теноровых партий.

Замечательна «Снегурочка» (1881) – «весенняя сказочка» композитора будто бы закрепляла за ним амплуа композитора-сказочника.

Опера-балет «Млада» (1892) ярко показала и симфонический дар Николая Андреевича.

«Ночь перед Рождеством» (1895) была создана по мотивам известного произведения Н.В. Гоголя, что подтверждает абсолютную приверженность композитора к драматургическому материалу только высокого уровня.

Опера «Садко» (1896) явилась большой победой композитора. Основой оперы с точки зрения музыкального материала во многом послужила созданная еще в период «Могучей кучки», в 1867 г., музыкальная картина «Садко». Масштаб же этого оперного произведения, его абсолютно русский дух и характер, потрясающе звучащий оркестр сделали «Садко» одной из выдающихся среди всех русских опер. Вспомним прекрасную простоту и сочность гармоний, к примеру, дуэта Волховы и Садко и его реминисценцию в следующем

действию оперы, сопровождающуюся богатейшей палитрой и наполненностью оркестра. И сегодня видится актуальной идея, отраженная в образе Садко, имеющая русскую ментальную природу, – это желание сделать большое доброе дело для всех людей, сделать бескорыстно, стремиться к воплощению своей мечты даже через насмешливое непонимание окружающих.

Одноактные оперы «Моцарт и Сальери» (1898), «Боярыня Вера Шелога» (1898), может быть, не стали столь репертуарными, как другие оперы, но период их создания был для композитора очень плодотворным периодом творческой зрелости и накопленного выдающегося мастерства.

А вот «Царская невеста» (1899) до сих пор остается одной из самых репертуарных русских опер, ставится не только на больших сценах, но и в оперных классах многих консерваторий России.

В 1900 г. появилась опера «Сказка о царе Салтане». В 1902 г. – сразу две, не похожие на другие, оперы – «Сервилия» и «Кашей Бессмертный». В 1904 г. написаны менее известная – «Пан воевода» и выдающаяся опера «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии». Оперы позднего периода, особенно «Кашей Бессмертный» и «Китеж», выделяются новаторством композитора в области, прежде всего, гармонии.

Об опере «Кашей Бессмертный» композитор писал: «Сочинение вышло своеобразное, благодаря нескольким новым гармоническим приёмам, до этого не имевшимся в моем композиторском обиходе. Это были переченья, образуемые ходами больших терций, внутренние, выдерживаемые тоны и различные прерванные и ложные каденции с поворотами на диссонирующие аккорды... сцену снежной вьюги почти всю удалось уложить на выдержанном уменьшенном септаккорде...но игра тональностями и модуляционный план, как и всегда у меня, не были случайными. Система лейтмотивов была во всем ходу...» [2. С. 417]. Можно сказать, что в «Китеже» и в «Кашее» впервые был заложен «мостик» из музыки XIX в. в музыку XX в.

Последней оперой композитора стал «Золотой петушок» (1907), которая также была довольно новаторской.

Композитором было создано 79 романсов. Вспомним такой шедевр, как «Редеет облаков летучая гряда», созданный на стихи А. Пушкина, он является примером неповторимого сочетания трудов гения поэзии и гения музыки. Другой шедевр – «О, если б ты могла» на стихи А.К. Толстого.

Также созданы замечательные хоры с оркестром и а капелла. Изданы сборники «100 русских народных песен» (1877), «40 народных песен» (1882).

Исследование вокального наследия Н.А. Римского-Корсакова позволяет однозначно утверждать о создании композитором своего стиля вокальной музыки, что является особым вкладом в развитие русской вокальной культуры как части отечественной культуры в целом.

По нашему мнению, этот стиль может быть назван «русским стилем сказочной колористики», учитывая, что большая часть опер композитора – «сказочные» опусы.

Каковы составляющие этого стиля? Во-первых, это русский мелодизм, ясность и красивая простота классической гармонии (хотя и её безусловное развитие, новизна – особо проявившиеся в поздних операх), в то же время дифференциация гармонических средств. Например, фригийские обороты проявлены в ряде сочинений, в частности в Песне Варяжского гостя из «Сад-

ко». В аккордах нередко подчёркиваются диссонирующие интервалы – тритоны в «Снегурочке», «Кашее», «Китеже».

В народных сценах опер применяются диатонические лады (например, вторая картина оперы «Садко» и непохожая на неё – песня Лумира из «Млады») и смешение разнородных ладов (например, антракт к третьему акту оперы «Псковитянка»), плагальные обороты (например, в протяжной песне Садко из одноименной оперы), квинтовые и квартовые созвучия.

Римский-Корсаков – один из зачинателей использования ладовых систем нового времени, в частности – уменьшенного лада. Лад строится чередованием тонов и полутонов, в его основе лежат Ум 7 или Ум 53. Лад получил название «гамма Римского-Корсакова». В антракте к третьему акту «Золотого петушка» мы видим увеличенный симметричный лад, увеличенный лад с другими интервалами – в теме Лешего из «Снегурочки», в первом действии оперы «Ночь перед Рождеством».

В фантастических сказочных сценах, которых множество в его операх, композитор умело применял искусственные лады (при описании царства подводного в опере «Садко» или в «Сказании о невидимом граде Китеже...») – гаммы тон-полутон), хроматические последовательности и пр. В сказочных сценах нередко модуляции в далекие тональности, энгармонические модуляции.

Как никогда массовое использование тритонов в опере «Кашей Бессмертной», с одной стороны, позволяет ярко и точно нарисовать характер этого главного отрицательного героя, с другой стороны, накладывает интонационные требования на исполнителя этой теноровой партии.

Изобразительные возможности оркестровой фактуры у Римского-Корсакова впечатляют. Вспомним, хотя бы партитуры оркестра в опере «Садко», в опере «Кашей Бессмертной». Разные стили, разные гармонические находки, но одинаково мастерское использование оркестровых красок.

С вокально-исполнительской точки зрения необходимо отметить, что вокальное наследие композитора – это и школа дыхания (подчас действительно большого и широкого, как в партии Марфы из «Царской невесты» и др.), и школа фразировки (обратим внимание на восьмые паузы в сольных номерах композитора, которые имеют часто стилистически тонкий смысл, а не являются моментами для взятия дыхания певцом), и школа выразительности. Вокально-технические трудности в партиях из опер Римского-Корсакова (например, теноровые, сопрановые партии) никогда не являются избыточными, что говорит о тонком понимании голоса и бережном к нему отношении.

Всем изучающим клавиры опер композитора известно, какие высокие требования порой предъявляют к исполнению партии фортепиано произведения автора.

Чрезвычайно тонкое и мастерское использование композитором возможностей оркестра, всех его инструментов и поныне представляет собой вершину композиторского мастерства.

Работая в Санкт-Петербургской консерватории, Римский-Корсаков воспитал целую плеяду учеников, более двухсот композиторов и музыкантов, среди которых А.К. Глазунов, А.К. Лядов, М.И. Ипполитов-Иванов, А.С. Аренский, И.Ф. Стравинский, Н.Я. Мясковский, С.С. Прокофьев, А.А. Спендиаров и др.

Римский-Корсаков относится к тем людям, которые оставили после себя ряд незаурядных фундаментальных трудов: это и учебные, и музыковедче-

ские труды, среди которых до сих пор актуален для использования учебник по гармонии [4], учебное пособие по оркестровке в двух томах [3]. А знаменитые мемуары «Летопись моей музыкальной жизни» [2] написаны с таким умением и талантом, что по праву считаются образцом мемуарной литературы. Но и в этом случае Римский-Корсаков проявляет себя как абсолютно честный и самокритичный человек, говоря о своей Летописи: «...Она беспорядочна, не везде одинаково подробна, написана дурным слогом, часто даже весьма суха; зато в ней *одна лишь правда...*» [2. С. 437]. В этом весь Римский-Корсаков. Как нам сегодня порою не хватает абсолютно честных людей, людей сомневающих, а не самоуверенных.

Как настоящий русский интеллигент Римский-Корсаков всей душой переживал трагические события в России, в частности в период 1904–1905 гг. Страшным потрясением стало для него Кровавое воскресенье. Он поддержал требования студентов консерватории временно прекратить занятия и исключить из числа студентов солдат-музыкантов, участвовавших в разгоне демонстрации. Руководство не простило это композитору, он был уволен. В знак протеста против этого увольнения заявления об уходе написали несколько педагогов консерватории. Только после смены руководства консерватории Римский-Корсаков вернулся в её стены.

За год до кончины он в последний раз выступил как дирижёр в Париже в Русских симфонических концертах, явившихся триумфом русской музыкальной культуры.

С последней оперой «Золотой петушок» связаны трудности в жизни композитора, ускорившие его кончину от болезни сердца. Цензура фактически запретила оперу к постановке в беспокойное время во многом под влиянием активной и смелой общественной демократической позиции Н.А. Римского-Корсакова, проявившейся по отношению к событиям 1905 года.

В этом проявляется традиционная для отечественной истории проблема или, можно сказать, дилемма – «С кем вы, представители интеллигенции?». Настоящая русская интеллигенция всегда была обеспокоена судьбами страны и желанием поиска лучшего из возможных вариантов развития (см., например, [5]). Это актуально и сейчас. Восприятие действительности такой, какой она есть, честный анализ событий, а не приукрашивание происходящего, не постоянный конформизм – это свойство настоящей русской и российской интеллигенции. Кроме того, педагогический авторитет Римского-Корсакова может служить и сегодня примером для научно-педагогических работников как залог воспитания молодого поколения [5].

Вышеприведенные факты еще раз подчеркивают, что с именем Н.А. Римского-Корсакова связаны яркие и значительные события в истории вокальной культуры, отечественной культуры в целом.

Таким образом, выдающуюся роль Николая Андреевича Римского-Корсакова в истории отечественной культуры определяют следующие положения:

- 1) основание и развитие Н.А. Римским-Корсаковым фактически своего стиля русской вокальной музыки;
- 2) впервые в истории русской оперы практическое создание жанра оперы-сказки;
- 3) создание собственной школы композиторов и музыкантов для русского Отечества;

4) подготовка учебно-методических и музыковедческих трудов, не теряющих своей актуальности и в настоящее время;

5) вклад Н.А. Римского-Корсакова в общественную жизнь России как своей лепты в развитие демократических ценностей русского общества, демонстрирующего пример жизни и деятельности настоящего русского интеллигента-мыслителя;

6) являясь настоящим служителем отечественной музыки, он совершил большой объем работы по продвижению сочинений своих коллег (редакции опер М. Мусоргского, А. Бородина и пр.) в целях их популяризации и занятия ими достойных мест в истории отечественной музыки.

Несмотря на все сложности жизни, Н.А. Римский-Корсаков явился примером настоящего служения интересам Родины и культуры Отечества, что и сегодня является примером для всех музыкантов и педагогов российской высшей школы, деятелей образования, науки и культуры. Ориентируясь на лучшие мировые практики и стандарты, необходимо всегда сохранять настоящее яркое и правдивое лицо наших культурных ценностей, включая и многогранную музыкальную культуру России.

Литература

1. Кунин И. Ф. Николай Андреевич Римский-Корсаков. М.: Музыка, 1983. 132 с.
2. Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. М.: Согласие, 2004. 608 с.
3. Римский-Корсаков Н.А. Основы оркестровки: в 2 т. М.; Л.: Музгиз, 1946.
4. Римский-Корсаков Н.А. Практический учебник гармонии. М.: Музгиз, 1937. 172 с.
5. Семкин Д.Н. Современные проблемы воспитания и задачи интеллигенции в контексте устойчивого развития // Российская интеллигенция и ноосферная динамика: сб. материалов XII Междунар. науч.-теор. конф. «Духовность интеллигенции как фактор устойчивого развития общества» (Иваново, 20–22 сентября 2001 г.). Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2001. С. 74–77.
6. Стасов В.В. Статьи о Римском-Корсакове. М.: Музгиз, 1953. 92 с.
7. Якубов М.А. По прочтении «Летописи». Штрихи к портрету на фоне автопортрета // Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. М.: Согласие, 2004. 608 с.

СЕМКИН ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой вокального искусства, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dmitriysemkin@mail.ru).

D. SEMKIN

SIGNIFICANCE OF N.A. RIMSKY-KORSAKOV'S CREATIVE HERITAGE IN THE HISTORY OF RUSSIAN CULTURE

Key words: *history of national culture, history of vocal art, opera, romances, Russian vocal school, Russian composers, opera singers.*

The relevance of the theme covered in the article is due to the need to preserve and develop Russian national musical heritage in the face of the anniversary of one of the titans of Russian music a composer, a conductor, a teacher, a public figure – N.A. Rimsky-Korsakov. The aim of the work was to draw attention to real comprehensive assessment of the composer's unique contribution to the development of national culture. The article on such a theme is published for the first time, in particular, it analyses the multifaceted activities of the composer, for the first time the article reflects the vocal-performing and vocal-technical analysis of the author's outstanding works, studies the main stylistic features pertaining to the vocal heritage of N.A. Rimsky-Korsakov, the article is the first to formulate the vocal style developed by the composer, and to give its characteristic features. Rimsky-Korsakov's activity is also considered from the standpoint of the role and the place of the Russian intelligentsia in the history of the Fatherland. The main events, facts of N.A. Rimsky-Korsakov's

creative biography are generalized and systematized in the context of his unique contribution to the development of vocal, musical and social culture of the Russian society. The grounds confirming an outstanding role of N.A. Rimsky-Korsakov in the history of national culture are systematized and presented as conclusions.

References

1. Kunin I.F. *Nikolai Andreevich Rimskii-Korsakov* [Nikolai Andreevich Rimskiy-Korsakov]. Moscow, Muzyka Publ., 1983, 132 p.
2. Rimskii-Korsakov N.A. *Letopis' moei muzykal'noi zhizni* [Chronical of my musical life]. Moscow, Soglasie Publ., 2004, 608 p.
3. Rimskii-Korsakov N.A. *Osnovy orkestrovki: v 2 t.* [Fundamentals of orchestration. 2 vols.] Moscow, Leningrad, Muzgiz Publ., 1946.
4. Rimskii-Korsakov N.A. *Prakticheskii uchebnik garmonii* [Practical textbook of harmony]. Moscow, Muzgiz Publ., 1937, 172 p.
5. Semkin D.N. *Sovremennye problemy vospitaniya i zadachi intelligentsii v kon-tekste ustoichivogo razvitiya* [Modern problems of education and tasks of intellectuals in the context of sustainable development]. In: *Rossiiskaya intelligentsiya i noosfermaya dinamika: sb. materialov XII Mezhdunar. nauchno-teor. konf. «Dukhovnost' intelligentsii kak faktor ustoichivogo razvitiya obshchestva»* [Proc. of 12th Int. Sci. Conf. «Russian intelligentsia and noosphere dynamics»]. Ivanovo, Ivanovo University Publ., 2001, pp. 74–77.
6. Stasov V.V. *Stat'i o Rimskom-Korsakove* [Articles about Rimsky-Korsakov]. Moscow, Muzgiz Publ., 1953, 92 p.
7. Yakubov M.A. *Po prochtenii «Letopisi».* *Shtrikhi k portretu na fone avtoportreta* [After reading the chronicle. Strokes to the portrait on the background of a self-portrait]. In: Rimskii-Korsakov N.A. *Letopis' moei muzykal'noi zhizni* [Chronical of my musical life]. Moscow, Soglasie Publ., 2004, 608 p.

SEMKN DMITRY – Candidate of Physics and Mathematical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Vocal Arts, Faculty of Arts, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (dmitrysemkin@mail.ru).

Формат цитирования: Семкин Д.Н. Значение творческого наследия Н.А. Римского-Корсакова в истории отечественной культуры // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 201–208.

УДК ТЗ(2Рос.Чув)622–283.2+Ч480.052.2
ББК 94:323.329(470.344) «1945»+378.035.6

Т.С. СЕРГЕЕВ, Е.В. АГАЕВА

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА У СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЧУВАШИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: творчество, пропаганда, агитация. журналисты, писатели, поэты, драматурги, музыканты, художники, работники театра, культпросветработники, творческие организации, военно-патриотическое воспитание.

В статье анализируются различные формы деятельности в годы Великой Отечественной войны представителей творческой интеллигенции Чувашии (журналистов, писателей, поэтов, драматургов, музыкантов, художников, артистов, культпросветработников и др.), своими произведениями и агитационной деятельностью внесших вклад в укрепление патриотических чувств и боевого духа защитников Родины. Выдающиеся произведения патриотического содержания создавали в поэзии – П.П. Хузангай, А.Е. Алга, Я.Г. Ухсай, А.С. Эсхель, в прозе – И.Ф. Ильбеков, А.Ф. Талвир, К.С. Турхан, в драматургии – И.С. Максимов-Кошкинский, А.Д. Калган, В.Т. Ржанов, в музыке – А.В. Асламас, А.Г. Васильев, В.П. Воробьев, Ф.М. Лукин, А.Г. Орлов-Шузым, А.Н. Тогаев, Г.С. Лебедев, в живописи – Н.В. Овчинников, Ю.А. Зайцев, М.С. Спиридонов, в театральном искусстве – М.М. Тарханов, Г.А. Морев, Б.А. Алексеев и др. Эти произведения военных лет можно использовать для повышения политической активности, формирования гражданской позиции нынешней студенческой молодежи в современную эпоху глобальной информатизации.

В 2020 г. всё прогрессивное человечество отметит 75-летие со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. над фашистской Германией и милитаристской Японией. Нынешнее молодое поколение знает о событиях этой войны в основном лишь по историческим трудам, кинофильмам, художественной литературе. Между тем за рубежом нередко всячески искажают правду о войне, принижая всенародный подвиг представителей разных национальностей и вероисповеданий, а также заслуги наших полководцев. Их пропаганда направлена прежде всего в адрес нынешней молодежи, которую хотят сделать индифферентной, безразличной к богатым событиями героической отечественной истории. Негативное воздействие на формирование мировоззрения молодых людей в последние десятилетия оказали афганские события, чеченская война, которые понизили престижность армейской службы. С учетом сложной международной обстановки, постоянной угрозы со стороны НАТО, включающей в свой состав 29 стран, провокаций в пограничных зонах, необходимости борьбы с международным терроризмом в настоящее время правительственным органам и общественности России приходится «держатъ порох сухим», быть в постоянной готовности отразить внешнюю агрессию, в том числе и области информационного противостояния. В процессе формирования патриотизма и гражданской позиции современной студенческой молодежи немаловажную роль играет художественная культура, особенно периода Великой Отечественной войны.

В качестве источников помимо архивных материалов и опубликованной литературы нами использованы произведения представителей творческой интеллигенции Чувашской АССР военного времени.

Творческая интеллигенция Чувашии еще в годы предвоенных пятилеток (1928–1941) наряду с рабочим классом и колхозным крестьянством внесла достойный вклад в развитие народного хозяйства и культуры республики и страны. Появились профессиональные писатели, художники, музыканты, объединенные в союзы, журналисты, режиссеры, артисты, работники клубных учреждений. Хотя в условиях становления тоталитарного режима происходили необоснованные репрессии, чрезмерная идеологизация общества, насаждение метода социалистического реализма, что сдерживало творческую инициативу писателей, журналистов, художников, композиторов, театральных работников, они внесли весомый вклад в культурное развитие республики, повышение общей и эстетической грамотности населения, формирование работника и специалиста с патриотическим и интернациональным характером, который ярко проявился позднее в суровой военной обстановке.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг., явившаяся тяжелым испытанием для советского народа, внесла коренные изменения во всех сферах жизни. Все предприятия и учреждения должны были перестроиться на военный лад, работать под лозунгом «Все для фронта, все для Победы!». Многие учреждения культуры и образования уступили свои помещения военному ведомству. Перестали функционировать художественная галерея, театр юного зрителя, три передвижных колхозных театра, краеведческий музей, филармония. Прекратилось издание газеты «Пионер сасси» (Клич пионера) журналов «Хатёр пул» (Будь готов), «Сунтал» (Наковальня), «Ёҫ хёрарăмё» (Труженица), сократилось издание районных газет, многотиражек предприятий и колхозов [5. Л. 32]. Из-за угрозы антисоветской пропаганды и распространения панических настроений среди населения радиоприемники были изъяты – экстренные новости передавались по телефону. Чувашский государственный ансамбль песни и пляски обслуживал не только производственные коллективы и учреждения, эвакогоспитали на территории Чувашии, но и выезжал на Калининский и Брянский фронты с шефскими концертами [9. С. 259].

На территории Чувашии временно были закрыты театральное, художественное и музыкальное училища, музыкальные школы, следовательно, планомерная подготовка кадров художественной интеллигенции была прервана. Чувашский пединститут, из студентов историко-филологического факультета которого пестовались будущие журналисты и писатели, был переведен в г. Мариинский Посад. В шести педагогических техникумах республики продолжали подготовку учителей начальных классов, потенциальных писателей, журналистов, руководителей хоров, танцевальных коллективов, сценаристов и т.д. [22].

Оставив мирную работу, с оружием в руках защищали свою Родину журналисты, поэты, писатели, художники, музыканты. 22 писателя и 80 журналистов Чувашии сменили перо на штык [16. С. 63]. Некоторые из них оказались в числе 500 политбойцов, выехавших на фронт в первые дни войны. Только из сотрудников газеты «Советская Чувашия» ушли на фронт 19 человек: В.Г. Бурков, М.П. Ижеев, А.А. Костин, И.Н. Кузьмичев, А.И. Студенецкий, Н.А. Стуриков, В.В. Яковлев и др. Назовем чувашских писателей-фронтовиков, еще до войны приобщившихся к литературному творчеству: Л.Я. Агаков, В.О. Алагер (Осипов), В.И. Алатырцев, И.М. Алтын-Баш, А.Ф. Башкиров (Талвир), В.А. Долгов, П.З. Дубровин, А.М. Иванов, Н.Ф. Ильбеков (Мигулай Ильбек), И.Г. Краснов, Т.Е. Майоров, С.И. Минеев, М.Я. Назаров, И.Н. Никифоров (Яндуш), В.Т. Ржанов, Н.А. Стуриков, И.С. Тукташ, П.И. Чистяков,

Я.Г. Ухсай. Почти каждый второй из чувашских писателей, ушедших на фронт, работал редактором или литературным сотрудником армейской или фронтовой газеты [17. С. 352].

Из 13 членов Союза художников Чувашии 8 воевали на фронте. Нелегкими дорогами войны и лишений с оружием в руках прошли художники, графики, скульпторы: Б.М. Белоусов, С.Н. Богаткин, Е.Е. Бургулов, Т.Т. Григорьев, Е.И. Иванов, М.А. Ильин, Г.И. Исаев, П.П. Козлов, Г.Н. Константинов, И.Ф. Кудрявцев, В.М. Мазанов, В.М. Макаров, Н.В. Овчинников, Ф.П. Осипов, А.И. Пахомов, П.В. Сизов, С.Ф. Скрыбин, О.П. Смирнов, О.И. Филиппов, Н.О. Яковлев [16. С. 90].

Участниками войны стали члены Союза композиторов Чувашии, молодые чувашские музыканты А.В. Асламас, Ф.С. Васильев, Ю.А. Илюхин, А.М. Токарев, Т.И. Фандеев. На фронте пали смертью храбрых В.М. Кривоносов, В.Г. Иванишин. Из бывших преподавателей и учащихся Чебоксарской музыкальной школы 28 погибли смертью храбрых [10. С. 65]. А ведь они могли бы создавать новые музыкальные произведения!

На фронт ушли директор Чувашского государственного академического театра (ЧГАТ) Н.А. Элле, главный режиссер К.И. Иванов, актеры В. Михайлов, И. Бочаров, Н.П. Виноградов, драматурги Л.Я. Агаков, В.О. Алагер и др. [15. С. 126].

В системе управления по делам искусств при СНК ЧАССР к маю 1943 г. сохранились и продолжали работать: 1) Чувашский государственный академический театр, состоявший из чувашской и русской трупп; 2) Чувашский государственный ансамбль песни и пляски, восстановленный при академическом театре в декабре 1941 г.; 3) Концертно-эстрадное бюро, созданное при театре в декабре 1941 г.; 4) Чувашская драматическая студия государственного института театрального искусства (в октябре 1941 г. была эвакуирована из Москвы в Чебоксары, где находилась до апреля 1943 г. и обратно переехала в Москву); 5) Хозрасчетный театр драмы и комедии, организованный в сентябре 1941 г.; 6) Союз советских художников Чувашии; 7) Союз советских композиторов Чувашии; 8) Дом народного творчества [14. С. 82]. Деятельность Чувашского государственного симфонического оркестра, созданного еще в 1932 г., в октябре 1941 г. была приостановлена, в начале 1942 г. группа оркестрантов была собрана для выступлений под эгидой Концертно-эстрадного бюро [2. С. 575]. Это хозрасчетное учреждение числилось при ЧГАТ и организовывало в пределах республики филармоническую деятельность (вокальных и инструментальных ансамблей, солистов, танцовщиков и артистов иных жанров). Упразднено 1 октября 1943 г. в связи с восстановлением деятельности филармонии [11. С. 312–313].

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. перед творческой интеллигенцией Чуваши стояли специфические задачи, связанные с укреплением боевого духа советских людей и их веры в победу над вооруженным и жестоким врагом – фашистской Германией, оккупировавшей почти всю Европу. В пропагандистской и культурно-воспитательной работе советской творческой интеллигенции приходилось учитывать общественное мнение, имевшее место в тот или иной период войны. Так, с получением известий о вероломном вторжении фашистской Германии у многих советских людей были «шапказакидательские» настроения, надежда на быстрый исход войны, хотя они знали об итогах затянувшейся непопулярной в народе советско-финской

войны 1939–1940 гг. и потерях многих видных военачальников в ходе сталинских репрессий. По мере вторжения вражеских войск в глубь страны с потерей многих жизненно важных районов, жестоким обращением фашистов с мирными жителям и пленными нарастало чувство мести, стремление быстрее сокрушить хорошо вооруженного, жестокого и коварного врага. На завершающем этапе войны, когда угроза порабощения миновала, наряду с патристическими мотивами преобладали интернационалистские, призывающие отличать мирное население Германии и других поработанных западных стран от фашистов.

Творческим работникам, представителям средств массовой информации – издателям, газетчикам, журналистам, писателям, поэтам, драматургам, художникам, композиторам, сценаристам, режиссерам, библиотекарям, клубным работникам – приходилось каждому личным примером и через свой вид искусства укреплять обороноспособность страны и боевой дух ее защитников. Наиболее распространенным, доступным и надежным источником информации для трудящихся и воинов была периодическая печать, правдиво освещавшая ход событий на фронте и в тылу. Газета Мариинско-Посадского района «Ударник» в 1941–1945 гг. выходила 298 раз тиражом в среднем в 2 тыс. экземпляров. Газета перестроила свою работу на военный лад. Не было ни одного номера без материалов сводок Совинформбюро о ратных подвигах земляков, самоотверженном труде рабочих. Фронтовики, уроженцы района, писали о подвигах своих земляков. Им отвечали колхозники, рабочие, служащие. С письмами фронтовиков сотрудники редакции шли к людям, зачитывали их на собраниях. Жители района взяли шефство над воинами 1056-го стрелкового полка. Связь между ними осуществлялась через районную газету [4. С. 111]. По подсчетам краеведов, в газете Козловского района «Ленин ялавёпе» (Со знаменем Ленина) (позднее «Ялав» (Знамя)) в годы войны в общей сложности было опубликовано более 600 очерков, зарисовок, корреспонденций об участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла. Козловчане с гордостью читали о мужестве и героизме танкиста С.Н. Бутякова, летчика А.Г. Туханова, артиллериста М.А. Салихова, пехотинца Н.Н. Маркова, которым было присвоено высокое звание Героя Советского Союза, а также о полном кавалере ордена Славы пехотинце Я.Г. Бигчантаеве. Не будет лишним отметить и материальные и физические трудности, которые приходилось преодолевать печатникам. По причине нехватки бумаги районная газета выходила лишь на двух страницах. Из-за частых перебоев в подаче электроэнергии из заводской ТЭЦ работникам типографии приходилось в течение нескольких часов вручную вращать большое колесо печатной машины [4. С. 69–70].

Газеты активно поддерживали трудовые коллективы, пополняющие Фонд обороны страны, вклады трудовых коллективов и отдельных лиц на строительство бронепоезда «Комсомол Чувашии», танка «Пионер Чувашии», звена самолетов «Осоавиахим Чувашии» и др. В одном из номеров газеты Аликовского района «Пурнăç сӳлӗпе» (Жизненным путем) сообщалось, что заведующий отделом народного образования П.П. Петрикова для создания танковой колонны «Народный учитель» внесла 1015 руб., а ее муж передал в Фонд обороны 25 пудов ржи и 21 кг меда. Читатели узнали об этом из благодарности Председателя ГКО, опубликованной в районной газете [4. С. 18].

Большая ответственность лежала на плечах редакторов газет, отвечающих за идейное содержание и фактические данные в публикациях каждого

номера. В мае 1943 г. «досталось» редактору гражданской районной газеты «Сталинец». Оказалось, что в одной из статей вместо «И.В. Сталин» было напечатано «В.И. Сталин», вместо «изучения приказов Сталина» напечатано «докладов Сталина». Немедленно последовало решение бюро райкома партии «О допущенных ошибках районной газетой “Сталинец”». Виновниками были признаны редактор и заведующий отделом пропаганды и агитации райкома (он же уполномоченный главлита) [4. С. 169].

Многочисленные рабселькоровцы и общественные корреспонденты радовали читателей своими стихами, фельетонами, рассказами, поэмами патриотического содержания.

Несмотря на загруженность по выпуску газеты 354-й стрелковой дивизии, ее литсотрудник фронтовик Л.Я. Агаков поддерживал тесную связь с печатными изданиями родной республики. 4 декабря 1942 г. в письме своим товарищам по перу он писал: «Сегодня выслал в «Чаваш коммуни» фельетон о фрицах «Сёлёк вырånне – сётёк йём» (Вместо шапки – рваные штаны. – *Авт.*). Подготовил очерк о двух военных фельдшерах. Они – земляки из Большого Сундыря. Хочу написать о старшем лейтенанте Павлове. Его небольшое по численности подразделение сорвало психическую атаку (немцев. – *Авт.*). Около 150 гитлеровцев отправлено на тот свет. Павлов из Батырева – настоящий герой» [8. С. 86].

В годы войны наиболее популярным жанром литературы была поэзия (стихи, песни, баллады, поэмы). О всенародном патриотизме писали поэты Н.И. Шелеби, С.В. Эльгер, П.П. Хузангай, Я.Г. Ухсай, А.Е. Алга, А.А. Эсхель, С.А. Шавлы и др. К всенародной мести коварному и жестокому захватчику призывали стихотворения «Зову», «Два метра в длину, метр в ширину – территория, требуемая Гитлеру» Н.И. Шелеби, «Кровь – за кровь», «Слова бесстрашия» С.В. Эльгера, «Смерть фашисту», «Новый гимн», «Через час ему конец» Н.Ф. Ильбекова, «И сейчас, и в будущем», «Проклятие» И.Н. Ивника, «Смелее вперед!», «За Родину, свободу и часть», «Ночь перед боем», «Смерть солдата», «Разведчик», «Подвиг комсомольца Ширшова», «Великая дружба», «Винтовка», «Не сдадим свободный город», «Песня Победы» П.П. Хузангай, «Москва», «Письмо», «Дождь», «Капитан Гастелло», «Галстук» «Старушка» Я.Г. Ухсай, «22 июня», «Вспомни-ка, товарищ», «Благородное имя», «Увидев раненых», «Опасность и геройство» А.Е. Алга, «Вперед, на Запад!», «Не забудь», «Фронтным друзьям», «Фронтные встречи», «Не отступай», «Земля горит» М.Д. Шумилова (Уйп), «Донор», «Реквием», «Не отстал ли ты, товарищ?», «Товарищ, на воскресник!», «Что я сделал для фронта?» С.А. Шавлы, «Всенародное геройство», «Клятва», «Волга проснулась», «Волжские сыны» А.А. Эсхеля, «Проводы», «Орел», «Жизнь и любовь», «Сто богатырей», «Сабля», «Раненый солдат», И.С. Тукташа, «Смерть фашизму!» А.Д. Калгана, «Мать и сын» Г.В. Краснова и др. Стихотворение А.Е. Алга «22 июня» заканчивается патриотическими словами: «Мы сильные люди, свободный народ, / Попавши аж в пекло войны, / Смотрим всегда не назад, а вперед, / И веры в победу полны» [23. С. 147–148] (перевод наш. – *Авт.*).

Литсотрудник газеты 4-го Кантемировского танкового корпуса «На штурм» Я.Г. Ухсай в пространном и глубоком по содержанию «Письме чувашских бойцов и командиров Н-ской дивизии чувашскому народу» (1943) воспел мужество и отвагу воинов-чувашей, грудью вставших на защиту Родины. Это публицистическое произведение было дополнено такими известными чуваш-

скими писателями, как И. Тукташ, Н. Шелеби, С. Эльгер, А. Эсхель. Оно было опубликовано в республиканской газете 7 июля 1943 г. [21] и в виде листовки тиражом 10 тыс. экземпляров отправлено на фронт. «Письмо» как литературное произведение высокого пафоса было оформлено удачными синтаксическими оборотами, образными выражениями, насыщено героикой и фольклорными образами. Оно призывало как можно скорее покончить с ненавистным врагом – фашизмом.

В годы войны поэтами Чувашии было написано 16 поэм [24. С. 223]. Среди них «Таня» П.П. Хузангая (о Зое Космодемьянской), «Мать солдата» М. Уйп, «Орел» А.А. Эсхеля (о летчике Ф. Н. Орлове), «Он бессмертен» С.В. Эльгера (О пулеметчике И. Смирнове), «Киевский пионер», «Зоя» С.А. Шавлы, «Братишка», «Русский мальчик» Я.Г. Ухсая и др., воспевающие ратные подвиги воинов на фронте и трудовые достижения оставшихся в тылу.

Известные произведения прозы написали Л.Я. Агаков, В.О. Алагер, Н.Ф. Ильбеков, Ф.А. Ситта, И.С. Тукташ, П.П. Хузангай, С.В. Эльгер, А.А. Эсхель и др. Многие из них опубликованы в сборниках «Богатыри» (1942 г.), «За Родину» (1942 г.), «Сыны и дочери Чувашии» (1944 г.). Статьи, корреспонденции, очерки, памфлеты, листовки сообщали о событиях на фронте и в тылу. Наиболее известность имели очерки «Двадцатилетний капитан» Л.Я. Агакова, «Точнее прицелившись» В.О. Алагера, «Гвардии капитан Кириллов» С.С. Аслана, «Вдвоем против 20 фрицев» М.Н. Данилова-Чалдуна, «Снайпер Григорьев», «Удивительная винтовка», «Кровь коммуниста» В.А. Долгова, «Мать и сын» М.Ф. Ильбекова, «Золотая звезда», «Павел Лаптев» И.С. Тукташа, «Пулеметчик Иван Смирнов» К.С. Турхана, «Храбрый боец» Ф.А. Ситты, «Он уничтожил 26 фашистов» С.А. Шавлы, «За Родину» А.Н. Янташа, «Окровавленный комсомольский билет», «В скрипучий мороз», «Красота земли», «Одна ночь» А.А. Эсхеля и др. Популярными были рассказы «Маленькая Клавдия», «Горячий день», «В госпитале», «Мы – советские солдаты» Н.Ф. Ильбекова, «Начало», «Встреча», «Катерина Ларина», «Партбилет» К.И. Пайраша, «Смерть в болоте», «Ждут родные», «Охотник», «На реке Сук», «Письмо» Ф.Е. Уяра, «Кто виноват?», «Красноармеец Самсонов», «Фельдшер Кочетков», «Политрук», «В лесу», «Лизавета Егоровна», «Семья Антона» М.Н. Данилова-Чалдуна, «Жизнь товарища», «Спокойный человек», «Катюша», «Солдатская душа», «Таня», «Знамя», «Медаль» Л.Я. Агакова. Сатирические произведения (острые фельетоны, памфлеты) были изданы отдельным сборником «Гады», куда были включены творения М.Н. Данилова-Чалдуна, Ф.Е. Уяра, В.А. Долгова и ряда русских писателей.

Некоторые писатели Чувашии приступили к созданию прозаических произведений большого формата, в частности, повестей и романов. Это повести «Гроза» С.С. Аслана (1942), «Партизан Мурат» (1942), «Сильнее смерти» (1943–1945) Л.Я. Агакова, «Ирена» Н.Ф. Ильбекова (1944), «Неисчерпаемая надежда» И. Саламбека (1944–1945). К.С. Турхан приступил к работе над романом «Деревня в ветлах».

В области драматургии на тему войны и защиты Родины сначала сочинялись одноактные пьесы: «Кровь за кровь», «Сержант Ванюшин» Н.Ф. Мраньки, «За Родину» Е.Н. Никитина. Затем появились остросюжетные пьесы: «Патриоты» (1941), «Лиза Короткова» (1945) Н.С. Айзмана, «Небо и земля» А.А. Эсхеля (1942), «Влюбленные», «Голубая двойка» (о Герое Советского Союза летчике Ф.Н. Орлове), «Дети мои», комедия «Счастливая весна» И.С. Максимова-

Кошкинского, «Богатыри» И.С. Максимова-Кошкинского и Н.С. Айзмана. Драмы «Иван Кадыков» А.Д. Калгана и «Подарок Пугачева» И.С. Максимова-Кошкинского, написанные на историко-революционные темы, тоже оказались созвучными военной эпохе, поскольку поднимали нравственные вопросы патриотизма и интернационализма, чувства долга и ответственности перед народом. Будни и подвиги трудового крестьянства Чувашии нашли правдивое отражение в вышеупомянутой пьесе Н.С. Айзмана «Лиза Короткова», показавшей, как жены, сестры, подростки, заменяя мужей, братьев и отцов, своим трудом создавали условия для победы над коварным врагом. Характерной чертой этих произведений является слияние личного и общественного начал в характерах главных героев, раскрытие общности судьбы рядового труженика и народа в целом. Конечно, многие произведения военной эпохи несут на себе следы спешки, недостаточной шлифовки, но они изображали жизнь правдиво и имели историко-познавательное и патриотическое значение.

На собрании чувашских писателей, состоявшемся в декабре 1943 г. в г. Чебоксары, отмечалось, что отстающими звеньями в их работе являются драматургия и литературная критика [1].

Несмотря на то, что большинство из членов Союза художников Чувашской АССР ушло на фронт, в республике за годы войны было организовано 8 художественных выставок. На выставке «Художники Чувашии в дни Отечественной войны», организованной в помещении академического театра к 25-й годовщине советской власти (ноябрь 1942 г.), наряду с чувашскими художниками участвовали также художники, эвакуированные в Чувашию из Москвы и других городов. На этой выставке за два месяца побывало около 10 тыс. посетителей [7. Л. 325; 14. С. 84–85]. Большим патриотическим содержанием были наполнены представленные на выставках полотна «Бронепоезд “Комсомол Чувашии”» Н.К. Сверчкова, «Разгром фашистов у переправы», «Связистка, сержант Лиза Сергеева», «Комиссар, капитан Осипова», «Колхозник Соловьев» М.С. Спиридонова, «Волга в 1942 году», «Субботник комсомольцев», «Девушка – участница Отечественной войны», «Допрос» П.В. Сизова, графические рисунки на тему войны Г.Д. Харлампьева. В 1943 г. художники Чувашии участвовали на выставке изобразительного искусства Поволжья, организованной в г. Горький. Дипломами первой степени были награждены М.С. Спиридонов и А.В. Лобанов [9. С. 260]. На всероссийской выставке периферийных художников (Москва, 1943) была представлена картина председателя Союза художников Чувашии М.С. Спиридонова «Портрет колхозника Степанова», на выставке произведений художников союзных, автономных республик и областей РСФСР (Москва, 1944) – его же картины «Этюд Волги», «Колхоз», «Кавказ». На последней выставке демонстрировались также пейзажи Н.К. Сверчкова [20. С. 252, 276]. Эти картины способствовали патриотическому воспитанию молодежи.

В творчестве композиторов Чувашии особенно плодотворно складывалась работа по созданию новых массовых и эстрадных песен патриотического содержания. Их число за годы войны перевалило за сотню. В репертуаре Чувашского государственного ансамбля песни и пляски преобладали песни «Белый голубь», «Смерть фашизму», «Песни комсомольцев», «Песня колхозной девушки», «Сестра» В.П. Воробьева, «Пойдем, братцы, сражаться», «Песня героев» Г.Г. Лискова, «Боевая песня», «О колхозном коне» Ф.М. Лукина, «Любимая», «Песня колхозной девушки» Г.С. Лебедева, «Походная

песня», «Победа будет за нами» А.Г. Орлова-Шузьма и др., которые воспевали мужество и героизм народов СССР как на фронте, так и в тылу, призывали к дружбе народов, сплочению антифашистских сил. Однако не все из них доходили своевременно до широкой публики.

Славную страницу в истории пропаганды чувашской музыки в стране оставила двукратная поездка композитора А.Г. Орлова-Шузьма на фронт для оказания помощи красноармейской самодеятельности в качестве дирижера-хормейстера. В письме бойцов и командиров Н-ского гвардейского соединения в Совнарком ЧАССР от 24 марта 1943 г. с выражением благодарности артистам Чувашского ансамбля песни и пляски отмечалось: «Личный состав соединения очень доволен удачным построением программы концерта: тут и любимые фронтовые и чувашские народные песни, музыка русских композиторов, танцы <...> Бойцы, командиры и политработники нашего соединения горячо благодарят артистов ансамбля и, в лице их, народ Чувашии, за моральную поддержку, которую дали они во время своих концертов, и желают дальнейших творческих успехов в деле расцвета искусства чувашского народа, национального по форме, социалистического по содержанию. Мы, гвардейцы, заверяем чувашский народ, что и в последующих боях с немецко-фашистскими захватчиками мы покроем свои боевые знамена неуязвимой славой. Победа будет за нами. Смерть фашистским оккупантам!

От имени бойцов, командиров и политработников Н-ского гвардейского соединения – фронтовики Чувашии: гвардии капитан орденоносец В. Немцев, гвардии лейтенант медаленосец В. Кангин, гвардии старшина Н. Васильев, гвардии красноармейцы: Н. Сергеев, Н. Прокопьев» [14. С. 80–81].

Продолжая гастролы по районам родной республики, ЧГАТ на ходу перестраивал свою работу, разбиваясь на бригады, изменяя, дополняя свой репертуар. Создавались новые концертные программы, готовились одноактные пьесы, рассчитанные на короткий промежуток времени. Артистам приходилось преодолевать пешком по 15–20 км в любую погоду, давать концерты под открытым небом, самим сооружать сцену, играть днем, вечером, ночью. В отчете художественного руководителя ЧГАТ Л. Родионова отмечалось: «Играли в колхозных дворах, в сараях... иногда на улицах, где собиралось до 1000–1500 человек. Перед каждым спектаклем выступали с последним сообщением Совинформбюро, разъясняли решения партии и правительства» [19].

За первый 21 месяц войны (к марту 1943 г.) чувашский и русский коллективы ЧГАТ дали всего 731 спектакль и обслужили 260 тыс. зрителей, из них 400 спектаклей было демонстрировано в колхозах и районных центрах. В это же время Хозрасчетный театр драмы и комедии обслуживал в основном рабочих и служащих Московско-Казанской железной дороги. Приглашенный в 1942 г. Украинский театр музыкальной драмы и комедии, работавший в городах Алатырь, Шумерля, Канаш, Чебоксары, за 9 месяцев дал 180 спектаклей и концертов, обслужив 55 тыс. зрителей [14. С. 83]. За время пребывания в Чувашии (до декабря 1943 г.) число проведенных этим театром спектаклей превзошло 500, число посетителей – 150 тыс. человек [15. С. 135]. В Чебоксарах гастролировали артисты ленинградских театров, солисты Большого театра, Московский театр музыкальной комедии. Хотя они работали в Чувашии лишь временно, оставили определенный положительный след. Так, силами эвакуированных из Киева артистов Украинского музыкально-драматического театра в 1943 г.

в г. Ядрин был создан кукольный театр, переведенный в апреле 1944 г. в Чебоксары и положивший начало Республиканскому театру кукол [15. С. 135].

За первые два года войны чувашской и русской труппами театра было создано около 30 новых спектаклей, в том числе: «Парень из нашего города», «Русские люди», «История одной любви» К.М. Симонова, «Приказ по фронту», «Батальон идет на Запад» Г.Д. Мдивани, «Платон Кречет», «В степях Украины» А.Е. Корнейчука, «Кремлевские куранты» Н.Ф. Погодина, «Как закалялась сталь» по роману Н.А. Островского, «На берегу Невы» К.А. Тренева, «Отелло» по пьесе У. Шекспира и др. В репертуаре театра значительное место занимала оригинальная драматургия: «спектакль «Чакка» по поэме чувашского писателя С.В. Эльгера, «Нарспи» по поэме К.И. Иванова, «Айдар» П.Н. Осипова, «Иван Калмыков» А.Д. Калгана, «В деревне» Ф.П. Павлова, «Богатыри», «Голубая двойка» И.С. Максимова-Кошкинского, «Лиза Короткова» Н.С. Айзмана, «Сержант Ванюшин» Н.Ф. Мрянки, и др.

Правдивая сценическая игра профессиональных и самодеятельных актеров производила сильное впечатление на зрителей. После просмотренного им спектакля «Лиза Короткова» кузнец Никитин из Канашского района заявил: «Я уже старый человек. За тяжелый рабочий день, конечно, устаешь. Но после этого спектакля, когда я увидел таких героев-колхозников, патриотов, почувствовал себя в большом долгу перед страной» [3].

Чувашский государственный ансамбль песни и танца за первые два года войны дал более 100 платных концертов и обслужил около 40 тыс. слушателей, в основном в колхозах в период уборочных кампаний, а также на фронте за три месяца (с 20 января о 10 апреля 1943 г.) дал 120 шефских концертов для бойцов и командиров Красной Армии. Бригады концертно-эстрадного бюро дали 562 платных концерта и обслужили 145 тыс. зрителей. Дом народного творчества, осуществляя методическое руководство над 389 драматическими, 170 хоровыми, музыкальными и хореографическими кружками, способствовал сближению профессионального и самодеятельного искусства. Смотры художественной самодеятельности наиболее удачно проводились в Вурнарском, Цивильском, Шумерлинском, Канашском, и Ишлейском районах [14. С. 83–84].

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 14 июня 1944 г. «О работе культурно-просветительных учреждений в Чувашской АССР» наряду с колхозным театром, филармонией, музыкальным училищем, краеведческим музеем, художественной галереей были восстановлены более 100 избчитален и десятки колхозных клубов и библиотек [18. С. 237]. Соответственно прибавилось и число коллективов художественной самодеятельности и самодеятельных талантов из народа.

По состоянию на 1 июля 1944 г. в 919 кружках художественной самодеятельности Чувашии занимались 10 806 человек, в том числе в 418 театральных – 4612, в 240 хоровых – 3584, в 212 кружках песни и пояски – 2200, в кружках народных инструментов – 410 человек [16. С.104–105]. При клубе Канашского вагоноремонтного завода был организован самодеятельный джазовый оркестр под руководством Привальцева, который пользовался большим успехом среди рабочих [12]. Не всегда новые самодеятельные коллективы получали одобрение, особенно в области симфонической музыки и танцев. Так, в марте 1943 г. при клубе Шумерлинского комбината № 470 начал работу без разрешения Управления по делам искусств Чувашии джаз-ансамбль под

управлением Е.В. Берга. Только после изучения репертуара ансамбля просмотренной комиссией Управления по делам искусств в Чебоксарах самодеятельный коллектив получил дорогу к зрителю [7. Л. 25–26]. К концу года, особенно в ходе реализации Постановления ЦК ВКП(б) от марта 1944 г., количество кружков художественной самодеятельности приблизилось к довоенным.

В юбилейные дни для театра, в июне 1943 г., к 25-летию этого очага культуры, республиканская газета писала: «За время войны театр и другие учреждения искусств Чувашии проделали значительную работу в массах. Спектакли и концерты в райцентрах, колхозах, воинских частях и госпиталях, концерты ансамбля песни на фронте, выставки картин художников Чувашии – все это впишется в историю чувашского советского искусства и оставит в ней памятные страницы» [13]. История подтвердила эти предсказания.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны работа учебных заведений художественного профиля и творческих организаций была перестроена на военный лад. Многие журналисты, писатели, художники, музыканты, мастера сцены, культработники ушли на фронт, значительная часть из них погибла на фронте, осталось много невыполненных замыслов художественных творений. Тем не менее произведения, призывающие к решительной борьбе с фашизмом с его человеконенавистнической идеологией появлялись во всех жанрах искусства. Хотя многие очаги культуры на время войны были закрыты, оставшиеся учреждения испытывали материальные и кадровые затруднения, они сделали все возможное, выполняя лозунг «Все для фронта, все для Победы!». В поэзии, прозе, драматургии, музыке, живописи, театральной жизни, в самодеятельном творчестве появились шедевры, пережившие свою эпоху. Творчество представителей чувашской интеллигенции проявилось в их конкретных произведениях и практических делах. Они черпали свои силы в народном творчестве и внесли достойный вклад в достижения Победы.

Современная творческая молодежь, получающая профессиональное образование в учебных заведениях художественного профиля, должна учиться на примере предшественников, которые трудились в экстремальных условиях войны и добивались художественных шедевров, не потерявших свое публицистические и эстетические достоинства до сих пор. Они актуальны в условиях нарастания угрозы со стороны стран НАТО и активизации террористической деятельности различного рода экстремистов.

Литература

1. Афанасьев Ю., Шумков С. Чувашская литература в годы войны // Красная Чувашия. 1943. 25 дек.
2. Бушueva Л.И. Чувашский государственный симфонический оркестр // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 4. С. 575.
3. Вайла тырпулшан (За высокий урожай). 1943. 17 июня (на чув. яз.).
4. Городские и районные газеты: сб. ст. / сост. В.П. Комиссаров. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 255 с.
5. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 23. Д. 74.
6. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 23. Д. 955.
7. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 1581. Оп. 1. Д. 325.
8. Журналисты Чувашии: сборник статей и очерков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 207 с.
9. История Чувашии новейшего времени. Кн. 2. 1945–2005 / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. 398 с.
10. Кондратьев М. Здесь таланты обретают крылья (К 50-летию Чебоксарского музыкального училища им. Ф. П. Павлова) // Таван Атӑл (Родная Волга). 1979. № 4. С. 63–69 (на чув. яз.).

11. Кондратьев М.Г. Концертно-эстрадное бюро // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 4. С. 312–313.
12. Красная Чувашия. 1942. 4 янв.
13. Красная Чувашия. 1943. 10 апр.
14. Культурное строительство в Чувашской АССР. Кн. 2. 1945–2005 / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. 398 с.
15. Романова Ф.А. Театр, любимый народом: очерки истории Чувашского драматического театра (1918–1988). 2-е изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1988. 253 с.
16. Сарри Н.А., Сергеев Т.С. Творческая интеллигенция Чувашии в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2013. 256 с.
17. Сироткин М.Я. Очерки истории чувашской советской литературы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1956. 352 с.
18. Чувашская областная организация КПСС: хроника 1898–1990: в 2 кн. Кн. 1. 1898–1955 / рук. кол. В.Д. Дмитриев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 400 с.
19. Чувашский театр за лето // Чаваш коммуни (Чувашская коммуна). 1943. 26 сент. (на чув. яз.).
20. Художники Чувашии: библиографический справочник / сост. Н.А. Ургалкина. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 477 с.
21. Чаваш коммуни (Чувашская коммуна). 1943. 7 июля (на чув. яз.).
22. Чаваш коммуни. 1944. 12 июня (на чув. яз.).
23. Чувашская литература: учебник-хрестоматия для 8-го класса / сост. В.П. Никитин, В.Н. Черлаков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 375 с.
24. Чувашская советская литература. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. 311 с. (на чув. яз.).

СЕРГЕЕВ ТИХОН СЕРГЕЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева, Россия, Чебоксары (tikhon-sergeev@yandex.ru).

АГАЕВА ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары (agaeva.ek@yandex.ru).

T. SERGEEV, E. AGAEVA

**CULTIVATION OF PATRIOTISM IN MODERN STUDENT YOUTH
ON EXAMPLES OF ACTIVITIES OF CHUVASIA'S CREATIVE INTELLIGENTSIA
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Key words: *creativity, propaganda, agitation, journalists, writers, poets, playwrights, musicians, artists, theater workers, culture and education workers, creative organizations, military-patriotic education.*

The article analyzes various forms of activities during the Great Patriotic war carried out by representatives of creative intelligentsia of Chuvashia (journalists, writers, poets, playwrights, musicians, artists, artists, cultural workers, etc.), their works and propaganda activities contributed to strengthening patriotic feelings and combative spirit of the Motherland defenders. Outstanding works of patriotic content were created in poetry – P.P. Khuzangay, A.E. Alga, Y.G. Ukhsay, A.S. Eskhel, in prose – I.F. Ilbekov, A.F. Talvir, K.S. Turkhan, in drama – I.S. Maksimov-Koshkinsky, A.D. Kalgan, V.T. Rzhanov, in music – A.V. Aslamas, A.G. Vasilyev, V.P. Vorobiev, F.M. Lukin, A.G. Orlov-Shuzm, A.N. Togaev, G.S. Lebedev, in painting – N.V. Ovchinnikov, Yu.A. Zaitsev, M.S. Spiridonov, in theatrical art – M.M. Tarkhanov, G.A. Morev, B.A. Alekseev, etc. These works of the war years can be used to increase political activity, to form the civil position of the present-day student youth in modern era of global informatization.

References

1. Afanasiev Yu., Shumkov S. *Chuvashskaya literatura v gody voini* [Chuvash literature in the year of the war]. *Krasnaya Chuvashiya*, 1943, Dec. 25.
2. Bushueva L.I. *Chuvashskii gosudarstvennii simfonitscheskii orkestr* [Chuvash state Symphony orchestra]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2011, vol. 4, p. 575.
3. *Vuila tirpulshan (Za visokii urozai)* [For high yield], 1943, June 17.

4. Komissarov V.P., comp. *Gorodskii i raionnie gazeti: sbornik statei* [Urban and regional newspaper: collection of articles]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2007, 255 p.
5. *Gosudarsvennii arhiv sovremennoi istorii. F. 1. Op. 23. D. 74* [State Archives of Modern History of the Chuvash Republic. Archive 1. Anagraph 23. Document 74].
6. *Gosudarsvennii arhiv sovremennoi istorii. F. 1. Op. 23. D. 74* [State Archives of Modern History of the Chuvash Republic. Archive 1. Anagraph 23. Document 955].
7. *Gosudarsvennii arhiv sovremennoi istorii. F. 1. Op. 23. D. 74* [State Archives of Modern History of the Chuvash Republic. Archive 1581. Anagraph 1. Document 325].
8. *Zhurnalisti Chuvashchii: sbornik statei i otscherkov* [Journalists of Chuvash Republic: a collection of articles and essays]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2005, 207 p.
9. *Istoriya Chuvashchii noveishego vremeni. Kniga 2. 1945–2005* [The history of the Chuvash Republic of modern times. Book 2: 1945–2005]. Cheboksary, 2001, 398 p.
10. Kondratyev M. *Zdes talanti obretaiut krilya (K 50-letiiu Cheboksarskogo muzikalnogo ushchilishshcha im. F.P. Pavlova)* [Here talents find wings (To the 50 anniversary of the Cheboksary Musical School named F.P. Pavlov)]. *Tavan Atal*, 1979, no. 4, pp. 63–69.
11. Kondratiev M.G. *Cohsertno-estradoie biur* [Concert and variety bureau]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2011, vol. 4, pp. 312–313.
12. *Krasnaya Chuvashchiya*, 1942, Jan. 4.
13. *Krasnaya Chuvashchiya* [Red Chuvashia], 1943, Apr. 10.
14. *Kulturnoe stroitelstvo v Chuvashskoi ASSR Kniga 2. 1945–2005* [Cultural construction in the Chuvash ASSR. Book 2: 1945–2005]. Cheboksary, 2001, 398 p.
15. Romanova F.A. *Teatr, liubimii narodom: otscherki istorii Chuvashskogo dramaticheskogo teatra (1918–1988). 2-e izd.* [Theatre, loved by the people: essays on the history of the Chuvash drama theatre (1918–1988). 2nd ed.]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1988, 253 p.
16. Sarri N.A., Sergeev T.S. *Tvortscheskaya intelligentsiya Chuvashii v godi Velikoi Oteshchestvennoi voini i v poslevoennoie vremya* [Creative intelligentsia of Chuvashia during the great Patriotic war and in the postwar period]. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University Publ., 2013, 256 pp.
17. Sirotnin M.Ya. *Otscherki istorii chuvashskoi soveetskoj literaturi* [Essays on the history of Chuvash Soviet literature]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1956, 352 p.
18. Dimitriev V.D. et al. *Chuvashskaya oblastnaya organizatsiya KPSS: chronika. 1898–1990: v 2-kh kn. Kn. 1. 1898–1955* [Chuvash regional organization of the CPSU: chronicle. 1898–1990. 2 books. Book 1: 1898–1955]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1989, 400 p.
19. *Chuvashskii teatr za leto* [Chuvash theatre for the summer]. *Chuvashskii kommunizm*, 1943, Sept. 26.
20. Urgalkina N.A., comp. *Khudozniki Chuvashii: biobibliograficheskiy spravotschnik* [The painters of the Chuvash Republic: the bio-bibliographic Handbook]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1989, 477 p.
21. *Tschavash kommuni*, 1943, July 7.
22. *Tschavash kommuni*, 1944, June 12.
23. Nikitin V.P., Cherlakov V.N., comp. *Chuvashskaya literatura: utschebnik-hrestomatiya dlya 8-go klassa* [Chuvash literature: textbook-reader for the 8th grade]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1986, 375 p.
24. *Chuvashskaya sovetskaya literatura* [Chuvash Soviet literature]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1972, 311 p.

SERGEEV TIKHON – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian and General History Department, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (tikhon-sergeev@yandex.ru).

AGAIEVA EKATERINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of General Studies Department, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary (agaieva-ek@yandex.ru).

Формат цитирования: Сергеев Т.С., Агаева Е.В. Воспитание патриотизма у современной студенческой молодежи на примерах деятельности творческой интеллигенции Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 209–220.

УДК 796.071.4:061.237 «Буревестник» (470.344)
ББК Ч547.641 «Буревестник» (2Рос.Чув)п92

О.Г. СОРОКИНА

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРЕНЕРОВ
СТУДЕНЧЕСКОГО СПОРТИВНОГО ОБЩЕСТВА «БУРЕВЕСТИК»
ПО РАЗВИТИЮ СПОРТА ВЫСШИХ ДОСТИЖЕНИЙ
(70–80-е годы XX века)**

Ключевые слова: студенческое спортивное общество «Буревестник», студенческий спорт, преподаватели по физической культуре, тренеры, соревнования.

Актуальность темы исследования во многом обуславливается тем, что в нашей стране идет активная реализация приоритетных национальных проектов, один из которых (возрождение физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне») посвящен укреплению здоровья людей, сохранению российского народа, в чем огромную роль играют физическая культура и спорт. Комплекс ГТО призван поднять работу по привлечению населения страны к регулярным занятиям физической культурой и спортом на новый уровень. В связи с этим значимость изучения разных направлений деятельности спортивного общества, в данном случае работы тренеров по организации спорта высших достижений, кажется нам вполне обоснованной. В работе автор использует такие методы исследования, как сравнительно-исторический, хронологический и метод системного анализа. В исследовании освещены достижения спортсменов, которые характеризуют квалификационный уровень того или иного тренера. Показана практика выявления лучших тренеров студенческого общества и республики с указанием количества набранных баллов и достигнутых результатов. В работе дается сравнительный анализ показателей тренерского труда по видам спорта, по периодам (1970-е, 1980-е гг.). Основываясь на архивных и публицистических материалах, автор приходит к выводу, что усилия нескольких поколений тренеров привели к тому, что 70–80-е гг. XX в. стали наиболее успешными для тренеров и спортсменов студенческого спортивного общества «Буревестник»: воспитанники вузов выполняли звания мастеров спорта и мастеров спорта международного класса, побеждали и занимали призовые места в российских, союзных и международных соревнованиях. Автор указывает на то, что огромную роль в этом сыграли преподаватели физической культуры (они же тренеры) вузов, которые стояли у истоков зарождения и становления студенческого спорта в республике. Позже наиболее талантливые их воспитанники заканчивали факультет физического воспитания Чуашского государственного педагогического института и продолжали дело своих учителей. Результаты исследования помогут активизировать деятельность студенческих спортивных организаций на современном этапе, пополнить историю студенческого спорта новыми фактами и развивать культуру молодежи относительно спортивного движения в регионе.

30 октября 1957 г. Президиум ВЦСПС принял постановление о создании студенческого добровольного спортивного общества (СДСО) «Буревестник». В Чувашской АССР студенческое спортивное общество было образовано 10 марта 1958 г. на базе двух вузов республики. Чувашский государственный педагогический институт имени И.Я. Яковлева и Чувашский сельскохозяйственный институт вошли в состав общества «Буревестник». Группа активистов из числа преподавателей и студентов вышеназванных вузов вела работу по развитию студенческого спортивного общества на общественных началах. На первых порах активисты не имели для успешной деятельности ни помещений для размещения областного совета общества и проведения спортивных массовых мероприятий, ни финансовых средств. Преподаватели по физической культуре первых вузов республики очень много делали для развития спортивного общества «Буревестник» и студенческого спорта в 1950–1960-е гг.

С открытием в 1967 г. Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова ряды студенческого спортивного общества пополнили члены этого коллектива. Преподаватели и студенты вновь образованного вуза с энтузиазмом влились в спортивное движение республики. Благодаря общим усилиям студенческое спортивное общество продолжало развиваться. Под лозунгом «Массовость плюс мастерство» общество развивало как массовый спорт, так и спорт высших достижений. Плодотворную работу по физическому воспитанию учащейся молодежи проводили Л.А. Щедрина, Ю.Г. Паршагин, О.А. Маркиянов (университет), В.Ф. Филиппов, Д.И. Мирошниченко, Л.В. Панова, А.Г. Улангин (пединститут), А.С. Иванов, К.С. Назаров, А.Д. Захватов, Р.П. Сретенский, В.Г. Волков, Л.С. Сниткин (сельхозинститут) [4. С. 184].

Студенческое спортивное общество финансировалось обкомом профсоюза работников просвещения и высшей школы, Центральным и Российским советами «Буревестника». В 1970-х гг. финансовая помощь значительно улучшилась. Это позволило открыть детско-юношескую спортивную школу по конькобежному спорту и опорный пункт олимпийской подготовки по легкой атлетике. Тем не менее выделяемых средств не хватало на строительство собственных спортивных баз. Тренировки и соревнования проводились на площадях институтов и других спортивных обществ республики. Средства выделялись на закупку спортивного инвентаря и формы, проведение учебно-тренировочных сборов, оплату труда тренеров. Несмотря на имеющиеся материальные и организационные трудности спортивная школа по конькобежному спорту и опорный пункт по легкой атлетике успешно работали в указанный период: их воспитанники становились победителями и призерами всесоюзных и международных соревнований. Тренеры спортивного общества, трудившиеся в этих отделениях, подняли студенческий спорт республики на новый уровень. Во многом благодаря подвижнической деятельности этих преподавателей и тренеров общество «Буревестник» выдержало серьезнейшую конкуренцию с другими спортивными коллективами республики, имевшими основательную материальную базу и средства для поддержки спортсменов (спортивными обществами «Труд», «Спартак», «Динамо» и «Урожай»).

Целью данной работы является изучение деятельности тренерского сообщества «Буревестника» по организации спорта высших достижений.

В данной работе использованы следующие методы исследования – системный, сравнительно-исторический и хронологический анализы.

Для оценивания эффективности работы тренеров мы обращаемся к итогам ежегодных смотров-конкурсов, которые проводили спортивные общества и республиканский комитет по физической культуре и спорту в целях улучшения физкультурной и спортивной работы. Так, по итогам работы за 1968 г. лучшими среди добровольных спортивных обществ были признаны общества «Буревестник», «Динамо» и «Труд». Среди тренеров студенческого общества были отмечены А.Г. Улангин и Г.Г. Илларионов. А.Г. Улангин, сам в прошлом известный бегун на длинные дистанции, передавал свой опыт спортсменам педагогического и сельскохозяйственного институтов. Он первым из специалистов республики организовал круглогодичную тренировку своих учеников [3. С. 75]. Это вскоре дало результаты. Так, Н. Пуклаков занял второе место на чемпионате страны 1968 г. в беге на 5000 м. Тренером были подготовлены 10 чемпионов республики, а также призеры первенств РСФСР. Г.Г. Илларионов тренировал велосипедистов пединститута. Под его руководством вы-

полнили нормативы первого разряда 5 спортсменов и стали мастерами спорта 4 велосипедиста. В 1968 г. 4 его ученика стали призерами первенств ЦС студенческого общества, 5 – призерами первенств республики [2. Д. 2. Л. 15].

Правительство и спортивный комитет республики старались не оставлять без внимания труд тренеров и поощряли их успехи. Например, в 1970 г. звание «Отличник физической культуры» было присвоено Г.Г. Илларионову за развитие велосипедного спорта и подготовку высококвалифицированных спортсменов, Д.И. Мирошниченко за развитие баскетбола в студенческом обществе и республике. Декан факультета физвоспитания ЧГПИ А.Г. Улангин за плодотворную тренерскую работу был отмечен высоким званием «Заслуженный тренер РСФСР». Грамотами спорткомитета республики наградили преподавателей и тренеров вузов, возглавлявших федерации по разным видам спорта – А.В. Егорова, А.Г. Улангина, В.Г. Волкова, К.С. Назарова, В.Ф. Филиппова [2. Д. 23. Л. 160].

В 1969 г. в пединституте открылся факультет физического воспитания. На то время вуз не имел требуемой для открытия такого факультета спортивной базы. Помогли спортивные общества «Труд», «Спартак» и электроаппаратный завод, предоставив свои спортивные площадки для проведения учебных занятий со студентами. Многие квалифицированные специалисты в области физической культуры республики вели учебные занятия на новом факультете. На первый курс были приняты сильнейшие спортсмены республики, представлявшие разные виды спорта. В связи с этим показатели студенческого спортивного общества по развитию спорта высших достижений значительно возросли. В 1970–1980-х гг. воспитанники тренеров студенческого спортивного общества продолжали показывать хорошие результаты. В 1973 г. в смотре-конкурсе среди тренеров республики первое место занял директор конькобежной школы А.В. Егоров, второе – декан факультета физвоспитания А.Г. Улангин. Оба являлись тренерами спортивного общества «Буревестник». За каждого победителя и призера соревнований в зависимости от уровня мероприятия и подготовленных мастеров спорта тренеры получали определенное количество очков. В итоге А.В. Егоров заработал 1840 очков, А.Г. Улангин – 1721.

Эти специалисты результативно работали и в последующие годы. В соревновании среди тренеров республики 1975 года они повторили свой успех. Тренер А.В. Егоров подготовил победителей и призеров первенств СССР и РСФСР среди молодежи, юношей и девушек Л. Морозову, Л. Ефремову, В. Моделова и В. Васикова [2. Д. 451. Л. 27]. В 1977 г. за заслуги перед республикой по развитию конькобежного спорта директор и тренер ДЮСШ А.В. Егоров удостоился звания «Заслуженный работник физической культуры и спорта ЧАССР».

Хорошими результатами радовали ученики и А.Г. Улангина: 12 из них выполнили норматив мастера спорта по бегу. Из учеников этого замечательного тренера наибольших высот достиг Н.И. Пуклаков, выпускник факультета физвоспитания. Особенно удачным на победы для Николая стал 1970 год: на международных соревнованиях памяти известных советских бегунов – братьев Николая и Серафима Знаменских – он занял второе место. В ежегодно проводимых турнирах спортсменов СССР и США по разным видам спорта завоевал бронзовую медаль в легкой атлетике. Стал чемпионом Универсиады в беге на 5000 м. В составе сборной команды СССР участвовал

в XX летних Олимпийских играх в Мюнхене 1972 г. К сожалению, на этот раз выступление чувашского легкоатлета оказалось неудачным [3. С. 61]. В 1974 г. Н. Пуклаков первым из спортсменов студенческого общества выполнил норматив мастера спорта международного класса СССР. Студент факультета физвоспитания Н. Григорьев, также ученик А.Г. Улангина, на первенстве страны среди молодежи 1974 г. завоевал золотую медаль и был вторым на соревнованиях на призы газеты «Правда» в беге на 10 000 м.

Чувашия отставала от других регионов РСФСР по показателям подготовки спортсменов высокого класса в технически сложных видах легкой атлетики. Специалистов по этим видам спорта в Чувашии насчитывались единицы. Чувашские тренеры предпочитали развивать виды выносливости – бег на длинные дистанции и спортивную ходьбу. Спортсмены Чувашии именно по этим видам занимали лучшие позиции в российском и союзном рейтинге. Были сложности и со спортивными сооружениями. В Чебоксарах имелся только один легкоатлетический манеж, который не устраивал ни размерами, ни оснащением. Больше повезло поколению спортсменов 1980-х гг. В 1985 г. в городе Новочебоксарск был построен легкоатлетический манеж с современным беговым покрытием, просторными прыжковыми секторами и новыми тренажерами. Именно здесь стали проводиться зимние чемпионаты и первенства Чувашии, а позже и России.

Лучшим тренером в республике по прыжкам, метаниям, многоборьям, барьерному бегу считался В.В. Смирнов, который преподавал на кафедре спортивных дисциплин факультета физвоспитания ЧГПИ и одновременно тренировал в спортивной школе № 1. Его ученики преуспели в таких видах, как прыжки с шестом и тройным, пятиборье и десятиборье. Т. Дерябина, Т. Алексеева, В. Ковалев, С. Фадеев, С. Тимофеев успешно представляли студенческое спортивное общество республики на чемпионатах и первенствах Российского и Центрального советов «Буревестника», занимая призовые места [1. Д. 405. Л. 6].

Крупный специалист республики по лыжному спорту К.С. Назаров, трудившийся преподавателем физической культуры сельскохозяйственного института, был приглашен на кафедру спортивных дисциплин факультета физвоспитания. Под его началом команда лыжников пединститута (С. Тереева, Т. Краснова, К. Волков и др.) заняла третье место в зональных соревнованиях первых Всероссийских студенческих игр, состоявшихся в 1972 г. В 1976 г. проводились вторые зимние студенческие игры. В зональных соревнованиях игр студент пединститута А. Леонтьев занял первое место. Командой биатлонисты были на шестом месте [1. Д. 458. Л. 13].

В 1967 г. на базе Волжского филиала Московского энергетического института (ВФ МЭИ) и историко-филологического факультета педагогического института был открыт Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова (далее – ЧГУ). В университете в те годы успешно работали секции по многим видам спорта: легкой атлетике, лыжному спорту, велосипедному спорту, баскетболу, футболу, видам единоборств. Спортсмены достойно защищали честь студенческого общества в соревнованиях разного уровня. Так, в 1974 г. подопечные тренера по футболу Г.Л. Драндрова, трудившегося на кафедре физической культуры ЧГУ, завоевали бронзовые медали в зональных соревнованиях Российского совета общества «Буревестник», состоявшихся в городе Смоленск. В 1976 г. первенство зоны было проведено в столице Чувашии. Футболисты университета

стали чемпионами этих соревнований. В финальных состязаниях СДСО «Буревестник» команда заняла третье место.

В спортивном сезоне 1976 г. отличились велосипедисты университета, воспитанники преподавателя кафедры физвоспитания В.Н. Краснова. Женская команда вуза, составленная из преподавателя Е.С. Савельевой и студенток Г. Кузнецовой и Л. Таеровой, завоевала третье место в финальных соревнованиях вузов РСФСР. За 1975–1976 гг. в секции по велосипедному спорту ЧГУ было подготовлено 4 кандидата в мастера спорта и 12 перворазрядников [1. Д. 455. Л. 5].

Спортсмены университета успешно занимались и зимними видами спорта. В спортивном сезоне 1975 г. команда лыжников вуза, подготовленная тренером В.А. Алексеевой, победила в первенстве города, также завоевала третье призовое место в соревнованиях по лыжным гонкам среди команд вузов. Из учеников В.А. Алексеевой можно отметить В. Байстрюченко – чемпиона РСФСР по триатлону, кандидата в мастера спорта Л. Григорьева, перво-разрядников Г. Калинин, Л. Кудрявцеву, В. Петрова, А. Никитина. Лыжники университета стали третьими призерами зональных соревнований вторых зимних студенческих игр 1976 г.

Из игровых видов спорта, культивируемых в республике, лучше других развивался баскетбол. На должный уровень поднял этот вид спорта В.И. Греков, будучи тренером общества «Динамо» в 1950-е годы. Большой вклад в развитие баскетбола в студенческом обществе и республике внес Д.И. Мирошниченко – преподаватель физической культуры пединститута и тренер общества «Буревестник». Он тренировал баскетболистов педагогического института, одновременно являясь председателем федерации баскетбола республики. Команда баскетболистов ЧГПИ становилась чемпионом республики и победителем первенств РС студенческого общества. В 1980-х гг. успешно продвигали этот вид молодые специалисты, окончившие факультет физического воспитания: в ЧГПИ – Н.С. Гуцин, в ЧГУ – Г.Ф. Киселев. Последний не раз признавался лучшим тренером республики. Тренируемая им команда занимала призовые места в первенствах РС «Буревестника». В 1989 г. преподаватель кафедры физической культуры ЧГУ Г.Ф. Киселев создал женскую баскетбольную команду «Университет», которая стала играть во второй лиге первенства России. В память о заслуженном тренере Чувашской Республики Г.Ф. Киселеве спортивный клуб университета проводит первенство по баскетболу среди мужских и женских команд факультетов.

Ежегодно в ЧГУ проводится открытое первенство по вольной борьбе памяти первого мастера спорта СССР среди чувашских спортсменов по этому виду спорта, доктора педагогических наук, профессора О.А. Маркиянова. Он преподавал физическую культуру в ВФ МЭИ с момента его открытия. С 1977 по 2010 г. являлся заведующим кафедрой физической культуры ЧГУ. О.А. Маркиянов считается одним из основателей вольной борьбы в Чувашской Республике. Под его руководством в стенах университета были подготовлены десятки кандидатов в мастера спорта и 5 мастеров спорта по вольной борьбе.

Восьмидесятые годы XX в. также были ознаменованы успехами студентов-спортсменов. Более значительными были достижения велосипедистов и легкоатлетов. Прибавляли в мастерстве и тренеры, и их ученики. В 1984 г. в социалистическом соревновании среди тренеров студенческого спортивного

общества победителем стал В.Н. Краснов. Начавший тренерскую деятельность в стенах университета в 1972 г. В.Н. Краснов к восьмидесятым годам стал лучшим тренером в республике по велоспорту в специализации шоссейных гонок. Он очень ревностно относился к технической подготовке своих воспитанников. В итоге им были разработаны специальные тренажеры для обучения и совершенствования техники езды. Усилия тренера принесли должные результаты. На первенстве Российского совета студенческого общества 1980 г. велосипедисты университета в протоколе соревнований занимали восьмую строчку. 1985 год принес команде «золото». Отличились девушки (Н. Пашкова, М. Семенова, Р. Валерьянова), которые в командном зачете заняли первое место. Студент машиностроительного факультета В. Григорьев первым из учеников В.Н. Краснова выполнил норматив мастера спорта международного класса СССР (1982 г.). Мастерами спорта стали студенты В. Андреев, В. Осипов и С. Варжин. В 1983 г. В. Григорьев занял третье место в чемпионате страны. В 1986 г. спортсмен в составе сборной команды страны стал чемпионом Универсиады в командной гонке на 100 км. В.Н. Краснов стал развивать в Чувашской Республике новый вид спорта – маунтинбайк. Поскольку в Чувашии нет гор, для тренировок был создан «горный» тренажер. Первой спортсменкой, освоившей горный велосипед, стала Н. Пашкова. Она не раз становилась победительницей и призером первенств страны в этом виде велогонок. Позже В.Н. Краснов защитил диссертацию на соискание степени кандидата педагогических наук на тему «Подготовка велосипедистов в кросс-кантри». За подготовку велогонщиков высокого класса – участницы Олимпийских игр по маунтинбайку Н. Пашковой (Атланта, 1996 г.), бронзового призера Олимпийских игр по кросс-кантри И. Калентьевой (Пекин, 2008 г.) и других В.Н. Краснов удостоен звания «Заслуженный тренер России».

Второе место в соревновании тренеров 1984 г. досталось В.В. Смирнову. Он подготовил чемпионов СССР и РСФСР, третьего призера чемпионата СССР, победителей первенств Центрального и Российского советов общества «Буревестник». Третьим стал преподаватель кафедры физвоспитания ЧГУ А.Х. Ермолаев [1. Д. 1047. Л.15]. Если по итогам смотра-конкурса среди тренеров областного совета за 1981 г. он занимал седьмую строчку, то в 1984 г. был на третьем месте. Долгие годы А.Х. Ермолаев руководил секцией легкой атлетики университета. Им было подготовлено более 30 мастеров и кандидатов в мастера спорта по бегу и спортивной ходьбе – скороходы А. Мигушов, В. Борисов, бегуны Ю. Михайлов, Н. Таеров, М. Мурзин, Н. Иванов, А. Захаров, С. Сорокин и другие. Серьезных успехов добились девушки, занимавшиеся под его началом спортивной ходьбой. Звания мастеров спорта выполнили В. Иванова (ФМФ), В. Семенова и С. Иванова (ИФФ), В. Аверьянова (ХФ). За развитие легкой атлетики в республике А.Х. Ермолаеву было присвоено звание «Заслуженный тренер Чувашской Республики». Из воспитанниц А.Х. Ермолаева лучших результатов добилась О. Яруткина – выпускница физико-математического факультета университета, занимавшаяся спортивной ходьбой. В феврале 1983 г. спортсменке покорился рубеж мастера спорта международного класса. О. Яруткина входила в сборную команду страны по этому виду спорта. Она являлась рекордсменкой мира в спортивной ходьбе на дистанциях 3, 5 и 10 км. Обладательница (1983 г.), призер (1982 г., 1984 г.) Кубков СССР, победительница международных соревнований (1984–1985 гг.).

Как видно из анализа деятельности тренеров студенческого спортивного общества республики по подготовке спортсменов высокого класса, уровень квалификации тренеров был разным, на что указывают достижения спортсменов. Тренеры А.В. Егоров, Г.Г. Илларионов, А.Г. Улангин, В.В. Смирнов, В.Н. Краснов подняли студенческий спорт республики на достаточно высокий уровень. Специалисты по физическому воспитанию, прибывшие в нашу республику в 1950–1960-е гг. после окончания крупнейших физкультурных вузов страны, заложили традиции тренерской школы СДСО «Буревестник». После открытия в ЧГПИ факультета физического воспитания уже его выпускники продолжили трудиться во славу этой школы. Благодаря усилиям нескольких поколений тренеров 1970–1980-е годы стали временем расцвета студенческого спорта в республике: воспитанники вузов добились существенных успехов на российской, союзной и международной аренах. Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы позволят активизировать деятельность студенческих спортивных организаций, пополнить историю студенческого спорта республики новыми фактами и развивать физическую культуру молодежи и спортивное движение в регионе.

Литература

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 2773/2325. Оп. 1.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 1238. Оп. 3.
3. Железнов В., Соколов Л., Улангин А. Спортивные звезды Чувашии. Чебоксары: Изд-во Чувашского обкома КПСС, 1973. 103 с.
4. Скородумов Н.Г. Физическая культура и спорт в Чувашии (XX в.). Чебоксары: Чувашия, 1994. 384 с.

СОРОКИНА ОЛЬГА ГЕОРГИЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (663893@mail.ru).

O. SOROKINA

**ACTIVITY OF COACHES OF STUDENT SPORTS SOCIETY "BUREVESTNIK"
TO DEVELOP THE SPORTS OF THE HIGHEST ACHIEVEMENTS
(70–80s OF THE 20th CENTURY)**

Key words: student sports society "Burevestnik", student sports, physical education teachers, coaches, competitions.

The relevance of the research topic is largely due to the fact that in our country priority national projects are actively implemented, one of which (revival of the sports complex "Ready for Work and Defense") is dedicated to improving people's health, preserving the Russian people, in which physical culture and sports play a huge role. The GTO complex is designed to intensify the work on attracting the country's population to regular physical exercise and sports to a new level. In this regard, the importance of studying different activities of the sports society, in this case, the work of coaches on organizing the sports of higher achievements, seems to us quite justified. The author uses such research methods as comparative-historical, chronological method and systems analysis method. The study provides coverage of athletes' achievements which characterize the qualification level of a coach. The article shows the practice of identifying the best coaches of the student society and the Republic with an indication of the number of points scored and results achieved. The paper provides a comparative analysis of coaching indicators by kind of sport, by period (1970-ies, 1980-ies). Based on archival and journalistic materials, the author comes to the conclusion that the efforts of several coaches' generations resulted in the fact that the

70–80-ies of the 20th century became the most successful for coaches and athletes of student sports society "Burevestnik»: trainees of higher education institutions qualified for the titles of masters of sports and international class masters of sports, won and took top places in the Russian, Union and international competitions. The author points out that a huge role in this was played by teachers of physical culture (they were also coaches) at higher educational institutions, who stood at the origins and forming of student sports in the Republic. Later, their most talented trainees graduated from the faculty of physical education at Chuvash State Pedagogical Institute and continued the work of their teachers. The results of the study will help to intensify the activities of student sports organizations at the present stage, to replenish the history of student sports with new facts and to develop the culture of the youth regarding the sports movement in the region.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 2773/2325. Opis' 1 [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives 2773/2325. Anagraph 1].
2. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1238. Opis' 3 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 1238. Anagraph 3].
3. Zheleznov V., Sokolov L., Ulangin A. *Sportivnye zvezdy Chuvashii* [Sports stars of Chuvashia]. Cheboksary, 1973, 103 p.
4. Skorodumov N.G. *Fizicheskaya kultura i sport v Chuvashii (XX v.)* [Physical education and sport in Chuvash Republic (XX c.)]. Cheboksary, Chuvashiya Publ., 1994, 384 p.

SOROKINA OLGA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Physical Culture and Sports, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (663893@mail.ru).

Формат цитирования: Сорочкина О.Г. Деятельность тренеров студенческого спортивного общества «Буревестник» по развитию спорта высших достижений (70–80-е годы XX века) // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 221–228.

УДК 908(470.343)
ББК 43.4г (2Рос.Мар)

А.А. ФИЛОНОВ, А.Б. ФИЛОНОВА

**РАЗВИТИЕ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА
ВО 2-м КОЗЬМОДЕМЬЯНСКОМ ЛЕСНИЧЕСТВЕ
КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА***

Ключевые слова: лесное хозяйство, 2-е Козьмодемьянское лесничество, лесная дача, лесоустройство, лесная стража, лесовозобновление, лесоматериалы, валовой доход.

В статье рассматривается развитие лесного хозяйства во 2-м Козьмодемьянском лесничестве Казанской губернии во второй половине XIX в. Обращается внимание на структурный состав лесничества и происходившие в нем организационные изменения. Описываются местные природно-географические условия, состояние произраставших здесь лесных массивов, их возрастной состав и распределение по древесным породам. Анализируются проводившиеся в лесничестве лесостроительные работы, направленные на установление четкого порядка лесопользования и решение важнейших лесохозяйственных проблем. Выявляется результативность лесовозобновления вырубленных площадей, а также защиты лесных ресурсов от самовольных порубок и других нарушений Лесного устава. Подчеркивается, что дубравы 2-го Козьмодемьянского лесничества являлись объектом лесопромышленного предпринимательства со стороны крестьян, купцов и мещан. Характеризуются специфика использования лесных ресурсов и извлечения дохода казенным ведомством, ассортимент заготавливаемых в лесничестве лесоматериалов, условия и рынки их сбыта.

Лесные массивы, являясь одним из главных компонентов природной среды, истари играли важнейшую экологическую и природоохранную роль, выступали в качестве объекта хозяйствования. Сбережение лесов от расхищений, улучшение состояния лесных ресурсов, четко продуманная система их эксплуатации, эффективное возобновление вырубок считаются одними из главных задач лесного ведомства. Разумеется, их успешная реализация не может быть достигнута без учета и обобщения богатого исторического опыта ведения лесного хозяйства, накопленного отечественными лесоводами. В связи с этим обращение к истории лесного хозяйства на примере отдельных лесничеств выглядит вполне оправданным.

В предлагаемой вниманию читателей статье объектом исследования является 2-е Козьмодемьянское лесничество Казанской губернии. Заявленная проблематика нашла определенное освещение в работах А.И. Удачина, А.В. Фадеева, П.М. Верхунова, А.П. Яковлева, П.Т. Тихонова, В.П. Глебова, Г.Н. Урмакова и других исследователей и специалистов в области лесного хозяйства [1. С. 68, 75; 33. С. 10–11, 14, 79, 86–87, 94–96, 98; 40; 41. С. 13, 19; 43. С. 3–8; 44. С. 8–9]. Однако ряд важнейших лесохозяйственных аспектов, в том числе организационная структура лесничества и происходившие в ней изменения, характеристика произраставших здесь лесных массивов, положение лесной стражи, а также специфика лесопользования и извлечения дохода от эксплуатации лесных ресурсов раскрыты далеко не в полной мере. Автором предпринимается попытка в известной мере восполнить имеющийся

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00014 мол_а «Лесное хозяйство Марийского края в письменных источниках второй половины XIX – начала XX веков».

пробел путем привлечения и введения в научный оборот неизвестного ранее фактического материала, извлеченного из фондов Российского государственного исторического архива, Государственного исторического архива Чувашской Республики, Национального архива Республики Татарстан и Государственного архива Республики Марий Эл.

Имеющиеся в исторических источниках и научной литературе сведения не позволяют определить точную дату основания 2-го Козьмодемьянского лесничества. Однако еще в начале 50-х гг. XIX в. в статистическом описании Козьмодемьянского уезда, автором которого являлся известный чувашский историк, краевед и этнограф С.М. Михайлов, отмечалось, что здесь насчитывалось два лесничества, в том числе 2-е Козьмодемьянское, располагавшееся в нагорной стороне уезда [35. С. 105–106].

К 1 января 1869 г. в составе лесничества числилось 59 лесных дач общей площадью 42 617,60 десятины. По данным 1872 г., здесь состояли Пихтулинская, Паратмарская, Юнго-Кушергская, Средне-Сумская, Шудермарская, Карачкино-Янымово-Тарашнурская, Сиделькинская, Больше-Шешкарская, Мало-Шешкарская, Шешкарская, Вурман-Касинская, Вомбо-Касинская, Токаревская и другие корабельные рощи; Больше-Енапталовская, Енапталовская, Крайне-Енапталовская, Больше-Шешкарская 1-я, Больше-Шешкарская 2-я, Чирки-Касинская, Крайне-Шешкарская, Яушевская, Пихтулинская № 97, Пихтулинская № 102 и другие казенные заповедные рощи; Козьмодемьянская, Владимирская, Ценибековская, Пихтулинская, Янымовская, Малосундырская, Кожважская, Юнго-Ядринская, Янгильдинская, Кинярская и другие крестьянские лесные дачи. В середине 70-х гг. XIX в. 23 лесные дачи (Крайне-Енапталовская, Енапталовская, Больше-Енапталовская, Чирки-Касинская и другие) были выведены из состава лесничества. Одни передавались в пользование крестьянам или составили оброчные статьи, другие поступили в надел лесной страже или в частную собственность, а некоторые небольшие по площади дачи были присоединены к более крупным. Поэтому к 1 января 1878 г. в лесничестве осталось всего 36 лесных дач площадью 14 420,00 десятины [2. Л. 31–32; 3. Л. 5–5об.; 8. Л. 2об.–4 об.; 9. Л. 43–48; 45. С. 54–55].

15 сентября 1889 г. на заседании совещательной комиссии под председательством Управляющего государственными имуществами Казанской и Симбирской губерний Юргенсона было принято решение объединить лесные дачи, входившие в состав 2-го Козьмодемьянского лесничества, в две хозяйственные части: Тарашнурскую сборную площадью 9440,75 десятины со сбытом леса по реке Суре и Шешкарскую сборную пространством 4824,00 десятины со сплавом лесоматериалов по реке Волге [6. Л. 7–7 об.; 13. Л. 34–35]. В состав первой из них вошли Средне-Сумская, Карачкино-Янымово-Тарашнурская, Юнго-Кушергская, Сиделькинская, Янымовская и другие лесные дачи [6. Л. 1–1об.; 7. Л. 11об.–12]. Шешкарская сборная дача включала в себя Вомбо-Касинскую, Мало-Шешкарскую, Крайне-Шешкарскую, Больше-Шешкарскую с Шешкарской, Яушевскую, Кинярскую, Вурман-Касинскую и другие лесные дачи. Общая площадь лесничества составляла 14385,50 десятины [17. Л. 26–27об.].

В 1890–1891 гг. в результате очередных организационных изменений в структуре 2-го Козьмодемьянского лесничества произошли новые перемены. В сентябре 1890 г. Тарашнурская сборная дача была передана в состав 1-го Ядринского лесничества. При этом ко 2-му Козьмодемьянскому лесничеству были присоединены Карачуринская и Икковская сборные дачи, до этого находившиеся

в 1-м Чебоксарском лесничестве. В состав Карачуринской сборной дачи, площадь которой составляла 2749,00 десятины, входили Карачурино-Шахчуринская, часть Альгешевской, Ельниковская, Изъевская, Протопопинская и Шахчуринская лесные дачи. Икковская сборная дача, занимавшая пространство в 3183,00 десятины, включала Икково-Клычево-Кугесевскую, Божаровскую, Салтыганово-Туруновскую, часть Альгешевской, Акулевскую и Байзарино-Ишаковскую лесные дачи. С учетом входивших в состав лесничества оброчных статей площадь его в середине 90-х гг. XIX в. составляла 10 783,75 десятины [4. Л. 49, 50об.; 5. Л. 9об., 42–43об., 56об., 59об.–60; 7. Л. 12об.; 13. Л. 77об.; 33. С. 11; 38. Л. 95].

2-е Козьмодемьянское лесничество располагалось на территории Козьмодемьянского, Ядринского, Цивильского и Чебоксарского уездов Казанской губернии. Оно граничило с другими казенными лесами этих уездов, а также с лесными участками частных владельцев – Кушева, Селивановой, Панова, Кожевникова, Ефремова, Кошкиной, Зубова и др. В пределах лесничества и в непосредственной близости от него находились многочисленные села и деревни: Ильинка, Сундырь, Юнго-Ядрино, Вомбо-Касы, Вурман-Касы, Большие Карачуры, Малые Карачуры, Маложданово, Альгешево, Писарино, Абашево, Емешево, Пайгусово, Еласы, Юнго-Кушерга и другие. Общая протяженность границ лесничества вдоль реки Волги составляла более 105 верст [4. Л. 49об.–50; 5. Л. 55об.; 6. Л. 14об., 19об.; 7. Л. 13об.; 40. С. 54].

2-е Козьмодемьянское лесничество занимало возвышенную ровную поверхность, пересеченную оврагами различной глубины и ширины. Здесь преобладала глинистая и местами суглинистая «свежая» почва со слоем перегноя от 0,5 до 2 футов. Местные климатические и почвенные условия в целом были благоприятны для роста леса. Почва отличалась достаточно высоким плодородием и хорошими физическими свойствами, которые способствовали успешному произрастанию здесь главной древесной породы – дуба. В возрасте 40–60 лет он достигал высоты 14–25 аршина при диаметре ствола в 3–5 вершков на высоте груди, а в 160–180 лет эти показатели составляли уже 31–42 аршина и 12½ – 19 вершков, соответственно [4. Л. 56об.–58, 61–61об.; 5. Л. 62об.–65; 6. Л. 20об., 21об.; 7. Л. 15–15об.].

Специфика распределения покрытой лесом площади 2-го Козьмодемьянского лесничества заключалась в том, что более 90% ее занимал дубовый лес. Незначительную примесь в дубовых насаждениях составляли сосна, береза, осина, ильм, вяз, клен, липа с подлеском из орешника. Распределение древесных пород по возрастному составу было крайне неравномерным. В конце 80-х гг. XIX в. около 80% произраставшего здесь леса относилось к VII–IX классам возраста (121–180 лет). По данным 1889–1890 гг., в дубравах Тарашнурской сборной дачи деревья I класса возраста (1–20 лет) занимали 845,65 десятины (11%), VII класса (121–140 лет) – 2919,75 десятины (36%), VIII класса (141–160 лет) – 1224,25 десятины (15%), IX класса (161–180 лет) – 3005,65 десятины (38%). При этом насаждения II–VI классов возраста здесь отсутствовали. Подобное распределение древесных пород по классам возрастов было характерно и для других структурных единиц 2-го Козьмодемьянского лесничества. Состояние произраставших здесь лесных массивов в целом было удовлетворительным. Однако в ряде лесных участков были заметны засыхание отдельных деревьев и наличие сердцевинной гнили. Особенно это наблюдалось у дубовых деревьев крупных размеров, относившихся в VIII и IX классам возрастов. «Полнота» насаждений с господством

дуба старшего возраста составляла 0,5–0,7, а в молодняках и приспевающих насаждениях – 0,8–0,9. Средний запас древесной массы на десятине исчислялся в 40 куб. саженей [4. Л. 64–66; 5. Л. 44об., 69об.–70об., 215–218; 6. Л. 24об.–26об.; 7. Л. 19–20об.; 29. Л. 13–14; 33. С. 94–95; 42. С. 17; 43. С. 8].

В рассматриваемый период лесные дачи 2-го Козьмодемьянского лесничества являлись объектом проведения лесоустроительных работ, в ходе которых определялся порядок лесопользования на предстоящий ревизионный период и уделялось внимание решению других аспектов ведения лесного хозяйства. Конкретно, входившие в состав лесничества Карачкино-Янымово-Тарашнурская, Сиделькинская, Средне-Сумская, Юнго-Кушергская, Янымовская, Вомбо-Касинская, Мало-Шешкарская, Чирки-Касинско-Токаревская, Вурман-Касинская лесные дачи и Пихтулинская (бывшая корабельная) роща были устроены в 1860 г., а Больше-Шешкарская, Кинярская и Катрясевская лесные дачи устраивались в 1866 г. [34. С. 140–142; 45. С. 74]. В Карачкино-Янымово-Тарашнурской и Янымовской лесных дачах для дуба действовал 180-летний оборот рубки, а в Юнго-Кушергской, Средне-Сумской и Сиделькинской дачах – 80-летний. Для липы и других второстепенных лиственных пород, кроме дуба, в Карачкино-Янымово-Тарашнурской даче в 1860 г. назначался оборот рубки в 60 лет. Выбор мест рубок был обусловлен состоянием насаждений, и рубки на первое время назначались в более «спелых» участках леса. Направление и ширина лесосек были совершенно произвольны, что впоследствии негативно отразилось на состоянии лесных массивов [6. Л. 33–34].

Во время лесоустройства в Катрясевской и Больше-Шешкарской лесных дачах устанавливался 60-летний оборот для вырубki дуба, в Пихтулинской бывшей корабельной роще – 80-летний, в Кинярской – 100-летний, в Вурман-Касинской – 120-летний, в Чирки-Касинско-Токаревской – 140-летний, в Мало-Шешкарской и Вомбо-Касинской дачах – 160-летний. Рубка леса во всех этих восьми дачах велась сплошными лесосеками шириной 25–60 саженей с оставлением дубовых семенных деревьев в количестве от 11 до 45 штук на одной десятине. В рубку назначались участки наиболее «спелого» или поврежденного леса, причем никакой очередности рубки насаждений не соблюдалось. Кроме лесосечной рубки назначалась также выборка перестойных и поврежденных дубовых деревьев, для чего были отведены на каждый год отдельные участки. В Пихтулинской бывшей корабельной роще рубка леса в соответствии с утвержденным планом хозяйства началась в 1867 г., в Кинярской, Вурман-Касинской, Чирки-Касинско-Токаревской, Мало-Шешкарской и Вомбо-Касинской дачах с 1869 г., а в Катрясевской и Больше-Шешкарской дачах с 1871 г. [7. Л. 22об., 25об.–26].

В 1889–1890 гг. при лесоустройстве в Тарашнурской и Шешкарской хозяйственных частях было принято решение в течение предстоящего 10-летия вести здесь высокоствольное хозяйство при лесосечной его системе. В обеих хозяйственных частях для насаждений с господством дуба утвержден оборот рубки в 180 лет, а для участков с преобладанием липы – 80 лет. Липу же и другие лиственные породы деревьев, составлявшие примесь в дубовых насаждениях, планировалось заготавливать при 90-летнем обороте рубки. Лесосеки отводились шириной около 50 саженей в направлении с восток на запад, причем порядок рубки назначался с юга на север с целью защиты всходов дуба и поросли от северных холодных ветров. Кроме сплошной лесосечной рубки назначалось низкоствольное хозяйство на орешник при 10-летнем обо-

роте. В обеих хозяйственных частях по причине наличия значительного количества сухостойного и суховершинного леса признавалась необходимость немедленной выборки его в течение 10-летия. Поэтому заготовка сырораствующего дуба была заменена именно выборкой сухостоя и суховершинника. Ежегодно таким способом планировалось разрабатывать в Тарашнурской сборной даче 2830 дубов, а в Шешкарской сборной даче – 2664 дуба. В Тарашнурской сборной даче липу назначалось вырубать только в 21- и 51-м кварталах ежегодно на площади 15,98 десятины. Выборку липы и других лиственных пород деревьев в насаждениях с господством дуба здесь планировалось производить на территории 67,55 десятины ежегодно, а для рубки орешника отводилось пространство в 897,98 десятины ежегодно. Из побочных пользований на предстоящий период в обеих хозяйственных частях допускались сбор лесных плодов и охота. Пастьба скота, приносившая значительный вред, на всей площади хозяйственных частей была запрещена [6. Л. 9–10, 12–13, 48об.–49об., 54–57об., 59–59об.; 7. Л. 6об., 42об., 49об.; 13. Л. 38об.–39; 31. С. 181–182; 38. Л. 104об.–105; 45. С. 75].

В ходе лесоустройства 1890–1891 гг. в Карачуринской и Икковской сборных дачах планировалось вырубать лес сплошными лесосеками шириной не более 40 саженьей. Оборот рубки для дуба был определен в 180 лет. Площадь «нормальной» лесосеки в Карачуринской сборной даче составила 11,12 десятины, а в Икковской сборной даче – 11,53 десятины. Но ввиду состояния насаждений, преобладания здесь спелых и перестойных деревьев была назначена к рубке на предстоящее 10-летие площадь, на 20% превышавшая «нормальную» лесосеку. В первой из упомянутых дач эта величина составила 13,34 десятины, а во второй – 13,84 десятины. Кроме лесосечной рубки в обеих дачах назначалась ежегодная заготовка орешника, произрастающего в виде подлеска под пологом дубовых насаждений, при обороте рубки в 20 лет. Для выборки орешника в Карачуринской сборной даче отводилась площадь в 87,08 десятины, а в Икковской сборной даче – 49,15 десятины. Из побочных пользований в обеих дачах разрешались пастьба скота, сбор лесных плодов, ягод, грибов, но запрещались сбор желудей на лесосеках и пастьба свиней на произведенных вырубках [4. Л. 9; 5. Л. 44, 47–49, 51, 108 об.–109 об., 130 об.–132 об.; 13. Л. 80–81 об.; 32. С. 34].

Защиту лесных ресурсов 2-го Козьмодемьянского лесничества осуществляли лесничий, его помощник и чины лесной стражи. По данным 1878 г. в составе последней числилось 4 объездчика и 28 лесников. Объездчики за свой труд получали в среднем по 150 руб. жалованья в год, а лесники – по 79 руб. В 1876–1879 гг. лесничество возглавлял выпускник Лесного института коллежский асессор А.Ф. Грауэрт. В январе 1880 г. заведование лесничеством принял на себя титулярный советник П.Е. Китаев. Первоначально контора лесничего находилась в уездном городе Козьмодемьянске, но летом 1880 г. «для более удобного осмотра казенных лесных дач» она была переведена в село Ильинское Татаркасинской волости Козьмодемьянского уезда, находившееся в центре лесничества. Как свидетельствуют архивные материалы, в 1888–1889 гг. П.Е. Китаев незаконно получил и присвоил дополнительные платежи по лесорубочным билетам. Эти деньги в доход лесничества записаны не были. В итоге Китаев был обвинен в «злоупотреблениях по службе» и снят с должности лесничего. В 1889–1896 гг. 2-е Козьмодемьянское лесничество возглавлял известный ученый-лесовод, выпускник Петров-

ской земледельческой и лесной академии Б.И. Гузовский [14. Л. 72–73; 33. С. 11, 86–87; 39. Л. 29–30; 40. С. 53–55, 57; 45. С. 55, 93].

К 1890 г. число лесников во 2-м Козьмодемьянском лесничестве по сравнению с таковым в конце 70-х гг. XIX в. было увеличено до 46 человек, а количество объездчиков осталось прежним. В это время на содержание лесничего Б.И. Гузовского ежегодно расходовалось 1270 руб. 81 коп., в том числе ему выплачивалось 582 руб. жалованья, 294 руб. столовых денег, 250 руб. в качестве компенсации «разъездных» расходов и 144 руб. 81 коп. канцелярских денег. Помощник лесничего получал в год 294 руб. жалованья и 150 руб. разъездных денег, а всего 444 руб. Лесничий и его помощник также обеспечивались земельными наделами: первый – площадью 30,00, второй – 15,00 десятины. Все объездчики, охранявшие лесничество, ежегодно получали по 200 руб. жалованья; 27 лесников по 100 руб., 19 – по 90 руб. Кроме того, для 42 человек лесной стражи проживание в съемных квартирах, а не в казенных стражнических домах, компенсировалось по 18 руб. в год каждому. За пользование земельными наделами площадью около 700,0 десятины из общего жалованья лесников и объездчиков вычиталось 842 руб. Всего же в 1890 г. на содержание лесной стражи, за исключением лесничего и его помощника, было израсходовано 5124 руб., или в среднем по 427 руб. в месяц [15. Л. 7–14].

В связи с организационными изменениями начала 90-х гг. XIX в. и переводом ряда лесных дач из 2-го Козьмодемьянского лесничества в 1-е Ядринское лесничество, количество лесной стражи заметно сократилось. Так, в 1895 г. во 2-м Козьмодемьянском лесничестве состояло 4 объездчика и 36 лесников. Средняя величина объезда составляла 2760,00, а обхода – 350,00 десятины [20. Л. 7]. Своевременно предотвращать нарушения Лесного устава, осуществлять эффективный контроль над вверенными лесникам и объездчикам участками лесных дач при обширной площади охраняемых объездов и обходов было достаточно сложно. Нередким явлением в лесничестве были самовольные порубки и другие повреждения леса. Конкретно, в 1876–1878 гг. во 2-м Козьмодемьянском лесничестве было заведено в среднем по 142 дела о нарушениях Лесного устава в год на сумму 494 руб. [39. Л. 29–30]. В 1880 г. количество таких дел оставалось примерно на том же уровне, но ущерб от них для казны существенно возрос. В течение года было возбуждено 78 дел по самовольным порубкам леса, 63 дела по незаконной пастьбе скота и другим лесоповреждениям на общую сумму 2208 руб. 52 коп. [9. Л. 10об.; 45. С. 95]. Всего же в 1871–1888 гг. во 2-м Козьмодемьянском лесничестве было зафиксировано 3798 нарушений Лесного устава, в том числе 3126 случаев (82,3%) самовольных порубок, а также 672 случая (17,7%) самовольной охоты и пастьбы скота на общую сумму 18521 руб. 88 коп. При этом потери от самовольных порубок составили 7917 руб. 66 коп. Таким образом, в среднем в 1871–1888 гг. в лесничестве совершалось по 173 самовольные порубки и по 37 случаев самовольной охоты и пастьбы скота ежегодно. Всего к ответственности по вышеупомянутым видам преступлений было привлечено 3611 человек. Такое количество нарушений объясняется тем, что лесничество состояло из мелких лесных дач, расположенных на обширной территории в сравнительно густонаселенной местности, что серьезно затрудняло охрану леса [6. Л. 43–43 об.; 7. Л. 36; 45. С. 95].

В дальнейшем количество самовольных порубок продолжало увеличиваться. Так, в 1890 г. было заведено 344 дела по самовольным порубкам, 2 – по пожарам, 231 – по незаконной пастьбе и другим нарушениям с убытком

для казны в 1327 руб. 80 коп. [37. Л. 331, 374об.–375]. В 1895 г. в лесничестве было возбуждено уже 449 дел по самовольным порубкам на сумму по казенной таксе 406 руб. 25 коп., 10 дел по пожарам на 23 руб. 12 коп., 197 дел по незаконной пастьбе и другим нарушениям на 793 руб. 72 коп. Всего в течение года к ответственности было привлечено 1045 человек [20. Л. 3–4, 17об.–20].

В архивных фондах отложилось немало конкретных дел о нарушениях Лесного устава. Так, 16 сентября 1893 г. в 20-м квартале Шешкарской сборной дачи была обнаружена самовольная пастьба 11 голов скота крестьянами д. Шатра-Касы и Чурак-Касы Татаркасинской волости Козьмодемьянского уезда. В итоге 10 крестьян, которым принадлежал скот, были оштрафованы на общую сумму 5 руб. [21. Л. 22–24]. 2 июня 1894 г. земский начальник 3-го участка Козьмодемьянского уезда рассмотрел дело по обвинению крестьян д. Моска-Касы М. Архипова, Н. Егорова и Д. Спиридонова, которых признали виновными в самовольной пастьбе скота в казенном лесу, оскорблении лесной стражи, сопротивлении при задержании лошадей. Каждый из осужденных был приговорен к штрафу на 15 руб. с заменой в случае их материальной несостоятельности арестом на трое суток [21. Л. 84–85]. 10 июня 1894 г. в 6-м и 7-м кварталах Шешкарской сборной дачи было обнаружено самовольное травокошение. От крестьян д. Чурак-Касы Татаркасинской волости удалось узнать, что нарушение было произведено крестьянином с. Большой Сундырь Ф.И. Столяровым. За скошенный воз травы с него был взыскан штраф в сумме 1 руб. 40 коп. [19. Л. 40–40 об.].

26 июня 1895 г. был составлен акт о самовольном сенокосении в 5-м квартале Карачуринской сборной дачи, совершенном крестьянами д. Протопопиха А. Николаевым, Ф. Лаврентьевым, И. Васильевым и С. Дмитриевым. Выкошена оказалась площадь в 300 квадратных саженой, за что с нарушителей причитался штраф в размере 3 руб. 45 коп. В самовольном сенокосении в этот период также обвинялись крестьяне д. Маложданово, Малые Карачуры, Малые Катрясы, Большие Карачуры и др. [21. Л. 30, 35–36, 40–43]. В течение 1895 г. самовольные порубки леса совершили крестьянин д. Большие Кубасы В. Иванов, за что он был оштрафован на 4 руб. 47 коп.; крестьянин д. Чандрово Янгильдинской волости С. Никифоров – на 18 руб. 94 коп., крестьяне д. Средние Шешкары В. Трофимов и Н. Александров – по 3 руб. 81 коп. с каждого; крестьянин д. Большие Катрясы Янгильдинской волости Е. Павлов – на 1 руб. 26 коп. и десятки других. Зачастую таких денег у крестьян не было, и платить они отказывались. В этой ситуации нарушителей заставляли отрабатывать сумму ущерба, отправляли на общественные лесные работы или заключали в тюрьму на определенный срок [30. Л. 102, 105, 107, 113–114, 169; 33. С. 14].

Несмотря на значительное количество нарушений Лесного устава, имевших место во 2-м Козьмодемьянском лесничестве, чины лесной стражи проводили большой объем работы, а некоторые лесники и объездчики действительно верой и правдой выполняли возложенные на них функции. Особенно отличившиеся в этом удостоивались памятных наград. В 1888 г. за усердную службу похвальным листом был награжден лесник Иван Гурьянов – крестьянин д. Татар-Касы, который состоял в лесной страже с 15 февраля 1880 г. Такого же знака отличия добился лесник Николай Фролов, являвшийся крестьянином д. Корчаково Татаркасинской волости. В числе лесной стражи он находился с 1 сентября 1881 г. [11. Л. 2–4]. В 1894 г. похвальный лист

получил лесник Никита Ермолаев, находившийся на службе с 1884 г., а в 1895 г. – лесник Иван Спиридонов [18. Л. 80 об.–81; 22. Л. 90 об.–91].

Одним из важнейших аспектов лесного хозяйства является проблема лесовозобновления вырубленных площадей. Сохранившиеся письменные исторические источники, в том числе материалы лесоустроительных отчетов, свидетельствуют о достаточно слабой результативности естественного возобновления дубрав 2-го Козьмодемьянского лесничества. Ревизия лесоустройства, проведенная здесь в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX вв., показала, что намеченные в 1860 г. в ходе первоначального устройства ряда лесных дач меры по обеспечению естественного восстановления дубрав не дали желаемых результатов. Вырубки в дубовых насаждениях к концу 80-х гг. XIX в. представляли собой пространства, занятые орешником, молодняком липы, клена, ильма, вяза и единичными дубовыми сеянцами. К причинам неудач возобновления дуба лесоустроители отнесли зарастание вырубок кустарником, сорными травами, заглушавшими дубовые всходы, оставление на вырубках семенников из числа старых и сухостойных деревьев, находившихся здесь в незначительном количестве, а также неравномерное распределение их на площади лесосек. Вредное влияние на рост леса оказывала также пастьба скота, так как при недостатке в дубовых насаждениях подножного корма скот объедал и ломал молодые деревца, выросшие под пологом старых насаждений [1. С. 68; 4. Л. 80–80об.; 6. Л. 34об., 37–38об.; 7. Л. 31].

В целях содействия естественному возобновлению дуба при устройстве в 1889 г. Тарашнурской и Шешкарской хозяйственных частей было признано необходимым оставлять невырубленными дубовые деревья толщиной менее 10 вершков на высоте груди. Их количество должно было составлять около 30 штук на десятине. Функция этих «хороших дубовых семенников» заключалась не только в обсеменении почвы желудями, но и в защите всходов от солнца и морозов [6. Л. 10–10об.; 7. Л. 7; 13. Л. 37]. В ходе лесоустройства 1890–1891 гг. в Карачуринской и Икковской сборных дачах после вырубки лесосеку назначалось немедленно отдавать на 2–4 года в сельскохозяйственное пользование с целью уничтожения орешника и взрыхления почвы. Если после 2 лет со времени прекращения сельскохозяйственного пользования лесосеки не возобновились или возобновились неудовлетворительно, то планировалось проводить здесь искусственное лесовосстановление [5. Л. 47–48, 122–130; 13. Л. 80]. В 1892–1895 гг. в различных местах 2-го Козьмодемьянского лесничества были произведены посадки и посевы дуба на площади всего около 60,00 десятины, но в некоторых участках было до 70% потерь [31. С. 22; 33. С. 94–95].

Проблема восстановления дубрав, в том числе во 2-м Козьмодемьянском лесничестве, вызывала обеспокоенность на самом высоком уровне. Весной 1896 г. для обсуждения вопроса об улучшении хозяйства в дубовых лесах Казанской губернии Лесным департаментом была создана специальная комиссия. Ее члены пришли к выводу, что наиболее надежным способом восстановления дуба может быть только создание его «культур». Всем лесничим была поставлена задача осмотреть вырубленные лесосеки и опытным путем выработать подходящие методы создания посевов и посадок дуба на вырубках [1. С. 68; 23. Л. 36–36об.]. Реализуя эти задачи, лесничий Б.И. Гузовский изучил ход естественного возобновления вырубков, произведенных во 2-м Козьмодемьянском лесничестве в 1867–1889 гг., и распределил их на 3 группы. К первой из них были отнесены участки, где на одном гектаре насчитыва-

лось 2800 и более дубков. Таких вырубок оказалось около 9,4% от общего их числа. Во вторую группу вошли территории, на которых находилось 1100–2800 дубков, что составляло 25,2%. К третьей группе были отнесены участки, где на одном гектаре количество дубков оказалось менее 1100 штук (около 65,4% вырубок). Б.И. Гузовский считал, что на вырубках первой группы культуры дуба не требуются, а необходимо обеспечить уход за молодыми дубками. На вырубках второй и третьей групп необходимо искусственное лесовосстановление. Для разработки техники и технологии его производства Гузовский заложил 11 вариантов посева желудей (по количеству посевных мест, по временам года, схеме их размещения, обработке почвы) и 5 вариантов посадки сеянцев дуба, выращенных также на опытных участках [31. С. 8; 44. С. 12]. Однако активная реализация этих передовых способов и методов искусственного восстановления дубрав проводилась Б.И. Гузовским уже в пределах не 2-го Козьмодемьянского, а образовавшегося на его базе в 1896 г. Ильинского лесничества.

Леса нагорной части Козьмодемьянского уезда издавна славились своими дубравами. В их разработке принимали активное участие крестьяне, мещане и представители купечества, приобретающие на официальных торгах делянки дубового леса для сплошной или выборочной рубки. Так, в апреле 1889 г. состоялись торги на участки во 2-м Козьмодемьянском лесничестве. Крестьянин д. Средние Шешкары Козьмодемьянского уезда Е.В. Пегасов заторговал здесь 4 делянки площадью 3,18 десятины за 1487 руб., крестьянин д. Кого-Шудермар того же уезда А.С. Егорейкин – 2 делянки пространством 2,00 десятины за 1183 руб., крестьянин д. Шалтыково Васильсурского уезда Д.Ф. Саракеев – 8 делянок площадью 8,14 десятины за 4077 руб. Всего на этих торгах делянки приобрели 34 человека на общую сумму 33 705 руб. 50 коп. [12. Л. 64–67об.].

Очередные торги для продажи дубового леса из 2-го Козьмодемьянского лесничества произошли 6 марта 1891 г. На них крестьянин д. Токари Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда К. Алексеев заторговал во втором квартале Шешкарской сборной дачи 9 делянок для заготовки 450 дубовых деревьев за 1396 руб. Всего на этих торгах лес приобрели 7 человек, в том числе 6 крестьян и 1 мещанин города Козьмодемьянска И.П. Пономарев, которые приобрели участки для выборочной рубки 972 дубовых деревьев за 3279 руб. 25 коп. [16. Л. 95–98об.].

С торгов 20 июля 1894 г. крестьянин д. Шалтыково Е.Д. Саракеев заторговал в Карачуринской и Икковской сборных дачах несколько делянок дубового леса общей площадью 8,10 десятины за 6063 руб.; крестьянин д. Маложданово В.Д. Берендеев в Карачуринской даче приобрел для рубки 1,40 десятины леса за 632 руб.; крестьянин д. Кади-Касы Е. Романов в Карачуринской и Икковской дачах купил для этой же цели 2,60 десятины за 1787 руб.; крестьянин с. Ильинка Татаркасинской волости М.В. Мартьянов – 3,70 десятины за 2271 руб.; крестьянин д. Клычево Д. Семенов в Карачуринской даче – 2,70 десятины за 1220 руб.; крестьянин д. Анат-Киняры Сундырской волости В.И. Надеждин – 0,60 десятины за 280 руб. Всего по лесничеству с этих торгов было приобретено 26,70 десятины для сплошной рубки дуба за 15 824 руб. [25. Л. 55–56]. 14 февраля 1895 г. состоялись торги на продажу дубовых делянок в Карачуринской и Икковской дачах. На них крестьянин д. Шалтыково Д.Ф. Саракеев приобрел 5,90 десятины леса за 5029 руб.; крестьянин д. Кади-

Касы Е. Романов – 1,10 десятины за 865 руб.; мещанин Мариинского Посада Д.А. Бельский – 2,30 десятины за 1621 руб.; мещанин города Козьмодемьянска И.П. Пономарев – 3,50 десятины за 1593 руб.; крестьянин с. Ильинка М.В. Мартянов – 2,40 десятины за 1696 руб.; крестьянин д. Заовражной А. Михайлов – 1,30 десятины за 1014 руб. Всего на этих торгах было продано 26,60 десятины дубового леса на сумму 18 006 руб. [26. Л. 47–50 об.].

На приобретенных лесопромышленниками с торгов делянках заготавливались лес и лесоматериалы, которые впоследствии предназначались для дальнейшего сбыта в Казань и другие поволжские города. Так, крестьянин д. Шалтыково Е.Д. Саракеев по лесорубочным билетам № 15, 110 и 113, выданным в 1894 г., и № 1, полученному в 1895 г., разработал в Карачуринской и Икковской сборных дачах 1350 дубовых брусьев длиной $1\frac{1}{2}$ – 4 аршина, шириной 2– $5\frac{1}{2}$ вершка и толщиной $1\frac{1}{2}$ – 3 вершка; 57600 дубовых бочарных досок длиной 14–20 вершков, шириной 2–6 вершков и толщиной $\frac{1}{2}$ вершка; 272 дубовых кряжа длиной 3–10 аршина и толщиной 8–17 вершков. Все эти товары вывезли на Чебоксарскую, Заовражную и Ново-Ивановскую пристани. Билеты на сплав лесоматериалов были выданы Е.Д. Саракееву 20 апреля 1895 г. Крестьянин д. Шалтыково Д.Ф. Саракеев по лесорубочному билету № 28 от 14 июня 1895 г. заготовил во втором квартале Карачуринской сборной дачи 206 дубовых кряжей длиной 3–4 аршина и толщиной 8–17 вершков, а также 13 570 дубовых досок длиной 14–20 вершков, шириной 2–5 вершков и толщиной $\frac{1}{2}$ вершка. Эти материалы оказались вывезены на Заовражную пристань. Сплавной билет на них был выдан Д.Ф. Саракееву 11 августа 1895 г. [27. Л. 19, 35–35об.].

По лесорубочным билетам 1894–1895 гг. крестьянином с. Ильинка А.С. Толстовым было заготовлено во 2-м Козьмодемьянском лесничестве и вывезено на Токаревскую и Ильинскую пристани с целью дальнейшего сплава 10 100 дубовых досок длиной 4–5 четвертей, шириной 2–3 вершка и толщиной $\frac{1}{2}$ вершка; 61 дубовое бревно длиной 3–4 аршина и шириной 8–18 вершков, а также 46 пятериков дубовых однополенных дров. Сплавные билеты были получены А.С. Толстовым 20 апреля 1895 г. В 1894–1895 гг. козьмодемьянскому мещанину И.П. Пономареву выданы билеты на вывоз 6831 дубовой доски длиной 4–5 четвертей, а также 53 дубовых бревен и 25 пятериков дубовых дров. Все эти лесоматериалы были заготовлены в Шешкарской сборной даче и вывезены на Ильинскую пристань. На их сплав 4 мая 1895 г. были выданы соответствующие билеты [27. Л. 11–11об., 15–15об., 26–26об.].

Использование лесных ресурсов 2-го Козьмодемьянского лесничества приносило немалый доход казенному ведомству. В течение 1867 г. валовой доход лесничества составил 10 699 руб. 21 коп. В течение года было израсходовано 2355 руб. 48 коп., а чистый доход выразился в сумме 8343 руб. 73 коп. [36. Л. 102]. В 1876–1878 гг. в среднем в кассу 2-го Козьмодемьянского лесничества ежегодно поступало по 12 627 руб. валового дохода, в том числе 9874 руб. (78,2%) от продажи леса [39. Л. 29]. В 1884 г. доходность здесь составила уже 29 166 руб. 19 коп., из которых 27 656 руб. 14 коп. (94,8%) было выручено от продажи леса, 852 руб. 20 коп. (2,9%) от сбора лесных плодов, 260 руб. 35 коп. (0,9%) от содержания лесных оброчных статей; 397 руб. 50 коп. (1,4%) от пастьбы скота, охоты, сбора сена и мха, пчеловодства и ряда других доходных статей. Расход по лесничеству в 1884 г. на содержание лесничего и его помощника, на выплату жалованья лесникам и объездчикам,

проведение лесных работ составил 7189 руб. 17 коп. Таким образом, чистый доход здесь выразился в сумме 21 977 руб. 02 коп. [10. Л. 4об.–6об., 10об.–11].

В 1890 г. во 2-м Козьмодемьянском лесничестве было выручено 23 495 руб. 41 коп., а в 1893 г. – только 18 444 руб. 61 коп. валового дохода [24. Л. 51–51об.; 37. Л. 309–309об., 339]. Такое колебание доходности за отдельные годы было нередким явлением. Величина дохода напрямую зависела от экономической конъюнктуры в стране в тот или иной период, а также от спроса на лесоматериалы, предъявляемого со стороны как крупных лесопромышленников, так и крестьян окрестных сел и деревень. В 1894 г. валовая доходность лесничества снова увеличилась, составив 24 452 руб. 40 коп. Из этой суммы 17 819 руб. 29 коп. (72,9%) поступило от продажи леса с торгов для сплошной и выборочной рубки. Сплошной рубкой в течение года в Карачуринской и Икковской сборных дачах оказалось заготовлено 184,16 куб. сажени дубового строевого и поделочного леса; 1054,21 куб. сажени дров, а также 150,36 куб. сажени хвороста и хмыза. Выборочной рубкой в Шешкарской сборной даче было заготовлено 526,34 куб. сажени древесины [17. Л. 2об.–3, 10об., 12–13]. Валовой доход по лесничеству в 1895 г. заметно возрос и составил 31 285 руб. 77 коп., в том числе 29 856 руб. 21 коп. (95,4%) от продажи леса, 829 руб. 20 коп. (2,7%) за лесные оброчные статьи, 376 руб. (1,2%) от побочных пользований и 224 руб. 36 коп. (0,7%) от взысканий за нарушение Лесного устава [28. Л. 1–14, 78].

Сплавным путем для 2-го Козьмодемьянского лесничества являлась протекавшая вдоль его северной границы река Волга, по которой лес и лесоматериалы отправлялись на отдаленные рынки. Главным лесоматериалом, который заготавливался в лесничестве в 70-е гг. XIX в., была колотая, обтесанная топором бочарная доска длиной 16, 28 и 34 вершка, шириной 2–3 вершка и толщиной $\frac{1}{2}$ вершка. Основным рынком ее сбыта являлся город Астрахань, от чего этот лесоматериал и получил свое название – «астраханская клепка». Использовалась она при изготовлении бочек, в которых хранили различные масла. В 80-е гг. XIX в. кроме клепки появился еще один имевший устойчивый сбыт лесоматериал – дубовые кряжи для Сормовского вагоностроительного завода. В 90-е гг. XIX в. рынок сбыта для дуба расширялся, увеличился спрос на него. Дубовая клепка кроме Астрахани в это время отправлялась также в Нижний Новгород, Москву и Царицын. Наряду с астраханской клепкой появилась еще французская строганая клепка, из которой производили бочки, использовавшиеся для хранения виноградных вин. Такая клепка имела сбыт, прежде всего, во Франции. С началом производства ценных и дорогостоящих лесоматериалов, пользовавшихся спросом за границей, выработка астраханской клепки длиной 28 и 34 вершка прекратилась. Определенное значение для 2-го Козьмодемьянского лесничества имел и местный рынок сбыта, на который шел хворост, сухостойный и отчасти строевой лес, которые потреблялись местными крестьянами для отопления жилья, сооружения различных построек и изгородей [4. Л. 55об.–56; 5. Л. 62; 6. Л. 20–20об.; 31. С. 184–185].

В 1896 г. 2-е Козьмодемьянское лесничество прекратило свое самостоятельное существование. На базе Шешкарской сборной дачи было образовано Ильинское лесничество, а на основе Карачуринской и Икковской сборных дач – 3-е Чебоксарское лесничество [40. С. 56].

Таким образом, во второй половине XIX в. местные природные условия в целом способствовали развитию хозяйства во 2-м Козьмодемьянском лесни-

честве. Более 90% покрытой лесом площади здесь занимал дубовый лес, возраст которого составлял преимущественно 120–180 лет. К концу 80-х гг. XIX в. все лесные дачи 2-го Козьмодемьянского лесничества были устроены. В рассматриваемый период во главе его стояли специалисты с высшим образованием в области лесного дела. Положение в малолесной и весьма густо населенной местности, распределение лесных дач небольшими площадями по обширной территории, в том числе среди крестьянских земель, а также большая протяженность окружных границ серьезно затрудняли охрану лесничества. Несмотря на все старания лесной стражи, полностью защитить лесные массивы от самовольных порубок и других нарушений Лесного устава, совершаемых крестьянами окрестных сел и деревень, не удавалось. К числу важных проблем также относилась низкая эффективность лесовозобновления, когда вырубки, произведенные в дубовых насаждениях, нередко возобновлялись не «материнской породой», а малоценным орешником, ильмом, кленом, березой и другими лиственными древесными породами. Главная причина этого заключалась в отсутствии ухода за дубовыми всходами.

Во второй половине XIX в. лесные ресурсы 2-го Козьмодемьянского лесничества являлись объектом лесопромышленного предпринимательства со стороны крестьян, купцов и мещан преимущественно Козьмодемьянского и Васильсурского уездов. Казенное ведомство, таким образом, получало значительный доход от продажи леса небольшими деланками для сплошной или выборочной рубки. Положение лесничества вблизи сплавных рек, главной из которых являлась Волга, способствовало ведению лесного хозяйства и открывало заготавливаемому лесу и лесоматериалам обширный рынок сбыта. Часть лесоматериалов (преимущественно дубовая клепка и брус) сплавлялась в лодках, белянах и баржах на отдаленные рынки – Казань, Нижний Новгород, Самару, Саратов и Астрахань. На местные рынки поступал топливный материал и в небольшом количестве строевой лес.

Литература

1. Глебов В.П., Верхунов П.М., Урмаков Г.Н. Дубравы Чувашии. Чебоксары: Чувашия, 1998. 199 с.
2. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). Ф. 49. Оп. 1. Д. 43.
3. ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 274.
4. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 206. Оп. 53. Д. 22.
5. ГИА ЧР. Ф. 206. Оп. 53. Д. 23.
6. ГИА ЧР. Ф. 206. Оп. 53. Д. 24.
7. ГИА ЧР. Ф. 206. Оп. 53. Д. 26.
8. ГИА ЧР. Ф. 564. Оп. 1. Д. 105.
9. ГИА ЧР. Ф. 564. Оп. 1. Д. 144 а.
10. ГИА ЧР. Ф. 564. Оп. 1. Д. 211.
11. ГИА ЧР. Ф. 564. Оп. 1. Д. 299.
12. ГИА ЧР. Ф. 564. Оп. 1. Д. 351.
13. ГИА ЧР. Ф. 564. Оп. 1. Д. 402.
14. ГИА ЧР. Ф. 564. Оп. 1. Д. 404.
15. ГИА ЧР. Ф. 564. Оп. 1. Д. 410.
16. ГИА ЧР. Ф. 564. Оп. 1. Д. 420.
17. ГИА ЧР. Ф. 564. Оп. 1. Д. 436.
18. ГИА ЧР. Ф. 564. Оп. 1. Д. 445.
19. ГИА ЧР. Ф. 564. Оп. 1. Д. 446.
20. ГИА ЧР. Ф. 564. Оп. 1. Д. 453.
21. ГИА ЧР. Ф. 564. Оп. 1. Д. 459.

22. ГИА ЧР. Ф. 564. Оп. 1. Д. 462.
23. ГИА ЧР. Ф. 565. Оп. 1. Д. 2.
24. ГИА ЧР. Ф. 565. Оп. 1. Д. 7.
25. ГИА ЧР. Ф. 565. Оп. 1. Д. 10.
26. ГИА ЧР. Ф. 565. Оп. 1. Д. 11.
27. ГИА ЧР. Ф. 565. Оп. 1. Д. 12 а.
28. ГИА ЧР. Ф. 565. Оп. 1. Д. 13 б.
29. ГИА ЧР. Ф. 565. Оп. 1. Д. 15.
30. ГИА ЧР. Ф. 565. Оп. 1. Д. 16.
31. *Гузовский Б.И.* Сочинения. Чебоксары: «Новое время», 2010. 240 с.
32. *Иванов А.Г., Филонов А.А.* Материалы лесостроительных отчетов как источник по изучению лесного хозяйства Марийского края второй половины XIX – начала XX веков // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 3 (47). С. 30–36.
33. Лесное хозяйство Чувашии 1798–1998. Два века в датах, событиях, фактах и цифрах. Чебоксары: Чувашия, 1998. 350 с.
34. Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып. 10. Уезд Козьмодемьянский. Казань: Тип. губ. правл-я, 1891. 147 с.
35. *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. 420 с.
36. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 91. Оп. 3. Д. 740.
37. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 387. Оп. 5. Д. 32442.
38. РГИА. Ф. 387. Оп. 6. Д. 34827.
39. РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 1744.
40. *Тихонов П.Т.* Б.И. Гузовский и Второе Козьмодемьянское лесничество: некоторые заметки // Архивный вестник Чувашии. Чебоксары, 2006. Вып. 1. С. 52–57.
41. *Тихонов П.Т.* Лесное хозяйство Чувашии в XX веке. Исторический опыт и уроки развития / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. 224 с.
42. *Тихонов П.Т., Фадеев А.В., Петров В.Р., Каткова О.В.* Лесозащита Чувашии в XX веке. Исторический очерк. Чебоксары: Новое время, 2007. 124 с.
43. *Тихонов П.Т., Яковлев А.П.* Ильинское лесничество. Культуры дуба Б.И. Гузовского (исторический очерк). Чебоксары: «Новое время», 2010. 28 с.
44. *Удачин А.И.* Русский лесничий Б.И. Гузовский и его культуры в Среднем Поволжье. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 56 с.
45. *Филонов А.А.* Очерки по истории лесного хозяйства Марийского края второй половины XIX – начала XX веков. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. 296 с.

ФИЛОНОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (fil88meat@rambler.ru).

ФИЛОНОВА АЛИНА БОРИСОВНА – аспирантка кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (alina.filonova.92@mail.ru).

A. FILONOV, A. FILONOVA

DEVELOPMENT OF FORESTRY IN THE 2nd KOZMODEMYANSKY FORESTRY SECTION OF KAZAN PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

Key words: forestry, 2nd Kozmodemyansk forestry section, forest cottage, forest management, forest guard, reforestation, timber, gross income.

The article examines the development of forestry in the 2nd Kozmodemyansk forestry section of Kazan province in the second half of the 19th century. Attention is drawn to the structural composition of the forestry and the organizational changes taking place in it. Local natural and geographical conditions, the state of forests growing here, their age composition and distribution by tree species are described. The article analyzes the forest management works carried out in the forestry, aimed at establishing a clear order of forest management and solving the most important forestry problems. The effectiveness of cut areas restoration as well as protection of forest resources from unauthorized felling and other violations of the

Forest Charter are revealed. It is emphasized that the oak forests of the 2nd Kozmodemyan-sky forestry section were the object of forest-industrial entrepreneurship on the part of peasants, merchants and the lower middle class. The specifics of using forest resources and income extraction by the state department, the range of timber harvested in forestry, the conditions and markets for their sale are characterized.

References

1. Glebov V.P., Verkhunov P.M., Urmakov G.N. *Dubravyy Chuvashii* [Oak groves of Chuvashia]. Cheboksary, Chuvashia publishing house, 1998, 199 p.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond 49. Opis' 1. Dokument 43* [State Archives of the Republic of Mari El. Archives 49. Anagraph 1. Document 43].
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond 49. Opis' 1. Dokument 274* [State Archives of the Republic of Mari El. Archives 49. Anagraph 1. Document 274].
4. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 206. Opis' 53. Dokument 22* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 206. Anagraph 53. Document 22].
5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 206. Opis' 53. Dokument 23* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 206. Anagraph 53. Document 23].
6. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 206. Opis' 53. Dokument 24* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 206. Anagraph 53. Document 24].
7. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 206. Opis' 53. Dokument 26* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 206. Anagraph 53. Document 26].
8. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 564. Opis' 1. Dokument 105* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 564. Anagraph 1. Document 105].
9. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 564. Opis' 1. Dokument 144 a* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 564. Anagraph 1. Document 144 a].
10. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 564. Opis' 1. Dokument 211* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 564. Anagraph 1. Document 211].
11. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 564. Opis' 1. Dokument 299* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 564. Anagraph 1. Document 299].
12. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 564. Opis' 1. Dokument 351* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 564. Anagraph 1. Document 351].
13. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 564. Opis' 1. Dokument 402* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 564. Anagraph 1. Document 402].
14. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 564. Opis' 1. Dokument 404* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 564. Anagraph 1. Document 404].
15. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 564. Opis' 1. Dokument 410* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 564. Anagraph 1. Document 410].
16. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 564. Opis' 1. Dokument 420* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 564. Anagraph 1. Document 420].
17. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 564. Opis' 1. Dokument 436* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 564. Anagraph 1. Document 436].
18. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 564. Opis' 1. Dokument 445* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 564. Anagraph 1. Document 445].
19. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 564. Opis' 1. Dokument 446* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 564. Anagraph 1. Document 446].
20. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 564. Opis' 1. Dokument 453* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 564. Anagraph 1. Document 453].
21. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 564. Opis' 1. Dokument 459* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 564. Anagraph 1. Document 459].
22. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 564. Opis' 1. Dokument 462* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 564. Anagraph 1. Document 462].
23. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 565. Opis' 1. Dokument 2* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 565. Anagraph 1. Document 2].
24. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 565. Opis' 1. Dokument 7* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 565. Anagraph 1. Document 7].
25. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 565. Opis' 1. Dokument 10* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 565. Anagraph 1. Document 10].
26. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 565. Opis' 1. Dokument 11* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 565. Anagraph 1. Document 11].
27. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 565. Opis' 1. Dokument 12 a* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 565. Anagraph 1. Document 12 a].

28. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 565. Opis' 1. Dokument 13 b* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 565. Anagraph 1. Document 13 b].
29. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 565. Opis' 1. Dokument 15* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 565. Anagraph 1. Document 15].
30. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 565. Opis' 1. Dokument 16* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 565. Anagraph 1. Document 16].
31. Guzovskii B.I. *Sochineniya* [Compositions]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2010, 240 p.
32. Ivanov A.G., Filonov A.A. *Materialy lesoustroitel'nykh otchetov kak istochnik po izucheniyu lesnogo khozyaistva Mariiskogo kraya vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov* [Materials of forest management reports as a source for the study of forestry of the Mari region in the second half of XIX – the beginning of the XX centuries]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [The bulletin of Scientific research institute of the humanities at the Government of the Republic of Mordovia], 2018, no. 3 (47), pp. 30–36.
33. *Lesnoe khozyaistvo Chuvashii 1798–1998. Dva veka v datakh, sobytiyakh, faktakh i tsifrah* [Forestry of Chuvashia in 1798–1998. Two centuries in dates, events, facts and figures]. Cheboksary, Chuvashia Publ., 1998, 350 p.
34. *Materialy dlya sravnitel'noi otsenki zemel'nykh ugodii v uezdakh Kazanskoi gubernii. Vyp. 10. Uezd Koz'modem'yanskii* [Materials for comparison purposes land grounds in counties of the Kazan province, issue 10, Kozmodemyansky County]. Kazan, 1891, 147 p.
35. Mikhailov S.M. *Trudy po etnografii i istorii russkogo, chuvashskogo i mariiskogo narodov* [Works on ethnography and history of the Russian, Chuvash and Mari people]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1972, 420 p.
36. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 91. Opis' 3. Dokument 740* [National Archive of the Republic of Tatarstan. Archives 91. Anagraph 3. Document 740].
37. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. Fond 387. Opis' 5. Dokument 32442* [Russian State Historical Archive. Archives 387. Anagraph 5. Document 32442].
38. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. Fond 387. Opis' 6. Dokument 34827* [Russian State Historical Archive. Archives 387. Anagraph 6. Document 34827].
39. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. Fond 387. Opis' 28. Dokument 1744* [Russian State Historical Archive. Archives 387. Anagraph 28. Document 1744].
40. Tikhonov P.T. *B.I. Guzovskii i Vtoroe Koz'modem'yanskoe lesnichestvo: nekotorye zametki* [B.I. Guzovsky and the Second Kozmodemyansky forest area: some notes]. In: *Arkhivnyi vestnik Chuvashii* [Archival bulletin of Chuvashia]. Cheboksary, 2006, iss. 1, pp. 52–57.
41. Tikhonov P.T. *Lesnoe khozyaistvo Chuvashii v XX veke. Istoricheskii opyt i uroki razvitiya* [Forestry of Chuvashia in the XX century: historical experience and lessons of development]. Cheboksary, 2001, 224 p.
42. Tikhonov P.T., Fadeev A.V., Petrov V.R., Katkova O.V. *Lesozashchita Chuvashii v XX veke. Istoricheskii ocherk* [Protection of the wood of Chuvashia in the XX century. Historical sketch]. Cheboksary, Modern times Publ., 2007, 124 p.
43. Tikhonov P.T., Yakovlev A.P. *Il'inskoe lesnichestvo. Kul'tury duba B.I. Guzovskogo (istoricheskii ocherk)* [Ilyinsky forest area. Cultures of an oak of B.I. Guzovsky (historical sketch)]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2010, 28 p.
44. Udachin A.I. *Russkii lesnichii B.I. Guzovskii i ego kul'tury v Srednem Povolzh'e* [Russian forest warden B.I. Guzovsky and his cultures in average Volga region]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1965, 56 p.
45. Filonov A.A. *Ocherki po istorii lesnogo khozyaistva Mariiskogo kraya vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov* [Sketches on history of forestry of the Mari region of the second half of XIX – the beginnings of the XX centuries]. Yoshkar-Ola, Mari State University Publ., 2014, 296 p.

FILONOV ALEKSANDR – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (fil88meat@rambler.ru).

FILONOVA ALINA – Post-Graduate Student of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (alina.filonova.92@mail.ru),

---

Формат цитирования: Филонов А.А., Филонова А.Б. Развитие лесного хозяйства во 2-м Козьмодемьянском лесничестве Казанской губернии во второй половине XIX века // Вестник Чувашиского университета. – 2019. – № 4. – С. 229–243.

УДК 94(470):35.078.169.84»1917/1918»
ББК ТЗ(2)611-33

М.Ю. ХАРИТОНОВ

ЗАРОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НОЯБРЬ 1917 – МАЙ 1918)*

Ключевые слова: государственный контроль, Совет народных комиссаров, Народный комиссариат Государственного контроля, Центральная контрольная коллегия, Э.Э.Эссен.

Историки советского периода писали об Октябрьской революции как об особом символическом рубеже. Во многих публикациях содержалось утверждение, что «старый» государственный контроль был ликвидирован, а «новый» (советский) контроль возник лишь через некоторое время после революционных событий. Ключевые подходы по данному вопросу сложились еще в 50–60-е гг. XX в. Основные версии были: 5(18) декабря 1917 г., 18(31) января и 9 мая 1918 г. Большинство поздних исследователей придерживались одной из данных точек зрения. В статье исследован процесс становления советского контроля: от действующей системы Государственного контроля в октябре 1917 г. до момента окончательного оформления в новое ведомство в мае 1918 г. Работа построена на переосмыслении ранее опубликованных материалов, а также на анализе новых трудов историков, ранее не привлекавшихся в историографии. Рассмотрены основные вехи, организационные и структурные изменения государственного контроля, выявлены основные руководители ведомства. Назначение руководителя Государственного контроля произошло по политическим меркам того времени достаточно поздно. Только по истечении 20 дней советской власти стало понятно, что Государственный контроль как учреждение, несмотря на изначальные планы и подходы, нуждался в подчинении революционному порядку и включению в новую систему советского управления. Определена дата зарождения советского контроля, которая, по мнению автора, связана с назначением Э.Э. Эссена временным заместителем народного комиссара по Государственному контролю 19 ноября 1917 г. Подчеркивается роль первого исполняющего обязанности народного комиссара по Государственному контролю Э.Э. Эссена в становлении ведомства, обсуждается роль Центральной контрольной коллегии в системе управления государственным контролем. Освещается конфликт, произошедший в Наркомате государственного контроля в марте–апреле 1918 г.

Более ста лет отделяет нас от событий 1917 г., которые стали переломными для Российского государства. Историки советского периода писали об Октябрьской революции как об особом символическом рубеже, решительно разделившем историю нашей страны. В том числе этот вывод применялся к истории органов государственного управления и их составной части – контрольных органов. При этом во многих публикациях советского периода сохранилось утверждение, что «старый» государственный контроль был ликвидирован, а «новый» (советский) контроль возник лишь через некоторое время после революционных событий. Основные подходы по данному вопросу сложились еще в 50–60-е гг. XX в. [32, 33]. Так, И. Ведерников писал: «Декрет Совета Народных Комиссаров от 7 декабря 1917 г. «Об образовании коллегии Государственного контроля и о правах народного комиссара Государственного контроля в Совете народных комиссаров» положил начало созданию органов Государственного контроля» [4. С. 4]. Скорее всего у И. Ведерникова закралась ошибка. Декрет был принят на заседании СНК 2(15) декабря, подписан 5(18) декабря, опубликован 6(19) декабря в Газете Временного Рабоче-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00467.

го и Крестьянского Правительства. Официальная дата декрета – 5(18) декабря [12. С. 181]. Также автор, на наш взгляд, некорректно принимает «Коллегию Государственного контроля» (по декрету от 5(18) декабря 1917 г.) за название ведомства, что вызвано аналогией с чуть более поздним названием согласно декрету от 18(31) января 1918 г. – «Центральная контрольная коллегия». На самом же деле по декрету от 5 (18) декабря 1917 г. была создана коллегия при наркоме по Государственному контролю и назначены ее члены. Другой исследователь 50-х гг. XX в. И.П. Козлитин считал несколько иначе: «Ломка учреждений старого государственного контроля и создание органов нового, социалистического государственного контроля, как и многих других звеньев государственного аппарата, произошли не сразу. Реорганизация государственного контроля затянулась до апреля 1919 г. Первые мероприятия по созданию социалистического государственного контроля были намечены декретом Совета Народных Комиссаров от 18 января 1918 г.» [17. С. 12]. В свою очередь, А.И. Коняев утверждал: «С первых дней существования Советской власти, наряду с рабочим контролем, началось создание государственного контроля» [18. С. 30]. Однако ниже он продолжает: «Постановлением ВЦИК от 9 мая 1918 г. народным комиссаром государственного контроля был назначен К.И. Ландер. 11 мая Совнарком утвердил заместителем народного комиссара И.Г. Дмитриева и членами коллегии А.В. Галкина и А.К. Пайкеса. Этими актами был образован Народный комиссариат государственного контроля (НКГК)» [18. С. 33]. Большинство более поздних советских авторов и ряд современных исследователей придерживались одной из данных точек зрения относительно даты создания ведомства. Представляется, что на современном этапе необходимо вернуться к данному вопросу и уточнить начальную историю советских контрольных органов.

Прежде чем перейти к истории контроля, стоит остановиться на двух основополагающих вопросах о деятельности Совнаркома (СНК). Первый связан с легитимностью и преемственностью (легальностью) органов государственной власти России от Временного правительства к советской власти. В современной исторической литературе он не до конца проработан, хотя вопрос о событиях февраля – марта 1917 г. рассмотрен [24. С. 77–82]. Не углубляясь в существо данной темы, отметим, что советские авторы и не считали необходимым наличие четко обоснованной юридической легальности в процессе «создания советского строя как формы диктатуры пролетариата» [22. Т. 44. С. 224]. По их мнению, уже само обращение II Всероссийского съезда Советов «Рабочим, солдатам и крестьянам!» юридически зафиксировало отрешение Временного правительства от власти: «Временное правительство низложено» [34. С. 127]. Также многие исследователи учитывали слова В.И. Ленина, который в первый же день существования новой власти заявил: «Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат, и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций» [22. Т. 35. С. 2]. Большевики предложили не просто изменения в государственном управлении, они озвучили идею «нового миропорядка» с переустройством социальных, экономических и политических механизмов [27. С. 56].

Подобные обоснования, полностью принятые советской юридической и исторической литературой, хотя в целом и достаточно четко определяют политическую легитимность нового строя (старые правящие классы изгоняются, а в революционную власть должны прийти представители рабочих и крестьян), при этом ничего не дают для обоснования юридической преемственности (легальности) новой власти. При этом элементы ее можно было наблюдать: СНК обозначался как *Временное* рабочее и крестьянское правительство до избрания Учредительного собрания; декреты вступали в законную силу в день опубликования его в официальной газете и «Собрании узаконений и распоряжений», которые были модификацией изданий периодов царизма и Временного правительства [3]; министерства и их структурные подразделения продолжали существовать. Вопрос об времени прекращения практической деятельности министерств также недостаточно проработан в литературе. Окончательно они перестали так называться (и упоминаться), скорее всего, в связи с переездом высших органов власти из Петрограда в Москву в марте 1918 г.

Второй вопрос, который тесно примыкает к первому: новые власти не считали нужным определить организационное и нормативное положение народных комиссариатов, не прописали системно функции отдельных учреждений (кроме редких исключений), разграничение полномочий между ними и основы межведомственного взаимодействия. Такого обоснования не обнаружили ни Е.Н. Городецкий, ни М.П. Ирошников, самые квалифицированные исследователи «переходного периода» [10. С. 145–159; 11. С. 83–91; 16. С. 95–113].

С учетом этих моментов попытаемся рассмотреть более подробно конкретную историю контрольных органов в первый год советской власти.

К 25 октября (7 ноября) 1917 г. структура Государственного контроля, как ведомства, выглядела следующим образом [19. С. 1]: Государственный контролер, его товарищ, Совет Государственного контроля, 4 Департамента: Военно-морской, Гражданской, Кредитной и Железнодорожной отчетности, Канцелярия, Центральная бухгалтерия, Временная Ревизионная комиссия по проверке расходов, вызванных войной 1914 года, и ряд мелких учреждений. Местные учреждения состояли из 61 губернской и областной контрольной палаты, а также из 5 военных, 2 портовых и 32 железнодорожных контрольных учреждений. Наряду с ними действовал полевой (военный) контроль. Всего в контрольных органах Российской Республики числилось около 12 тыс. служащих.

Как отмечалось выше, создание органов власти началось на II Всероссийском съезде Советов, где 26 октября (8 ноября) 1917 г. был принят декрет от «Об учреждении Совета Народных Комиссаров» [12. С. 20–21]. С первого дня новые власти перешли к решительному преобразованию органов власти. Однако следует признать, что действующий государственный механизм не был полностью реформирован. Большинство министерств и ведомств, кроме отдельных (например, Министерства двора и т.п.), продолжали существовать, в том числе Государственный контроль. Конечно, практическая деятельность ведомств и учреждений была почти полностью остановлена. Служащие Государственного контроля участвовали в бойкоте (в советской историографии – саботаже) советской власти и его центрального правительственного органа – Совета народных комиссаров. Кроме того, в декрете об учреждении Временного рабочего и крестьянского правительства – Совета Народных Комиссаров – в его структуре не предусматривалось ведомства по

контролю, а в перечислении персонального состава не был упомянут народный комиссар по Государственному контролю.

Назначение руководителя Государственного контроля произошло по политическим меркам того времени достаточно поздно. Официальное назначение состоялось лишь 19 ноября (2 декабря) 1917 г., когда СНК назначил временным заместителем народного комиссара по Государственному контролю Э.Э. Эссена [29. С. 30]. Постановление было подписано 20 ноября (3 декабря) 1917 г., опубликовано – 21 ноября (4 декабря) и 23 ноября (6 декабря) [12. С. 584]. Почему же это назначение так затянулось? Складывается ощущение, что почти месяц новые власти не интересовались судьбой ведомства.

На наш взгляд, возможны два объяснения данного факта. Первая версия видится в том, что еще до взятия власти В.И. Ленин вынашивал идею всеобщего рабочего контроля и мысли о контроле постоянно присутствуют в трудах основоположника большевизма. «Еще 21 октября (3 ноября) 1917 г. по предложению В.И. Ленина ЦК партии решил поставить вопрос о рабочем контроле в повестку дня II Всероссийского съезда Советов и поручил В.П. Милютину подготовить соответствующие тезисы» [6. С. 62]. Эта же позиция руководителя большевиков нашла отражение в первом же документе новой власти в обращении «К гражданам России!», где среди 4 основных задач был и рабочий контроль над производством [12. С. 1–2]. Также буквально в первый день деятельности СНК 27 октября (9 ноября) В.И. Ленин подготовил Проект положения о рабочем контроле [21. С. 134–135]. При изучении практических действий и документов, подготовленных им тогда, напрашивается вывод, что В.И. Ленин в тот момент не видел необходимости в контроле как элементе государственного механизма, поэтому, исходя из этой логики, мы и не находим упоминаний о данном ведомстве в первых декретах.

Еще одним возможным объяснением видится то, что, по идее В.И. Ленина, государственный контроль не должен был входить в состав правительства. Об этом можно судить по протоколу СНК о назначении Э.Э. Эссена, где он назначался на пост до утверждения его ВЦИК [29. С. 30], и более позднему декрету от 18 января 1918 г. об образовании Центральной контрольной коллегии, в котором вновь образуемая структура подчинялась непосредственно все тому же ВЦИК [12. С. 368].

Таким образом, по истечении 20 дней советской власти стало понятно, что Государственный контроль как учреждение, несмотря на изначальные планы и подходы, нуждался в подчинении революционному порядку и включению в новую систему советского управления. Однако наркома по Государственному контролю (в данном случае – временного заместителя наркома, который по сути исполнял его обязанности) пришлось назначить, так как в ведомстве процветал «саботаж» и это требовало решительных ответных революционных мер. Итак, 15 (28) ноября 1917 г. в повестку заседания СНК был включен вопрос о государственном контроле [29. С. 20]. Однако его обсуждение было отложено до консультаций с Д.П. Боголеповым и Г.Л. Пятаковым [29. С. 20]. По мнению М.П. Ирошникова, «в это время, вероятно, велись поиски подходящей кандидатуры для руководства организацией работы Госконтроля» [16. С. 235]. Скорее всего, названные кандидатуры действительно рассматривались для работы в Государственном контроле, однако первый из них вскоре стал помощником наркома финансов, а второй – помощником комиссара Государственного банка. Как мы уже отмечали, лишь 19 ноября

(2 декабря) 1917 г. вопрос о государственном контроле был рассмотрен и СНК назначил временным заместителем народного комиссара по Государственному контролю Э.Э. Эссена (у ряда исследователей указана дата 20 ноября). Данная ошибка скорее всего вызвана тем, что в публикации «Декреты Советской власти» дата постановления о назначении Э.Э. Эссена указана от 20.11.1917 г. [12. С. 584]. В решении СНК отмечалось, что он назначается «вплоть до утверждения его в должности народного комиссара по Государственному контролю Центральным Исполнительным Комитетом» [29. С. 30]. В тексте постановления, опубликованном в сборнике «Декреты Советской власти», оно дано в изложении [12. С. 584]. В тексте, опубликованном в газетах, ссылки на необходимость утверждения ВЦИКом нет [15. 1917. № 231, 21 нояб. С. 6; 28. 1917. № 195, 21 нояб.; 7. 1917. № 16, 23 нояб.].

Эдуард Эдуардович Эссен происходил из дворянской семьи, но рано с ней порвал. В партии большевиков состоял с самого начала, с 1903 г. был близко знаком с В.И. Лениным. В 1917 г. активно участвовал в работе большевистской организации в Петрограде [31]. Кроме того, Э.Э. Эссен имел опыт работы в должности помощника ревизора Департамента кредитной отчетности Главного управления государственного контроля, когда случились октябрьские события [14. С. 150].

Интересным представляется и вопрос, связанный с наименованием должности. Во-первых, Э.Э. Эссен был назначен «временным заместителем народного комиссара». С одной стороны, это можно понять так, что Э.Э. Эссен должен был временно (ограниченное время, некий срок) исполнять обязанности до назначения нового человека. Основанием этому служат подобные же назначения В.Р. Менжинского и П.И. Стучки временными заместителями народного комиссара по Министерству финансов и народного комиссара юстиции, соответственно, поскольку в тот конкретный момент назначенные на посты наркомов И.И. Скворцов-Степанов и Г.И. Ломов-Оппокос находились в Москве [12. С. 581, 583]. Далее временность могла означать и ограниченность существования самого ведомства, не предусмотренного в будущей системе управления, что уже было нами отмечено выше. И наконец, возможно еще одно объяснение: Э.Э. Эссен был временным до своего утверждения в должности ЦИК, о чем указало решение СНК [29. С. 30].

Во вторых, «временный заместитель» означал в то время в СНК человека именно замещающего другого (в данном случае, пока не назначенного), а не являющегося неким младшим начальником (называвшимся тогда «товарищем» или «помощником» [12. С. 583]). Это следует как из логики действий самого заместителя наркома Э.Э. Эссена, обладавшего всеми полномочиями, присущими другим наркомам, так и из изучения других подобных назначений (примеры – временный заместитель народного комиссара путей сообщения М.Т. Елизаров (нарком также не был назначен) и временный заместитель народного комиссара земледелия А.Г. Шлихтер (нарком В.П. Милютин подал в отставку)) [12. С. 581, 583]. Надо отметить, что данный аспект о наименовании должностей ряда комиссаров в литературе не получил должного освещения.

В третьих, Э.Э. Эссен назначался «по Государственному контролю». С одной стороны, использование предлога «по» сближало наименование должности с другими комиссиями (комиссариатами) – по внутренним делам, по делам военным и морским, по делам торговли и промышленности, по делам иностранным, по делам продовольствия, по делам национальностей

[12. С. 21], а с другой – могло указывать на наименование того ведомства, в котором новый комиссар должен был осуществлять руководство. Второй аспект нам кажется более существенным, так как наименование «Государственный» было указано с заглавной буквы, именно так официально называлось ведомство в прежней структуре государственного управления. В историографии уже отмечалось, что наименование народных комиссаров с предложением «по», т.е. комиссаров по тому или иному министерству, означало функцию «по использованию или ломке старого аппарата» [11. С. 90]. Подводя итоги отметим, что наименование должности Э.Э. Эссена определяло главную цель, которую поставило перед ним СНК – перестройку системы ведомства государственного контроля.

Первой задачей нового наркома стало установление новой власти над ведомством, подчинение аппарата бывшего Государственного контроля. Как считает О.И. Чистяков: «Мыслилось, что народные комиссары не будут создавать свой новый аппарат на пустом месте, а первоначально используют уже готовый» [34. С. 140]. Подобная же задача ставилась и перед другими народными комиссарами. Так, в декрете ВЦИК и СНК 9 ноября 1917 г. об учреждении Государственной комиссии по просвещению отмечалось: «Министерство должно играть роль исполнительного аппарата при Государственной комиссии по народному просвещению» [12. С. 62].

В столице шло активное сопротивление новой власти, которое большевики окрестили «саботажем». «Бюрократический аппарат сопротивлялся, – вспоминала Н.К. Крупская, – служащие старых министерств, всяких государственных учреждений решили всячески саботировать работу и этим мешать советской власти наладить новый госаппарат» [20. С. 272]. В большинстве министерств и ведомств народные комиссары и помогавшие им комиссары ВРК заставляли следующую картину: почти пустые помещения, разбросанное и перепутанное делопроизводство, отсутствие ключей от учреждений и кабинетов, запертые столы, шкафы и сейфы [16. С. 161–162]. Такая же ситуация была и в ведомстве Э.Э. Эссена: «никого не осталось и в помещениях, занимавшихся бывшим Министерством государственного контроля» [16. С. 161–162]. Мы уже отмечали, что работа по установлению новой власти в Государственном контроле началась позже, чем в остальных министерствах. Но новый комиссар приступил к делу достаточно решительно. Первоначально Э.Э. Эссен организовал 24 ноября в помещении Департамента железнодорожной отчетности собрание служащих всего ведомства, а 27 ноября издал приказ, предлагавший им явиться на работу 29 ноября под угрозой увольнения и предания революционному суду [9. Л. 16–17; 7. 1917. № 21, 30 нояб.]. Решением Коллегии ведомства от 7 декабря 1917 г. были уволены Государственный контролер С.А. Смирнов и товарищ Государственного контролера М.И. Скипетров [9. Л. 12–13]. Ряд ответственных чиновников также были уволены от занимаемых должностей [16. С. 235]. 30 ноября Э.Э. Эссен должен был сделать на заседании Совнаркома доклад о положении в Госконтроле, который был подготовлен группой служащих этого ведомства, «... относящихся сочувственно к происходящему». Как следует из Протоколов СНК, доклад не состоялся. Таким образом М.П. Ирошников не прав, когда сообщает о докладе, как состоявшемся факте [8. Л. 23об.; 16. С. 235; 29. С. 67].

Э.Э. Эссен достаточно активно включился в работу СНК. Всего с 22 ноября (с 1 заседания) до событий 19 декабря Э.Э. Эссен участвовал в 14 засе-

даниях из 23 [29. С. 34–128]. Он являлся членом комиссий по разработке проектов декретов, по переговорам с делегатами Викжеля и Всероссийского продовольственного совещания, изучал сметы на ассигнования отдельных ведомств и организаций [29. С. 44, 47, 78, 84–85, 88, 106]. При этом надо отметить, что при обсуждении далеко не всех вопросов учитывался голос наркомата по Государственному контролю. Так, буквально на первом заседании после своего назначения 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Э.Э. Эссен присутствовал в качестве представителя наркомата и активно включился в обсуждении поправок к декрету о суде [12. С. 124–126]. Однако в итоге его мнение не было учтено, из всех присутствующих проголосовали против нарком земельного, левый эсер А.Л. Колегаев и он. Возможно это послужило толчком к вынесению на заседании СНК 2 декабря 1917 г. проекта декрета о правах народного комиссара по Государственному контролю [29. С. 73].

С последним декретом произошло определенное недоразумение. Декрет был подписан 5 декабря 1917 г. и опубликован в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» и газете «Правда» 6 декабря, а в газете «Известия» 7 декабря. При этом в подлиннике и первых двух газетах содержался следующий текст: «Народный комиссар по Государственному контролю имеет в Совете Народных Комиссаров решающий голос по вопросам политическим и совещательный голос по вопросам финансово-экономического характера» [12. С. 180; 7. 1917. № 26, 6 дек.; 28. № 207, 6 дек.]. Исходя из протоколов Совнаркома такая формулировка была предложена управляющим Государственного банка В.В. Оболенским, при этом на заседании вместо отсутствующего В.И. Ленина председательствовал И.В. Сталин [29. С. 73]. Формулировка декрета в его печатном виде давно вызывала вопросы у историков. Так, еще в 1968 г. в рецензии на книгу М.П. Ирошникова отмечалось: «К сожалению, в монографии не рассматриваются некоторые интересные вопросы, еще не получившие достаточного освещения в нашей исторической и историко-правовой литературе. Например, автор не пытается объяснить, почему декретом от 5 декабря 1917 г. народному комиссару по государственному контролю было предоставлено в СНК право решающего голоса по вопросам политического характера и только совещательного – по вопросам финансово-экономического характера, хотя, казалось бы, все народные комиссары должны входить в состав Совнаркома на равных основаниях. Это тем более неясно, если иметь в виду, что контроль за правильным и целесообразным расходованием денежных средств составлял одну из главных обязанностей наркомата по государственному контролю и его заключения наряду с заключениями Наркомфина требовались во всех случаях, связанных с выделением денежных средств» [1. С. 147–148].

Действительно, такое принижение роли Народного комиссара по Государственному контролю по экономическим вопросам, по крайней мере, странно. Думается, что здесь закралась ошибка, при этом еще на этапе фиксации резолюции в протоколе СНК, о чем свидетельствует его публикация [29. С. 73]. И если мы переставим слова местами, то все будет выглядеть логично: «Народный комиссар по Государственному контролю имеет в Совете Народных Комиссаров решающий голос по вопросам финансово-экономического характера и совещательный голос по вопросам политическим». Кстати именно в таком виде декрет был напечатан в газете Известия 7 декабря, т.е. на следующий день, когда ошибка в ранее вышедших газетах была обна-

ружена [15. 1917. № 245, 7 дек.]. Изучаемый декрет был напечатан в данном номере два раза. Правильный вариант был набран позднее. Если мы также примем во внимание позицию Э.Э. Эссена, который специально поднял такой вопрос, и учтем ее возможную причину, названную нами выше, то станет понятным происхождение этого исторического казуса.

Одновременно на заседании СНК 2 декабря по представлению Э.Э. Эссена был принят декрет об образовании и составе коллегии Комиссариата государственного контроля [8. Л. 25 об; 29. С. 181]. В документе впервые официально прозвучало наименование ведомства – «Комиссариат государственного контроля», что говорит о том, что ведомство уже существовало. В состав коллегии Госконтроля были включены члены I Всероссийского съезда контрольных служащих А.Е. Портянко, Н.В. Шевников и Ф.М. Шаблинский. При этом в декрете опять шла отсылка, что члены коллегии должны были в будущем быть утверждены ВЦИК. Однако практически никаких следов об утверждении работников Госконтроля со стороны ВЦИК обнаружить не удалось. Так, А.И. Разгон, наиболее квалифицированный исследователь ранней истории ВЦИК периода ноября – декабря 1917 г., совершенно не упоминает сферу государственного контроля в работе изучаемого им учреждения [30].

Еще одной интересной особенностью было то, что названные члены новой коллегии по партийной принадлежности были левыми эсерами и произошло это еще до официального соглашения 9 декабря 1917 г. между большевиками и левыми эсерами о вхождении последних в состав СНК [12. С. 200]. На каждого из членов коллегии возлагалось руководство определенным департаментом в ранге комиссара: А.Е. Портянко – Временной ревизионной комиссии по проверке расходов, вызванных войной 1914 г., Н.В. Шевников – Департамента гражданской отчетности, Ф.М. Шаблинский – Департамента военной и морской отчетности [9. Л. 14]. Также коллегия Госконтроля на своем заседании 18 декабря 1917 г. включила в свой состав дополнительно ряд лиц: А.А. Покровского, комиссара Петроградской контрольной палаты, П.И. Пелевина, бывшего полевого контролера Управления Военно-окружного контроля Двинского военного округа, назначенного одновременно комиссаром Департамента железнодорожной отчетности, В.Д. Виноградова, бывшего заведующего Контролем Моонзундской позиции, назначенного одновременно представителем от Коллегии Государственного контроля в Комиссариат по демобилизации Народного комиссариата по военным делам, А.И. Арданского, бывшего младшего ревизора Временной ревизионной комиссии, назначенного одновременно комиссаром Департамента кредитной отчетности [9. Л. 11]. Как отмечает М.П. Ирошников, также в работе коллегии Госконтроля участвовал Г.Э. Яворский, который, как и упомянутые выше А.И. Арданский и А.Л. Покровский, был участником I Всероссийского съезда контрольных служащих [16. С. 235]. Таким образом, постепенно количество ответственных работников в Государственном контроле увеличивалось.

Важность нового ведомства, несмотря на некое его принижение согласно декрету от 5 декабря 1917 г. о правах народного комиссара по Государственному контролю, была еще раз подчеркнута на заседании СНК от 4 декабря 1917 г. при обсуждении вопроса «О порядке решения вермишельных вопросов» [29. С. 78]. Под «вермишельными» понимались мелкие, частные вопросы, не требующие пристального рассмотрения такого важного органа, как СНК. Ранее подобный вопрос был рассмотрен на заседании СНК 20 ноября (вопрос 11) [29. С. 36].

В протоколе отмечалось, что: «Бесспорные вопросы, касающиеся Комиссариата финансов, решаются народными комиссарами: 1. соответствующего ведомства. 2. финансов. 3. государственного контроля и вносятся в Совет Народных Комиссаров за соответствующими подписями для утверждения без дальнейшего рассмотрения». На основе данного порядка впоследствии был создан особый орган управления – Малый Совнарком [16. С. 104–107].

Однако вскоре произошла достаточно неприятная ситуация, приведшая к большим принципиальным последствиям. 8 декабря 1917 г. к Э.Э. Эссену поступило обращение директора-распорядителя Русского торгово-промышленного банка Ф. Меленевского о разрешении перезалога в Государственном банке подтоварных ссуд в размере 150 млн руб. [29. С. 135–136]. При этом банк ссылаясь на то, что в его собственности находились:

«1) 22 сахарных и рафинадных завода, с производительностью до 6 500 000 пудов сахарного песку и 9 500 000 пудов рафинада.

2) Льняная мануфактура, перерабатывающая 240 000 пудов льна.

3) Три металлообрабатывающих и один металлургический завод, с общей производительностью до 10 000 000 пудов.

4) Четыре цементных завода, с производительностью до 750 000 бочек цемента.

5) Предприятие по орошению 72 000 десятин земли, близ Термеза, для культуры хлопка.

6) Ряд железных дорог, пароходств и других предприятий».

Основной причиной просьбы банк называл необходимость закупки «вздорожавших» материалов и оплаты труда работников. Автор обращения продолжает, что других методов получения денег «в связи с общим положением дел в стране» банк не имеет: «средства уже не могут быть почерпнуты из сумм, внесенных вкладчиками; закрытие Биржи не даст возможности образовать их путем реализации процентных бумаг; остается единственный источник, а именно – получение денег под залог активов банка». При этом в записке отмечалось, что количество рабочих, занятых в этих предприятиях, исчисляется, вместе с их семьями, примерно в 450 000 человек. Срок погашения ссуды определялся: «по мере реализации сахара и других продуктов». При этом было отмечено, что у банка уже имелось 5 235 000 пудов сахара стоимостью, по нормированным ценам, свыше 100 000 000 руб.

На своем заседании 11 декабря коллегия по Государственному контролю в составе наркома Э.Э. Эссена и членов А.Е. Портянко, Н.В. Шевникова и Ф.М. Шаблинского признала, что перезалог в Государственном банке подтоварных ссуд в настоящий момент является целесообразным: государство овладевает готовым продуктом, а в ходе финансируемых банком предприятий не производится немедленной ломки. Ссуда, по существу, краткосрочная и погашается по мере реализации продукта [29. С. 136]. В свою очередь, просителю 12 декабря был дан ответ: «Ваше ходатайство заслуживает удовлетворения, ввиду чего, одновременное сим, коллегия по Государственному контролю сносится по поводу изложенного с народным комиссаром по Министерству финансов, к которому Вам и надлежит обратиться для практического осуществления означенной операции» [29. С. 136–137].

Исходя из разбора вопроса позже на заседаниях СНК и материалах, приложенных к ним, представляется следующее развитие ситуации. После

получения прошения и его обсуждения на коллегии своего наркомата, Э.Э. Эссен смог устно переговорить об этом вопросе с В.Р. Менжинским, заместителем наркома финансов, выполнявшим функции наркома [29. С. 137]. Отрицательного ответа он, скорее всего, от него не услышал, поскольку В.Р. Менжинский на тот момент времени не полностью владел всей информацией. 13 декабря В.Р. Менжинский получает письмо от представителя Русского торгово-промышленного банка [29. С. 137], к которому приложен ответ от Э.Э. Эссена в банк от 12 декабря. В этот же день в Наркомате финансов было получено письмо Э.Э. Эссена и первоначальное прошение банка вместе с резолюцией Наркомата госконтроля, при этом скорее всего после получения письма из банка. Факт подачи прошения через частное лицо, а также то, что прошение первоначально оказалось в Наркомате госконтроля, чрезвычайно задело В.Р. Менжинского. Он пишет свою резолюцию: «Я решительно против этой [комбинации]» [29. С. 137]. Осложнило ситуацию то, что неизвестный представитель Русского торгово-промышленного банка пытался дать взятку члену коллегии Наркомата финансов А.Е. Аксельроду в размере 1 млн руб., которую последний отверг [29. С. 130–131]. Все это привело к тому, что В.Р. Менжинский потребовал обсудить создавшуюся ситуацию на заседании СНК.

На заседании Совнаркома 19 декабря 1917 г. были заслушаны В.Р. Менжинский и А.Е. Аксельрод [29. С. 130]. Совнарком принял предложенную В.И. Лениным резолюцию, обязывавшую всех членов коллегии Госконтроля, подписавших рекомендацию о выдаче ссуды, в течение 24 часов представить подробные письменные объяснения по этому поводу [23. С. 154–155]. В своих объяснениях члены коллегии в целом ссылались на то, что: «1) стоя на точке зрения народного контроля над операциями банков и не имея сведений о предполагавшейся национализации их, коллегия высказала свое заключение по поводу проекта в ходатайстве лишь в принципиальном отношении, имея в виду, что впоследствии, когда принцип, заложенный в этот проект, будет одобрен, то комиссар по финансам затребует заключение контроля по тем основаниям, на которых мог бы осуществиться этот проект»; 2) «коллегия считала срочное разрешение этого вопроса в принципе необходимым, потому что в зависимости от его решения стояло существование 450 000 рабочих и большого ряда предприятий, связанных с банком»; 3) «принятие же дела от частного лица объясняется тем, что коллегия не хотела взять на себя ответственность за междуведомственную волокиту и те тяжелые последствия, которыми эта задержка может отразиться на рабочих и предприятиях, связанных с банком» [29. С. 147–148].

Исходя из данного объяснения 20 декабря Совнарком принял решение со следующей формулировкой, предложенной Л.Д. Троцким: «Считая рекомендацию Контроля о выдаче товарной ссуды в корне неправильной и противоречащей как всей политике Совета Народных Комиссаров, так и, в частности, и в особенности, функциям Государственного контроля, Совет Народных Комиссаров [...] находит, однако, сделанный шаг настолько ошибочным и принципиально недопустимым, что дальнейшая работа нынешней коллегии Контроля в составе советской власти не может быть признана возможной» [29. С. 148].

В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров от 21 декабря коллегия Госконтроля была реорганизована. Впредь она состояла

из А.Л. Покровского, В.Д. Виноградова и А.И. Арданского, вместе с которыми в практической работе по государственному контролю по решению СНК продолжали участвовать Э.Э. Эссен и другие ранее состоявшие в коллегии сотрудники, несмотря на наличие заявлений с их стороны [29. С. 150, 178, 180].

Подводя итоги этих событий следует отметить, что в условиях обычного течения политической и экономической жизни страны ситуация, возможно, и не потребовала бы такого отношения со стороны высшего руководства и, в целом, могла бы быть воспринята, как факт неправильного использования межведомственных полномочий. В условиях же революционных событий непонимание большевистской стратегии, а именно начавшейся политики национализации (выдача ссуд частным банкам совершенно не вписывалась в дух этой кампании), или умышленные действия (подозрения в личных мотивах были, так в резолюции Л.Д. Троцкого написано: «не питая никаких подозрений о мотивах, не предполагая никаких таких мотивов, которые могли бы бросить тень на личную честь товарищей членов коллегии, не ставя под сомнение мотивы, побудившие членов коллегии Контроля» [29. С. 150]), привели к изменению руководства Государственного контроля, снизили политическое значение этого органа власти, затормозили проведение реформ и текущей работы. С другой стороны, как отмечал А.И. Коняев «этот факт показал, что необходимо законодательно определить общие цели Госконтроля, его структуру и ближайшие практические задачи» [18. С. 31].

Почти весь последующий месяц представители Госконтроля не могли полноценно донести свою точку зрения до СНК. При этом еще 18(31) декабря в СНК поступила коллективная записка «О государственном контроле (В свободе труд, в рабстве – печаль)», подчеркивающая необходимость реформирования государственного контроля, за подписями временного заместителя наркома государственного контроля Э.Э. Эссена, а также А.Е. Портянко, Н.В. Шевникова, А.Л. Покровского, Ф.М. Шаблинского и В.Д. Виноградова [9. Л. 1–10]. При этом М.П. Ирошников датирует записку 1 декабря 1917 г., что не совсем верно [16. С. 261]. И начиная с 20 декабря вопрос о реорганизации государственного контроля стоял в повестке дня СНК, однако был рассмотрен лишь на заседании 18 января 1918 г. [29. С. 232].

Декретом от 18(31) января 1918 г. предусматривалось образование Центральной контрольной коллегии, местных учетно-контрольных коллегий и контрольных комиссий. В документе указывалось, что новые учреждения должны создаваться для искоренения бюрократической волокиты и создания более жизненных и рациональных форм контроля, не губящих инициативы и ведущих к быстрому обнаружению и предотвращению условий, мешающих ведению правильного государственного хозяйства [12. С. 368]. В исторической литературе закрепилось мнение, что декрет создал новое ведомство – Центральную контрольную коллегию. Такая постановка вопроса представляется чрезвычайно упрощенной. Обратившись к тексту декрета, обнаруживаем следующее: первым пунктом идет создание учетно-контрольных коллегий в «губерниях и районах Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов», т.е. создание контрольных учреждений при каждом Совете страны в губерниях, уездах и волостях. Перед ними ставилась задача установления единообразия в действиях и инструктирования местных контролирующих органов, разработки и сводки данных, получаемых от них, предварительного рассмотрения договоров и прочего и ревизии учреждений по отчетам и ба-

лансам, а равно и посылки фактических контролеров на места производства выплат и прочие места с целью как текущей, так и внезапной ревизии. Далее из текста становится понятным, что местные контролирующие органы – это контрольные комиссии, которые могли создаваться «в местах расходования народных сумм» в учреждениях и на предприятиях из числа «выбранных служащих и рабочих»; эти комиссии должны были подчиняться «указаниям учетно-контрольных коллегий». Здесь мы видим косвенную отсылку к органам рабочего контроля, действующим на предприятиях и в организациях. И наконец, создавалась Центральная контрольная коллегия «для окончательной разработки и сводки ежемесячных данных и годовых отчетов, поступающих от губернских и районных учетных контрольных коллегий, для предварительного рассмотрения сметных предположений по бюджету и контрольного заключения об исполнении его и для общего направления всей контрольной работы в стране». Про действующие на тот момент времени Наркомат государственного контроля и губернские контрольные палаты просто не упоминалось. Однако последний пункт декрета гласил, что «о порядке преобразования существующих контрольных учреждений и изменении порядка рассмотрения находящихся у них дел будет издан особый декрет». Таким образом, мы видим, что в декрете речь не шла о реорганизации действующих органов контроля, а о создании совершенно новой, можно сказать параллельной структуры контрольных органов в стране. Это не могло не привести к конфликтам в работе, что и показали последующие события.

Однако деятельность Центральной контрольной коллегии почти не дала практических результатов. Это объясняется тем, что после издания декрета продолжал существовать Наркомат государственного контроля, который и сам до конца не перестроил работу на новый советский лад. В ведомстве продолжали ревизовать дореволюционную отчетность. Как и прежде, применялись методы формальных проверок деятельности госучреждений не столько по существу, сколько по форме. Реформирование аппарата государственного контроля задерживалось из-за продолжающегося саботажа служащих. На заседании Центральной контрольной коллегии 24 февраля 1918 г. специально рассматривался вопрос о приеме на работу служащих старого Госконтроля [6. С. 100]. Коллегия постановила уволить со службы «всех саботажников и рассматривать их как вновь поступающих», производя при этом самую тщательную проверку и персональный отбор. 127 прежних работников было решено вообще не допускать к работе в органах контроля. Однако позднее многие из них были приняты на службу обратно. Как отмечалось в отчете наркома К.И. Ландера на 1 сентября 1918 г. «деятельность Народного комиссариата Государственного контроля могла начаться нормально лишь с 24 февраля (нов. ст.), когда саботаж был сломлен и начался прием служащих Государственного контроля, признавших Советскую власть» [26. С. 53].

Работа по перестройке органов контроля шла тяжело. В конце января 1918 г. Центральная контрольная коллегия разослала всем губернским Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов письмо с просьбой образовать учебно-контрольные коллегии из 3 членов и создать их аппарат из штата служащих действующих контрольных учреждений [6. С. 99]. Как отмечает Н.А. Воскресенская: «Создавая новый контрольный аппарат, Центральная контрольная коллегия делала ставку на чиновников контрольных палат царского времени, что, безусловно, с первых же дней возникновения новых

контрольных органов внесло в их работу дух формализма, бюрократизма и саботажа. Созданные как в центре, так и на местах контрольные органы на 90% состояли из старых чиновников» [6. С. 99]. Не только в регионах, но и в центре работа шла медленными темпами. Создание местных органов контроля часто тормозилось не только непониманием их роли и значения, нежеланием создавать такой орган, который будет проверять деятельность местных учреждений и предприятий, но и отказом руководителей старых контрольных учреждений подчиняться советской власти [6. С. 102]. Лишь в начале марта 1918 г. стали создаваться центральные органы Госконтроля, предусмотренные декретом от 18 января 1918 г. Центральная коллегия 7 марта 1918 г. издала приказ № 1, которым назначались члены организационной коллегии [25. С. 16].

8 марта 1918 г. было утверждено Временное положение о государственном контроле [26. С. 45–49]. Основные задачи государственного контроля Временное положение сводило к наблюдению за законностью, правильностью, целесообразностью использования денежных и материальных средств и оборотов. Согласно Положению, аппарат государственного контроля состоял из центральных и местных органов. К числу первых относились организационная коллегия (выполняла функции коллегиального начальника центрального управления) и отделы: общий, военный, морской, три гражданских, три железнодорожных (туда входили доходный, расходный, строительный отделы), кредитный, отчетный. К ведению центрального аппарата относились устройство ревизионных органов и наблюдение за их деятельностью, разработка ревизионных правил и инструкций, совершенствование счетоводства и отчетности, составление заключений по проектам государственной росписи и различным финансовым сметам, проверка централизованной отчетности. В губерниях создавались контрольные органы общего или специального назначения. Во главе их стояли контрольные коллегии из трех лиц, избираемые местными органами государственной власти.

В Государственном контроле назревал конфликт в руководстве учреждения. Как отмечалось выше, существовали параллельно Народный комиссариат и Центральная контрольная коллегия. При этом заместитель наркома Э.Э. Эссен после декабрьских событий значительно уменьшил свое влияние на управленческие процессы.

Большое значение приобрели члены Центральной контрольной коллегии В.Д. Виноградов и А.Л. Покровский. Если проанализировать протоколы СНК за период с 23.12.1917 г. (после разбора инцидента с Русским торгово-промышленным банком) до 09.03.1918 г. (до переезда СНК в Москву) представители Госконтроля приняли участие в 28 из 44 заседаний СНК. Из них В.Д. Виноградов в 19, А.Л. Покровский – 15, Э.Э. Эссен – 1, А.Е. Портянко – 1 [29. С. 152–416].

Наконец, после эвакуации Совнаркома в Москву Государственный контроль остался в Петрограде, что тоже негативно отразилось на внутренней организации учреждения.

Конфликт наконец вырвался наружу. В СНК 15 марта 1918 г. поступила телеграмма от комиссара Госконтроля Ф.М. Шаблинского из Петрограда о разногласиях между членами Центральной коллегии госконтроля В.Д. Виноградовым и А.И. Арданским, возникших из-за решения В.Д. Виноградова ввести в коллегия Э.Э. Эссена, чему воспротивился последний [5. С. 320]. Через

некоторое время пришло письменное заявление от А.И. Арданского, А. Казачковского и А.А. Некрасова о неудовлетворительной работе коллегии Госконтроля и с просьбой ввести в коллегию ввиду ее малочисленности Н.А. Гогитидзе и А.А. Некрасова и назначить народного комиссара в Госконтроль [5. С. 334]. И наконец, 23 марта 1918 г. В.И. Ленин лично принимает членов Центральной коллегии госконтроля С.И. Слободчикова и П.И. Пелевина, приехавших в Москву из Петрограда [5. С. 333]. 25 марта, 1 и 20 апреля конфликт рассматривался на заседании СНК [5. С. 337, 393].

Вот почему в дело создания органов государственного контроля пришлось вмешаться Совету Народных Комиссаров, от имени которого 8 апреля 1918 г. В.И. Ленин подписывает циркулярное распоряжение СНК «Всем местным, губернским и областным Совдепам» телеграфировать в недельный срок члену коллегии Госконтроля П.И. Пелевину, организованы ли на местах учетно-контрольные коллегии по декрету СНК от 18(31) января 1918 г. и если не организованы, то по каким причинам [13. С. 74]. От большинства губерний и уездов были получены сведения об их создании. Однако в южных и северных губерниях, в Западной Сибири и на Дальнем Востоке организация местных учреждений Госконтроля проходила неудовлетворительно и с большими трудностями [6. С. 102–103]. Для проведения организационной работы и оказания помощи в эти районы в конце 1918 г. Центральной коллегией были командированы ответственные работники.

Четко обрисовалось, что центральные и региональные органы контроля нуждаются в реформировании. Имеющиеся проблемы требовали решения, прежде всего – персонально. 9 мая 1918 г. ВЦИК утвердил наркомом госконтроля К.И. Ландера, члена партии большевиков с 1905 г., активного участника революции 1905–1907 гг. в Москве [2. С. 200–204]. 15 мая 1918 г. К.И. Ландер издал приказ № 1 по Наркомату государственного контроля (НКГК), в котором говорилось, что постановление об образовании Наркомата госконтроля было принято ВЦИК 9 мая и Совнаркомом 11 мая 1918 г. На Наркомат государственного контроля возлагалось общее руководство всеми контрольными учреждениями страны и издание соответствующих инструкций и приказов [26. С. 51]. После образования НКГК какое-то время продолжала существовать Центральная коллегия по госконтролю. Эти органы дублировали друг друга. Предполагалось, что коллегия вольется в наркомат, но между ними также возникли разногласия о функциях и задачах органов контроля. В связи с этим Совнарком 3 июня 1918 г. назначил комиссию для изучения существа конфликта, которая пришла к выводу о целесообразности упразднения Центральной коллегии. 11 июня 1918 г. Совнарком принял решение об упразднении коллегии, которая «отстаивала старые методы контроля (главной считала документальную проверку, недооценивая роль фактического контроля)» [25. С. 18].

Началась новая страница в истории контроля. В кратком отчете о деятельности Наркомата госконтроля за период с момента его образования до 1 сентября 1918 г. отмечалось: «Новый контроль отличается от старого развитием живой, предварительной и фактической ревизии взамен господствовавшей прежде рутины бумажного, формального и последующего контроля. Формализм изгнан из деловых сношений, отчетность возможно упрощена. Не ограничиваясь критикой, контроль стремится помочь подотчетным учреждениям, стараясь в своих заключениях содействовать наилучшей постановке советских учреждений и их финансовых и экономических операций» [26. С. 58–59].

Подводя итоги периода начального становления советского контроля, можно констатировать, что при всем своеобразии развития органов государственного контроля и с учетом современного понимания государственного развития Российского государства не совсем верно говорить о создании нового ведомства. Однако если необходимо выбрать некую условную дату, фиксирующую момент зарождения советского контроля, можно предложить следующую точку отсчета. Следуя аналогии с датой создания других народных комиссариатов 26 октября 1917 г. и персонального назначения народных комиссаров, такой датой будет дата назначения Э.Э. Эссена временным заместителем народного комиссара по Государственному контролю 19 ноября 1917 г., который таким образом стал первым чиновником советского контроля. Подтверждением этому также служит факт, что согласно тексту декрета от 5 декабря 1917 г. коллегия Государственного контроля создавалась в уже существующем ведомстве – Народном комиссариате государственного контроля. Таким образом, датой создания советского государственного контроля является 19 ноября 1917 г.

Необходимо также отметить, что принижение роли Э.Э. Эссена, наблюдаемое в исторической литературе, не верно. Во-первых, он обладал всеми правами наркома и его голос учитывался наравне с другими наркомами. Во-вторых, указание на временность должности Э.Э. Эссена означало необходимость его утверждения ВЦИКом. Это подводит нас к выводу о необходимости считать Э.Э. Эссена первым народным комиссаром по Государственному контролю (по крайней мере, исполняющим обязанности, по современной терминологии властных органов; именно так себя воспринимал и сам Э.Э. Эссен, который в воспоминаниях о времени работы в Наркомате описал его словами: «исполняя обязанности народного комиссара контроля» [35. С. 38]) и учитывать его в списках руководителей первого Советского правительства.

Не до конца разрешен вопрос о дате освобождения Э.Э. Эссена с поста временного заместителя наркома. Несмотря на наличие заявления об освобождении его от данных обязанностей, он оставался им до марта 1918 г.

Дискуссионной остается и вопрос о роли Центральной контрольной коллегии. Создание ЦКК как отдельного контрольного ведомства признать можно, но лишь как параллельную структуру, возможно, даже как надстройку, своего рода «верхнюю палату». Наркомат государственного контроля продолжал существовать.

И наконец, принятую в литературе дату утверждения советского контроля, основываясь на решении ВЦИК от 9 мая, следует признать окончательной институционализацией ведомства высшим органом власти, о котором говорилось начиная с 19 ноября, а не созданием народного комиссариата.

Литература

1. Антонова Л.И., Королев А.И., Петров В.С. [Рецензия] // Правоведение. 1968. № 2. С. 147–148. Рец. на кн.: Ирошников М.П. Создание Советского центрального государственного аппарата. Совет народных комиссаров и народные комиссариаты (октябрь 1917 – январь 1918 гг.). 2-е изд. Л.: Наука, 1967. 302 с.
2. Баранченко В.Е. Карл Ландер // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 200–204.
3. Борисова Т.Ю. Революционное законодательство в 1917–1918 гг.: выбор языка // Независимое литературное обозрение. 2011. № 2 (108). С. 100–115.
4. Ведерников И. Создание и укрепление Государственного контроля в 1918–1919 годах // Вопросы истории. 1950. № 6. С. 3–21.
5. Владимир Ильич Ленин: Биограф. хроника. 1870–1924. Т. 5. Октябрь 1917 – июль 1918. М.: Политиздат, 1974. 740 с.

6. *Воскресенская Н.А.* В.И. Ленин – организатор социалистического контроля. М.: Сов. Россия, 1970. 327 с.
7. Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 16, 23 нояб.; № 21, 30 нояб.; № 26, 6 дек.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р130. Оп. 1. Д. 2.
9. ГАРФ. Ф. Р130. Оп. 1. Д. 35.
10. *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства. М.: Наука, 1965. 530 с.
11. *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства. М.: Наука, 1987. 2-е изд. 352 с.
12. Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 626 с.
13. Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1959. Т. 2. 698 с.
14. Егоров Ив. Эдуард Эдуардович Эссен // Красная летопись: сб. Л.: Лен. обл. изд., 1931. № 3(42). С. 145–153.
15. Известия. 1917. № 231, 21 нояб.; № 245, 7 дек.
16. *Ирошников М.П.* Создание советского центрального государственного аппарата. Совет народных комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г. – январь 1918 г. М.; Л.: Наука, 1966. 298 с.
17. *Козлитин И.П.* Из истории государственного социалистического контроля (1919–1922 гг.) // Вопросы истории. 1954. № 12. С. 11–25.
18. *Коняев А.И.* Государственный контроль в первые годы Советской власти // История СССР. 1964. № 1. С. 30–51.
19. Краткий отчет Народного комиссариата Государственного контроля о реорганизации и деятельности Государственного контроля (Октябрь 1917 – октябрь 1918). М.: Типолитография бывш. Рихтер, 1918. 39 с.
20. *Крупская Н.К.* Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 10 т. Т. 2. Н.К. Крупская. М.: Политиздат, 1989. С. 6–355.
21. *Лазарев А.В.* Из истории разработки ленинского декрета о рабочем контроле // Вопросы истории КПСС. 1960. № 3. С. 131–140.
22. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. 600 с.; Т. 44. М.: Политиздат, 1970. 725 с.
23. Ленинский сборник XXI. М.; Л.: СОЦЭКГИЗ, 1933. 313 с.
24. *Медушевский А.Н.* Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.
25. *Морозов Л.Ф., Портнов В.П.* Социалистический контроль в СССР. М.: Политиздат, 1984. 240 с.
26. Образование и развитие органов социалистического контроля в СССР (1917–1975): сб. док. и материалов. М.: Политиздат, 1975. 624 с.
27. *Орлов И.Б.* Политическая культура Советской России в годы Гражданской войны // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2018. № 5. С. 48–60.
28. Правда. 1917. № 195, 21 нояб.; № 207, 6 дек.
29. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР, ноябрь 1917 – март 1918 гг. М.: РОССПЭН, 2006. 519 с.
30. *Разгон А.И.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М.: Наука, 1977. 336 с.
31. *Султанова Е. Э.Э.* Эссен // Герои Октября: биографии активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л.: Лениздат, 1967. Т. 2. 821 с.
32. *Харитонов М.Ю., Харитонова С.Б.* Историография истории органов государственно-партийного контроля Чувашии 1920-1930-х годов (советский период) // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4. С. 172–193.
33. *Харитонов М.Ю.* Современная историография истории органов государственно-партийного контроля Чувашии 1920-1930-х гг. // Народы Волго-Уралья в истории и культуре России: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения П.В. Денисова / Чуваш. гос. ун-т имени И.Н. Ульянова. Чебоксары: ИД Среда, 2018. С. 380–386.
34. *Чистяков О.И.* Конституция РСФСР 1918 года. М.: ЗЕРЦАЛО-М, 2003. 224 с.
35. *Эссен Э.* Враг врагов рабочего класса // Ленин и Красный Флот. Л.: Ред.-изд. отд. Морведа, 1924. С. 38–39.

M. KHARITONOV

THE BIRTH OF SOVIET STATE CONTROL (NOVEMBER 1917 – MAY 1918)

Key words: state control, Council of People's Commissars, People's Commissariat of State control, Central control collegium, E. E. Essen.

Historians of the Soviet period wrote about the October revolution as a special symbolic milestone. Many publications claimed that the "old" state control had been abolished, and that the "new" (Soviet) control emerged only some time after the revolutionary events. Key approaches to this issue developed in the 50–60-ies of the 20th century. The main versions were: December, 5(18) of 1917, January, 18(31) and May, 9 of 1918. Most of the later researchers supported one of these points of view. The article examines the process of the Soviet control evolution: from the system of State control remaining in force in October 1917 to the time of final formalisation as a new department in May 1918. The work is based on rethinking the previously published materials, as well as on analysing new historians' works, which were not previously involved in historiography. The main milestones, organizational and structural changes of the state control are considered, the main heads of the department are identified. The appointment of the State control's head took place quite late by the political standards of the time. Only upon the expiry of 20 days of Soviet power did it become clear that the State control as an institution, despite the original plans and approaches, needed to be subordinated to the revolutionary order and to be included in the new system of Soviet governance. The date of the Soviet control evolution is determined, which, according to the author, is related to the appointment of E.E. Essen as a temporary Deputy People's Commissar for State control on November 19, 1917. The role of the first acting People's Commissar for State control E.E. Essen in evolution of the department is emphasized, the role of the Central control collegium in the system of state control management is discussed. The paper offers insight into the conflict that took place in the People's Commissariat of state control in March–April 1918.

References

1. Antonova L.I., Korolev A.I., Petrov V.S. *Retsenziya* [Review of the book by Iroshnikov M.P. Creation of the Soviet Central State Apparatus. Council of People's Commissioners and People's Commissioners (October 1917 – January 1918). 2nd ed. Leningrad, Nauka Publ.]. *Pravovedenie*, 1968, no. 2, pp. 147–148.
2. Baranchenko V.E. *Karl Lander* [Karl Lander]. *Voprosy istorii*, 1971, no. 1, pp. 200–204.
3. Borisova T.Yu. *Revolucionnoe zakonodatel'stvo v 1917–1918 gg.: vybor yazyka* [Revolutionary legislation in 1917–1918: the choice of language]. *Nezavisimoe literaturnoe obozrenie*, 2011, no. 2(108), pp. 100–115.
4. Vedernikov I. *Sozdanie i ukreplenie Gosudarstvennogo kontrolya v 1918–1919 godakh* [The Establishment and strengthening of State control in the years 1918–1919]. *Voprosy istorii*, 1950, no. 6, pp. 3–21.
5. *Vladimir Il'ich Lenin: Biogr. khronika. 1870–1924* [Vladimir Ilyich Lenin: Biogr. chronicle. 1870–1924]. Moscow, Politizdat Publ., 1974, vol. 5, 740 p.
6. Voskresenskaya N.A. *V.I. Lenin – organizator socialisticheskogo kontrolya* [V.I. Lenin – organizer of socialist control]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1970, 327 p.
7. *Gazeta Vremennogo Rabocheho i Krest'yanskogo Pravitel'stva* [Newspaper of the Provisional Workers and Peasants' Government], 1917, no. 16, Nov. 23; no. 21, Nov. 30; no. 26, Dec. 6.
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. R130. Op. 1. D. 2* [State Archives of the Russian Federation. Archive R130. Anagraph 1. Document 2].
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. R130. Op. 1. D. 2* [State Archives of the Russian Federation. Archive R130. Anagraph 1. Document 35].
10. Gorodetskii E.N. *Rozhdenie Sovetskogo gosudarstva* [The Birth of the Soviet state]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 530 p.
11. Gorodetskii E.N. *Rozhdenie Sovetskogo gosudarstva. 2-e izd.* [The Birth of the Soviet state. 2nd ed.]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 352 p.
12. *Dekrety Sovetskoj vlasti* [Decrees of the Soviet power]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957, vol. 1, 626 p.
13. *Dekrety Sovetskoj vlasti* [Decrees of the Soviet power]. Moscow, Politizdat Publ., 1959, vol. 2, 698 p.
14. Egorov Iv. *Eduard Eduardovich Essen* [Eduard Eduardovich Essen]. In: *Krasnaya letopis': sbornik* [Red chronicle: collection]. Leningrad: Len. obl. izd., 1931, no. 3(42), pp. 145–153.
15. *Izvestiya* [News], 1917, no. 231, Nov. 21; no. 245, Dec. 7.
16. Iroshnikov M.P. *Sozdanie sovetskogo central'nogo gosudarstvennogo apparata. Sovet narodnykh komissarov i narodnye komissariaty. Oktyabr' 1917 g. – yanvar' 1918 g.* [The Creation of the

Soviet Central state apparatus. Council of people's Commissars and people's commissariats. October 1917 – January 1918]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, 298 p.

17. Kozlitsin I.P. *Iz istorii gosudarstvennogo socialisticheskogo kontrolya (1919–1922 gg.)* [From the history of state socialist control (1919–1922)]. *Voprosy istorii*, 1954, no. 12, pp. 11–25.

18. Konyaev A.I. *Gosudarstvennyi kontrol' v pervye gody sovetской vlasti* [State control in the first years of Soviet power]. *Istoriya SSSR*, 1964, no. 1, pp. 30–51.

19. *Kratkii otchet Narodnogo komissariata Gosudarstvennogo kontrolya o reorganizacii i deyatelnosti Gosudarstvennogo kontrolya (Oktyabr' 1917 – oktyabr' 1918)* [Summary report of the People's Commissariat of State control on the reorganization and activities of the State control (October 1917–October 1918)]. Moscow, 1918, 39 p.

20. Krupskaya N.K. *Vospominaniya o Lenine* [Memories of Lenin]. *Vospominaniya o Vladimire Il'iche Lenine: v 10 t. T. 2. N.K. Krupskaya* [Memories of Vladimir Ilyich Lenin. 10 vols. Vol. 2: N.K. Krupskaya]. Moscow, Politizdat Publ., 1989, pp. 6–355.

21. Lazarev A.V. *Iz istorii razrabotki leninskogo dekreta o rabochem kontrole* [From the history of the development of Lenin's decree on labor control]. *Voprosy istorii KPSS*, 1960, no. 3, pp. 131–140.

22. Lenin V.I. *Poln. sobranie sochinenii* [Poln. collected works]. Moscow, Politizdat Publ., 1974, vol. 35, 600 p.; Moscow, Politizdat Publ., 1970, vol. 44, 725 p.

23. *Leninskii sbornik XXI* [Lenin's collection XXI]. Moscow, Leningrad, SOCEKGIZ Publ., 1933, 313 p.

24. Medushevskii A.N. *Politicheskaya istoriya russkoi revolyutsii: normy, instituty, formy sotsialnoi mobilizatsii v XX veke* [Political history of the Russian revolution: norms, institutions, forms of social mobilization in the twentieth century]. Moscow, St. Peterburg, 2017, 656 p.

25. Morozov L.F., Portnov V.P. *Sotsialisticheskii kontrol' v SSSR* [Socialist control in the USSR]. Moscow, Politizdat Publ., 1984, 240 p.

26. *Obrazovanie i razvitie organov socialisticheskogo kontrolya v SSSR (1917–1975). Sbornik dokumentov i materialov* [Formation and development of socialist control bodies in the USSR (1917–1975). Collection of documents and materials]. Moscow, Politizdat Publ., 1975, 624 p.

27. Orlov I.B. *Politicheskaya kul'tura Sovetskoj Rossii v gody Grazhdanskoi vojny* [Political culture of Soviet Russia during the Civil war]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow state regional University. Series: History and political science], 2018, no. 5, pp. 48–60.

28. *Pravda* [Truth], 1917, no. 195, Nov. 21; no. 207, Dec. 6.

29. *Protokoly zasedanii Soveta Narodnykh Komissarov RSFSR, noyabr' 1917 – mart 1918 gg.* [Minutes of meetings of the Council of People's Commissars of the RSFSR, November 1917 – March 1918]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 519 p.

30. Razgon A.I. *VCiK Sovetov v pervye mesyacy diktatury proletariata* [VTSiK Soviets in the first months of the dictatorship of the proletariat]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 336 p.

31. Sultanova E. E.E. Essen [E.E. Essen]. In: *Geroi Oktyabrya: biografii aktivnykh uchastnikov podgotovki i provedeniya Oktyabr'skogo vooruzhennogo vosstaniya v Petrograde* [Heroes of October: biographies of active participants in the preparation and conduct of the October armed uprising in Petrograd]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1967, vol. 2, 821 p.

32. Kharitonov M.Yu., Kharitonova S.B. *Istoriografiya istorii organov gosudarstvenno-partiinogo kontrolya Chuvashii 1920-1930-h godov (sovetskij period)* [Historiography of the history of the state-party control bodies of Chuvashia in the 1920s – 1930s (Soviet period)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2018, no. 4, pp. 172–193.

33. Kharitonov M.Yu. *Sovremennaya istoriografiya istorii organov gosudarstvenno-partiinogo kontrolya Chuvashii 1920–1930-h gg.* [Modern historiography of the history of the state-party control bodies of Chuvashia in the 1920s – 1930s]. In: *Narody Volgo-Ural'ya v istorii i kul'ture Rossii: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 90-letiyu so dnya rozhdeniya Petra Vladimirovicha Denisova* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Peoples of the Volga-Urals in the history and culture of Russia»]. Cheboksary, Sreda Publ., 2018, pp. 380–386.

34. Chistyakov O.I. *Konstituciya RSFSR 1918 goda* [Constitution of the RSFSR 1918]. Moscow, ZERCALO-M Publ., 2003, 224 p.

35. Essen E. *Vrag vragov rabocheho klassa* [Enemy of enemies of the working class]. In: *Lenin i Krasnyi Flot* [Lenin and the Red Fleet]. Leningrad, 1924, pp. 38–39.

KHARITONOV MIKHAIL – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department for Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (muha21@mail.ru).

Формат цитирования: Харитонов М.Ю. Зарождение советского государственного контроля (ноябрь 1917 – май 1918) // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 244–261.

УДК 94(470.344):[35.078.169.84:316.343-058.243-058.244]»1929/1934»
ББК ТЗ(2)614-33(2Рос.Чув)

М.Ю. ХАРИТОНОВ, С.Б. ХАРИТОНОВА

ФОРМЫ И МЕТОДЫ РАБОТЫ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИХ ИНСПЕКЦИЙ В ЧУВАШИИ В 1929–1934 ГОДАХ*

Ключевые слова: *государственно-партийный контроль, рабоче-крестьянская инспекция, история Чувашии, формы и методы работы, обследования, рейдовые бригады, жалобы и обращения граждан.*

Статья посвящена анализу основных форм и методов функционирования органов рабоче-крестьянской инспекции в Чувашии на заключительном этапе их деятельности в 1929–1934 гг. Работа основана на неопубликованных архивных материалах Государственного исторического архива Чувашской Республики и Государственного архива современной истории Чувашской Республики, в которых сосредоточен значительный массив документов и материалов по истории рабоче-крестьянской инспекции Чувашии. Среди первых и основных направлений работы контрольных органов в изучаемый период рассматривается деятельность по совершенствованию государственного аппарата, при этом основным методом работы контрольных органов называется метод обследований, позволивший проконтролировать такие важнейшие показатели республики, как налоговая политика, строительство, коллективизация, ликвидация неграмотности, всеобщее обучение, и выработать меры по устранению выявленных недостатков. Изучена организация слетов активистов контроля и деятельность рейдовых бригад, проводивших обследования предприятий республики с привлечением рабочих. Рассмотрена работа по укреплению постоянного актива рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) на предприятиях республики, а также практика привлечения внештатных инспекторов из числа активистов рабочих и служащих к самостоятельному проведению обследований. Раскрыты формы работы с жалобами и обращениями граждан, в том числе по привлечению к работе в бюро жалоб в качестве добровольцев рабочих и крестьян. Проанализирована такая форма работы контрольных органов республики, как организация секций РКИ при Советах, которыми проводилась значительная работа по улучшению деятельности Советов и подотчетных предприятий и учреждений. Делается вывод о том, что рабочие и крестьяне, принимая участие в работе секций РКИ, знакомилась с работой органов государственного управления, приобретали необходимые знания и навыки в руководстве общественными делами. Изучены различные формы борьбы с выявленными недостатками в госаппарате. Авторы анализируют, как с изменениями социально-экономической и политической ситуации в стране и республике менялись задачи работы рабоче-крестьянской инспекции. На основе разнообразных источников проанализирован процесс совершенствования методов работы рабоче-крестьянской инспекции в Чувашии, показано участие различных ведомств в ее работе на различных этапах ревизионной деятельности. Раскрыто влияние социально-политической и экономической обстановки на изменение приемов работы. Авторы выявляют общие закономерности и особенности специализации различных систем организации работы органов рабоче-крестьянской инспекции.

Основной задачей, стоявшей перед страной в конце 20-х гг. XX в., было выполнение задач, поставленных первым пятилетним планом: форсированная индустриализация промышленности и переход на коллективные формы хозяйствования в аграрном секторе. Требования к государственному аппарату в этих условиях возросли. В этой связи значительно повысилась роль контрольных структур, которые осуществляли обратную связь между органами, принимающими решения, и исполнительными ведомствами и учреждениями.

История становления органов государственно-партийного контроля в Чувашии уже становилась предметом исследования авторов [7]. В данной ста-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00467.

тье ставится задача проанализировать формы и методы работы органов рабоче-крестьянской инспекции (далее – РКИ) в Чувашии на заключительном этапе деятельности в 1929–1934 гг. Источниковой базой для написания работы стали фонды Государственного исторического архива Чувашской Республики и Государственного архива современной истории Чувашской Республики, в которых сосредоточен значительный массив документов и материалов по истории рабоче-крестьянской инспекции Чувашии.

Первым и основным направлением работы контрольных органов в рассматриваемый период стала деятельность по совершенствованию государственного аппарата, при этом основным методом работы контрольных органов стали обследования. Одним из решений III съезда Советов Чувашской АССР, прошедшего в марте 1929 г., стало предложение полнее использовать методы, практикуемые РКИ СССР. Претворяя в жизнь данное решение, контрольные органы республики широко развернули разъяснительную работу о целях и задачах своей деятельности. Уже за второе полугодие 1929 г. инспекторами Народного комиссариата РКИ (НК РКИ) республики в обследовании был вовлечен 181 человек, за первое полугодие 1930 г. – 516 человек из числа рабочих [4. Оп. 1. Д. 773. Л. 99, 101], за первое полугодие 1931 г. органы контроля привлекли к обследованиям около 1,5 тысячи человек [4. Оп. 1. Д. 773. Л. 99, 101]. Привлечение рабочих к инспекциям предприятий было признано эффективным методом, так как они достаточно хорошо знали недостатки на своих рабочих местах. Метод обследований позволил проконтролировать такие важнейшие показатели республики, как налоговая политика, строительство, коллективизация, ликвидация неграмотности, всеобщее обучение, и выработать меры по устранению выявленных недостатков.

Механизм проведения обследований совершенствовался с переходом предприятий на новые методы хозяйствования. В 1931 г. в республике были организованы слеты активистов контроля и, как результат, созданы рейдовые бригады, приступившие к обследованиям предприятий с привлечением рабочих (например, в г. Чебоксары создано 12 рейдовых бригад). На Шумерлинском комбинате в ходе обследования рейдовой бригадой были привлечены 74 рабочих предприятия. Обследование позволило выявить как положительные стороны работы предприятия – внедрение ряда усовершенствований, особенно на токарных работах, в кузницах, введение механизации тяжелых работ, так и недочеты, среди которых отмечалась слабая борьба с уравниловкой, недостаточная работа по вербовке и закреплению на предприятиях крестьян и т.д. В результате обследования Шумерлинскому комбинату было предложено повысить механизацию строительных работ, наладить внутрицеховой транспорт, сократить лишний персонал в столовых и т.д. [4. Оп. 1. Д. 897. Л. 1–3]. Подобная работа рейдовых бригад была организована с привлечением рабочих Канашской МТС, Мариинско-Посадской судовой верфи, Чебоксарской макаронной фабрики.

В 1932–1933 гг. в республике было организовано и проведено 12 подобных рейдовых обследований, участие в них приняли более 5 тысяч активистов РКИ. Рейды ставили целью проверку борьбы с прогулами, экономии топлива, рабочего снабжения, заготовки утильсырья и др. Так, по проверке борьбы с прогулами в начале 1933 г. было создано 176 бригад с привлечением 561 рабочего. Обследования позволили выявить 924 прогульщика, одни из которых были уволены, другие – исключены из профсоюза или получили порицание на рабочих собраниях [9. С. 76].

В связи с малочисленностью штатов РКИ проводилась работа по укреплению постоянного актива РКИ на предприятиях республики. Отделы НК РКИ республики в 1930 г. стали вводить практику привлечения внештатных инспекторов из числа активных рабочих и служащих к самостоятельному проведению обследований. Так, например, в 1930 г. были привлечены 23 внештатных инспектора, в 1931 г. – 37 [4. Оп. 1. Д. 773. Л. 60]. Внештатные инспектора самостоятельно выполняли ряд функций органов контроля. В дальнейшем и районные контрольные комиссии РКИ (КК-РКИ) перешли к привлечению внештатных инспекторов. Силами 731 внештатного инспектора в районах республики в течение 1932–1933 гг. было проведено 222 обследования. Лучшими районными КК-РКИ были признаны Урмарская, Канашская, Алатырская, добившиеся значительных успехов благодаря широкому участию рабочих [6. С. 67; 4. Оп. 1. Д. 1107. Л. 181–186].

Другой формой работы контрольных органов на местах продолжала оставаться работа с жалобами и обращениями граждан. В июне 1928 г. НК РКИ СССР обратился с призывом к рабочей молодежи, ко всем трудящимся активно принимать участие в работе бюро жалоб. Основная идея заключалась в участии в работе бюро жалоб добровольцев, которые без какой-либо оплаты в свободное от работы время оказывали бы помощь органам Центральным КК-РКИ в борьбе с бюрократизмом. Достаточно активно по республике в целом началась запись добровольцев, но отбирались и допускались к работе лишь достойные. По республике к маю 1931 г. при НК РКИ было 159 добровольцев и при районных КК-РКИ – 264 добровольца, что в целом позволило организовать посты бюро жалоб [4. Оп. 1. Д. 917. Л. 25–34; Д. 1107. Л. 166].

Всего за период с 1929 по 1933 г. в НК РКИ республики было подано около 6,5 тыс. жалоб и заявлений [4. Оп. 1. Д. 907. Л. 71–72]. Проанализировав поступавшие жалобы, можно говорить о том, что вместе с ростом числа обращений менялся их характер. Так, из 1932 жалоб, поступивших в 1930 г., 346 были на бюрократическое отношение к делу, 205 – на искривление классовой линии, 165 – на злоупотребления, 92 – на бесхозяйственность и т.д. [8. Оп. 1. Д. 2089. Л. 110].

Позднее к работе в бюро жалоб в качестве добровольцев стали привлекаться рабочие и крестьяне, которые должны были выяснять обоснованность жалоб и добиваться устранения недочетов. В 1931 г. благодаря увеличению числа добровольцев до 350 (т.е. вдвое по сравнению с их количеством в 1930 г.) работа бюро жалоб улучшилась [4. Оп. 1. Д. 349. Л. 30].

Силами добровольцев бюро жалоб провело 15 массовых «налетов» и проверок жалоб, результаты которых находили широкое освещение в печати через созданную в газетах рубрику «Бюро жалоб НК РКИ отвечает». В дальнейшем чисто таких проверок увеличилось, так в 1932–1933 гг. бюро жалоб организовало уже 11 «налетов» и 7 рейдов на 120 объектах, в том числе в 49 хозяйственных учреждениях, 21 магазине, 12 столовых и т.д. Такой объем проверок стал возможен, в том числе, благодаря созданию постоянного актива бюро жалоб. Кроме «налетов» добровольцы бюро жалоб получали и индивидуальные задания. За 1932–1933 г. они выполнили 186 таких индивидуальных поручений. Всего же на 1932 г., по сведениям 11 районов республики, было организовано 25 постов бюро жалоб на предприятиях, вовлечено еще 325 добровольцев и внештатных инспекторов бюро жалоб [8. Оп. 1. Д. 2829. Л. 130].

В своей деятельности бюро жалоб использовало различные формы борьбы с выявленными недостатками в госаппарате. Одной из таких форм явля-

лись совещания рабочих заседателей, на рассмотрение которых выносились жалобы рабочих. Совещания рабочих заседателей организовывались и проводились на предприятиях и в учреждениях в присутствии виновных и с участием трудящихся. Совещание могло принимать решение вплоть до снятия с работы. В 1930 и 1931 гг. было проведено 25 рабочих заседаний, на которых рассмотрены 44 жалобы. В работе бюро жалоб при НК РКИ участвовали 15 человек от Чебоксарской типографии, 12 – от лесопильного завода, 14 – от спиртзавода, 11 – от водосвета и т.д. Всего в 1931 г. в бюро жалоб при республиканской и районных РКИ участвовало 389 рабочих заседателей, в том числе 215 рабочих, 73 бывших бедняка, 78 женщин [4. Оп. 1. Д. 907. Л. 71, 74].

Еще одной формой работы контрольных органов республики стала организация секций РКИ при Советах. Секциями РКИ проводилась значительная работа по улучшению деятельности советов и подотчетных предприятий и учреждений. В 1928 г. в 2 секциях РКИ в г. Чебоксары и г. Алатырь состояло 30 депутатов городских советов и 70 привлеченных активистов, а в 1932 г. работало уже 8 секций РКИ при городских и поселковых Советах, состоявших из 261 человека [3. Оп. 2. Д. 987. Л. 52]. Задачами секций прежде всего были борьба с бюрократизмом, бесхозяйственностью, пренебрежительным отношением сотрудников аппарата к нуждам и запросам рабочих, контроль за своевременным выполнением постановлений советов. Свою работу они проводили в тесном контакте с органами КК-РКИ и планоно. Секции РКИ при Советах являлись одной из важных форм массового привлечения рабочих, крестьян в работу местных органов КК-РКИ. Замысел заключался прежде всего в том, что рабочие и крестьяне, принимая участие в работе секций РКИ, знакомились с работой органов государственного управления, приобретали необходимые знания и навыки в руководстве общественными делами.

С 1929 г. на предприятиях республики организуются группы содействия РКИ, численность которых со временем возрастала. Так, в ноябре 1930 г. они были созданы на 10 предприятиях республики и в них состояло 50 членов, в конце 1932 г. на предприятиях действовало 56 групп содействия общей численностью 300 активистов, а к концу 1933 г. группы насчитывали 525 человек [4. Оп. 1. Д. 1107. Л. 170–171; Д. 349. Л. 20]. Перед группами содействия ставились следующие задачи: выявление и в дальнейшем проведение планомерной работы по сокращению непроизводительных расходов, борьба за дисциплину труда, качество продукции, внедрение рационализаторских предложений и др. Зачастую выявленные на предприятиях недостатки члены группы содействия РКИ устраняли сами и обращались в органы контроля лишь в случаях затруднений. Значимую пользу приносили группы содействия РКИ на новых предприятиях, особенно в период освоения производственных мощностей. Так, например, на строительстве Шумерлинского комбината члены группы содействия РКИ проверяли качество выполняемых работ и обнаруженные недостатки выносили на обсуждение производственных и технических совещаний.

Значительные изменения в народном хозяйстве ставили перед государственным аппаратом новые задачи, центральные власти ставили задачу обновления аппарата управления. Одним из решений XVI конференции ВКП(б), проходившей в апреле 1929 г., стала рекомендация органам РКИ о проведении коренной чистки аппарата. В ходе чистки госаппарат должен был «...освободиться от классово чуждых элементов и пополниться кадрами из числа рабочих, крестьян, стать более гибким и удовлетворять нуждам и забо-

там трудящихся». В специально разработанной НК РКИ СССР инструкции по чистке госаппарата предусматривалось три категории «вычищаемых». К первой относились лица, исправление которых признавалось невозможным, поэтому они увольнялись без права работы в советском, хозяйственном и кооперативном аппарате, без права на пенсию и т.д. Во вторую категорию входили люди, показавшие на практике непригодность к данной работе или к работе в данной местности. Они могли в дальнейшем поступать на работу в учреждения другого типа или в другой местности. Третью категорию составляли те, кому не следовало доверять ответственные должности, но можно было использовать на другой работе. Решения комиссии по чистке могли быть обжалованы лишь в РКИ, которая при тесном контакте с парторганизациями руководила работой комиссий.

В мае 1929 г. в республике была образована Центральная комиссия по чистке во главе с И.Ф. Козиним, создавались и районные комиссии по чистке. В составе всех комиссий было по два человека с производства. Обследование деятельности учреждений проводилось с привлечением рабочих бригад. Рабочие, перед которыми отчитывался аппарат наркоматов и других госорганов, выявляли факты бюрократизма, бесхозяйственности, проявления волокиты и т.д.

Уже на заседании пленума Чувашской областной контрольной комиссии в июне 1929 г., созванном в связи с началом чистки, отмечались перекосы в проведении чисток: некоторые члены комиссий занимались выявлением ненужных сведений и анкетных данных работников, не уделяя должного внимания улучшению работы аппарата [2. Оп. 1. Д. 1346. Л. 49].

Сама работа по чистке госаппарата в республике довольно быстро набрала размах и к октябрю 1931 г. в чистке в качестве членов комиссий и рабочих бригад принимало участие 1326 человек, а на собраниях, на которых обсуждались итоги проверок, присутствовало 73 516 человек [4. Оп. 1. Д. 773. Л. 198]. По результатам чистки от работы были освобождены 688 человек (8,4% от 8818 проверенных).

В ходе чисток выявлялись недостатки и недочеты в работе десятка учреждений. В финансовых, земельных, снабженческих и других хозяйственных организациях зачастую социальный состав работников признавался неудовлетворительным в части недостаточного числа рабочих, бедняков, батраков. Например, в налоговых органах Наркомфина выявлены случаи освобождения отдельных крестьянских хозяйств («кулаков») от обложения налогом и защиты их интересов, таким образом были необоснованно освобождены от налога 3122 хозяйства. Решением РКИ налоговая комиссия была распущена, виновные наказаны.

В ходе чисток изучалась деятельность всех партийных организация, неблагонадежные исключались из партии. На 1 января 1929 г. в Чувашской областной партийной организации насчитывалось 3283 коммуниста. Проверочные комиссии своими постановлениями исключили из партии 433 человек, в том числе рабочих – 91, крестьян – 235, служащих – 107 [2. Оп. 1. Д. 2516. Л. 146–176]. В документах видим, что в период чистки в отдельных организациях была проявлена поспешность в решении вопроса об исключении из партии. Например, на фабрике «Единство» почти четверть коммунистов ячейки была исключена. Такие явления имелись и в ячейках заводов г. Алатырь. Эти ошибки по предложению Чувашского ОК и ОКК ВКП(б) были исправлены, из

433 исключенных 133 были вновь восстановлены в партии. Были случаи их восстановления в партии решением ЦК ВКП(б).

Итоги чистки аппарата в республике были подведены в январе 1932 г. на XVI областной партконференции. К этому времени чистку пришли 1649 сотрудников, или 19,2 всех служащих, из них 765 человек были сняты с работы [5. С. 61]. В ходе чистки в ряде учреждений был сокращен аппарат.

Таким образом, в течение 1929–1931 гг. органы контроля республики проверили работу 2167 сотрудников аппарата. Основными нарушителями государственной дисциплины признавались «...старые буржуазные специалисты, считавшие себя незаменимыми, служащие, попавшие под влияние классово чуждых элементов, не проводящие задачи партии» [1. Оп. 13. Д. 8. Л. 286–287].

В ходе проведения чисток госаппарата пришло понимание, что улучшения работы госаппарата нельзя добиться только чрезвычайными мерами, необходимы были меры постоянного контроля. Так возникла идея шефства предприятий над госаппаратом. Уже в конце 1929 – начале 1930 гг. сформировалось шефство рабочих Чебоксарской типографии над Наркомфином республики, Козловского комбината – над райисполкомом, фабрики «Единство» – над райпо, Алатырского паравозоремонтного завода – над отделением Госбанка. Всего к сентябрю 1931 г. в шефстве над госаппаратом принимали участие 10 предприятий республики [9. С. 80–81]. В дальнейшем получили распространение договоры о шефстве между шефом-предприятием и подшефным учреждением. На собраниях рабочих выделялась шефская бригада, которая постоянно интересовалась состоянием дел в данном учреждении.

Зачастую шефы достаточно успешно осваивали технику работы в аппарате и в свободное от работы время стали выполнять функции его сотрудников в качестве совместителей. Заметно улучшилась эта форма шефства после проведения в октябре 1931 г. рабочих конференций. В работе 33 заводских и 11 цеховых конференций республики, на которых заслушивались отчеты шефских бригад и первых совместителей, приняли участие 2087 человек. Рабочими были одобрены новые формы участия в контроле над госаппаратом. Еще 24 предприятия решили взять шефство над 35 госучреждениями. Новые шефские бригады выросли до 133 рабочих, было выдвинуто 120 совместителей. Так, например, в г. Мариинский Посад на собрании 278 рабочих винзавода и верфи отмечено, что: «...улучшение работы аппарата будет способствовать и решению хозяйственных задач. Рабочие винзавода выделили 9 совместителей и взяли шефство над райсоюзом и райпо, а рабочие верфи – над горсоветом» [4. Оп. 1. Д. 773. Л. 125, 199].

Встречались и ситуации, когда предприятия распыляли свои силы, шефствуя сразу над несколькими учреждениями, например, Канаашское депо взяло шефство над 7, фабрика «Единство» – над 4 учреждениями. Данный факт объясняется, на наш взгляд, недостаточным числом промышленных предприятий в республике. Были трудности и в шефской работе. Так, часть рабочих отказывалась от участия в комиссиях, ссылаясь на занятость или сезонный характер труда. Зачастую совместителей назначали сверху, а не на рабочих собраниях, поэтому они почти не отчитывались перед рабочими. Трудности встречались и в учреждениях, в которых нередко им поручали вести делопроизводство, канцелярскую работу [4. Оп. 1. Д. 947. Л. 9, 98].

Чистки и шефство во многом способствовали выдвиженчеству. До чистки выдвижение происходило в основном в низовые органы аппарата. Одним из

решений III съезда Советов ЧАССР стала задача увязать чистку с выдвижением отдельных групп населения – «рабочих, батраков, бедноты, женщин, особенно чувашей, с выдвижением тех, кто активно участвовал в чистке». Если в январе 1929 г. в центральных учреждениях республики было 17 выдвиненцев, то в течение года их число возросло до 154 человек, в том числе 86 рабочих и 13 «батраков». В районных учреждениях среди выдвиненцев было 33,8% рабочих [1. Оп. 10. Д. 6. Л. 110]. В ноябре 1929 г. решением бюро обкома партии на руководящую работу были выдвинуты 100 рабочих и представителей «бедняков», 45 комсомольцев [1. Оп. 10. Д. 16. Л. 281]. Кандидатуры выдвиненцев обсуждались на собраниях.

Создавались курсы выдвиненцев, например при Чувашсоюзе, Наркомфине, Наркомюсте и т.д. В период чистки такую подготовку прошли более 1000 человек.

До массовой проверки аппарата республиканские органы были коренизированы на 44%, районные – на 62,5% (по данным 13 районов), к сентябрю 1931 г. процент коренизации аппарата соответственно достиг 54 и 68,5 [2. Оп. 1. Д. 2509. Л. 51; 4. Оп. 1. Д. 881. Л. 43–47].

Задачи, формы и методы работы РКИ определялись политической и социально-экономической обстановкой, в которой находилась страна. Работа РКИ характеризовалась случайностью назначения обследований и ревизий, преобладанием мелких проверок, участием во всевозможных комиссиях, борьбой с отдельными недочетами государственных органов, была направлена на персональное наказание виновных, а не на выявление причин низкой эффективности работы государственного аппарата.

Литература

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. П-1. Чувашский реском КП РСФСР.
2. ГАСИ ЧР. Фонд П-3 Чувашская ОКК-ВКП(б) – РКИ.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. Р-202. Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской АССР (ЦИК Чувашской АССР).
4. ГИА ЧР. Ф. Р-354. Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции Чувашской АССР (НК РКИ Чувашской АССР).
5. *Козин И.Ф.* На страже революционной законности и генеральной линии партии. Чебоксары, 1932.
6. *Можаров Г.Г.* Роль органов контроля в совершенствовании государственного аппарата в годы первой пятилетки (на материалах деятельности Чувашской ОКК-РКИ) // *Партийные организации Чувашии в борьбе за повышение политической и трудовой активности трудящихся (вопросы истории Чувашской областной организации КПСС): сб. ст. / Чуваш. ун-т. Чебоксары, 1976. С. 57–73.*
7. *Харитонов М.Ю., Харитонova С.Б.* История создания органов государственно-партийного контроля в Чувашии // *Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 154–161.*
8. Центральный архив Нижегородской области. Ф. Р-4569. Горьковская краевая контрольная комиссия ВКП(б)-рабоче-крестьянская инспекция Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР.
9. *Шарков В.Г.* Роль рабочих Чувашии в деятельности органов контроля // *Социалистическая революция и социалистическое строительство в Волго-Вятском регионе: межвуз. сб. / Чуваш. ун-т. Чебоксары, 1985. С. 73–84.*

ХАРИТОНОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (muha21@mail.ru).

ХАРИТОНОВА СВЕТЛАНА БРОНИСЛАВОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ssbron@mail.ru).

M. KHARITONOV, S. KHARITONOVA
FORMS AND METHODS OF WORKERS' AND PEASANTS' INSPECTIONS
FUNCTIONING IN CHUVASHIA IN 1929–1934

Key words: state-party control, workers' and peasants' inspection, history of Chuvashia, forms and methods of functioning, surveys, raiding brigades, complaints and appeals of citizens.

The article is devoted to analyzing the main forms and methods of functioning of workers' and peasants' inspection bodies in Chuvashia at the final stage of their activity in 1929–1934. The work is based on unpublished archival materials of the State historical archive of the Chuvash Republic and the State archive of modern history of the Chuvash Republic, which contains a significant array of documents and materials on the history of the workers' and peasants' inspection of Chuvashia. Among the first and main directions of the supervisory bodies' functioning in the study period the article examines the activities for improving the state apparatus, at this the basic method of supervisory bodies' functioning was the method of surveys, which enabled to control such important indicators of the Republic as tax policy, construction, collectivization, elimination of illiteracy, universal education, and to develop measures to address identified deficiencies. The article studies organization of control activists' meetings and the activity of raiding brigades which carried out surveys at enterprises of the Republic with involvement of workers. The work on strengthening the permanent asset of the workers' and peasants' inspectorate (RCI) at the enterprises of the Republic, as well as the practice of attracting not on permanent staff inspectors from among active workers and employees to conduct independent surveys, is considered. The article gives insight into the work with complaints and appeals of citizens, including issues of attracting volunteers from workers and peasants to work in the Bureau of complaints. The authors analyze such form of Republican control bodies's functioning as organization of sections of workers'-peasants' inspectorate at the Councils which carried out considerable work on improving the activity of the Councils and accountable enterprises and institutions. It is concluded that workers and peasants, taking part in the work of workers'-peasants' inspectorate, learned about the work of state administration bodies, acquired necessary knowledge and skills in public affairs management. Various forms of struggle against revealed shortcomings in the state apparatus are studied. The authors analyze how the tasks in the work of the workers' and peasants' inspectorate changed along with the changes in the socio-economic and political situation in the country and the Republic. On the basis of various sources, the process of improving the methods of the workers' and peasants' inspectorate's functioning in Chuvashia is analyzed, participation of various departments in its work at various stages of audit activity is shown. The influence of socio-political and economic situation on the change of working methods is revealed. The authors reveal general regularities and features in specialization of various systems in organizing the functioning of workers' and peasants' inspectorate bodies.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond P-1. Chuvashskii reskom KP RSFSR [State Archive of Social and Political History of the Chuvash Republic. Archives P-1. Chuvash reskom CP RSFSR].
2. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond P-3. Chuvashskaya OKK-VKP(b) – RKI [State Archive of Social and Political History of the Chuvash Republic. Archives P-3. Chuvash OKK-VKP(b) – RKI].
3. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-202. Tsentral'nyi ispolnitel'nyi komitet Sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeiskikh deputatov Chuvashskoi ASSR (TsIK Chuvashskoi ASSR) [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-202. Central Executive Committee of Soviets of workers', peasants' and red army deputies of Chuvash ASSR].
4. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-354. Narodnyi komissariat raboche-krest'yanskoi inspektsii Chuvashskoi ASSR (NK RKI Chuvashskoi ASSR) [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-354. People's Commissariat of Workers' and Peasants' Inspection of the Chuvash ASSR].
5. Kozin I.F. Na strazhe revolyutsionnoi zakonnosti i general'noi linii partii [On guard of revolutionary legality and the General line of the party]. Cheboksary, 1932.
6. Mozharov G.G. Rol' organov kontrolya v sovershenstvovanii gosudarstvennogo apparata v gody pervoi pyatiletki (na materialakh deyatelnosti Chuvashskoi OKK-RKI) [The Role of control bodies in the improvement of the state apparatus during the first five-year plan (based on the materials of the Chuvash OKK-

RKI)] *Partiynye organizatsii Chuvashii v bor'be za povyshenie politicheskoi i trudovoi aktivnosti trudyashchikhsya (voprosy istorii Chuvashskoi oblastnoi organizatsii KPSS): sbornik statei* [Party organizations of Chuvashia in the struggle for increasing the political and labor activity of workers (questions of the history of the Chuvash regional organization of the CPSU)]. Cheboksary, 1976, pp. 57–73.

7. Kharitonov M.Yu., Kharitonova S.B. *Istoriya sozdaniya organov gosudarstvenno-partiinogo kontrolya v Chuvashii* [History of creation of bodies of state-party control in Chuvashia]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2016, no 4, pp. 154–161.

8. *Tsentr'al'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. Fond P-4569. Gor'kovskaya kraevaya kontrol'naya komissiya VKP(b)-rabochе-krest'yanskaya inspektsiya Narodnogo komissariata rabochе-krest'yanskoi inspektsii RSFSR* [Central archive of Nizhny Novgorod region. Archives R-4569 Gorky regional control Commission of the CPSU(b) – workers 'and peasants' inspection of the People's Commissariat of workers 'and peasants' inspection of the RSFSR].

9. Sharkov V.G. *Rol' rabochikh Chuvashii v deyatel'nosti organov kontrolya* [The role of the workers of Chuvashia in the activities of control bodies] *Sotsialisticheskaya revolyutsiya i sotsialisticheskoe stroitel'stvo v Volgo-Vyatkom regione: mezhvuzovskii sbornik* [Socialist revolution and socialist construction in the Volga-Vyatka region], Cheboksary, 1985, pp. 73–84.

KHARITONOV MIKHAIL – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department for Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (muha21@mail.ru).

KHARITONOVA SVETLANA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department for Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (ssbron@mail.ru).

Формат цитирования: Харитонов М.Ю., Харитонова С.Б. Формы и методы работы рабоче-крестьянских инспекций в Чувашии в 1929–1934 годах // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 262–270.

УДК 94(470)»1941/1945»:394.46+81'373.21(470.344-21)Чебоксары
ББК ТЗ(2)622л6+Ш12=411.2*316.1+ТЗ(2Рос.Чув-2Чев-293)

О.Н. ШИРОКОВ, М.А. ШИРОКОВА, О.В. АНДРЕЕВ

ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ: МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В НАЗВАНИЯХ УЛИЦ г. ЧЕБОКСАРЫ*

Ключевые слова: историческая память, мемориализация, коммеморация, Великая Отечественная война, топонимика, места памяти, городское пространство, названия улиц, город Чебоксары.

В статье на основании архивных материалов и научной литературы рассматривается проблема сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне в названиях улиц г. Чебоксары. Цель работы состоит в анализе микротопонимики города Чебоксары в контексте политики памяти о Великой Отечественной войне. В процессе работы широко использовались методы поиска информации и ее классификации, аналитические методы, хронологический исторический метод и метод сравнительно-исторического исследования. Анализ архивных данных помог выделить этапы мемориализации истории войны в названиях улиц города. В основе нашего подхода находится объективный процесс роста городского пространства как следствие социально-экономических изменений, последовавших за масштабной эвакуацией промышленных объектов и трудовых ресурсов на территорию столицы Чувашии в 1941 г. Последовавший за этими событиями рост города давал возможность реализовать на практике политику памяти о Великой Отечественной войне через решения властей города и республики. Проведенный анализ позволил авторам статьи сгруппировать имена участников Великой Отечественной войны по смысловым блокам и определить основные этапы коммеморации событий эпохи в контексте городской истории и городского пространства.

Помимо традиционных компонентов наследия, таких как музеи, архивы, памятники и юбилейные даты, в качестве мест памяти заслуженную роль играют названия улиц городов, отражающих значимые исторические события. Находясь постоянно на слуху у жителей и гостей современных Чебоксар, они сохраняют память о событиях и личностях, повлиявших на ход нашей истории.

Так дело обстояло не всегда, до начала XX в. в Чебоксарах по неписаным традициям не было улиц, носящих имена знаменитых людей. Преобладали традиции называть улицы по объектам рельефа (улица Старой горы, Нагорная), занятиям жителей (Базарная, Хлебная и Ярмарочная площади, Кузнечная, Рогожина улицы, Кожевенная, Винокурная, Козья, Рыбачья слободы), социально-статусным отличиям (Солдатская слобода, Верхнебасурманская улица), по названиям храмов [8].

Причинами такого положения были традиции, допускавшие имена собственных только в сакральном и мифологическом значении (Ярилина, Воскресенская, Соборная, Введенская, Покровская, Крестовоздвиженская, Рождественская, Архангельская, Успенская, Михайло-Архангельская, Благовещенская, Покровская площадь, и др.) [10]. Православные императивы не давали возможность для легитимации светских имен, опасаясь за общественную нравственность. Грех гордыни и суесловия был мощным стимулом сохранения памяти предыдущих поколений, свободной от мирской суеты и индивидуальных заслуг. Исключениями здесь были названия новых городов,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Чувашской Республики в рамках научного проекта № 19-49-210004.

возникавших после преобразований Петра I. Они стали получать имена царствовавших императоров и императриц.

Процесс масштабного переименования начался после Октябрьской революции 1917 года, когда большевистское правительство, по аналогии с Францией периода Великой французской революции, изменяло смысловое пространство страны. Лидеры советского государства видели перспективы строительства небывалого еще строя сквозь призму нового понимания действительности. Воцарилась вера в то, что российский мир перевернулся и не мог не стряхнуть с себя налет отжившего наследия. Масштабные преобразования развернулись во всех сферах функционирования общества и государства, создавая модернистскую атмосферу в сфере смыслов и ценностей.

С героизации активных участников революции начинается этап осознанной политики памяти советского государства. Названия улиц во многом позволяют охарактеризовать государственную политику памяти в контексте принятия административных решений по формированию новой идентичности, нуждавшейся в ярких именах (так в Чебоксарах в разные периоды советской эпохи появились улицы Маркса, Энгельса, Ленина, Свердлова, Троцкого, Зиновьева, Дзержинского, Калинина, Плеханова, Чапаева, Грасиса, Володарского, Кадыкова, Сеспеля, Эльмена, Люксембург, МОПРа и многие другие, отражающие революционные события и их активных участников). Основным переломным моментом в политике меморизации революционных событий стало ключевое решение Президиума Горсовета 1926 г., юридически закрепившего наименование 59 улиц и 5 площадей [1. Л. 109–110]. Исторический этап внутривнутриполитической борьбы в СССР в 1920-х гг. нашел свое яркое отражение в названиях улиц Чебоксар, так «исчезли» улицы Троцкого, Зиновьева, Каменева. Например, бывшая улица Каменева была переименована в улицу героя Гражданской войны К.Е. Ворошилова, впоследствии ставшего героем Великой Отечественной войны [2. Л. 237; 3. Л. 21–24; 4. Л. 194–196; 5. Л. 7–8].

Грозные события Великой Отечественной войны стали новым этапом формирования идеологии развития городского пространства. Из 40-тысячного города на фронт ушли 14 тысяч чебоксарцев, более 5 тысяч погибли на фронтах. Город стал надежным тылом и мастерской Победы. 28 современных заводов было размещено в Чебоксарах, среди них ЧЭАЗ, основанный на оборудовании эвакуированных Харьковского и Ленинградского электроаппартных заводов. В 1941 г. начал выпускать первую военную продукцию Чапаевский завод. Начался современный этап героизации исторической эпохи. Он совпал со стремительным ростом городского населения и усилением роли промышленности города Чебоксары. Эвакуация предприятий и трудовых ресурсов стали наиболее сильным импульсом в становлении крупного столичного города.

Масштаб перенесенных страданий и понесенные жертвы в эпоху Великой Отечественной войны выступили в роли эмоционального стремления увековечить подвиг советского народа. Большая часть улиц, названных в честь героев Великой Отечественной войны – это новые улицы Чебоксар, появившиеся в процессе развития городского пространства в послевоенный период. Важно отметить, что сохранение памяти о событиях Великой Отечественной войны в настоящее время остается актуальной задачей, поэтому представляется важным изучение процесса коммеморации в городском пространстве Чебоксар.

Историография и методология исследования городского пространства как объединенного места памяти уже давно разработана классиками темы, а также получила применение в прикладных работах российских ученых [7. Л. 106–126; 9. Л. 218–221].

Данное исследование названий улиц г. Чебоксары, посвященных войне, следует цели пополнить имеющийся фонд работ конкретным региональным материалом, учитывая преобладание среди имен, давших названия улицам Чебоксар, уроженцев Чувашии. Сегодня в Чебоксарах более 530 улиц, половина из которых названы именами известных людей, 52 улицы связаны своим названием с эпохой Великой Отечественной войны.

В ходе исследования авторы выделили несколько групп названий улиц столицы Чувашии. Самой крупной в количественном плане оказалась группа из 19 улиц, носящих имена Героев Советского Союза (Ф.Н. Орлов, Г.Ф. Байдуков, Л.Г. Бабушкин, Н.Ф. Ватутин, Н.Ф. Гастелло, Я.А. Анисимов, М.Н. Афанасьев, В.П. Винокуров, А.Н. Боголюбов, А.В. Кочетов, М.А. Сапожников, М.С. Шумилов, Р. Зорге, В.И. Уруков, А. Матросов, О. Кошевой, З. Космодемьянская, Л. Чайкина, М.М. Кузнецов). 9 героев из этого списка – выходцы из Чувашии и собственно города Чебоксары. К чебоксарцам можем отнести А.Н. Боголюбова, М.Н. Афанасьева, В.П. Винокурова и М.А. Сапожникова. Наиболее ярким представителем поколения победителей был уроженец г. Чебоксары А.Н. Боголюбов (1900–1956). В годы суровых испытаний он был начальником штаба Северо-Западного (март–ноябрь 1943 г.), 1-го Украинского (ноябрь–апрель 1944 г.) и 2-го Белорусского фронтов (май 1944 – июнь 1945 г.). Его талант создателя оперативных планов фронтов особенно проявился в разработке плана «Багратион» по разгрому нацистской группы армий «Центр», увенчавшемуся ликвидацией группы и полным освобождением Белоруссии в 1944 г.

Вторую группу составили имена 19 участников Великой Отечественной войны (П.В. Деметьев, Ф.И. Скворцов, Н.Ф. Ильбеков, П.П. Хузангай, Я.Г. Ухсай, Л.Я. Агаков, М.И. Денисов, Ф.В. Гладков, С.Я. Маршак, С.Д. Павлов, А.М. Токарев, А.Ф. Талвир, А.А. Фадеев, А.В. Асламас, Б.С. Марков, И.С. Тукташ, Х.М. Миначев, К.М. Симонов, М.Я. Сироткин). Из этого списка 12 имен выходцев из Чувашии. В эту группу были включены участники боевых действий, организаторы военной индустрии, деятели культуры, оказавшиеся на фронте. Особняком выделяется С.Я. Маршак, известный в этот период работой в военных изданиях, совместной работой с Кукрыниксами, находившийся, таким образом, на передней линии идеологической борьбы с нацизмом.

В этой группе нам важен собственно сам факт участия в Великой Отечественной войне с учетом разных причин увековечивания имени в названиях улиц города. Для примера укажем имя академика РАН Хабиба Миначева, известного химика, уроженца села Полевые Бикшики Батыревского района. Понятно, что логика принятия решения по присвоению его имени новой улице в микрорайоне Университетский-2 не была связана с его участием на фронтах войны. Для нас же в данном случае важен именно этот яркий эпизод его жизни. С сентября 1942 г. до демобилизации в 1945 г. Х. Миначев воевал на фронте сначала в составе 10-й лыжной бригады на Юго-Западном фронте, затем – 5-й танковой армии от Курской до Восточно-Прусской операции, был награжден орденом Отечественной войны II степени.

К третьей группе были отнесены 4 улицы, носящие имена известных партизан (Олега Кошевого, Лизы Чайкиной, Зои Яковлевой и Зои Козьмодемьянской). З.Т. Яковлева родилась в Чебоксарах в 1898 г. Во время войны стала активным участником Крымского подполья, благодаря действиям группы актеров Симферопольского театра, куда она входила, удалось передать информацию о расположении частей вермахта накануне освобождения Симферополя. Группа была раскрыта и ее члены расстреляны за месяц до освобождения столицы Крыма.

Четвертая группа состоит из 3 имен знаменитых конструкторов оружия периода Великой Отечественной войны (С.П. Королев, В.Н. Челомей, В.А. Дегтярев). Выдающийся конструктор ракетно-космической техники, академик В.Н. Челомей в 1976 г. посетил столицу Чувашии, прочитал доклад в Чувашском государственном университете, где появилась школа его продолжателей.

Пятую группу из 3 названий улиц определили имена героев-антифашистов иностранного происхождения (Э. Тельман, Г.М. Димитров и Ю. Фучик). Рождение этой самостоятельной по смыслу группы было связано с идеями интернационализма и европейского антифашизма, что вполне понятно в контексте эпохи.

Кроме именных групп улиц города мы выделяем шестую и седьмую группы улиц, названных не собственными именами. К шестой группе были отнесены 2 улицы, получившие название в честь подразделений, формировавшихся на территории Чувашии (139-й стрелковой дивизии и 324-й стрелковой дивизии), а к седьмой – 4 улицы с названиями обобщенного характера, узнаваемые по смысловой нагрузке (парк Победы, улица Красный Флот, Улица Красноармейская и Улица Комсомольская). Яркий след оставил боевой путь 139-й стрелковой Рославльской Краснознаменной ордена Суворова дивизии, сформированной в столице Чувашии. Наши земляки в ее составе прошли тяжелый путь от Ржева до Эльбы. В фильме «Тишина» прозвучала песня М. Матусовского «На безымянной высоте» о подвиге 18 бойцов 718-го полка 139-й стрелковой дивизии. На стыке улицы 139-й стрелковой дивизии с улицей Мичмана Павлова установлена мемориальная доска в память о солдатах легендарной дивизии. В декабре 1941 г. выступила на защиту Москвы 234-я стрелковая дивизия, также сформированная в Чувашии. Она прошла с боями до Кенигсберга, завершив свой победоносный путь на берегах Балтики.

Появление большинства этих улиц было связано с ростом территории городского пространства в послевоенный период. Важной вехой стал 1959 год, когда Исполкомом городского Совета были приняты решения о приеме в состав Чебоксарского городского Совета трех поселков: Чапаевского, Южного и Сосновки. Первые два выросли в период 1940–1950-х гг. В начале 1960-х гг. пространство Чебоксар дополнилось территориями бывших поселков и деревень: Банново, Гремячево, Заовражное, Кочаково и Соляново [6. Л. 2, 4]. Именно в этот период появились многочисленные улицы с именами героев Великой Отечественной войны.

Не всегда этот процесс шел линейно, были и известные отступления. Так, в 1959 г. из числа улиц «исчез» проспект Сталина, имя которого стало отождествляться не с Победой в Великой Отечественной войне, а с периодом жестоких репрессий 1930-х гг.

Отдельно отметим и тот факт, что в 1960–1965 гг. в состав столицы Чувашии входил Новопромышленный район, ставший в 1965 г. отдельным городом Новочебоксарском. Поэтому в 1964–1965 гг. в составе городских улиц числились также улицы первого Героя Советского Союза из Чувашии В.П. Винокурова и участницы Великой Отечественной войны, работавшей в Чебоксарском аэро клубе до войны, легендарной летчицы Жени Крутовой, но с 1965 г. территория города в восточном направлении заметно поубавилась.

Следующим этапом станет период бурного роста территории Чебоксар в 1970-х гг., когда стремительно растут Новоюжный и Северо-Западный районы города. Этот процесс был обусловлен крупными стройками: ЧЗПТ, Чебоксарской ГЭС и Приборостроительного завода. Появление новых районов города

дополнило список улиц, названных в честь поколения победителей в Великой Отечественной войне. В этот период появляются улицы Героя Советского Союза М.С. Шумилова, улица 324-й стрелковой дивизии, улица Героя Советского Союза М.Н. Афанасьева, улица 139-й стрелковой дивизии и другие. К началу 1990-х было построено 12 новых микрорайонов Чебоксар, городское население выросло со 100 тысяч в конце 1950-х гг. до 430 тысяч в 1990 г.

Начало 1990-х гг. стало новым этапом расширения территории города и появления новых улиц. Так, к примеру, после присоединения еще одной территории на Южном поселке к столице, была переименована улица Чапаева, став улицей Героя Советского Союза Ф.Н. Орлова, чтобы не дублировать имевшуюся столичную улицу Чапаева.

Современный этап расширения городского пространства, достижение городом отметки в 500 тысяч жителей, продолжил процесс увековечивания памяти о грозных событиях 1941–1945 гг. Новые микрорайоны города дополнились улицами, названными в честь героев и участников Великой Отечественной войны: П.В. Дементьева, Х.М. Миначева и др.

Наименования улиц относятся к особому виду материализованной памяти о прошлом. События 1941–1945 гг. во многом сформировали специфический текст боевого подвига в названиях наших улиц. Город в этом случае выступает как сосредоточие памятных мест и призван транслировать знание о прошлом последующим поколениям чебоксарцев. Процесс мемориализации периода жертв и подвига советского народа прошел через несколько этапов. Начальным этапом стали решения городских властей 1959 г. Рост городского пространства в 1970-е гг. определил центральное место в именовании новых улиц столицы Чувашии темы Великой Отечественной войны. Сохранение памяти о войне в названиях улиц является одним из наиболее эффективных путей трансляции исторического опыта.

Литература

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 427. Оп. 2. Д.1.
2. ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 1. Д. 312.
3. ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1150.
4. ГИА ЧР. Ф. 202. Оп. 2. Д. 187.
5. ГИА ЧР. Ф. 593. Оп. 1. Д. 3.
6. ГИА ЧР. Ф. 427. Оп. 9. Д. 592.
7. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Вып. 2. С. 106–126.
8. Терентьев А.И. Чебоксары и чебоксарцы. Записки краеведа. К 450-летию вхождения Чувашии в состав Российского государства. 3-е изд, перераб. и доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 363 с.
9. Ходнев А.С. Культура памяти и публичная история // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 218–221.
10. Чебоксары: исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 2014. 511 с.

ШИРОКОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (425954@rambler.ru).

ШИРОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mlemaeva@mail.ru).

АНДРЕЕВ ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (olevasandr@mail.ru).

O. SHIROKOV, M. SHIROKOVA, O. ANDREEV

**A CITY AS A SPACE OF MEMORY:
MEMORIZATION OF THE GREAT PATRIOTIC
WAR IN THE NAMES OF STREETS IN THE CITY OF CHEBOKSARY**

Key words: historical memory, memorization, commemoration, the Great Patriotic war, toponymy, places of memory, urban space, street names, the city of Cheboksary.

On the basis of archival materials and scientific literature the article examines the problem of preserving the historical memory of the Great Patriotic war in the names of streets of Cheboksary. The aim of the work is to analyze the microtoponymy of the city of Cheboksary in the context of policy aimed at memorization of the Great Patriotic war. In the process of work methods of information search and its classification, analytical methods, chronological historical method and the method of comparative historical research were widely used. The analysis of archival data helped to identify the stages of memorization of the war history in streets names of the city. Our approach is based on the objective process of urban space growth as a consequence of socio-economic changes that followed the large-scale evacuation of industrial facilities and labor resources to the territory of the capital of Chuvashia in 1941. The subsequent growth of the city made it possible to put into practice the policy of the Great Patriotic war memorization through the decisions of municipal and republican authorities. The analysis enabled the authors of the article to group the names of the participants of the Great Patriotic war in semantic blocks and to determine the main stages of commemorating the events of the era in the context of urban history and urban space.

References

1. Gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 427. Opis' 2. Document 1 [State historical archive of the Chuvash Republic. Archive 427. Anagraph 2. Document 1].
2. Gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 125. Opis' 1. Document 312 [State historical archive of the Chuvash Republic. Archive 125. Anagraph 1. Document 312].
3. Gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 82. Opis' 1. Document 1150 [State historical archive of the Chuvash Republic. Archive 82. Anagraph 1. Document 1150].
4. Gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 202. Opis' 2. Document 187 [State historical archive of the Chuvash Republic. Archive 202. Anagraph 2. Document 187].
5. Gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 593. Opis' 1. Document 3 [State historical archive of the Chuvash Republic. Archive 593. Anagraph 1. Document 3].
6. Gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 427. Opis' 9. Document 592 [State historical archive of the Chuvash Republic. Archive 427. Anagraph 9. Document 592].
7. Rostovtsev E.A., Sosnitskiy D.A. *Napravleniya issledovaniy istoricheskoy pamyati v Rossii* [Main areas of russian memorial researches]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2014, no. 2, pp. 106–126.
8. Terent'ev A.I. *Cheboksary and Cheboksartsi. Zapiski kraevedy. K 450-letiyu vhozhdeniya Chuvashii v sostav Rossiiskogo gosudarstva* [Cheboksary and Cheboksary population. Notes of the local historian. On the 450th anniversary of the entry of Chuvashia into the Russian state]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2001, 363 p.
9. Khodnev A.S. *Kul'tura pamyati i publichnaya istoriya* [Culture of Memory and Public History]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, 2015, no. 6, pp. 218–221.
10. *Cheboksary: istoricheskiy ocherk* [Cheboksary: historical essay]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2014, 511 p.

SHIROKOV OLEG – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and Geography, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (425954@rambler.ru).

SHIROKOVA MARINA – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (mlemaeva@mail.ru).

ANDREEV OLEG – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (olevasandr@mail.ru).

Формат цитирования: Широков О.Н., Широкова М.А., Андреев О.В. Город как пространство памяти: мемориализация Великой Отечественной войны в названиях улиц г. Чебоксары // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 271–276.

УДК 94: 621.3 (470.344) «19/20»
ББК ТЗ(2Рос. Чув)6–231+32Г(2Рос. Чув)6

Т.В. ЯКОВЛЕВА, О.Н. ШИРОКОВ, Р.А. ИДРИСОВ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Ключевые слова: региональная инновационная система, электротехническая отрасль, Чебоксарский электроаппаратный завод, Чувашский государственный университет.

Предложены результаты исследования истории развития электротехнического кластера в Чувашской Республике. Целью исследования являются выделение основных этапов формирования указанной отрасли в регионе, изучение ее современного состояния и перспектив. Данная отрасль сегодня является наиболее успешной в сфере продвижения современных научных и технических инноваций. Электротехническая отрасль в Чувашии выступает неотъемлемой частью региональной инновационной системы. История ее развития начинается с размещения в республике эвакуированных в годы Великой Отечественной войны предприятий и продолжается в современный период формированием быстро растущего научно-технического кластера. Составными частями этого кластера выступают теперь не только производственные предприятия, но и научно-исследовательские и образовательные организации, активную роль среди которых играет Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. Результаты проведенного исследования позволяют выделить три ключевых этапа в развитии электротехнического кластера: становления и формирования кластера в 40-е гг. XX в.; поступательного развития и расширения номенклатуры производимой продукции в 50–70-е гг.; организационных изменений и качественного роста в конце XX – начале XXI в. Тем не менее авторы отмечают возросшую проблематичность дальнейшего развития отрасли в связи с уровнем современных требований к характеру инновационных трансформаций. Высокая степень актуальности электротехнической отрасли для социально-экономического развития Чувашской Республики сохраняется и играет ведущую роль в формировании региональной инновационной системы.

Построение научно-инновационного развитого общества в Чувашской Республике, в которой информация и знания становятся не просто основным ресурсом, является сейчас одной из самых актуальных задач. Наша республика обладает несомненными предпосылками для формирования региональной инновационной системы, способной поступательно развиваться в эпоху высоких технологий. На практике ключевым звеном региональной инновационной системы являются научно-инновационные комплексы, формирующиеся на базе высших учебных заведений. Современное состояние сферы образования обуславливает потребность в инновационной трансформации образовательного комплекса на федеральном, региональном уровнях и уровне учреждений образования, включая всю систему начального, среднего и высшего профессионального образования и повышения квалификации. Существенное значение для эффективного функционирования региональной инновационной системы, согласно концепции «тройной спирали инноваций», имеет состояние инновационной инфраструктуры региона, которая должна обеспечить взаимодействие в рамках инновационного цикла университетских комплексов и предприятий региона [17. С. 123].

В Чувашии особенно высокой инновационной активностью традиционно отличается электротехническая отрасль. Ее развитие имеет свою интересную и длительную историю.

Точкой отсчета этой истории считается эвакуация в Чебоксары цехов Харьковского электромеханического завода и Ленинградского завода «Электрик» в декабре 1941 г. в условиях Второй мировой войны и немецко-фашистской оккупации части территории СССР [15]. Таким образом, генетически электротехническая отрасль Чувашии восходит к флагманам этого направления, возникшим еще на рубеже XIX–XX вв.

Дело в том, что электромеханический завод в Харькове возник в результате другой эвакуации – в период Первой мировой войны. В июле 1915 г. сюда перевезли оборудование Русско-Балтийского электротехнического завода, созданного в 1888 г. в Риге. Рижским предприятием владело легендарное Русское электрическое общество «Унион», созданное при участии бельгийских партнеров [12. С. 199]. В 1915 г. немецкие войска продвигались к Риге, поэтому царское правительство приняло решение о спешной эвакуации предприятия в Харьков, испытывавший тогда настоящий промышленный бум. После событий октября 1917 г. харьковский завод, начавший свою деятельность в 1916 г. в составе акционерного русского общества «Всеобщая компания электричества», получил название «Электросила № 1» (с 1925 г. – Харьковский электромеханический завод). Именно цеха этого завода и были в итоге переведены в Чебоксары. Следует отметить, что Харьковский электромеханический завод был настоящим гигантом. Его эвакуированные цеха не могли разместиться в одном городе, поэтому возникла целая сеть дочерних предприятий в Поволжье, Сибири и на Урале. В итоге на его базе возникли 19 новых заводов, один из которых положил начало электротехнической отрасли в Чувашии.

Первоначально в Чебоксарах оказались всего 477 работников Харьковского завода, но их основу составили высокопрофессиональные кадры, так как 445 человек из них имели 5–6-й, т.е. высшие, разряды в своей профессии. Их усилиями в кратчайшие сроки в Чебоксарах открылся завод специальной аппаратуры № 654. Военное время не допускало длительных перерывов в работе, поэтому уже 8 декабря 1941 г. завод выпустил свою первую продукцию, которая использовалась для последующего производства авиационной, танковой техники, а также военных кораблей.

В 1942 г. состав созданного предприятия был дополнен частью оборудования эвакуированного из Ленинграда завода «Электрик». Это потребовало новых изменений организационного характера, в частности, администрации предприятия пришлось внести дополнения в техническую документацию, так как ленинградские изделия внесли в номенклатуру продукции чебоксарского завода.

Сложности с освоением новой продукции никак не сказались на возросших темпах работы предприятия в военное время. Эффективность его деятельности поддерживалась титаническими усилиями коллектива инженеров и рабочих. Только за период 1942 г. Чебоксарский завод специальной электроаппаратуры дал стране 17 тыс. электромагнитных реле постоянного и переменного тока, всего же за период 1941–1945 гг. в Чувашии было произведено около 123 тыс. реле различного типа [10]. Уже в 1943 г. завод приступил к освоению новой продукции релейной защиты и автоматики. По сути это стало поворотным моментом в развитии всей отрасли в Чувашии. Именно в 1943 г. были заложены основы нового производственного направления, ставшего со временем традиционным для Чебоксарского электроаппаратного

завода. Эти разработки означали и тот факт, что завод, находясь в условиях военного времени, уже начал осваивать мирную продукцию [5].

Работу нового предприятия возглавил руководитель эвакуации Харьковского завода Яков Семенович Бенский, занимавший на прежнем месте должность начальника специального цеха. Первым главным инженером Чебоксарского завода специальной электроаппаратуры стал также уроженец Харькова Дмитрий Семенович Черничкин [11. С. 10].

Особенно большие заслуги в создании и освоении новой продукции имел начальник конструкторского бюро завода А.М. Бреслер. Арон Менделевич Бреслер был профессиональным электромонтажником, получившим основной производственный опыт еще в период новой экономической политики во время работы на частных предприятиях и московском заводе «Динамо». Больше десяти лет он трудился затем во Всесоюзном электротехническом институте, в стенах которого он превратился уже не просто в инженера, а в изобретателя, способного создавать собственные научные разработки. С этим опытом в 1933 г. он возглавил конструкторское бюро Харьковского электромеханического завода, а перед самым началом Великой Отечественной войны успел защитить диссертацию на тему «Защита статора генераторов при замыкании на землю» и стал кандидатом технических наук [2].

А.М. Бреслер был эвакуирован в Чебоксары с первой группой сотрудников Харьковского завода и сразу же занялся обновлением номенклатуры продукции созданного Чебоксарского завода специальной аппаратуры. В 1944 г., уже в должности заместителя главного конструктора по РЗА (релейной защите и автоматике), он сконструировал первое в стране многофазное реле для защиты высоковольтных линий электропередач «КРС-121» (комплектные реле сопротивления). Эти конструкции, только в обновленных модификациях, до сих пор востребованы по всей стране и за рубежом. Эти реле впоследствии так и стали называться по имени своего создателя – «реле Бреслера» [1. С. 77].

Вторым замечательным разработчиком-изобретателем был коллега А.М. Бреслера по Всесоюзному электротехническому институту Г.Ф. Эдельштейн. С 1933 г. он был инженером в конструкторском отделе Харьковского электромеханического завода и, как и А.М. Бреслер, был эвакуирован в Чебоксары. В коллективе Чебоксарского электроаппаратного завода он впоследствии проработает 36 лет, возглавив после своего старшего коллеги релейную лабораторию, а затем и центральную заводскую лабораторию.

В послевоенный период предприятие продолжило активно осваивать и развивать релестроение, создавая все новые и новые модели. Продукция завода регулярно получала высокие оценки научно-технического совета Министерства электротехнической промышленности СССР, внедрялась на других предприятиях страны в качестве единой всесоюзной серии. Ее использовали при строительстве метро в Ленинграде, при выполнении индивидуальных заказов для металлургических комбинатов и гидроэлектростанций. С 1956 г. завод впервые начал поставки своей продукции за рубеж: были разработаны модели реле в так называемом «тропическом исполнении» для установки на Бхилайском металлургическом заводе в Индии [6].

Таким образом, в 1950-е гг. в Чувашии по сути уже активно функционировал и развивался инновационный электротехнический кластер. Чебоксарский электроаппаратный завод в этот период был единственным предприятием в СССР, поставлявшим для хозяйственных нужд страны реле различного

назначения. Кроме Чебоксарского электроаппаратного завода в 1958 г. в городе открывается Чебоксарский завод электроники и механики (его строительство началось двумя годами ранее) [16]. Он стал второй производственной составляющей электротехнического кластера в республике. Как и его «старший брат» (ЧЭАЗ), новое предприятие с первых лет существования развивалось в тесной взаимосвязи с наукой. В 1960 г. на нем открывают специальное конструкторское бюро электронных агрегатов унифицированных систем, начинается производство различной приборной техники.

Для полноценной структуры кластера не хватало только научного исследовательского учреждения. Этот вопрос назрел, так как масштаб изобретений и разработок предприятия уже значительно превзошел рамки обычного конструкторского бюро.

В декабре 1960 г. первоначально на базе Чебоксарского электроаппаратного завода открылся Чувашский электротехнический научно-исследовательский институт. Институт быстро разрастался, и границы только одного предприятия очень скоро стали для него малы. С 1970 г. он стал Всероссийским научно-исследовательским институтом релестроения [14]. Причем мы можем легко увидеть здесь именно черты кластера, а не единичного учреждения. В 1961 г. в Чебоксарах создается Волжский филиал Московского энергетического института, занимавшийся подготовкой высокопрофессиональных кадров инженеров-энергетиков. Таким образом, сформировался комплекс вуз – производство – научно-исследовательский институт. В 1967 г. на базе Волжского филиала МЭИ был создан Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова [4. С. 6]. Это позволило продолжить совместную работу по развитию электротехнической отрасли в Чувашии на качественно более высоком уровне. Ряд новых разработок в этой области в 70–80-е гг. XX в. был сделан именно совместными усилиями специалистов Чебоксарского электроаппаратного завода, Всероссийского научно-исследовательского института релестроения и Чувашского государственного университета. В частности, в этот период был изготовлен комплект устройств релейной защиты для Асуанской гидроэлектростанции в Египте, начались поставки аппаратов релейной защиты на базе полупроводников, стали производиться крупноблочные комплектные щиты реле, комплектные трансформаторные подстанции и другое высоковольтное оборудование.

Рост потребностей общества в качественной электротехнике вызвал дальнейшее расширение электротехнических предприятий и рост ассортимента продукции. В 70-е гг., например, Чебоксарский завод электроники и механики производил 147 наименований различных механизмов, причем их ассортимент действительно был очень разнообразным: от широко внедрявшихся в СССР в тот период автоматизированных систем управления производством (АСУП) до первых игровых автоматов («Меткий стрелок» производился с 1975 г.). В результате роста предприятия в 1976 г. оно было преобразовано в производственное объединение «Промприбор». С 1985 г. объединение стало называться «Электроприбор», к этому времени на нем стали производиться уже и микропроцессоры [3].

Рос качественно и количественно и Чебоксарский электроаппаратный завод. В 1986 г. в состав этого предприятия, также ставшего к этому времени уже производственным объединением, вошел завод высоковольтной аппара-

туры в Ишлеях, созданный, в свою очередь, на базе ранее существовавшего машиностроительного завода [7].

В современный период электротехнический кластер Чувашии остается образцом для других отраслей экономики, ставящих себе целью создание инновационной модели развития. В электротехнической отрасли, например, произошел ряд организационных изменений, призванных обеспечить дальнейшую модернизацию и лучшее соответствие существующим в современной экономической модели реалиям.

В 1992 г. Всероссийский научно-исследовательский институт релестроения стал открытым акционерным обществом, существуя в таком виде и сейчас (полное название ОАО «Всероссийский научно-исследовательский, проектно-конструкторский и технологический институт релестроения с опытным производством»). Таким образом, нынешний институт является многофункциональным предприятием, занимаясь не только научно-исследовательской деятельностью в сфере релестроения, но и сервисным обслуживанием поставленного им оборудования. Выгодной стороной института, отражающей его постоянную способность к инновациям, остается возможность создания специальных конструкторских разработок, ориентированных на запрос потребителя.

Чебоксарский электроаппаратный завод в 1990-е гг. был переориентирован на создание низковольтных комплектных устройств, использовавшихся в энергетической отрасли и нефтегазовой промышленности. Этому способствовало то обстоятельство, что предприятие еще с 1970-х гг. разрабатывало низковольтные комплектные устройства для предприятий станкостроительной отрасли. С 1994 г. предприятие стало закрытым акционерным обществом. Новые успехи на нем начались в 2000-е гг. Завод начинает производить новые виды электрооборудования, в том числе выпускать и высоковольтную аппаратуру, цифровые устройства релейной защиты, а также релейные устройства для атомных и теплоэлектростанций. Так, например, крупнейшими потребителями чебоксарской продукции в этот период были теплоэлектростанции в Иране («Юсифия») и Индии («Обра»). С 2016 г. ЗАО «ЧЭАЗ» стало производить приборы для атомных морских судов, в частности ими были оснащены ледоколы «Арктика», «Сибирь», «Урал» и другие морские промышленные объекты.

Что касается Чебоксарского завода электроники и механики, то он в 1988 г. отделился от производственного объединения «Электроприбор». По сути это стало началом формирования собственной бизнес-структуры на базе завода. С 1995 г. стала действовать материнская компания – акционерное общество «Завод электроники и механики», вокруг которой образовались более 30 меньших по объему производства дочерних предприятия. Причем эти предприятия могли иметь различную форму собственности. В конце 1990-х гг. предприятие стало участником международного проекта Европейской экономической комиссии ООН – «Энергетическая эффективность – 2000». Поворотным моментом стал запуск в составе предприятия в 2007 г. цеха приборного производства «АБС Электро». В конце того же года завод получил современное название, под которым известен и сегодня – ОАО «АБС ЗЭиМ Автоматизация» [8]. Он входит в состав холдинга «Русэл», объединяющего ряд предприятий отрасли в Поволжье и на Урале, в том числе это заводы Казани, Уфы, Ижевска, Перми, Нижнего Новгорода. Продукция обновленного завода имеет хороший спрос на рынке электрооборудования и поставляется не только в постсоветские государства так называемого ближнего зарубежья, но и в европейские и азиатские страны.

Определенные организационные изменения произошли и в научно-исследовательской сфере. В 2004 г. было создано ООО «Исследовательский центр «Бреслер»». С самого начала он имел многоотраслевой характер, занимаясь не только исследованиями в области электротехники, но и производством электрооборудования, обучением специалистов в данной сфере. В 2012 г., например, в нем открылся собственный учебный центр для повышения квалификации соответствующих специалистов. С 2016 г. «Исследовательский центр «Бреслер»» стал называться «Учебный центр Релематика» [13].

Тем не менее имя отца-основателя чувашского релестроения А.М. Бреслера не исчезло. В Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова действует научно-производственное предприятие «Бреслер», созданное на базе научно-исследовательской лаборатории кафедры теоретических основ электротехники и релейной защиты и автоматики. Сотрудники данной лаборатории и кафедры участвовали во многих разработках релейных систем Чебоксарского электроаппаратного завода и ВНИИР еще в 70–80-е гг. XX в. Теперь же они создали собственное предприятие, располагая собственными возможностями для проведения исследования и выполнения производственных заказов. В 2014 г. «НПП Бреслер» стало уже научно-производственным комплексом, располагая необходимыми для этого собственными производственными площадями в 3500 м² [9].

Как уже отмечалось выше, наличие общих производственных, научных, учебных и бизнес-структур – неотъемлемая черта современной региональной инновационной системы. В этом отношении современная электротехническая отрасль Чувашии может продемонстрировать несколько примеров.

В частности, хорошие перспективы интеллектуальной капитализации имеет факультет энергетики и электротехники ЧГУ имени И.Н. Ульянова, действующий изначально в тесной взаимосвязи с Всероссийским научно-исследовательским институтом релестроения (ВНИИР). Изначальная цель создания этого факультета – решение проблемы нехватки кадров в сфере релестроения. ВНИИР и ЧГУ продолжают плодотворно сотрудничать друг с другом, в частности, заведующим кафедрой теоретических основ электротехники и релейной защиты и автоматики университета является директор ВНИИР профессор Г.С. Нудельман [4. С. 193]. Однако надо учитывать, что инновационное развитие отрасли, в свою очередь, предъявляет ряд требований заказчика к уровню подготовки кадров и потребует дальнейшего инновационного обновления процесса обучения специалистов.

Другим успешным примером в этой сфере можно считать открытие в этом же университете Научно-технологического парка «Чувашия» (Технопарк ЧГУ) [4. С. 221]. Инновационный центр Технопарка ЧГУ занимается обеспечением взаимодействия интеллектуального потенциала вузов, научных групп, ученых-специалистов с конструкторскими и исследовательскими центрами предприятий для реализации научных разработок; созданием информационной интернет-системы обеспечения процесса коммерциализации и внедрения в хозяйственный оборот научно-технических разработок и высоких технологий. В состав Технопарка «Чувашия» на ассоциированной основе входит ряд фирм, среди них, в том числе, и упоминавшееся выше Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственное предприятие «Бреслер»» (НПП «Бреслер»).

Тем не менее не рискуем утверждать, что даже в таком традиционном для республики кластере, как электротехнический, мы наблюдаем полное

благополучие в плане развития региональной инновационной системы. Мы специально в данном случае взяли наиболее позитивный пример, не являющийся абсолютно распространенным во всех отраслях экономики Чувашии. В целом развитие региональной системы, как и национальной инновационной, является проблемной зоной.

В целом процесс развития инновационного потенциала Чувашской Республики отражает изменение позиции органов государственной власти по данной проблеме на федеральном уровне. Другим обнадеживающим фактором является и то, что сегодня наблюдается прямая заинтересованность руководства учебных и научных заведений в успешных практических показателях работы в данном направлении.

Литература

1. Арон Менделевич Бреслер // Релейная защита и автоматизация. 2012. № 4. С. 76–77.
2. Бойко И.И. Бреслер Арон Менделевич [Электронный ресурс] // Чувашская энциклопедия. URL: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=1754> (Дата обращения: 08.07.2019).
3. 80-е годы. Невзгодам вопреки... [Электронный ресурс]. URL: <http://60.zeim.ru/history/80/> (Дата обращения: 09.09.2019).
4. Вязова О.Г., Галошьева О.Н., Данилов А.П., Иванова Т.Н., Идрисов Р.А., Краснова М.Н., Липатова И.А., Широков О.Н., Широкова М.А., Ялтаев Д.А. Полвека на ниве образования: к 50-летию ЧГУ имени И.Н. Ульянова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 374 с.
5. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. Р-1517. Оп. 9. Д. 4. Л.18.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-1517. Оп. 10. Д. 119. Л.14.
7. ГИА ЧР. Ф. Р-1517. Оп. 43. Д. 106. Л.22.
8. 2000-е. Новая жизнь в новой структуре [Электронный ресурс]. URL: <http://60.zeim.ru/history/2000/> (дата обращения: 09.09.2019).
9. История «НПП Бреслер» [Электронный ресурс]. URL: <https://bresler.ru/istoriya> (дата обращения: 19.09.2019).
10. История развития группы компаний «ЧЭАЗ» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cheaz.ru/company/story.html> (дата обращения: 09.07.2019).
11. Книжные знаки в собрании политехнической библиотеки. М.: Политехнический музей, 2015. Кн. I. 256 с.
12. Кузнецов И.Д., Петров Г.П. История Чебоксарского электроаппаратного завода. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1975. 280 с.
13. Сведения об образовательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://relema-tika.ru/obuchenie/svedeniya> (дата обращения: 09.07.2019).
14. Харитонова В.Г., Бочкарев В.Н. Всероссийский научно-исследовательский, проектно-конструкторский и технологический институт релестроения с опытным производством [Электронный ресурс] // Чувашская энциклопедия. URL: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=144> (дата обращения: 08.07.2019).
15. Харитонова В.Г. Чебоксарский электроаппаратный завод [Электронный ресурс] // Чувашская энциклопедия. URL: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=928> (дата обращения: 08.07.2019).
16. Харитонова В.Г. Чебоксарский завод электроники и механики [Электронный ресурс] // Чувашская энциклопедия. URL: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=2931> (Дата обращения: 08.07.2019).
17. Харламова Е.Е., Казарцева О.А. Институты развития в региональной инновационной инфраструктуре // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Сер. Экономические науки. 2015. № 4(223). С. 117–128.

ЯКОВЛЕВА ТАТЬЯНА ВАЛЕРИАНОВНА – генеральный директор, ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»», Россия, Чебоксары (info@interaktive-plus.ru).

ШИРОКОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (oleg_shirokov_1970@mail.ru).

ИДРИСОВ РУСТЕМ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ridrisov21@mail.ru).

T. YAKOVLEVA, O. SHIROKOV, R. IDRISOV
**MAIN STAGES IN THE HISTORICAL DEVELOPMENT
 OF THE ELECTROTECHNICAL CLUSTER IN THE CHUVASH REPUBLIC**

Key words: regional innovation system, electrotechnical industry, Cheboksary electric equipment plant, the Chuvash State University.

The article offers the results of studying the history of electrotechnical cluster development in the Chuvash Republic. The aim of the study is to identify the main stages in this industry formation in the region, to study its current state and prospects. Today, this industry is the most successful in promoting modern scientific and technical innovations. The electrotechnical industry in Chuvashia is an integral part of the regional innovation system. The history of its development begins with siting the enterprises evacuated during the Great Patriotic war in the Republic and continues in the modern period by formation of a rapidly growing scientific and technical cluster. The components of this cluster are now not only industrial enterprises, but research and educational organizations as well, an active role among which is played by the I.N. Ulianov Chuvash State University. The results of the study enable us to identify three key stages in the development of the electrotechnical cluster: evolution and formation of the cluster in the 40s of the 20th century; progressive development and expansion of products' nomenclature in the 50–70s; organizational changes and qualitative growth in the late 20th – early 21st century. Nevertheless, the authors note an increased problematical character of further development of the industry due to the level of modern requirements to the nature of innovative transformations. A high degree of relevance of the electrotechnical industry for the socio-economic development of the Chuvash Republic is preserved, it plays a leading role in forming the regional innovation system.

References

1. Aron Mendelevich Bresler [Aron Mendelevich Bresler]. *Releinaya zashchita I avtomatizatsiya*, 2012, no. 4, pp. 76–77.
2. Boiko I.I. Bresler Aron Mendelevich [Bresler Aron Mendelevich]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash Encyclopedia]. Available at: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&ink=1754> (Accessed 8 July 2019).
3. *80-e gody. Nevzgodamvopreki...* [80th. To adversities contrary]. Available at: <http://60.zeim.ru/history/80> (Accessed 9 September 2019).
4. Vyazova O.G., Galosheva O.N., Danilov A.P., Ivanova T.N., Idrisov R.A., Krasnova M.N., Lipatova I.A., Shirokov O.N., Shirokova M.A., Yaltaev D.A. *Polvekananiveobrazovaniya: k 50-letiyu ChGUimeni I.N. Ul'yanova* [Half a century on the field of education: to the 50 year of the Chuvash State University of I.N. Ulianov]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2017, 374 p.
5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-1517. Opis' 9. Delo 4. List 18* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-1517. Anagraph 9. Document 4. P. 18].
6. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-1517. Opis' 10. Delo 119. List 14* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-1517. Anagraph 10. Document 119. P. 14].
7. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-1517. Opis' 43. Delo106. List 22* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-1517. Anagraph 43. Document 106. P. 22].
8. *2000-e. Novaya zhizn' v novoi strukture* [2000th. New life is in a new structure]. Available at: <http://60.zeim.ru/history/2000/> (Accessed 9 September 2019).
9. *Istoriya «NPP Bresler»* [History of «NPP Bresler»]. Available at: <https://bresler.ru/istoriya> (Accessed 19 September 2019).
10. *Istoriya razvitiya gruppy kompanii «CHEAZ»* [History of development of group of companies «CHEAZ»]. Available at: <https://www.cheaz.ru/company/story.html> (Accessed 09 July 2019).
11. *Knizhnye znaki v sobranii politekhnicheskoi biblioteki. Kniga I* [Book signs in collection of polytechnic library. Book 1]. Moscow, 2015, 256 p.
12. Kuznetsov I.D., Petrov G.P. *Istoriya Cheboksarskogo ehlektroapparatnogo zavoda* [History of Cheboksary Electrical Apparatus Plant]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1975, 280 p.
13. *Svedeniya ob obrazovatel'noi deyatel'nosti* [Information about educational activity]. Available at: <https://relematika.ru/obuchenie/svedeniya> (Accessed 09 July 2019).
14. Kharitonova V.G., Bochkarev V.N. *Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii, projektно-konstruktorskii i tekhnologicheskii institut relestroeniya s opytnym proizvodstvom* [Russian research, design and technological institute of relay with an experience production]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash Encyclopedia]. Available as: <http://enc.cap.ru/?t=publ&ink=144> (Accessed 8 July 2019).

15. Kharitonova V.G. *Cheboksarskii ehlektroapparatnyi zavod* [Cheboksary Electrical Apparatus Plant]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash Encyclopedia]. Available at: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=928> (Accessed 8 July 2019).

16. Kharitonova V.G. *Cheboksarskii zavod ehlektroniki i mekhaniki* [Cheboksary Electronics and Mechanics Plant]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash Encyclopedia]. Available at: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=2931> (Accessed 8 July 2019).

17. Kharlamova E.E., Kazartseva O.A. *Instituty razvitiya v regional'noi innovatsionnoi infrastrukture* [Institutes of development in a regional innovative infrastructure]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPBGPU. Ser. Ekonomicheskie nauki*, 2015, no. 4(223), pp. 117–128.

YAKOVLEVA TATIANA – General Director, Center of scientific collaboration “Interactive plus” OOO, Russia, Cheboksary (info@interaktive-plus.ru).

SHIROKOV OLEG – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (oleg_shirokov_1970@mail.ru).

IDRISOV RUSTEM – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department for History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (ridrisov21@mail.ru).

Формат цитирования: Яковлева Т.В., Широков О.Н., Идрисов Р.А. Основные этапы исторического развития электро-технического кластера в Чувашской Республике // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 277–285.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Чувашского университета» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

- 1) *заявление автора на имя главного редактора;*
- 2) *анкета авторов;*
- 3) *ходатайство научного руководителя (для авторов статей, не имеющих ученых степеней).*

3. Авторы должны указать рубрику, в которой следует поместить статью.

4. Оформление статьи:

- 1) *классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК);*
- 2) *инициалы и фамилия авторов;*
- 3) *название статьи;*
- 4) *ключевые слова;*
- 5) *аннотация статьи;*
- 6) *название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;*
- 7) *ключевые слова на английском языке;*
- 8) *аннотация на английском языке;*
- 9) *текст статьи;*
- 10) *пристатейный библиографический список;*
- 11) *транслитерированный библиографический список References;*
- 11) *сведения об авторе.*

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

Текст статьи представляется в двух экземплярах с приложением файла в электронном виде.

5. Рисунки. Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

6. Формулы и буквенные обозначения по тексту. Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер 11 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий 5 пт.

Латинские буквы набираются курсивом, буквы греческого алфавита и кириллицы – прямым шрифтом, обозначения матриц, векторов, операторов – прямым полужирным шрифтом.

Формулы располагаются по центру страницы. Номер формулы ставится у правого края. Нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

При выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. Таблицы. Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовки выделяются полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

8. Список литературы. Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТом Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

9. Список References. Транслитерацию русского текста в латиницу следует производить в соответствии со стандартом BSI.

10. Сведения об авторах набираются полужирным шрифтом размера 10 пт **на русском и английском языках в именительном падеже** по следующей форме: *Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы, страна, город. Контактная информация (e-mail).*

11. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

13. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

СОДЕРЖАНИЕ**Андреев О.В.**

Сохранение памяти о военнослужащих СССР и Российской Федерации, погибших в локальных войнах и вооруженных конфликтах 1946–2009 годов 5

Андреев О.В., Широков О.Н., Ялтаев Д.А.

У истоков вмешательства во внутренние дела России: «суд» Сената США над Октябрьской революцией 1917 года 15

Андреев О.В., Широкова М.А.

Формирование и развитие нормативно-правовых основ сохранения памяти о Великой Отечественной войне в 1941–2019 годах 23

Анисимова Е.Ю., Канцерова И.Е.

Трансформация питания тюркоязычных народов Ульяновской области (на примере татар и чувашей) 35

Болдырев А.С.

Общественный транспорт г. Тюмень 1975–1985 годов в контексте городской среды: проблемы и пути решения 45

Григорьев А.В., Василенко О.В., Карпов А.В., Григорьев А.Д.

Историческая память студентов Чувашской Республики о периодах российской истории... 56

Григорьев В.С.

Научно-организаторская деятельность академика-кораблестроителя А.Н. Крылова в первой половине XX века 65

Егорова О.В., Дмитриева И.В.

Трансформация социальных институтов культуры на селе с советского периода до современности 73

Журавлева К.В., Халин А.А.

Политические партии России в избирательном процессе: исторический региональный аспект (2003–2016 годы) 84

Карпова О.В., Матюшин П.Н., Ткаченко Е.В., Широкова М.А.

Миграционные процессы в Чувашии в контексте конструирования этнокультурного взаимодействия местного населения с трудовыми мигрантами 92

Маньков А.В.

Малоизвестные страницы жизни и деятельности средневожского социалиста-революционера, историка и библиографа А.С. Полякова (конец XIX – первая четверть XX века) 99

Минеева Е.К., Тохтеева Л.Н.

Становление школьного образования на территории национального региона страны в первые годы советской власти: Чувашский край 115

Музякова А.Л., Николаева М.С., Плотникова Е.В., Романов В.В.

Восприятие трудовых мигрантов в Чувашской Республике: этнический аспект 124

Муравьева И.В., Павлова А.Н., Селиванова С.А., Шумилова О.В.

Гражданская и этническая идентичности студентов Чувашской Республики в историко-этнографическом контексте 132

Пьянзина Н.Н., Т.Н. Петрова, Шиленко О.В., Матвеева Н.А.

Содержание физического воспитания учащихся в Симбирской чувашской школе 140

Родионов В.Г. Василий Сбоев и Николай Золотницкий как мифологи-компаративисты	148
Салмин А.К. Первоисточники о чувашах в фондах архивов и музеев Санкт-Петербурга	160
Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиулина А.И. Развитие чувашского языка в сфере школьного образования в Башкортостане	169
Семенова И.Ю. Охрана материнства и детства в 20–40-е годы XX века (на материалах законодательных актов и событий)	183
Семенова И.Ю. Работа Всероссийских съездов деятелей по охране детства и ячеек общества «Друг детей» по укреплению и охране семьи в молодом Советском государстве	192
Семкин Д.Н. Значение творческого наследия Н.А. Римского-Корсакова в истории отечественной культуры	201
Сергеев Т.С., Агаева Е.В. Воспитание патриотизма у современной студенческой молодежи на примерах деятельности творческой интеллигенции Чувашии в годы Великой Отечественной войны	209
Сорокина О.Г. Деятельность тренеров студенческого спортивного общества «Буревестник» по развитию спорта высших достижений (70–80-е годы XX века)	221
Филонов А.А., Филонова А.Б. Развитие лесного хозяйства во 2-м Козьмодемьянском лесничестве Казанской губернии во второй половине XIX века	229
Харитонов М.Ю. Зарождение советского государственного контроля (ноябрь 1917 – май 1918)	244
Харитонов М.Ю., Харитонова С.Б. Формы и методы работы рабоче-крестьянских инспекций в Чувашии в 1929–1934 годах ..	262
Широков О.Н., Широкова М.А., Андреев О.В. Город как пространство памяти: мемориализация Великой Отечественной войны в названиях улиц г. Чебоксары	271
Яковлева Т.В., Широков О.Н., Идрисов Р.А. Основные этапы исторического развития электротехнического кластера в Чувашской Республике	277
Правила для авторов	286

CONTENTS

Andreev O. COMMEMORATING THE MILITARY OF THE USSR AND THE RUSSIAN FEDERATION DECEASED IN LOCAL WARS AND ARMED CONFLICTS IN 1946–2009	5
Andreev O., Shirokov O., Yaltaev D. AT THE ORIGINS OF INTERFERENCE IN INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA: "TRIAL" OF THE U.S. SENATE OVER THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917	15
Andreev O., Shirokova M. FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE LEGAL FRAMEWORK FOR COMMEMORATING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN 1941–2019	23
Anisimova E., Kantserova I. TRANSFORMATION OF NUTRITION AMONG TURKIC-SPEAKING PEOPLES OF ULYANOVSK REGION (ON THE EXAMPLE OF THE TATARS AND THE CHUVASH)	35
Boldyrev A. PUBLIC TRANSPORT IN THE TOWN OF TYUMEN IN 1975–1985 IN THE CONTEXT OF THE URBAN ENVIRONMENT: PROBLEMS AND SOLUTIONS	45
Grigoryev A., Vasilenko O., Karpov A., Grigoryev A. HISTORICAL MEMORY OF THE CHUVASH REPUBLIC STUDENTS ABOUT THE PERIODS OF RUSSIAN HISTORY	56
Grigoryev V. SCIENTIFIC AND ORGANIZATIONAL ACTIVITY OF ACADEMICIAN-SHIPBUILDER A.N. KRYLOV IN THE FIRST HALF OF THE 20 th CENTURY	65
Egorova O., Dmitrieva I. TRANSFORMATION OF SOCIAL CULTURAL INSTITUTIONS IN RURAL AREAS FROM THE SOVIET PERIOD TO THE PRESENT	73
Zhuravleva K., Halin A. POLITICAL PARTIES OF RUSSIA IN THE ELECTORAL PROCESS: HISTORICAL AND REGIONAL ASPECT (2003–2016)	84
Karpova O., Matyushin P., Tkachenko E., Shirokova M. MIGRATION PROCESSES IN CHUVUSHIA IN THE CONTEXT OF DESIGNING ETHNO-CULTURAL INTERACTION OF LOCAL POPULATION WITH LABOR MIGRANTS	92
Mankov A. LITTLE-KNOWN PAGES THE LIFE AND ACTIVITIES OF SREDNEVOLZHISKY SOCIALIST- REVOLUTIONARY, HISTORIAN AND BIBLIOGRAPHER A.S. POLYAKOV (END OF 19 th CENTURY – FIRST QUARTER OF 20 th CENTURY)	99
Mineeva E., Tokhtieva L. THE FORMATION OF SCHOOL EDUCATION IN THE NATIONAL REGION OF THE COUNTRY IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER: CHUVASH REGION	115
Muzyakova A., Nikolaeva M., Plotnikova E., Romanov V. PERCEPTION OF LABOR MIGRANTS IN THE CHUVASH REPUBLIC: ETHNIC ASPECT	124
Muravyeva I., Pavlova A., Selivanova S., Shumilova O. CIVIL AND ETHNIC IDENTITY OF STUDENTS OF THE CHUVASH REPUBLIC IN HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC CONTEXT	132
Pyanzina N., Petrova T., Shilenko O., Matveeva N. PHYSICAL EDUCATION OF STUDENTS IN SIMBIRSK CHUVASH SCHOOL	140
Rodionov V. VASILII SBOEV AND NIKOLAI ZOLOTNITSKY AS MYTHOLOGISTS-COMPARATIVISTS	148

Salmin A. PRIMARY SOURCE MATERIALS ON THE CHUVASH IN THE FUNDS OF ARCHIVES AND MUSEUMS OF ST. PETERSBURG.....	160
Safin F., Muhtasarova E., Khaliulina A. DEVELOPMENT OF THE CHUVASH LANGUAGE IN THE SCHOOL EDUCATION IN BASHKORTOSTAN	169
Semenova I. MATERNITY AND CHILD WELFARE IN THE 20–40s OF THE 20 th CENTURY (ON THE MATERIAL OF LEGISLATIVE ACTS AND EVENTS)	183
Semenova I. THE WORK OF ALL-RUSSIAN CONGRESSES OF LEADERS FOR CHILD WELFARE AND MEMBERS OF THE SOCIETY "FRIEND OF CHILDREN" TO STRENGTHEN AND PROTECT THE FAMILY IN THE YOUNG SOVIET STATE	192
Semkin D. SIGNIFICANCE OF N.A. RIMSKY-KORSAKOV'S CREATIVE HERITAGE IN THE HISTORY OF RUSSIAN CULTURE	201
Sergeev T., Agaeva E. CULTIVATION OF PATRIOTISM IN MODERN STUDENT YOUTH ON EXAMPLES OF ACTIVITIES OF CHUVASHIA'S CREATIVE INTELLIGENTSIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	209
Sorokina O. ACTIVITY OF COACHES OF STUDENT SPORTS SOCIETY "BUREVESTNIK" TO DEVELOP THE SPORTS OF THE HIGHEST ACHIEVEMENTS (70–80s OF THE 20 th CENTURY).....	221
Filonov A., Filonova A. DEVELOPMENT OF FORESTRY IN THE 2 nd KOZMODEMYANSKY FORESTRY SECTION OF KAZAN PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE 19 th CENTURY	229
Kharitonov M. THE BIRTH OF SOVIET STATE CONTROL (NOVEMBER 1917 – MAY 1918).....	244
Kharitonov M., Kharitonova S. FORMS AND METHODS OF WORKERS'AND PEASANTS' INSPECTIONS FUNCTIONING IN CHUVASHIA IN 1929–1934	262
Shirokov O., Shirokova M., Andreev O. A CITY AS A SPACE OF MEMORY: MEMORIZATION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE NAMES OF STREETS IN THE CITY OF CHEBOKSARY	271
Yakovleva T., Shirokov O., Idrisov R. MAIN STAGES IN THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE ELECTROTECHNICAL CLUSTER IN THE CHUVASH REPUBLIC.....	277
RULES FOR THE AUTHORS	286

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (16+)

Исторические науки

№ 4 2019

Редактор ***Н.И. Завгородняя***
Технический редактор ***Н.Н. Иванова***

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66541 от 21.07.2016 г.

Сдано в набор 01.10.2019. Подписано в печать 11.12.2019. Выход в свет 25.12.2019.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 25,6.
Тираж 200 экз. Заказ № 1456. Свободная цена.

Адрес редакции и издателя
428015, Чебоксары, Московский просп., 15

Типография Чувашского университета
428015, Чебоксары, Московский просп., 15